Б. П. Пальванова

ЭМАНСИПАЦИЯ МУСУЛЬМАНКИ

Б. П. Пальванова

ЭМАНСИПАЦИЯ МУСУЛЬМАНКИ

ОПЫТ РАСКРЕПОЩЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

9(с)
П14

Ответственный редактор
Т. С. САИДБАЕВ

Автор книги, первая туркменка — доктор исторических наук, профессор, академик, видный государственный и общественный деятель, обобщает опыт раскрепощения женщины советского Востока. На основе обширного фактического материала дается очерк истории эмансипации мусульманки: ее экономическое раскрепощение, мероприятия по культурному и идеологическому воспитанию в условиях перестройки отсталого патриархального общества с господствующей исламской идеологией.

П $\frac{0505030000\text{-}125}{013(02)\text{-}82}$ 9-82

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

ВВЕДЕНИЕ

Уникальный опыт раскрепощения женщины в нашей стране есть результат построения нового, социалистического общества и является первым в мировой исторической практике опытом такого рода.

Решение этой сложнейшей проблемы на отсталых окраинах бывшей царской России, не прошедших капиталистической стадии экономического развития, было чрезвычайно сложным делом, потребовавшим от Коммунистической партии мобилизации всех средств и сил, неустанной работы и максимальной гибкости, поскольку речь шла о перестройке всей системы отсталого общественного сознания.

Настоящая книга представляет собой попытку обобщения опыта эмансипации мусульманки на примере раскрепощения женщины советского Востока. Опыт этот представляет научное, теоретическое и международное значение, особенно в нашу эпоху, когда на путь независимого социалистического развития становятся многочисленные, прежде слабо развитые, нации, и прежде всего в мусульманском мире.

Положение женщин в обществе и семье на протяжении многих веков занимало умы прогрессивной части человечества.

Женский вопрос рассматривался основоположниками научного коммунизма как неотъемлемая часть теории общественного прогресса. Классовые корни его вскрыты в «Манифесте Коммунистической партии». Этой проблеме посвящены и многие работы К. Маркса, Ф. Энгельса, а также А. Бебеля.

Огромное значение решению женского вопроса придавал В. И. Ленин, внесший колоссальный вклад в теорию и практику раскрепощения трудящейся женщины.

В. И. Ленин посвятил этому свыше 70 своих работ. На заре XX в. он впервые известил мир о том, что раскрепощение трудящихся женщин является вполне осуществимым делом.

Раскрепощению трудящихся женщин советского Востока придавали важное значение выдающиеся деятели Коммунистической партии и Советского государства М. И. Калинин, В. В. Куйбышев,

М. В. Фрунзе, Н. К. Крупская, А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд, Е. Ярославский, Н. Нариманов, руководители Средазбюро ЦК ВКП(б), республик Средней Азии и Казахстана.

На него живо откликались выдающиеся поэты и писатели современности А. М. Горький, Ю. Фучик, Н. А. Тихонов, П. Павленко, Хамза Хаким заде Ниязи, Джамбул, Садриддин Айни, Берды Кербабаев, Мирзо Турсун заде, Молдо Тоголок, Шараф Рашидов, Чингиз Айтматов, Джамбул, Мухтар Ауэзов и другие.

В настоящее время мы можем уже говорить и о значительной советской литературе, специально посвященной истории разрешения женского вопроса как в СССР в целом, так и на советском Востоке.

В начале 50-х годов, когда автор настоящей монографии приступала к изучению истории раскрепощения женщины в Туркмении, она была по существу единственной исследовательницей истории раскрепощения мусульманки на советском Востоке и могла опереться лишь на статьи — публикации по истории раскрепощения женщины советского Востока виднейших участниц борьбы за это раскрепощение, таких, как С. Т. Любимова, Е. А. Росс, А. Нухрат, Л. А. Отмар-Штейн и другие [435—443, 470—471, 327—330, 320 и др.]. Этими публикациями 20—30-х годов начинается история изучения вопроса раскрепощения мусульманки Средней Азии.

Более широкое освещение эта тематика получила в послевоенные годы, особенно в 50-е. Именно тогда вышла работа В. Л. Бильшай [347], представлявшая собой попытку исследования общих закономерностей решения женского вопроса в нашей стране.

В это время вышли из печати серии книг воспоминаний выдающихся поборниц раскрепощения женщин. Это «Женщины в революции», «Славные большевички, участницы великого созидания», сборник документов «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана», содержащий интереснейшие источники из центральных и республиканских и местных архивов страны, а также сборник воспоминаний — «Пробужденные Великим Октябрем» [502].

С 60-х годов начинается широкое изучение истории вопроса в республиках Средней Азии. К основным работам этого периода относятся исследования В. Л. Бильшай (о раскрепощении женщин советского Востока в процессе перехода отсталых народов к социализму) [348], Х. С. Шукуровой («Социализм и женщина Узбекистана») [579], Ж. С. Татыбековой (о раскрепощении женщины-киргизки) [547, 548], М. К. Гафаровой («Духовный облик женщины советского Востока») [365], Р. Х. Аминовой («Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане» [323]) и др. Истории раскрепощения туркменки посвящен ряд работ автора настоящей монографии [478—495].

В последнее 20-летие вышло и немало работ, посвященных отдельным аспектам решения женского вопроса в СССР.

Однако есть еще немало вопросов в истории раскрепощения женщины в нашей стране, и в частности на советском Востоке, которые ждут своего разрешения. Исчерпывающая научная разработка многих вопросов поможет совершенствованию методов работы среди женщин на современном этапе как в нашей стране, так и в развивающихся мусульманских странах.

Мы затронули только основные достижения советской историографии решения женского вопроса в СССР, т. к. в настоящее время накопился уже достаточный материал для самостоятельных обширных работ на эту тему [см. библ. очерк в книге Р. Х. Аминовой].

Здесь нам остается сказать несколько слов об основных задачах данной работы.

Целью нашей было показать основные направленность, этапы, методы и формы раскрепощения женщин Средней Азии — этого ныне успешно завершившегося, беспрецедентного в мировой практике процесса.

В предлагаемой читателю книге речь идет об эмансипации женщин-мусульманок — основной массы трудящихся женщин советского Востока — узбечек, казашек, туркменок, таджичек, киргизок, каракалпачек.

Пестрый социальный мир достался Советской власти.

Буржуазные любители экзотики с незапамятных времен видели в женщине Востока беззаботных фей, счастливых таинственных красавиц гаремов восточных властелинов. А чудовищная действительность заключалась в том, что эти гаремы были очагами зла и разврата, кровавого насилия, дикого произвола и надругательства над женщиной.

На женщинах же труженицах мусульманского Востока, составляющих преобладающую массу женского населения, лежали тяжелые, многотрудные обязанности по хозяйству, которые по тяжести зачастую были не под силу и мужчине, кроме исполнения изнурительных обязанностей многодетной матери и обслуживания мужчин в семье. На женских плечах лежала вся работа по дому. Она готовила, шила, воспитывала детей. Даже юрта, в которой жила семья, за исключением ее деревянного остова, полностью создавалась женщиной: войлочные и камышовые покрытия ее производились женщиной.

Тяжелый труд в домашнем хозяйстве не исключал участия тех же женщин в производственной деятельности. Подавляющая часть женщин-мусульманок Средней Азии были дехканки и кочевницы. Женский труд широко применялся в сельском хозяйстве: в заготовке коконов, переработке животноводческих продуктов, в огородничестве, садоводстве. В хлопководческих районах Средней Азии 50—75% прибыли в бюджет семьи поступало от женского труда [303, ф. 3316, оп. 50, д. 4, л. 86]. А в скотоводческих районах женщина фактически вела все хозяйство. Мужчины уходили на пастбища, а женщины были заняты переработкой молока, шерсти,

мяса. Они изготавливали для семьи ковры, паласы, кошмы, одеяла и т. д.

Громадное большинство населения Туркестана жило в условиях натурального хозяйства и женщина все еще была оторвана от общественного производства. Замкнутые в узкий круг домашнего хозяйства, изолированные от общества, женщины Востока представляли наиболее закабаленную, косную, отсталую часть населения. Но ко времени Октябрьской революции женский труд начал проникать в промышленное производство Средней Азии, в отдельных районах которой в начале XX в. начали формироваться зачатки капитализма.

Проникновение капитализма и вовлечение женщин в общественное производство В. И. Ленин признавал прогрессивным явлением. «Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не „требуем" такого развития, не „поддерживаем" его, мы боремся против него. Но как боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим идти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и прочее, и дальше них к социализму!» [27, с. 136].

В 1914 г. в промышленности Туркестана было занято около 3 тысяч 700 женщин, в том числе 2 тысячи 400 женщин и 900 детей и подростков местных национальностей. Из этого числа работниц 90% были заняты на коконосушилках, 3% — на винодельческих и 1% — клееварных заводах.

Женский труд безжалостно эксплуатировался феодалами, баями, реакционным духовенством.

Тяжелое экономическое и зависимое семейное положение женщин было естественным состоянием женщин во всех классовых обществах. Спецификой же Средней Азии, определявшей особенности положения женщин этого района, было господство здесь исламской идеологии.

Ислам был не просто религией, но и регулятором всей жизни его последователей: общественной, экономической, семейной. Коран и шариат (мусульманское право) определяли все отношения, они освящали и обычаи коренных народов региона (адат).

Положение женщины и отношение к ней также целиком регламентировались положениями Корана и шариата. Основным, специфическим для среднеазиатской женщины статусом была полная, приниженная зависимость от мужчины, второсортность относительно него. Это равно распространялось и на ее общественное положение, и на экономическое, и т. д. Вот стихи (аяты) Корана о женщине:

«Ваши жены — нива для вас, ходите на вашу ниву, когда пожелаете...» (аят 223 суры 2).

«Завещает вам Аллах относительно ваших детей: сыну — долю, подобную доле двух дочерей...» (аят 12 суры 4).

«А те из ваших женщин, которые совершат мерзость, — возьмите в свидетели против них четырех из вас. И если они засвидетельствуют, то держите их в домах, пока не упокоит их смерть или Аллах устроит для них путь» (аят 19 суры 4).

«Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества... А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их...» (аят 38 суры 4).

Женщина Средней Азии вошла в XX век рабой своего отца, мужа, свекра, старшего брата, даже сына. Лучшим качеством женщины считалась молчаливость.

Ислам освятил и образ жизни мусульманской женщины, основой которого является затворничество.

Затворничество (содержание женщин в отдельных закрытых помещениях, недоступных для посторонних мужчин — ичкари), в том числе и элемент его — ношение ритуальной одежды, закрывающей лицо, шею, руки, свято соблюдалось в быту среднеазиатских народов до революции.

Шариат определял всю жизнь женщины от ее рождения (уже экономически неравноправной, ибо женщина наследовала не менее чем вдвое меньше мужчины, брата, например).

Глава шариата «О браках, совершаемых среди мусульман» гласит: «Совершеннолетними считаются мальчики 12 лет и девушки 9 лет... Не достигшие совершеннолетия мальчики и девушки могут быть соединены браком, не спрашивая их согласия, родителями и другими их волиями» (ст. 6, 4).

Расторгнуть брак можно было, и очень легко (см. [405]), но только по инициативе мужчины.

Разведенная женщина не имела права и на детей.

Шариат с дотошностью описывает и права и обязанности супругов. Вот некоторые его статьи:

«Жена должна жить на месте, указанном мужем» (ст. 2); «Жена не должна ходить, стоять и показаться к людям, свидание с которыми ей не дозволяется» (ст. 5); «Если она не имеет необходимости по шариату являться в публичные места, то таковые не должна посещать. Будь необходимо или нет, во всяком случае она не должна ходить без позволения мужа» (ст. 36).

Статьи Шариата не нуждаются в комментариях. Рабское положение мусульманки усугублялось нищетой трудового народа. Из уст старых поколений дошли до нас рассказы о лихих годах, когда умирающий с голоду бедняк отдавал баю малолетнюю дочь ради горшка зерна или крупы.

Одна из наиболее страшных исламских норм — многоженство. Коран разрешал мужчине иметь четыре жены. Духовенство же нередко разъясняло это право с помощью хитрой «арифметики»: мужчина имел право иметь число жен от сложения цифр — 1+2+3+4, т. е. 10. А туркменские муллы утверждали, что чело-

век состоит из 12 частей: ноги, руки, уши, голова и т. д., и на каждую из этих частей он может иметь по жене.

Многоженство подвергало унижению человеческое достоинство женщины, приводило к вражде и истязанию жен-парий. Жена из знатного рода и богатой семьи становилась деспотичной госпожой других, от чего особенно страдали беднячки и сироты, обреченные на полное порабощение.

Не выдержав этих пыток, женщины преждевременно умирали, трагически погибали. В Средней Азии распространено было самосожжение женщины. Хотя самоубийство правоверных мусульман и осуждается Кораном, женщины, даже фанатичные, решались на самосожжение, не выдержав пыток и издевательств, а власть, закон и религиозные привилегии были на стороне деспота-мужа.

Невыносимо тяжким был микроклимат феодальной семьи. Горестно, что истязания жен-париев организовывали сами женщины — мать мужа или его богатые жены. Антагонизм между женами порождался, с одной стороны, имущественным неравенством жен и разницей в их социальном происхождении, а с другой стороны до предела ограниченным в условиях затворничества и многоженства сознанием женщин, что в свою очередь порождало соперничество и вражду между самими женщинами за влияние на мужа.

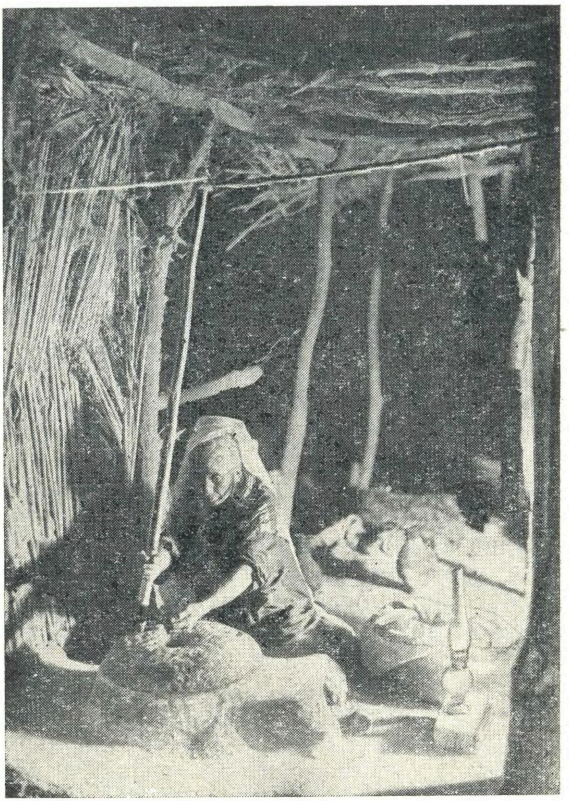
Многоженство было привилегией исключительно имущих классов, кулацких и байских элементов, наживавших капитал на эксплуатации бедноты, поскольку приобретение жены было связано в дореволюционной Средней Азии с ее покупкой. Многоженство стимулировало развитие калыма, укрепляло его и способствовало дальнейшему закабалению женщины и процветанию рабства.

Непосильный калым породил другой ужасный обычай — умыкание, насильственный угон девушки для замужества, совершавшийся помимо воли девушки, а часто и ее родных и сопровождавшийся насилием.

Такие же, зачастую тяжелые последствия имел порожденный Никях-Су (брачным правом на воду. — см. ниже) обычай «каршылык» — обмена между семьями дочерьми-невестами для сыновей. При этом также исключалась воля женщин. Этот обычай также приводил к тягостным последствиям — вражде между семьями в случае расторжения брака, к семейным раздорам у одной из сторон, к разрушению хозяйства дехканина.

В семейно-брачных дореволюционных отношениях некоторых среднеазиатских народов прочно жил и обычай «кайтарма» (возвращение). Невеста, прожив в доме мужа месяц, возвращалась к родителям и продолжала жить у них, пока сторона жениха сполна не выплачивала калыма. При несостоятельности мужа, нарушение брачных отношений продолжалось очень долго, иногда до 8—10 лет.

На протяжении многих лет, в дореволюционной Туркмении, например, практиковалась и так называемая даклма — наследствен-

Помол зерна в дореволюционной Средней Азии

ная женитьба, когда в случае смерти мужа вдова становилась женой своего деверя. Она переходила в его распоряжение со всеми детьми и имуществом, становясь второй или третьей женой. Еще сохранились в памяти старшего поколения советских женщин случаи, когда деверь оказывался мальчиком-ребенком, даже моложе детей вдовы; приходилось ей растить его вместе со своими детьми, а потом, считаясь по шариату его женой, позаботиться о его женитьбе еще раз. Обычай «даклма» связан непосредственно со стремлением имущих классов сохранять свои богатства.

Затворничество женщин в той или иной степени существовало у всех народов Средней Азии, окрашивало всю жизнь женщины. В наиболее строгой форме оно существовало у узбеков и таджиков. Затворничество женщин у кочевых народов — казахов, киргизов — имело более легкие формы, что связано с особенностями хозяйства и быта. Эти различные степени затворничества сказывались и в традиционной женской одежде.

Узбечки и таджички с 10-летнего возраста носили паранджу

с чачваном (чимматом). Паранджа — закрывала женщину с головы до ног. На лицо и грудь опускалась черная густая сетка из конского волоса, которая называется у узбечек чачван, а таджичек — чиммат. Из-за чачвана, особенно в жару, женщина обливалась потом, задыхалась от духоты, теряла зрение, преждевременно слепла. И грудного ребенка она вынуждена была носить под паранджой и сеткой, что причиняло немалый вред здоровью ребенка.

Казашки, киргизки, кара-калпачки носили чапан, жигде, арабек, особенно нелегким был головной убор.

Затворническая традиционная одежда женщины жестоко подавляла в ней все живое, не давая ей возможности дышать свежим воздухом, глядеть на белый свет. Все это было жестоко и неразумно. Облаченная в эти одежды, запертая в ичкари, женщина была полностью изолирована от общества, лишена всякой экономической самостоятельности и обречена на жестокую эксплуатацию.

Затворничество лишало женщину возможности общаться с внешним миром, она не могла появляться на рынке, вступать в деловые отношения с мужчинами. Ей был доступен только единственный вид труда — домашний. Даже продукцию своего собственного труда женщина могла сбывать только через скупщиков.

Тяжелые последствия для народов Средней Азии имели ранние браки.

Установленный Кораном и шариатом ранний брачный возраст для девочек еще более снижался по прихоти ханов, эмиров, баев. Девочки, насильно отбираемые у родителей в подарок эмиру бухарскому, считались зрелыми, если они не падали от удара яблоком. У туркмен, киргиз и других кочевых народов девочка, если она не падала от удара шапкой из бараньей шкуры, также считалась созревшей для продажи замуж.

В аулах и кишлаках брачная сделка практиковалась между родителями вскоре после того, как рождались дети. Но этим шариатским законом больше всего пользовались имущие классы, ибо женить своих сыновей, в том числе малолетних, могли те, кто имел возможность уплатить калым.

От ранних браков страдали и мальчики и девочки, но последние переносили раннее супружество более тяжко. Малолетние браки приводили к самым тяжелым последствиям, уродовали женщину в детском возрасте и физически и морально, приводили к психическим расстройствам. Малолетняя жена физиологически не была подготовлена к материнству и многие из них умирали от родов, будучи сами детьми.

Будучи, по понятиям мусульманина-мужчины существом низшим, будучи к тому же купленной им, женщина в семье не пользовалась никакой самостоятельностью — ни имущественной, ни нравственной. Она являлась лишь собственностью своего мужа и его семьи в самом прямом смысле этого слова. Неслучайно в дорево-

люционной Средней Азии бытовали такие вот пословицы и поговорки: «У женщины не может быть воли, а у раба — поминок», «Бей жену 3 раза в день, если она ускользнет, бей хотя бы то место, где она сидела», «Женщина без мужа, что лошадь без узды», «Три вещи хороши, пока свежи и молоды — жена, лошадь и мясо», «Сын — богатство, дочь — обуза» и т. п.

Таково было положение трудящейся мусульманки в дореволюционной Средней Азии. Порожденное господствовавшими там социально-экономическими отношениями, регламентированное исламом, оно казалось очень прочным. Однако особенно, и действительно, прочно было оно в сознании общества. И именно это составило главную трудность в годы борьбы за эмансипацию тружениц Средней Азии; и потому потребовались специфические формы и методы борьбы за женщину-труженицу советского Востока. Этому и посвящена настоящая монография.

В программе Коммунистической партии, принятой II съездом партии в 1903 г., в числе ближайших политических задач ставились требования всеобщего, равного и прямого избирательного права для всех граждан и гражданок, уничтожения сословий и полного равноправия всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности [105, ч. I, с. 40]. Но еще раньше, в конце 1899 г., по поводу проекта программы группы «Освобождение труда» о пересмотре всего гражданского и уголовного законодательства В. И. Ленин сделал следующее замечание: «Сюда следовало бы добавить: установление полного равенства прав женщин с мужчиной» [72, с. 219].

В противоположность буржуазному лозунгу о равноправии вообще В. И. Ленин выдвинул известные исторические лозунги: «свобода для угнетенного пола», «свобода для угнетенного класса», «свобода для угнетенной нации», т. е. равноправие полов, равноправие для трудящихся масс, равноправие наций и народов.

В дополнение к этим основным требованиям партии В. И. Ленин выдвигал задачи по облегчению положения женщин в сфере материального производства. При этом В. И. Ленин указывал, что облегчение положения женщин является непременным условием охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, развития его способностей в освободительной борьбе.

В связи с этим В. И. Ленин требовал еще весной 1917 г.:

— воспрещения женского труда в тех отраслях промышленности, где он вреден для женского организма, воспрещения женского ночного труда, освобождения женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время при оказании бесплатной медицинской помощи и помощи медикаментами;

— устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей и помещения для кормления матерью ребенка, освобождения женщин, кормящих грудью, от работы не реже чем через каждые три часа с перерывом не менее получаса, выдачи пособия кормящим матерям и сокращения рабочего дня для них до 6 часов [58, с. 439].

Эти ленинские принципы о женском равноправии осуществились с победой Великой Октябрьской социалистической революции, с приходом трудящихся к власти.

Советская власть уравняла женщину в правах с мужчиной. По совершенно новым, действительно равным для женщины и мужчины, законам стали теперь решаться вопросы брака, развода, положения внебрачных детей.

Первая Советская Конституция узаконила равноправие женщины с мужчиной в обществе. В ней говорилось, что правом избирать и быть избранными в Советы пользуются независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п. граждане обоего пола, коим ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет.

Уже в первые дни существования Советской власти был принят ряд декретов, направленных на раскрепощение женщины. Так, 16 декабря 1917 г. был опубликован декрет «О расторжении брака», ликвидировавший привилегированное положение мужчины при расторжении брака [265, № 10, с. 150]. 18 декабря 1917 г. был издан декрет Совета Народных Комиссаров и ВЦИК Советов Российской Федерации «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», который гласил, что Российская республика впредь признает лишь гражданские браки, а церковный брак наряду с обязательным гражданским объявлялся частным делом брачащихся. Дети внебрачные уравнивались с брачными относительно прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям. В случае отказа отца внебрачного ребенка от отцовства матери ребенка, опекуну его или самому ребенку декретом предоставлялись права судебным порядком доказать отцовство. Предусмотрено также привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в даче ложных показаний в отцовстве и материнстве [265, № 11, с. 161—163].

Эти декреты Советской власти имели огромное значение для действительного раскрепощения женщины, для повышения ее политической и производственной активности. Они уравнивали женщину в правах с мужчиной в семье, в вопросах брака и развода и в отношении прав к детям. То, о чем мечтала женщина веками — быть в семье и в обществе равноправной с мужчиной, было впервые в истории человеческого общества осуществлено Советской властью.

В конце 1917 и в начале 1918 г. были изданы декреты об охране и обеспечении материнства и младенчества, о равной заработной плате женщине за равный труд с мужчиной, об охране женского и детского труда, об организации общественного питания для детей [268, с. 9, 13—45].

Эти вопросы занимали исключительно большое место в деятельности Советского государства. Ленинской заботой о судьбе юного поколения, будущих строителей коммунизма, проникнуты важнейшие постановления об охране детства и юношества.

Советской властью были навсегда упразднены буржуазные институты, суды и тюрьмы для детей и юношей. Заботу об охране материнства и младенчества и юношества Советское государство

приняло на себя, для чего были проведены неотложные мероприятия в общегосударственном масштабе.

В числе этих мероприятий большое место заняла государственная охрана женского и детского труда. Были запрещены ночная, сверхурочная и подземные работы для женщин. Для матери-работницы установлен отпуск на 8 недель до и 8 недель после родов. Введен перерыв для нее на время кормления ребенка через каждые 3 часа не менее чем на полчаса [265, № 56, с. 671].

О значении этих декретов Советской власти в области установления женского равноправия в обществе и в семье В. И. Ленин писал:

«Большевистская советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью» [42, с. 139].

В первые годы Советской власти декреты и мероприятия партии и правительства по раскрепощению женщины проводились в масштабе всей страны, кроме областей, охваченных интервенцией и гражданской войной, где практическая работа по раскрепощению женщин местных национальностей развернулась несколько позже. Однако велика была роль общесоюзных мероприятий, проведенных в эти военные годы по осуществлению советских законов о женском равноправии в обществе и в семье.

К числу общественно-политических мероприятий, проведенных партией в данной области, относится Первая конференция работниц, состоявшаяся в ноябре 1917 г. в Петрограде.

Вслед за этим, с 16 по 21 ноября 1918 г., в Москве состоялся I Всероссийский съезд работниц и крестьянок, в котором приняло участие 1147 делегаток. Сам факт созыва съезда работниц и такое большое их представительство свидетельствуют об огромной заботе Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина о вовлечении женщин в общественно-политическую жизнь страны.

На съезде обсуждались насущные вопросы осуществления советских декретов о женском равноправии. Были приняты резолюции по вопросам о семье, о роли женщины в производстве, об охране и условиях применения женского и детского труда, об обеспечении матери и ребенка, о задачах коммунистического воспитания трудящихся женщин. Съезд обсудил также вопрос о борьбе с проституцией — тяжелым наследием капитализма.

Съезд признал необходимым создание в партийных комитетах отдела, занимающегося вопросами работы среди работниц и крестьянок.

Съезд прошел под лозунгом политического просвещения и активного участия работниц и крестьянок в революционной борьбе

за укрепление диктатуры пролетариата, за строительство нового, бесклассового коммунистического общества.

19 ноября 1918 г. на I Всероссийском съезде работниц и крестьянок выступил Владимир Ильич Ленин. В своей речи великий вождь подчеркнул огромное значение съезда. Оно определялось тем, что съезд представляет собою женскую часть пролетарской армии, и тем, что женщины во всех странах мира труднее всего включались в революционное движение.

В. И. Ленин поставил задачи по осуществлению советских законов о равноправии женщины с мужчиной, отметил трудности и сложности выполнения этих задач, показал пути практического их выполнения.

Вопрос о привлечении женщин к хозяйственному строительству ставился на VIII Всероссийском съезде Советов, состоявшемся 23—29 декабря 1920 г. Проведение единого общехозяйственного плана, восстановление промышленности, транспорта и сельского хозяйства, как отмечено в постановлении съезда, возможны лишь при целесообразном использовании женских трудовых сил, составляющих половину населения Советской республики. Съезд признал необходимым привлечение работниц и крестьянок во все экономические органы, разрабатывающие и осуществляющие общехозяйственный план [265, № 1, с. 11].

Итак, Октябрьская революция подрезала корни векового бесправия женщины, не оставив камня на камне от крепостнических законов феодализма и капитализма, открыла широкий путь для фактического раскрепощения миллионов трудящихся женщин в масштабах всей страны, в том числе и мусульманок советского Востока.

Исторические заветы В. И. Ленина о раскрепощении трудящихся женщин, первые советские декреты о женском равноправии и первые мероприятия партии и государства по их претворению в жизнь имели огромное революционизирующее, политическое и практическое значение на советском Востоке.

После победы Октябрьской революции В. И. Ленин много внимания уделял раскрепощению женщины советского Востока. Именно по инициативе В. И. Ленина в трудное для молодой Советской страны время ЦК РКП(б) принял решение о созыве первого Всероссийского съезда трудящихся женщин Востока.

По получении вести об этом ЦК КП Туркестана циркулярным письмом известил все обкомы партии о созыве в Москве Всероссийского съезда женщин Востока, приуроченного ко II конгрессу Коммунистического Интернационала [300, ф. 60, оп. 1, д. 866, л. 3]. Одновременно сообщалось о созыве III Коминтерном в Баку 15 августа 1920 г. съезда народов Востока [300, ф. 60, оп. 1, д. 866, л. 4].

26 октября 1920 г. состоялось совещание отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б) по работе среди женщин восточных на-

родностей, принявшее решение о созыве конференции женщин народов Востока [304, ф. 17, оп. 10, д. 40, л. 3].

Вскоре после совещания отдел работниц и крестьянок письмом за № 1047 от 23 декабря 1920 г. сообщил, что 1 марта 1921 г. в Москве созывается первый беспартийный съезд женщин Востока. Порядок дня: 1) текущий момент; 2) Советская власть и женщина Востока; 3) правовое положение женщин Востока раньше и теперь; 4) кустарное производство и женщина Востока; 5) охрана материнства и младенчества; 6) народное образование и женщина Востока. Далее в письме говорилось, что после съезда созывается совещание работников женотделов, на котором будут разработаны методы и планы работы среди женщин Востока [300, ф. 60, оп. 1, д. 866, л. 3—15].

Несколько позже срок съезда был перенесен на лето 1921 г. Это изменение было вызвано иностранной военной интервенцией и гражданской войной и связанной с ними хозяйственной разрухой и продовольственным кризисом.

Для подготовки съезда было создано организационное бюро, куда входили ответственные работницы отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б) и женотделов местных комитетов партии Туркестана, Закавказья, Крыма, Поволжья и др. Организационное бюро провело большую работу по подготовке к съезду [304, ф. 17, оп. 1, д. 145, л. 1—144].

Первое совещание коммунисток — организаторов женщин Востока советских областей и республик, созванное организационным бюро по подготовке к Всероссийскому съезду женщин Востока, состоялось в Москве 5—7 апреля 1921 г. На нем присутствовало 45 коммунисток Туркестана, Азербайджана, Башкирии, Крыма, Кавказа, Татарии, Сибири и ряда губерний с тюркским и горским населением.

Участницы совещания обратились к В. И. Ленину с письмом-приглашением. В ответ В. И. Ленин прислал следующую телеграмму: «К глубокому сожалению, неотложная работа не позволяет мне присутствовать на вашем совещании. Горячо приветствую и шлю свои лучшие пожелания успеха в работе и особенно в работе по подготовке предстоящего первого Всероссийского беспартийного съезда женщин Востока, который, правильно подготовленный и проведенный, несомненно, сыграет громадную роль в деле пробуждения сознания и организационного объединения женщин Востока» [70, с. 162].

Телеграмма В. И. Ленина воодушевила участниц совещания, обсудившего вопросы экономического и правового положения женщин Востока, формы и методы организации работы среди них.

На совещании с докладом по организационному вопросу («О задачах женотделов») выступила выдающаяся деятельница международного женского движения, заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б) А. М. Коллонтай. В резолюции, принятой по докладу А. М. Коллонтай, признавалось необходимым

поставить и развить работу среди женщин восточных народов по тем же методам и соответственно по тем же формам, по каким эта работа ведется Коммунистической партией и в остальных частях трудовой республики, применяясь к местным и национальным особенностям.

Еще раз была подтверждена правильность организации и необходимость существования женотделов (см. [623, V—VI, 1921, с. 63]).

Лучшим способом собирания сил распыленной, не вовлеченной в общественную и политическую жизнь массы женской бедноты, говорилось в резолюции, являются женские клубы, которые должны стать школами самодеятельности женских масс, первой ступенью вовлечения их в советскую работу и воспитание их в духе коммунизма. Для кочующих народов клубы должны носить характер передвижных. Лозунгом женотделов должно быть: «Через клубы к делегатским собраниям и к вовлечению женщин в партию». Особое внимание обращалось на необходимость инициативы в работе среди женщин, вовлечения их в работу народных судов, загсов и т. д.

Совещание признало необходимым не только развить работу женотделов среди женщин, но и влиять на общественность в смысле усиления борьбы с предрассудками по отношению к женщине, укоренившимися в мужском населении. Женотделы должны помогать партии воспитать мужскую часть пролетариата и крестьянства в духе истинного гуманизма и признания единства интересов обоего пола.

Совещание предложило Центральному отделу войти с ходатайством в Центральный Комитет с просьбой обратить специально внимание местных комитетов на воспитание в указанном духе мужчин-коммунистов [623, V—VI, 1921, с. 63—64].

В резолюции совещания коммунисток — организаторов женщин Востока по докладу З. Бурнашевой о задачах работы среди женщин народов Востока в связи с их экономическими и культурно-бытовыми особенностями говорилось: «Работа среди женщин народов Востока должна вестись в трех основных направлениях:

1. В основу работы женщин народов Востока должно быть положено экономическое раскрепощение, проводимое путем привлечения кустарниц в соответствующие артели, в профсоюзы, а также путем пропаганды идей к самораскрепощению, указывая при этом, что такое может быть достигнуто путем систематической и организованной борьбы с пережитками рабского состояния.

2. В основу культурно-просветительной работы должна быть положена организация школ, клубов и других культурно-просветительных учреждений.

3. Коммунистическое воспитание женских масс путем использования всех видов агитации и пропаганды идей коммунизма и практического участия женщин в советском строительстве. Все указанные мероприятия могут быть успешно выполнены в том слу-

чае, если к непосредственной работе широко будут привлекаться представители самих трудящихся масс народностей Востока.

Женотделы должны руководить работой молодых работников из среды коммунисток народов Востока, внимательно прислушиваясь ко всем практическим предложениям, вносимым ими на основании опыта и знания среды, а также помогая в их осуществлении» [304, ф. 17, оп. 10, д. 9, л. 13].

Итак, за основу форм и методов работы среди женщин Востока совещание признало целесообразным брать женские клубы, производственные артели и пр., куда женщина могла бы приходить и участвовать в культурно-просветительной работе и наглядно учиться строительству тех форм новой жизни и быта, которые действительно способствуют ее всестороннему раскрепощению (см. [623, 1925, № 3, с. 7]).

Первое Всероссийское совещание коммунисток — организаторов женщин Востока приняло обращение к работницам и крестьянкам Советской России.

В заключение работы совещания его участницы направили письмо В. И. Ленину с заверением решительно бороться за пробуждение и организационное объединение женщин Востока, т. е. за осуществление задачи, поставленной перед ними вождем [640, 10.IV.1921].

Первое совещание представительниц женотделов восточных советских областей и республик явилось важнейшим мероприятием по дальнейшему развертыванию борьбы за раскрепощение женщины советского Востока, в том числе и Туркестана.

Вследствие интервенции и хозяйственной разрухи Всероссийский съезд женщин Востока так и не состоялся. Но уже факт переноса четыре раза срока его созыва показывает, как ЦК РКП(б) стремился провести этот съезд, несмотря на все трудности. Мероприятия же, проведенные в связи с подготовкой к съезду, внесли значительное оживление в работу среди женщин восточных республик и областей. Не будет преувеличением утверждение, что она, эта работа, и положила начало борьбе за эмансипацию мусульманок.

В связи с подготовкой к съезду местные партийные организации развернули массовую разъяснительную работу среди населения: женотделы решили подготовить женскую мусульманскую массу для созыва беспартийных конференций. Проводились собрания для выбора делегаток на беспартийные конференции.

Оживление работы среди женщин местных национальностей вызвало свирепое сопротивление со стороны еще не разбитых эксплуататорских классов и реакционной части мусульманского духовенства, которые провоцировали недовольство и волнения местного населения, прибегали к террору. Это было рассчитано на то, чтобы сорвать женские конференции и съезд, запугать веками угнетенных тружениц актом насилия [300, ф. 60, оп. 1, д. 1792, л. 77]. Однако, на какие бы насилие и провокации не шли баи, мул-

лы и басмачи, им не сорвать было начавшегося политического пробуждения трудящихся женщин Востока. Зверства басмачества и байства еще более усилили ненависть к ним широких слоев трудящихся и породили еще большую симпатию к Советской власти.

Ярким подтверждением этого является проведение на территории Туркестана в 1921 г. краевой, 6 областных, 12 городских и 18 уездных беспартийных конференций, в которых участвовало свыше тысячи женщин местных национальностей. На конференциях избирались делегатки на I Всероссийский съезд женщин Востока, заслушивались доклады руководящих партийных и советских работников, отделов народного образования, юстиции и др. о раскрепощении женщин, о советском строительстве, о политических задачах и т. д.

Мероприятия по подготовке к I Всероссийскому съезду женщин Востока сыграли важную роль в осуществлении задачи политического пробуждения женщин восточных национальностей [300, ф. 60, оп. 1, д. 1759, л. 37—39].

6 декабря 1920 г. состоялось III Всероссийское совещание по работе среди женщин. Во время его заседаний действовала и секция по работе среди женщин Востока. Эта секция приняла постановление следующего содержания:

Великая Октябрьская социалистическая революция, освободившая рабочий класс России и русских работниц от ига капитала, открыла возможность раскрепощения и угнетенных женщин народов Востока. Могучее освободительное движение по раскрепощению женщин коснулось и их. Перед отделом работниц на местах встает задача руководства этим движением, направления его по революционно-пролетарскому руслу, учитывая все экономические и культурно-бытовые особенности жизни восточных женщин.

В своей работе среди женщин Востока отделы на местах ставили следующие конкретные задачи:

— Широкое привлечение неорганизованных беспартийных масс женщин Востока к коммунизму через вовлечение их в советское строительство путем ознакомления с основами программы Коммунистической партии, митингов и т. д.

— Усиление политической и культурно-просветительной работы среди женщин Востока путем массовой организации школ и ликвидации общей и политической безграмотности, открытия клубов, библиотек, народных домов и т. д.

— Широкая устная и письменная пропаганда среди народов Востока идей экономического и политического раскрепощения женщин Востока.

— Широкое массовое вовлечение восточных женщин в экономическое строительство через местный орган Советов [304, ф. 17, оп. 10, д. 5, л. 105].

Когда окончательно стало известно, что I съезд женщин Востока не состоится, ЦК КП Туркестана из-за плохо работавшей

связи не успел оповестить об этом местные партийные и советские органы, и в Ташкент съехались делегатки, избранные на съезд. Среди них были такие первые отважные поборницы эмансипации мусульманок Средней Азии, как узбечки Шамсикамар Гаибджанова, ташкентская актриса Турсун-ой, Тамара-ой Ахматшаева, Туфа-ой Саламатова из Самарканда, бухарская комсомолка Зайнаб Хисматова, казашки Турсунбаева, А. Уразбаева, С. Есова, киргизки Т. Усманова, К. Уметалиева, туркменки Ш. Караджаева Амандурсун Чиль-кизы и другие работницы первых женских городских артелей, батрачки и беднячки из кишлаков и аулов Средней Азии [502, с. 22, 101]. Это были представительницы поколения женщин, родившихся и выросших в дореволюционной Средней Азии в условиях безропотного, рабского подчинения мужу, отцу, брату, хану, баю, мулле. Они впервые отважились оставить домашний очаг. Это был подвиг.

ЦК КП Туркестана принял мудрое решение отправить этих женщин в Москву гостями: нельзя было возвращать их обратно, ибо байство, басмачество и реакционная часть духовенства не преминули бы истолковать это возвращение в свою пользу и во вред делу эмансипации. Принимая такое решение, ЦК КПТ учитывал, каких моральных и физических усилий стоил делегаткам отъезд из родных мест, выход из их ичкари. И наконец, эта поездка в Москву имела огромное значение для решения задач эмансипации, для политического пробуждения женщин советского Востока.

В партийных архивах содержатся сведения о 86 делегатках, но в воспоминаниях очевидцев их 78 (возможно, часть их почему-либо осталась в Ташкенте). Сопровождать делегацию в Москву было поручено инструктору женотдела Юлии Михайловне Кисловой, коммунистке с 1920 г., которая принадлежит к первому отряду выдающихся русских коммунисток поборниц раскрепощения женщин советского Востока. Вот что пишет Ю. М. Кислова в своих воспоминаниях об этой поездке: «Многие женщины ехали в поезде впервые, а так далеко не ездил никто из них... при каждом гудке они вздрагивали и испуганно оглядывались, а иные, оттянув ворот платья, дули себе на грудь, отгоняя „нечистую силу“». В большинстве это были работницы кустарных артелей, представлявшие в то время наиболее организованную часть женщин Средней Азии.

В составе делегации были и молодые коммунистки и комсомолки. Русские коммунистки, сопровождавшие делегацию со своими помощницами-переводчицами, каждый день в каждом вагоне проводили политические беседы, которые неизменно заканчивались расспросами о Ленине: мысли и взоры их были направлены к Москве.

«О Ленине, — вспоминает Ю. М. Кислова, — женщины расспрашивали чаще всего. И за каждым из вопросов стояло не простое любопытство, а трогательнейшая любовь и симпатия... Для женщин Туркестана Владимир Ильич был прежде всего добрым ге-

нием, боровшимся за счастье женщин и детей, верным и неизменным их заступником и защитником. Помню, как одна из наших старух-узбечек торжественно сказала, что Ленина послал бог. Ее дружно поддержали другие женщины: „Перед Лениным, как перед своим отцом, можно снять паранджу“» [502, с. 28—30].

13 июня 1921 г., к вечеру, делегатки Средней Азии прибыли в Москву. Разместили гостей Туркестана на Божедомке, в третьем Доме Советов, где до последнего времени находился Совет Министров РСФСР. «Как раз в дни приезда делегаток, — пишет Ю. М. Кислова, — в Москву съезжались делегаты на III Конгресс Коминтерна и на улицах встречались оживленные, смеющиеся товарищи — англичане и французы, немцы и американцы, индусы и иранцы. Как-то встретившись на улице с нашими женщинами, два делегата вежливо сняли шляпы и, посторонившись, стоя с обнаженными головами, дали им дорогу. Вечером об этом случае много говорили.

Женщины интересовались, как работают коммунисты за границей, и возмущались полицейскими преследованиями» [502, с. 36].

13 июня 1921 г., в день приезда в Москву, делегаток пригласили на заключительное заседание II Международной конференции коммунисток, руководимой Кларой Цеткин и А. М. Коллонтай. А 16 июня 1921 г. (выдающаяся дата в истории эмансипации женщин советского Востока) исполнилась самая заветная мечта делегаток Туркестана: они встретились с Владимиром Ильичем Лениным. Эта историческая встреча никем не записана, поэтому может быть восстановлена лишь по воспоминаниям участников. Вот как о ней пишет Ю. М. Кислова:

«Как было решено еще в вагоне во время бесед о Ленине, все стояли с открытыми лицами. Каждая по-своему волновалась...

— Приехал!..

— Товарищи женщины! От имени Совнаркома и ЦК, — сказал Ленин, — приветствую вас от всего сердца!

Он пробежал взглядом по притихшим и внимательным лицам своих слушательниц и продолжал, подняв правую руку и отсекая ею фразы:

— После трех с половиной лет неслыханно тяжелой войны на нашей земле не осталось ни одного солдата вражеских армий. Этого мы добились!.. Самое тяжелое позади, но переход к миру происходит в тисках нужды, нищеты, разорения, неурожая и отчаяния, в тисках голода. Мы должны по-новому организовать и наше хозяйство, и отношения между рабочими и крестьянами...

— Здесь нам и нужна больше всего помощь женщин, а женщины — это половина трудящихся. Республике нужна ваша помощь, товарищи женщины!

Конечно, только несколько слушательниц понимали все, о чем говорил Ленин, часть просто догадывалась и только представляла общий смысл его слов, а остальные видели, что Ленин зовет их к каким-то большим делам, чувствовали, что он зовет их как рав-

ных, как своих товарищей, и это поднимало их в собственных глазах... Передайте же всем женщинам Туркестана, что мы ждем их помощи!» (см. [502, с. 38—41]).

Владимир Ильич Ленин выразил сожаление по поводу отмены съезда женщин Востока и высказал уверенность, что съезд в недалеком будущем состоится и что он сыграет большую роль в деле пробуждения сознания и организационного объединения женщин Востока. В. И. Ленин выразил свою радость по поводу пребывания женщин Туркестана в революционной Москве: это показывает, что революция охватывает все новые и новые пролетарские массы и дело революции победит во всем мире.

Простое, дружеское отношение Ленина глубоко тронуло женщин, взволновало их, многие плакали от счастья.

Делегатки Туркестана пробыли в Москве 10 дней. Они побывали на большой фабрике, где более полутора тысяч работниц шили обмундирование для Красной Армии. Гостям из Средней Азии показали выставки по охране материнства и младенчества, где они прослушали лекцию о правильном воспитании детей. Они с изумлением осмотрели детский сад и ясли, участвовали в детском празднике, устроенном в их честь детским клубом.

Работники женотдела городского подрайона Москвы устроили в честь делегаток Туркестана торжественное собрание. В своих непривычных для европейцев нарядах делегатки Туркестана присутствовали на военном параде, устроенном в честь III конгресса Коминтерна. Особенно сильные впечатления произвели на них отряды вооруженных работниц. В этом они увидели высшее проявление равноправия, революционной сознательности женщин, их героизм. Ш. Гаибджанова от имени делегаток-восточниц выступила с речью на Красной площади, высказав благодарность Красной Армии за освобождение Туркестана и раскрепощение женщин Востока.

Настало время отъезда туркестанок из Москвы. Накануне вечером к ним пришла А. М. Коллонтай — заведующая женотделом Центрального Комитета партии. В первые же минуты между ними установилось полное понимание, хотя, казалось бы, что могло быть общего между одной из образованнейших и культурнейших деятелей Советского государства и несколькими десятками неграмотных, скажем прямо, не имеющих понятия о культуре женщин, затворниц далекого «варварского» Востока. Не было и общего языка — беседа велась через переводчиков.

Они понимали друг друга с полуслова. Они были дочерьми одной партии, гражданами одного, Советского государства, которое с первого же дня своего существования уничтожило полностью классовые и национальные привилегии и перед всеми народами поставило одну цель — борьбу за общее счастье.

Очень многое увидели делегатки Туркестана в Москве, многое поняли, многому научились у своих сестер — русских пролетарок и увезли с собой этот неоценимый опыт революции.

За 10 дней они прошли целую школу. Неизмеримо расширился их кругозор, окрепло чувство собственного достоинства, выросло их политическое самосознание, углубилось понимание целей и задач Советской власти и Коммунистической партии. Перед ними открылся новый, ими неизведанный мир, открылись широчайшие горизонты, огромное поле благородной деятельности во имя счастья всех трудящихся женщин и их детей.

Навсегда запечатлели они в своей памяти бессмертный образ великого Ленина. Имя его они понесли как знамя в своей нелегкой революционной борьбе за раскрепощение веками угнетенных женщин, его именем разили своих врагов, с именем Ленина они побеждали.

Вспоминая о первых годах работы партии среди женщин Средней Азии, С. Т. Любимова пишет: «Вся работа по раскрепощению женщин Средней Азии неразрывно связана с именем Ленина.

Это имя знала каждая делегатка двадцатых годов и несла его в среду неграмотных, забитых, покрытых паранджой женщин. Приезжая на съезды, женщины кишлаков и аулов стремились приобрести портреты В. И. Ленина и хранили их как самую дорогую реликвию.

Однажды ко мне явилась узбечка, спасавшаяся от преследования со стороны баев своего кишлака. Паранджа ее носила следы крови, лицо вспухло от багрово-синих кровоподтеков. Ее избили и пригрозили убийством, если она не прекратит свою агитацию среди женщин. Дрожавшими от волнения руками женщина достала далеко спрятанный на груди платочек, развязала туго затянутый узелок и вынула портрет Ленина...

Эта женщина побывала на II краевом съезде дехканок, и все, что там слышала о новой жизни, передавала как рассказ о Ленине. Портрет Ленина в ее руках был неопровержимым свидетельством правоты ее слов, и женщины верили ей, а муллы и баи негодовали.

В отдаленнейшие глухие уголки, расположенные у границ Китая, Афганистана, Ирана, доходили вести о новых законах, и когда женщины спрашивали, кто это так много сделал для них, им отвечали:

„Ленин и Советская власть“» [436, с. 77—78].

Руководствуясь великими заветами Ленина о раскрепощении женщин, указаниями ЦК РКП(б), партийные организации развернули огромную работу по политическому пробуждению трудящихся женщин, по подъему их культуры и самому широкому вовлечению их в ряды активных строителей первого в мире социалистического государства.

Знаменательно, что именно во время пребывания в Москве представительниц Средней Азии, 14 июня 1921 г., в Ташкенте впервые в истории был принят декрет ЦИК Туркестана об отмене калыма, а спустя 3 месяца, 29 сентября 1921 г., Совнаркомом Киргизии принят декрет «О приданом, жасау и брачных подарках

у киргиз» — в защиту имущественных прав киргизок, казашек, а ЦИК и СНК Киргизии — декрет «Об отмене калыма у киргиз». 9 ноября 1921 г. СНК Киргизии принял декреты «О принуждении женщин к супружеству у киргиз», «О наказуемости многоженства» (см. ниже).

Из забитых, безмолвных рабынь женщины Средней Азии становились активными поборницами эмансипации своих сестер. Сами трудящиеся женщины советского Востока становились активной силой, опираясь на которую партия и государство приступили к осуществлению исторических заветов В. И. Ленина о женском равноправии в обществе и в семье.

ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ЭМАНСИПАЦИИ МУСУЛЬМАНКИ

ПЕРВЫЕ ДЕКРЕТЫ ТУРКЕСТАНА

Из-за иностранной интервенции и гражданской войны эмансипация трудящихся женщин в Средней Азии началась несколько позже, чем в других районах страны, а именно в 1919—1920 гг. Разгромив под руководством большевиков, с помощью русского народа силы контрреволюции, трудящиеся Туркестана полностью восстановили к началу 1920 г. Советскую власть в крае. В сентябре этого года в результате победоносного народного восстания было свергнуто господство бухарского эмира и провозглашена Бухарская Народная Советская Республика. На месте низверженного Хивинского ханства была образована Хорезмская Народная Советская Республика.

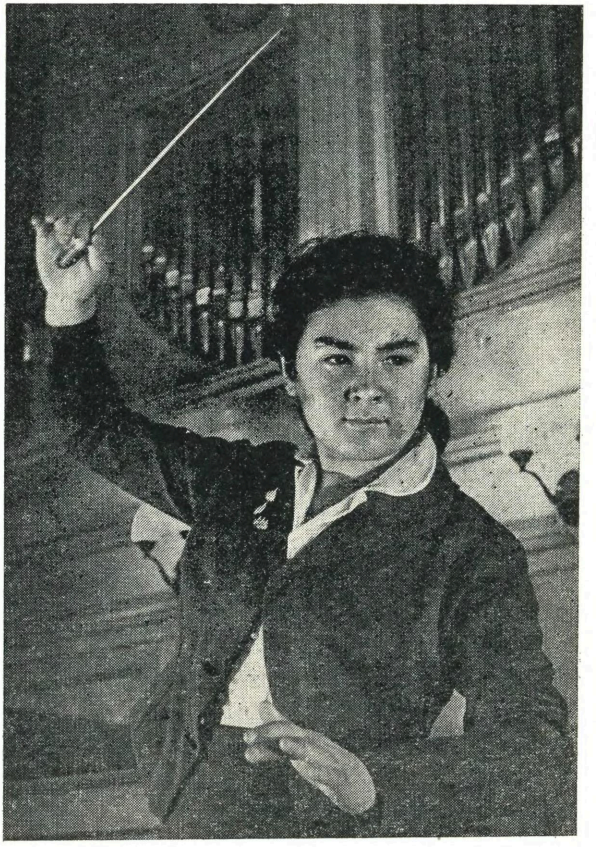
В образовании национальной государственности в Средней Азии и в ее законодательной деятельности основополагающей явилась Декларация прав народов России, принятая 2 (15) ноября 1917 г. «Октябрьская революция, — говорилось в ней, — началась под общим знаменем раскрепощения...

Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [126, с. 114].

Затем 22 ноября 1917 г. было опубликовано «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока», принятое СНК РСФСР:

«...Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете на это право. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [126, с. 114].

Дилобар Абдурахманова, выпускница Ташкентской консерватории

Программой многогранной деятельности Советской власти, всех коммунистов Средней Азии явилось письмо В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана».

Эти исторические документы и первые советские декреты о женском равноправии явились основополагающими в деятельности коммунистов советского Востока по раскрепощению женщины, влачившей здесь на протяжении многих веков жалкое существование рабыни. И именно ввиду тяжелых форм векового порабощения женщины-мусульманки в Средней Азии, как и в ряде других национальных краев и областей, издавались специальные законы о раскрепощении женщины.

Первой Конституцией Туркестанской Советской Социалистической Республики, принятой VI Туркестанским съездом Советов в 1918 г., узаконено равноправие женщины и мужчины в обществе.

Параграф 33 гл. VII Конституции гласил: «Правом избирать и быть избранными пользуются независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п. следующие обоего пола граждане Российской социалистической федеративной Советской республики, коим ко дню выборов исполнилось 18 лет» [300, ф. 60, д. 5, 1918, л. 8].

Впервые в истории народов Средней Азии женщине Востока были предоставлены равные с мужчиной права в обществе, в управлении государством. Это был величайший революционный акт, возвестивший начало новой эры в жизни восточной женщины.

Исторические заветы В. И. Ленина, первые советские декреты о женском равноправии, первая Конституция советского Туркестана встретили горячую поддержку у всех коммунистов, передовых рабочих, крестьянской бедноты, прогрессивной интеллигенции и молодежи Советского Востока.

Первые съезды туркестанской, казахской и киргизской бедноты рассмотрели насущные, злободневные вопросы советского и хозяйственного строительства. Были приняты и резолюции по «женскому вопросу». Съезды бедноты потребовали запрещения в законодательном порядке многоженства и вступления в брак лиц, не достигших совершеннолетия, высказались за допуск женщин к обучению во все учебные заведения наравне с мужчинами.

Но необходимы были уже и специальные законы об эмансипации мусульманки. Без них нельзя было практически пользоваться всеми великими правами, предоставленными женщине Октябрьской революцией, Советской властью. Поэтому вскоре после съездов бедноты, 14 июня 1921 г., ЦИК Туркестанской ССР издал декрет (№ 67), направленный на эмансипацию женщины-мусульманки. Вот его полный текст:

«Озабочиваясь ограждением женщин-киргизок и туркменок, честь и человеческое достоинство которых грубо попираются существованием пережитка старины „калыма“ (особого выкупа), уплачиваемого женихом родителям или родственникам невесты, низводящего киргизок и туркменок до положения товара, продаваемого за деньги, и ставя брак в зависимость от материального положения, способствующего закреплению власти богатеев, с одной стороны, с другой — обрекающего бедноту на вечное безбрачие, Центральный Исполнительный Комитет Советов постановил:

1. Со дня опубликования настоящего декрета воспрещается родителям невесты, родственникам или лицам, их заменяющим, принимать, а жениху, родственникам его или лицам, их заменяющим, уплачивать в какой бы то ни было форме и под каким бы то ни было видом (подарка, займа и проч.) „калым“, устанавливающий обязательство выхода невесты замуж за заплатившего „калым“ жениха.

2. Сделки, договоры и соглашения о „калыме“, а равно и совершенное в обход запрещение настоящего декрета признаются недействительными во всем их объеме и не пользуются правом

судебной защиты, кроме случаев, указанных в ст. 3 и 4 этого декрета.

3. „Калым", уплаченный до опубликования настоящего декрета, если брак состоялся, возврату не подлежит.

4. В тех случаях, когда в целом или в частности „калым" уплачен, а брак не состоялся, „калым" возвращается по требованию лица, уплатившего его, в течение 6 месяцев со дня опубликования настоящего декрета, при установлении принадлежности истца к классу трудящихся.

5. Для заключения браков требуется только добровольное соглашение брачащихся, достигших брачного возраста: для мужчины 18 лет, а для женщины — 16 лет, наличность здравого ума и отсутствие препятствий со стороны родства (Кодекс законов о брачном и семейном праве, 66—70 ст.).

6. Виновные в нарушении какого-либо постановления этого декрета подлежат, независимо от гражданских последствий своего деяния, привлечению к ответственности в уголовном порядке.

7. Местным властям вменяется в обязанность особо строго следить за соблюдением требований этого декрета, под угрозой судебной ответственности» [300, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 51].

Как видно из его содержания, декрет носил еще ограниченный характер и не распространялся на женщин-мусульманок других национальностей, живущих в Туркестане, кроме киргизок и туркменок. Но, несмотря на это, значение его для первых лет Советской власти было очень велико. 14 июня 1921 г. стало памятной датой в жизни женщин-мусульманок советского Туркестана: впервые в их многовековой истории порабощения был обнародован декрет, запрещающий куплю-продажу их, как товар; принятие декрета означало отмену девятилетнего брачного возраста для девочек и двенадцатилетнего — для мальчиков, узаконенных на протяжении многих веков; отмену платы за невесту и установление зрелого брачного возраста для обоих полов, признание брака как добровольного соглашения сторон наносили решительный удар по вековечным устоям феодально-патриархальных основ семейных отношений.

Вслед за этим были приняты декреты Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики и постановление Закаспийского областного исполнительного комитета.

29 сентября 1921 г. Совнаркомом Киргизии (в то время Киргизией назывался Казахстан) был принят декрет «О приданом, жасау и брачных подарках у киргиз», направленный на защиту имущественных прав киргизок. Ст. 1 декрета гласит: «Приданое, т. е. дар, который невеста по случаю выхода замуж получает лично для себя от своих родителей или родственников деньгами, скотом, одеждой и различными предметами домашнего обихода, признается имуществом, составляющим ее неотъемлемую собственность, хотя бы самый брак впоследствии прекратился разводом

супругов или смертью одного из них» [300, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 82].

Как видно, этот декрет также носил несколько умеренный характер, но уже значительно ограничивал перепродажу женщин местных национальностей.

Затем Киргизским ЦИК и СНК был принят декрет «Об отмене калыма у киргиз». Калым был признан вредным пережитком киргизского быта, унижающим честь и достоинство киргизской женщины и превращающим ее в рабыню, и подлежал отмене. Сделки, договоры и соглашения о калыме были признаны недействительными и лишены права судебной защиты. Как видно, эти статьи соответствовали декрету ЦИК Туркестанской ССР. Далее, за нарушение декрета устанавливалась конфискация калымного скота и прочего калымного имущества в двойном размере у лиц, его получивших, и лишение свободы для обеих сторон до одного года [300, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 85].

Как декрет «Об отмене калыма у киргиз», так и последующие декреты Киргизии были направлены на усиление карательных мер в отношении лиц, применяющих насилие над женщинами вопреки законам о женском равноправии.

9 ноября 1921 г. Совнарком Киргизии принял декрет «О принуждении женщин к супружеству у киргиз». Согласно этому декрету принуждение женщины выйти замуж вопреки ее воле и согласию, а также к отказу помолвленной невесты от своего жениха и замужеству с другим лицом, принуждение замужней женщины к разводу со своим мужем карались лишением свободы до 5 лет с тюремным заключением. Таким образом, нарушение советских законов о равноправии женщины с мужчиной в обществе и в семье приравнивалось к уголовному преступлению.

Рассмотрение дел о нарушении декретов о равноправии женщины народными судьями наносило серьезный удар по престижу судов казиев (шариатских), служивших защите интересов эксплуататорских классов, сохранению порабощения женщины-мусульманки.

В декрете «О наказуемости многоженства», принятом Совнаркомом Киргизии, многоженство также признавалось уголовно наказуемым деянием и каралось заключением нарушителя декрета в дом лишения свободы сроком до 1 года. Эта мера пресечения многоженства распространялась и на женщину, вступающую заведомо добровольно в брак с женатым мужчиной. К уголовной ответственности привлекались также и должностные лица, регистрирующие в отделах загса браки мужчины с несколькими женами, и другие лица, потворствующие многоженству. Дела по многоженству подлежали рассмотрению народными судьями с участием двух заседателей [300, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 84].

В подтверждение декрета ЦИК Туркестанской республики от 14 июня 1921 г. Закаспийский областной исполнительный комитет 2 августа 1921 г. принял постановление об отмене калыма, в кото-

ром воспроизводилось содержание декрета ЦИК Туркреспублики.

Спустя два года декретом № 2 ЦИК Туркестанской республики от 4 января 1923 г. был еще раз подтвержден декрет № 67 от 14 июня 1921 г. об отмене калыма и признана необходимость внесения соответствующего дополнения в Уголовный кодекс РСФСР к гл. IX [300, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 1].

Итак, первая Конституция Туркестанской ССР и декреты об отмене калыма и повышении брачного возраста, о запрещении многоженства, о принуждении женщин к супружеству и др., принятые Советской властью на местах, узаконили равные с мужчиной права женщины-мусульманки в обществе и в семье.

Впервые за многовековую историю народов Средней Азии женщина Востока получила равные с мужчиной права во всех областях общественной, политической и хозяйственной жизни и в семье; юридически навсегда было покончено с законами шариата и адата, низводившими женщин до положения рабынь.

В законодательстве о женском равноправии сказалась классовая природа Советского государства как государства рабочих и крестьян. Принятием этих законов партия и правительство проявляли исключительную заботу о судьбе женщины-труженицы и оказывали ей самую широкую поддержку в борьбе против феодально-байского насилия. Революционное законодательство устанавливало новое отношение к женщине, основанное на гуманности и высоком уважении. Женщина — гражданка и мать бралась под защиту государства.

Декреты правительства советского Туркестана нанесли первый сокрушительный удар по устоям патриархально-феодальных отношений и по реакционным догмам мусульманской религии. По своему значению декреты эти могут стоять в одном ряду с важнейшими декларациями Советской власти, направленными на уничтожение социального и национального гнета, ибо и те и другие сыграли выдающуюся революционизирующую роль в исторической судьбе народов Средней Азии, в политическом пробуждении широких слоев трудящихся масс, в том числе женщин-мусульманок.

Как в принятии советских законов о женском равноправии, так и в их осуществлении руководящей и направляющей силой явилась Коммунистическая партия Туркестана — неразрывная часть и боевой отряд большевистской партии.

Принятие декретов о женском равноправии было лишь началом многогранной деятельности партийных, советских, государственных органов по раскрепощению женщины Востока, по высвобождению ее из-под влияния эксплуататорских классов и мусульманского духовенства и превращению ее в активную созидательную силу нового, бесклассового общества, новой, социалистической семьи, основанной на любви и уважении полов, на их равных и гуманных взаимоотношениях.

Как уже говорилось, декреты ЦИК Туркестанской республики об отмене калыма были несколько ограниченными. Они касались

лишь киргизок и туркменок, тогда как калым существовал и у узбеков, и у таджиков, и у казахов, и у каракалпаков, т. е. у всех народов Средней Азии. То же можно сказать и о декрете о запрещении калыма, принятом Киргизской АССР, и о декрете-постановлении по Закаспийской области. Существовал также разнобой в применении мер социальной защиты. Поэтому возникла необходимость издания нового, более полного закона об отмене калыма, обязательного для всех национальностей, живущих на территории Туркестанской республики. Вот что писал по этому поводу женотдел ЦК КП Туркестана 30 октября 1923 г.: «Женотдел ЦК КПТ считает, что калым должен быть отменен для всех национальностей Туркреспублики, применяющих калым, т. е. для узбекской, киргизской, туркменской, уйгурской и др. национальностей. В декрете же за № 67 от 14 июня 1921 г. калым отменен только для киргизской и туркменской национальности. Считая, что калым возможно в 1923 г. отменить для всех национальностей, Женотдел ЦК КПТ просит декрет за № 67 пересмотреть и решить согласно мнения Центрального Женотдела» [300, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 42; ф. 17, оп. 1, д. 529, л. 24].

В 20-е годы законодательная деятельность Советской власти в Средней Азии протекала в очень сложных условиях. Новые законы по вопросам брака, семьи, имущественных прав женщины были связаны с коренной ломкой бытового уклада и с нарушением религиозных норм адата и шариата, регулировавших личную и общественную жизнь коренного населения. Поэтому первые же попытки изменить старые законы встретили бешеное сопротивление со стороны феодально-байских элементов, упорно отстаивавших свои классовые интересы.

Надо иметь в виду и то обстоятельство, что шариатские суды, созданные здесь в 90-х годах XIX столетия, продолжали действовать и в первые годы Советской власти. Их действия ограничивались лишь правом трудящихся обжаловать решение шариатского суда в советском народном суде.

Партийные, советские органы, исходя из этих реальных условий, вырабатывали гибкие методы работы по эмансипации мусульманок.

При Народном комиссариате внутренних дел Туркестанской ССР в ноябре 1922 г. была создана особая Комиссия для согласования кодекса законов об актах гражданского состояния с обычным и шариатским правом. Комиссия состояла из представителей наркоматов внутренних дел и юстиции, ученого совета наркомпроса, представителей от киргиз, узбеков, туркмен и женотдела ЦК КП Туркестана [304, ф. 17, оп. 1, д. 531, л. 15; д. 528, л. 72—74].

В работе этой комиссии по ряду позиций Кодекса законов о правах женщин были серьезные колебания, и она пошла на некоторые компромиссы. Так, например, комиссия настаивала на повышении брачного возраста для девушек лишь до 15 лет, разре-

шала регистрацию браков в загсе в отсутствие невесты и даже допускала двоеженство.

Естественно, это вызвало бурю негодования у представителя женотдела ЦК КП Туркестана, принимавшего активное участие в работе комиссии. Женотдел ЦК КП Туркестана занял принципиальную позицию в защиту прав женщин-мусульманок и добивался разработки ясного законодательства. Об этом говорилось в докладной записке в Исполбюро ЦК КПТ от 7 августа 1923 г. [304, ф. 17, оп. 1, д. 531, л. 15; д. 528, л. 72—74].

Женотдел ЦК КПТ в докладной записке писал, что ранний брак разрушает здоровье женщины и здоровье будущего поколения, что при наличии 99% неграмотных женщин местных национальностей и насильственной выдачи замуж так называемое письменное согласие невесты на регистрацию брака будет в большинстве случаев вынужденным или фиктивным. Женотдел указывал, что личная явка невесты явится одной из мер борьбы за женское равноправие, что двоеженство есть многоженство. Женотдел ЦК КПТ настаивал на принципиальном решении этих вопросов [304, ф. 17, оп. 1, д. 531, л. 15].

Исполбюро ЦК КП Туркестана отнеслось исключительно чутко к письму женотдела ЦК КПТ и приняло соответствующие меры. 16 августа 1923 г. в женотделе ЦК КПТ было проведено совещание с участием представителей ЦК комсомола, обкома КПТ, союза «Кошчи», отдела агитации и пропаганды ЦК КПТ, женотдела Ташкентского уездного комитета партии. На совещании была заслушана информация представителя женотдела ЦК КПТ Кроль о согласовании кодекса законов об актах гражданского состояния с правом по шариату и адату. Участники совещания пришли к решению ставить данный вопрос на обсуждение на более компетентном совещании и высказывались за установление обязательного брачного возраста — 16 лет для девушек и 18 лет для юношей, за запрещение многоженства и за установление обязательной явки невесты на регистрацию [304, ф. 17, оп. 1, д. 528, л. 26].

Вслед за этим 27 августа 1923 г. в ЦК КП Туркестана состоялось совещание ответственных краевых работников Туркестана по вопросу о согласовании кодекса законов об актах гражданского состояния с обычным мусульманским правом по шариату и адату, где было решено установить брачный возраст для лиц коренного населения: для женщин — 16 лет, для мужчин — 18 лет, признана обязательность явки жениха и невесты в отдел регистрации браков в тех местах, где имеются загсы; для кочевников установлена обязательная регистрация по возвращении из кочевки к месту жительства. Также было поручено наркомату юстиции выработать законоположение об отмене калыма повсеместно в Туркестане.

Вместе с тем совещание признало допустимость регистрации браков при наличии письменного согласия невесты и при нежелании ее по бытовым условиям явиться в загс.

Совещание также согласилось с многоженством для мужчин коренного населения и поручило женотделу ЦК КП Туркестана с ЦК комсомола, наркоматом юстиции разработать положение об исключительных случаях, допускающих многоженство [304, ф. 17, оп. 1, д. 528, л. 24].

После такого широкого обсуждения и в духе рекомендации этого совещания ЦИК Туркестанской республики в сентябре 1923 г. (эта дата — сентябрь 1923 г. — используется нами потому, что 27 августа состоялся Совет, а 3 сентября принято постановление ЦК КПТ, значит, между ними состоялось постановление ЦИК Туркестана) принял постановление «Об изменениях некоторых статей Кодекса законов об актах гражданского состояния в области брачного и семейного права».

Допущение в кодексе закона двоеженства (многоженства), даже в исключительных случаях, как было оговорено, противоречило ленинским принципам равноправия полов в обществе и в семье. Поэтому совершенно справедливо ЦК КП Туркестана отверг позиции о двоеженстве, о 15-летнем брачном возрасте для девушек и о регистрации браков при условии письменного согласия невесты.

Исполком ЦК КП Туркестана 8 сентября 1923 г., в основном одобрив это постановление ЦИК Туркреспублики, вместе с тем признал необходимым и рекомендовал ЦИК внесение некоторых изменений в указанное постановление, а именно установить брачный возраст для лиц коренного населения: для женщин — 16 лет, для мужчин — 18 лет; отменить § 7 о допустимости многоженства. По § 8 установить обязательность регистрации браков для лиц коренного населения и явки жениха и невесты в отдел регистрации гражданских актов, за редким исключением регистрации в отсутствие невесты при обязательности наличия письменного согласия невесты на брак и нежелания ее по бытовым условиям явиться в отдел регистрации. Письменное согласие невесты должно быть заверено казием, беем, махаллинской комиссией или председателем местного Совета [300, ф. 60, оп. 1, д. 3699, л. 81; ф. 17, оп. 1, д. 528, л. 27].

Эти замечания Исполбюро ЦК КПТ были учтены ЦИК Туркестана: были внесены соответствующие изменения в Кодекс законов об актах гражданского состояния в области брачного и семейного права постановлением ЦИК республики от 8 сентября 1923 г. (протокол № 38) [300, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 37].

Кодексом законов об актах гражданского состояния по брачному и семейному праву Туркестана признаны действительными только гражданские браки, зарегистрированные в установленном порядке, а религиозные браки, совершенные после дня опубликования данного кодекса, не влекут за собой никаких прав и обязанностей супругов. Запрещено вступление в брак лицам, уже состоявшим в зарегистрированном браке.

Установлен брачный возраст: для женщин — 16 лет, для муж-

чин — 18 лет. Заключение брака возможно только при наличии взаимного согласия вступающих в брак лиц.

Недействительным признавался брак, совершенный до достижения супругами или одним из них брачного возраста, но они по достижении брачного возраста могли вступать в брак в установленном порядке.

Установлено равноправие полов также и при разводах. При наличии обоюдного согласия супругов просьба о расторжении брака подается в учреждения, регистрирующие браки, а односторонняя просьба о расторжении брака подается в народный суд.

Узаконено равноправие полов на личное имущество, а также святое материнское право на детей, государственная защита материнства и младенчества [300, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 15—24].

В условиях, когда повсеместно еще бытовало старое, феодальное отношение к женщине, было все же рискованным разрешение регистрации брака в отсутствие невесты. Эта оговорка могла стать лазейкой для злоупотребления доверием Советской власти, для принуждения девушек-мусульманок к замужеству. Поэтому женотдел ЦК КПТ не согласился с этим пунктом постановления ЦК КПТ от 8 сентября 1923 г. и написал об этом в отдел работниц и крестьянок ЦК РКП(б) [304, ф. 17, оп. 1, д. 531, л. 7].

Женотдел ЦК КПТ систематически контролировал проведение в жизнь декретов ЦИК Туркестана о раскрепощении женщин местных национальностей. Так, 8 октября 1923 г. женотдел ЦК КПТ писал в отдел работниц и крестьянок ЦК РКП(б) о том, что декреты ЦИК Туркестана от 14 июня 1921 г. и от 4 января 1923 г. об уголовной наказуемости за куплю и продажу женщин до сих пор не внесены в Уголовный кодекс РСФСР соответствующими статьями. В первый же месяц 1923 г. декрет № 2 от 4 января 1923 г. был направлен на утверждение ВЦИК, однако ответа не последовало. Женотдел ЦК КПТ просил отдел работниц ЦК РКП(б) содействовать быстрейшему рассмотрению ВЦИК декретов ЦИК Туркестана о раскрепощении женщин восточных национальностей [304, ф. 17, оп. 1, д. 531, л. 44].

Отдел работниц и крестьянок ЦК РКП(б) чутко и оперативно реагировал на письма женотдела ЦК КПТ. 8 марта 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о введении в действие Уголовного кодекса РСФСР и утвердили постановление ЦИК Туркестанской ССР дополнением к гл. IX о местных бытовых преступлениях, ст. 228, 229, 230, 231, во исполнение УК для Туркестанской ССР [298, ф. 2, оп. 1, д. 235, л. 29—30].

Уравнение женщин в семейном праве еще не означало утверждения равноправия в жизни. Это было лишь началом не только в законодательной деятельности Советской власти в Средней Азии, но и в развертывании работы по эмансипации женщин-мусульманок.

ЦК РКП(б), отдел работниц и крестьянок ЦК направляли всю многогранную работу в этой области. Основной задачей в

раскрепощении восточной женщины являлось проведение в жизнь советского законодательства о правах женщин и мероприятий по борьбе с бытовыми религиозными пережитками в области семейных, брачных и имущественных отношений, а также законов о наследственном праве, равно как широкая популяризация советского законодательства о правах женщин среди коренного населения.

Для этого предстояло развернуть сеть бюро юридической помощи и консультаций как при женских клубах, так и при органах Наркомюста на местах. Ставилась задача не только придать этим бюро юридической помощи характер консультаций, принимающих заявления, жалобы и дающих ответы, но и сделать их опорными пунктами пропаганды идей нового быта, борьбы против пережитков патриархального строя, против религиозных традиций и обычного права.

Местным партийным, советским органам необходимо было отрегулировать вопросы проведения судебных дел и жалоб, связанных с семейно-брачными и бытовыми отношениями, привлекая к этой работе в качестве нарзаседателей, правозаступниц и прокуроров, в нарсуды, бюро юридической помощи и загсы женщин из коренного населения, а также женщин, знающих быт и местные условия и язык восточных народностей, для чего использовать институт делегатских собраний путем выдвижения из делегаток как практиканток, так и слушательниц курсов по подготовке работников в правовой области, в средних и высших учебных заведениях готовить специалистов-юристов из числа женщин, знающих местный быт и язык восточных народностей.

Как в разработке советских законов о женском равноправии, так и в их осуществлении руководящей и направляющей силой явилась Коммунистическая партия Туркестана — неразрывная часть и боевой отряд ленинской большевистской партии.

ЦК КП Туркестана 7 февраля 1924 г. направил письмо всем областным комитетам партии Туркестана «О проведении в жизнь законодательства ТурЦИК по семейному праву для коренного населения». ЦК КПТ признал необходимым обсудить постановление ЦИК Туркестана на собраниях партийных и комсомольских ячеек, союза «Кошчи» и профсоюзов и наметить практические мероприятия по проведению его в жизнь [304, ф. 17, оп. 1, д. 529, л. 27].

Членам партии предлагалось быть первыми исполнителями и проводниками в жизнь законоположений ЦИК республики, нарушение которых коммунистами рассматривалось как нарушение партийной этики. Это было исключительно важно, ибо личный положительный пример коммуниста порождал уважение и доверие простых людей, способствовал повышению сознательности трудящихся масс. Местные коммунисты своим личным примером в борьбе за раскрепощение женщин Востока еще более укрепляли авторитет Коммунистической партии.

ЦК КП Туркестана обратил особое внимание на укрепление аппарата практиканток-правозаступниц из числа женщин местных национальностей или хотя бы знающих местные языки, на выдвижение делегаток-националок в махаллинские комиссии и т. д. [304, ф. 17, оп. 1, д. 529, л. 27; 298, ф. 6, оп. 6, д. 215, л. 6].

Вслед за этим НКВД Туркреспублики циркулярным письмом всем исполкомам Туркреспублики предложил в целях наиболее успешного проведения в жизнь постановления ТурЦИК об отмене калыма и повышении брачного возраста для коренного населения зачислить за счет практикантства в штаты отделения записей актов гражданского состояния по одной грамотной женщине коренного населения, рекомендуемой женотделом, принимать представителей женотдела для наблюдения за регистрацией браков [298, ф. 6, оп. 6, д. 215, л. 3].

Итак, местные партийные, советские и общественные организации популяризировали среди местного населения советское законодательство о правах женщин в обществе и в семье. Была развернута сеть бюро юридической помощи и консультаций при женских клубах. Бюро юридической помощи женщинам не только носили характер консультаций, но и превратились в опорные пункты пропаганды идей нового быта, борьбы против пережитков феодально-байских отношений.

Партийные комитеты и в особенности женотделы следили за своевременным рассмотрением судебных дел и жалоб, связанных с семейно-брачными и бытовыми отношениями. Для этой работы привлекались женщины местных, а также других национальностей, знающие быт и язык местного населения. Особенно большую помощь оказывали татарки.

Но все же женотделы партийных комитетов пока не были тесно связаны с деятельностью местных судебных органов, не добивались организации выездных сессий судебных органов по наиболее важным делам по раскрепощению женщины. Еще не решенными оставались задачи организации правовых и бытовых секций при Советах и делегатских собраниях, практикантства делегаток и членов Советов при судебных органах, создания института общественных обвинителей и защитников из числа женщин-восточниц и т. д. [623, 1925, № 7, с. 92].

Сохранявшиеся еще в ряде мест Средней Азии духовные суды казиев затрудняли проведение советского закона о семейно-брачном и опекунском праве, создавали весьма сложную обстановку для фактического осуществления правового раскрепощения женщины [623, с. 89—90]. Перед борцами за раскрепощение женщины Востока стояли большие задачи, решение которых потребовало больших усилий и поисков различных форм и методов борьбы за высвобождение тружениц Востока из-под влияния байства и духовенства и вовлечение их в ряды активных строителей социализма.

Осуществление советских законов о женском равноправии в Средней Азии потребовало от местных партийных, советских и общественных организаций, от государственных органов много усилий, ибо речь шла о перестройке быта, обычаев и нравов, глубоко укоренившихся в сознании людей, в их отношении к женщине. «Равенство по закону, — учит В. И. Ленин, — не есть еще равенство в жизни. Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше принимали участие в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Управляя, женщины научатся быстро и догонять мужчин» [55, с. 346].

Но сам факт принятия декретов, направленных на эмансипацию женщины, имел огромное политическое, революционизирующее значение.

I СЪЕЗД РАБОТНИЦ ТУРКЕСТАНА

Замечательным событием в истории мусульманки Средней Азии явился I съезд работниц Туркестана, состоявшийся весной 1920 г. С подготовительных мероприятий съезда, с его проведения и с послесъездовских мер, осуществленных на местах, фактически и началась работа среди женщин Туркестана. Пока еще работа велась в городах, но, главное, I съезд работниц Туркестана положил начало многогранной деятельности партийных, советских и общественных организаций среди многомиллионной массы веками угнетенных трудящихся женщин края.

Перед съездом отдел по работе среди женщин Туркестанского краевого комитета РКП(б) направил циркуляр всем организациям РКП(б) республики, где сообщал о начале своей работы, а также о готовящемся съезде, а для доклада на съезде и в помощь своей работе предлагал всем коммунистическим организациям Туркестанской республики в спешном порядке, не позднее 6 сентября (1919 г.), дать ответ на следующие вопросы:

1. Сколько женщин в организации?
2. С какого возраста?
3. Семейное положение?
4. Профессия?
5. Образование?
6. Сколько активных членов-женщин?
7. Ведется ли организационная работа среди женщин?
8. Есть ли профессиональный союз, состоящий из одних работниц?
9. Посещают ли женщины митинги, собрания, лекции и школы для взрослых?
10. Есть ли работницы в Совете исполкома, заведующие отделами и в правлениях профессиональных организаций? [300, ф. 60, оп. 1, д. 305, л. 3].

Важен был уже сам перечень поставленных в циркуляре вопросов, они давали толчок работе, в то время крайне необходимой.

Письмо крайкома партии местным комитетам о созыве съезда работниц было опубликовано и в местной печати, например в газете «Каспийская волна», органе ревкома и комитета Российской коммунистической партии (№ 32 от 21 апреля 1920 г., передовая статья «Съезд женщин-работниц»).

Письмо о созыве I съезда работниц Туркестана было послано женотделом Туркестанского крайкома партии и в отдел работниц ЦК РКП(б). В нем говорилось о проделанной работе среди женщин края, о том, что работа среди мусульманок в краевом масштабе еще не ведется из-за отсутствия кадров инструкторов-мусульманок. Более удовлетворительно, говорилось в письме, налажена работа местного отдела при Ташкентском горкоме партии. В последнее время направлены делегатки в отделы Советов. Еженедельно созываются делегатские собрания. Женотдел крайкома партии сообщил, что открытие I съезда работниц Туркестана намечено на 15 мая 1920 г. [300, ф. 60, оп. 1, д. 855, л. 11].

Трудящиеся женщины давали наказы своим делегаткам на I съезде работниц Туркестана. В частности, в наказе женщин-работниц г. Самарканда ставились следующие вопросы:

1. Учреждение курсов для женщин-работниц в Самарканде.
2. Выработка общего положения работы среди женщин в Туркестане.
3. Наметка плана работы мусульманок с привлечением киргизок и татарской интеллигенции.
4. О самостоятельности в смысле финансирования — непосредственно крайотделом [300, ф. 60, ед. хр. 861, с. 30].

Такие же наказы выдвигались, обсуждались и принимались на собраниях и конференциях женщин большинства городов Туркестана. В них ставились конкретные вопросы и задачи перед I съездом работниц Туркестана.

Значение предсъездовских женских собраний и конференций не исчерпывается этими наказами. На них обсуждались вопросы об организации отделов, комиссий и секций работниц партийных комитетов, положивших начало созданию женотделов и ликвидации многочисленных союзов буржуазно-феминистской направленности, о чем в своих выступлениях говорили делегатки I съезда работниц Туркестана.

Члены Реввоенсовета Туркестанского фронта М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев оказывали постоянную поддержку делу организации работы среди женщин Средней Азии. Помогая налаживать мирную жизнь после окончания гражданской войны, эти выдающиеся деятели Коммунистической партии и Советского государства с глубоким сочувствием относились к угнетенному положению женщины-мусульманки, верили, что, разбуженная революцией, она сыграет выдающуюся роль в национальном возрождении своего народа, в строительстве социалистического государства.

На проведение I съезда работниц Туркестана крайком РКП(б) отпустил 500 тыс. рублей.

Краевой комитет Компартии Туркестана обеспечил возможность участия в работе съезда большого числа работниц. Была установлена норма представительства на съезд — одна делегатка на каждые 50 работниц для организации, где число работниц не превышало 300 человек, и по 7 делегаток из тех мест, где имелось свыше 300 работниц. Крайком партии указал на желательность присылки на съезд в первую очередь активных мусульманок [300, ф. 60, д. 857, л. 1—4].

В ходе подготовки к съезду для делегаток была заготовлена в большом количестве литература по работе среди женщин и начала выходить газета «Работница» [300, ф. 60, оп. 1, д. 675, л. 106—113].

15 мая 1920 г. в центре Ташкента в Доме им. Луначарского (ныне Дом офицеров), располагавшем в то время самым большим залом в городе, в торжественной обстановке открылся I съезд работниц Туркестана. Работа его продолжалась до 20 мая 1920 г. На съезд съехалось 118 делегаток из пяти областей республики, из них 76 коммунисток. По социальному составу это были 21 работница, 69 служащих, 30 домохозяек; по национальному составу: 89 — русских, 7 узбечек (в анкете — мусульманок), 15 татарок, 3 киргизки, 1 туркменка и 5 представительниц прочих национальностей.

Съезд утвердил следующую повестку дня: 1) текущий момент; 2) доклад о Всероссийском совещании организаторов по работе среди женщин; 3) доклад женотдела крайкома партии о своей деятельности; 4) доклады с мест; 5) Коммунистическая партия и работница; 6) работница и народное хозяйство; 7) социальное обеспечение и работница; 8) охрана материнства и младенчества; 9) отделение церкви от государства; 10) социальное воспитание детей; 11) организационный вопрос [300, ф. 60, оп. 1, д. 861, л. 11]. В соответствии с этой повесткой были организованы рабочие секции съезда.

Делегатки съезда с огромным воодушевлением приняли и направили приветственную телеграмму основателю и вождю партии и государства В. И. Ленину [300, ф. 1, оп. 1, д. 863, л. 1]. Приветственные телеграммы были отправлены также Исполкому III Коминтерна, отделу работниц и крестьянок ЦК РКП(б) и выдающимся деятельницам международного коммунистического и женского движения [300, ф. 1, оп. 1, д. 863, л. 2—4].

С докладом по первому вопросу повестки дня (о текущем моменте) на съезде выступил командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе. Охарактеризовав положение на фронтах гражданской войны, он указал на задачи, поставленные IX съездом РКП(б) по борьбе с хозяйственной разрухой, выразил уверенность в том, что съезд работниц сыграет большую роль в направлении работы в Туркестане по восстановлению народного хозяйства, что

женская половина пролетариата примет самое деятельное участие в борьбе с хозяйственной разрухой, окажет помощь Красной Армии, в особенности на Ферганском участке, являвшемся в то время главным на Туркестанском фронте [300, ф. 60, оп. 1, д. 861, л. 7].

С сообщением о Всероссийском совещании женотделов выступила только что возвратившаяся из Москвы заведующая женотделом Туркестанского крайкома РКП(б) И. И. Финкельштейн. Она рассказала о героизме русских работниц Петрограда и Вятской губернии в чрезвычайно трудных условиях хозяйственной разрухи и голода. С докладом о деятельности женотдела Туркестанского крайкома РКП(б) выступила Б. Э. Бендецкая.

Женотделы докладывали съезду о своей работе. Сегодня документы I съезда работниц Туркестана являются источником по истории женского движения тех лет.

Женотдел крайкома докладывал, что работа партийных организаций среди женщин началась с организации в июне—ноябре 1919 г. женотдела Туркестанского крайкома РКП(б). Деятельность крайотдела не исчерпывалась работой только среди русских работниц, которые представлялись незначительной горсточкой по сравнению с коренным населением Туркестана — мусульманками. Понимая, что для подхода к угнетенным широким массам мусульманок нужна особая чуткость и осторожность, отделом были выработаны инструкции по работе среди мусульманок, к ней привлекались преимущественно татарки, стоящие на более высоком культурном уровне [300, ф. 60, оп. 1, д. 855, л. 11].

Руководство работой женотделов местными комитетами партии началось с октября 1920 г. С поездки инструктора женотдела крайкома партии Шумиловой началась деятельность его за пределами г. Ташкента.

Основополагающими в деятельности женотделов явились циркулярные указания и инструкции отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б), но женотдел крайкома выработал инструкции для местных женотделов с учетом специфических условий работы среди женщин восточных национальностей. Большую помощь работе женотделов оказывали делегаты туркестанских партийных конференций, доставляя на места циркуляры, руководящие указания по вовлечению трудениц в русло общественной работы.

Позже по республике рассылались инструкторы. До их деятельности в городах Туркестана нередко возникали тормозящие советское строительство женские организации типа «коллективов коммунисток», «союзов работниц» и т. п. Слаба была связь женотдела крайкома с женотделами Закаспийской области (из-за басмачества и нерегулярной работы железнодорожного транспорта).

Одним из главных недостатков, тормозивших налаживание работы среди женщин, было отсутствие кадров местных национальностей. Поэтому подготовке кадров активисток партия придавала первостепенное значение. Вначале женотдел намеревался органи-

зовать специальную краевую школу, но эта попытка оказалась нереальной из-за нехватки кадров преподавателей, лекторов. Тогда женотдел согласился на создание секции по работе среди женщин при краевой партийной школе.

Для слушателей секции читались лекции, проводились собеседования по вопросам женского движения, по работе среди женщин и т. д., при этом особое внимание обращалось на уже накопленный опыт. Секция готовила в основном инструкторов женотделов [300, ф. 60, оп. 1, д. 861, л. 13—14].

Не менее важным мероприятием партийной организации края и женотдела является организация и ведение «Странички работницы» в краевой газете «Известия», а в последующем и в местных газетах.

В докладах краевого и местных женотделов отмечалось, что партийная работа, начатая сначала среди европеек, все больше распространяется на мусульманок. В Крайженотделе были созданы две секции: европейская и мусульманская, но из-за недостатка кадров активисток мусульманская секция слита с Ташкентским отделом работниц [300, ф. 60, оп. 1, д. 861, л. 15].

Делегатки I съезда работниц Туркестана — участницы Великой Октябрьской социалистической революции в своих выступлениях привели ценные факты об участии женщин Средней Азии в революционном движении.

На первом съезде работниц делегатки обменялись опытом работы, накопленным со времени организации женотделов.

В день закрытия съезда пять узбечек сняли паранджу [300, ф. 60, оп. 1, д. 861, л. 11].

По докладам женотдела крайкома и с мест съезд принял развернутую резолюцию. Главное, на что в ней обращалось внимание, — это необходимость расширения круга деятельности парткомов и женотделов среди женщин-мусульманок, а не только среди европеек в городах. Съезд указал на необходимость обеспечения гибкости, деликатности в организации этой работы, что, однако, не должно исключать необходимости вести ее энергично, путем организации мастерских и учреждений по образованию и воспитанию детей, организации культурно-просветительной работы среди женщин-мусульманок, путем организации школ ликбеза, курсов, клубов и т. д., при руководстве парткомов и членов РКП(б) работой женотделов.

I съезд работниц Туркестана имел большое политическое, революционизирующее и практическое значение в пробуждении трудящихся женщин Туркестана. Хотя на съезде было представлено городское женское население — в основном работницы и часть мусульманок — значение съезда трудно переоценить, поскольку и горожанки Средней Азии совсем еще недавно были бесправными и получили равноправие лишь с победой Октябрьской революции. Кроме того, практика эмансипации мусульманок Средней Азии показала, что рабочие и работницы городов явились авангардной

силой в раскрепощении женщины советского Востока и в этом немалую роль сыграл I съезд работниц Туркестана.

Уже в ходе подготовки к съезду на женских собраниях, конференциях происходило сплочение сил женского пролетариата. Именно на этих конференциях, как об этом рассказали делегатки I съезда, фактически организовывались женотделы и либо ликвидировались, либо сливались обособленные женские организации и тем самым сплачивались ряды работниц и женских активисток под руководством партийных организаций.

В городах Туркестана, главным образом среди русских работниц и солдаток, сразу же после победы Советов стихийно возникли самодеятельные женские организации. В Туркестане насчитывалось более 20 различных «женских союзов». Как рассказали на съезде делегатки, в Фергане они назывались «Союзом женщин», в Семиреченской области — «Союзом вдов» и «Обществом защиты женщин Востока». Такого же рода организации были в Самарканде, Чарджоу, Перовске (ныне Кзыл-Орда) и других городах.

В Пишпеке (г. Фрунзе) в июне 1918 г. под руководством уездкома партии и уездного Совета возник союз «Трудовая женщина». Инициатором этого союза была учительница Вера Александровна Соколова, член Пишпекского совета. В июне 1918 г. на первом организационном собрании, где присутствовало около 100 женщин, было избрано правление, принят Устав и определены задачи организации. В пункте 4 Устава говорилось, что союз «Трудовая женщина» «входит в непосредственные сношения с другими организациями, союзами и Советом народных депутатов, куда делегирует своих представителей наравне с мужчинами для защиты своих прав». Своей главной задачей этот союз считал «объединение женщин всех национальностей для защиты своих политических и экономических прав». Он организовал мастерские по изготовлению одежды для бойцов Красной Армии, столовую. В союзе активно работали киргизки Турсун Бичилова и Каип Уметалиева — впоследствии известные поборницы эмансипации женщин-киргизок.

Все эти союзы на предсъездовских женских конференциях были распущены, были организованы женотделы партийных комитетов. Таким образом, основной задачей предсъездовских женских конференций и была организация женотделов партийных комитетов.

Женотделы живо откликнулись на призыв М. В. Фрунзе принять активное участие в оказании помощи Красной Армии в борьбе против иностранных интервентов и басмачества.

Дора Павловна Дорофеева в 1921 г. начала работу среди женщин Казахстана. Жители Кустанайского округа были свидетелями кровавого террора белогвардейцев. По призыву большевиков женщины Казахстана вместе со своими братьями и мужьями героически защищали Советскую власть, завоевания Октябрьской революции (см. [376, с. 364]).

Зимой 1918 г. в Киргизию прибыли из центра России рабочие продовольственные отряды. Им активно помогали и киргизки. В Токмакском продовольственном отряде работала Турсун Усманова, первая коммунистка уезда. Она помогла Алымбюбю Орозовой и другим молодым киргизкам также стать активистками [480, с. 42].

I съезд работниц Туркестана дал делегаткам и представление о постановке работы среди женщин. Так, при обсуждении докладов по организационному вопросу создавались секции, в которых детально разбиралась такая работа. Кроме того, и сами выступления делегаток съезда фактически явились формой обмена опытом уже проделанной работой среди тружениц Туркестана [300, ф. 60, оп. 1, д. 675, л. 106—113].

Отделы работниц только лишь начинали развертывать работу среди трудящихся женщин. Работа была поставлена еще слабо. Не хватало кадров. Не случайно выступавшие делегатки съезда просили женотдел Туркестанского крайкома укрепить кадрами местные женотделы. Вскоре после съезда женотдел Туркестанского крайкома РКП(б) направил 10 выпускниц (из них одна мусульманка) женской секции Краевой партийной школы инструкторами в женотделы местных комитетов партии [300, ф. 60, оп. 1, д. 675, л. 108].

I съезд работниц Туркестана способствовал тесному сплочению женского пролетариата, ознакомлению женского актива с положением дел на местах и установлению правильного направления работы в краевом масштабе.

Делегатки съезда познакомились с практической работой женотдела в г. Ташкенте, где работа среди женщин в то время была налажена лучше, чем в других областях и уездах республики. Делегатки получили всесторонний инструктаж о постановке работы среди женщин, снабжались необходимыми пособиями, литературой и пр.

I съезд работниц Туркестана вызвал значительное оживление в работе партийных органов среди женского населения. Женотделы усилили свою деятельность в организации и проведении коммунистического влияния на работниц, в обмене опытом проделанной работы.

Выросло и число женотделов. Уже к концу 1920 г. насчитывалось 40 женотделов партийных комитетов Туркестана, а число охваченных влиянием женотдела во всех пяти областях Туркестана достигло 9 тыс. русских работниц и 3660 мусульманок [300, ф. 60, оп. 1, д. 675, л. 108—109].

Вскоре после I съезда работниц Туркестана, в сентябре 1920 г., состоялся V Туркестанский краевой съезд РКП(б). На этом съезде выступила заведующая женотделом крайкома партии. Она рассказала об итогах работы и значении съезда, подвергла критике недооценку работы среди женщин местными партийными комитетами [300, ф. 60, оп. 1, д. 675, л. 106—113].

В принятых V Туркестанским краевым съездом партии тезисах о партийном строительстве в пункте 12 говорится: «V съезд КПТ считает работу среди трудящихся женщин одной из неотложных очередных задач партии... Вовлечение же работниц в строительство новых форм жизни есть дело государственной важности и лишь ускоряет победу коммунизма» [300, ф. 60, оп. 1, д. 503, л. 9, 14].

Женотдел Туркестанского крайкома партии (а после образования 11 апреля 1921 г. Туркестанской ССР — ЦК КПТ) более активно стал руководить работой женотделов местных комитетов партии, следил за их деятельностью, помогал им в работе, поправлял ошибки и т. п. [300, ф. 60, оп. 1, д. 865, л. 1—88]. Так, женотдел крайкома КПТ 14 июля 1920 г. писал женотделу Ферганского обкома партии о необходимости роспуска обособленного от рабочего класса «Союза женщин» на промыслах «Санто» и создания отдела работниц партийного комитета. Крайком обязывал областные, городские и уездные комитеты партии выделять денежные средства женотделам для проведения мероприятий в области работы среди женщин. В 1920 г. женотдел крайкома командировал своих работников для оказания помощи женотделам на местах.

Женотделы обкомов партии стали проводить областные совещания работников уездных женотделов (см. [300, ф. 60, оп. 1, д. 1774, л. 2, 3, 5, 9]).

Женотдел крайкома чаще стал командировать инструкторов на места [300, ф. 60, оп. 1, д. 900, л. 1—34; д. 901, л. 3—11; д. 904, л. 8—9, 32]. В 1922 г. женотдел ЦК КПТ направил 15 работников для укрепления женотделов обкомов партии [300, ф. 60, оп. 1, д. 2467, л. 23—28].

На заседаниях коллегий женотдела ставились и решались насущные вопросы работы среди женщин: о формах и методах работы среди них, о вовлечении тружениц в хозяйственное и советское строительство, об охране женского труда, о ликвидации женской безработицы, об охране материнства и младенчества, о подготовке женских кадров, об участии женотделов в печати, о созыве конференций, совещаний, о задачах женотдела, о ликвидации безграмотности, работе среди железнодорожниц и т. д.

В краевой и местных газетах были предусмотрены «странички женщины-работницы» на материалах самих работниц [300, ф. 60, оп. 1, д. 867, л. 1—23; д. 1785, л. 1—43; д. 897, л. 1—4].

Женотдел крайкома партии много внимания уделял вовлечению работниц в хозяйственное и советское строительство, оказывал влияние на Народный комиссариат труда и другие государственные и хозяйственные организации во внедрении и охране женского труда, улучшении социально-бытовых условий работниц и т. п. [300, ф. 60, оп. 1, д. 896, л. 1—56]. Была разработана тематика цикловых лекций для женской аудитории: «Всегда ли женщина была рабыней?», «Как победить голод?» и т. д. Для рабочей аудитории рекомендовались темы: «Как охранять здоровье фабрично-

заводских работниц?», «Что сделала Советская власть для раскрепощения женщины?», «Как работницы жили раньше и как они могут строить новую жизнь теперь?» и др. [300, ф. 60, оп. 1, д. 308, л. 2]. Разработка тем лекций с учетом аудитории свидетельствует о чутком отношении женотдела крайкома партии к воспитательной работе, к запросам трудящихся женщин.

Теперь ежегодно к празднованию Международного женского дня рассылались циркуляры ЦК РКП(б) и КПТ местным партийным организациям об организации концертов-лекций, спектаклей, бесед и т. д. с освещением вопросов о значении дня работницы, о положении женщины в прошлом, настоящем и будущем, по истории движения работниц в России и др. [300, ф. 60, оп. 1, д. 855, л. 1]. Посылались циркуляры, инструкции о работе в РКИ, участии отдела работниц в области агитации и пропаганды, о «страничке работницы» и др. Кроме того, разработано и проведено через Ташкентскую городскую конференцию Союза молодежи положение о работе среди мусульманских девушек [300, ф. 60, оп. 1, д. 897, л. 1—4].

Женотдел Туркестанского крайкома партии выпускал различные плакаты, посвященные раскрепощению женщины. Так, в 1920 г. к Октябрьской годовщине выпущено отдельным изданием обращение к женщинам-мусульманкам Туркестана на узбекском языке [300, ф. 60, оп. 1, д. 855, л. 4].

В 1921—1922 гг. женотдел ЦК КПТ организовал издание «Странички работницы», брошюры на узбекском языке «Почему я стала коммунисткой?» и «Живого художественного слова труженицы Туркестана»; публиковались статьи о вовлечении женщин в кооперацию, о Международном женском дне и т. д. [300, ф. 60, оп. 1, д. 2467, л. 23—28].

ВЕРНЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМУ ДОЛГУ

Работа по раскрепощению женщины началась в 20-е годы с организации женотделов партийных комитетов, принятия выдающихся советских законов о предоставлении женщине-мусульманке равных с мужчиной прав в обществе и семье.

12 ноября 1919 г. был организован женотдел Туркестанского краевого комитета РКП(б), а с образованием Туркестанской ССР, в апреле 1921 г., — женотдел ЦК КП Туркестана.

Женотдел Туркестанского крайкома РКП(б) начал свою планомерную деятельность с организации женотделов местных комитетов партии — на областных, городских, уездных женских конференциях, состоявшихся в 1919—1920 гг. в связи с подготовкой к I съезду работниц. В ноябре 1919 г. начал работу женотдел Ташкентского уездкома, 14 декабря 1919 г. — Самаркандского обкома, в феврале 1919 г. — Ферганского обкома, 21 декабря 1919 г. — Закаспийского (в последующем — Туркменского) обкома, в марте 1920 г. — Семиреченского (Джетысуйского) и Сырдарьинского обкомов партии. Затем в конце 1919 и начале 1920 г. были организованы женотделы в Андижанском, Урсатьевском, Туркестанском, Пишпекском, Полторацком, Аулие-Атинском, Катта-Курганском, Каганском (Ново-Бухарском) и других уездкомах и уездгоркомах партии. К 1920 г. функционировало уже 40 женотделов партийных комитетов [300, ф. 60, оп. 1, д. 305, л. 3—5; д. 897, л. 1—4; д. 307, л. 3—4; д. 900, л. 1—5 а, 34; д. 901, л. 3—11; д. 625, л. 1—5; д. 306, л. 2—7, 9—10; д. 884, л. 2—15, 16—17; д. 895, л. 37; д. 904, л. 8—9; д. 862, л. 3, 6, 10—13, 15, 16, 18, 21, 24, 26, 29, 31, 37, 40, 41, 47—49, 52; ф. 4, оп. 1, д. 96, л. 42—47].

На территории Бухары и Хорезма женотделы были организованы после свержения феодально-деспотических режимов и образования Бухарской и Хорезмской Советских Народных Республик. Женотдел ЦК Бухарской коммунистической партии был организован в 1921 г., а ЦК Хорезмской коммунистической партии — 12 сентября 1923 г. [300, ф. 60, оп. 1, д. 4919, л. 49].

Созданию женотделов во всероссийском масштабе предшествовала работа Комиссии по пропаганде и агитации среди женщин ЦК РКП(б), созданной в декабре 1918 г., и таких же комиссий при местных комитетах партии. После изменения органи-

зационной структуры партийных комитетов (сентябрь 1919 г.) эти комиссии были преобразованы в отделы по работе среди женщин — женотделы. В составе женотдела ЦК РКП(б) был организован сектор по работе среди женщин Востока, которым руководила В. А. Каспарова.

Основные задачи женотделов определялись рядом постановлений ЦК РКП(б); в частности, резолюция XIII съезда РКП(б) «О работе среди работниц и крестьянок» (1924 г.) называет следующие: «а) Распространение влияния партии на широкие слои работниц и крестьянок путем политического и культурного воспитания их.

б) Вовлечение работниц и крестьянок в партийное, профессиональное, кооперативное и советское строительство.

в) Проведение через советские, профессиональные, кооперативные и другие организации работы по строительству учреждений, раскрепощающих работниц и крестьянок (яслей, столовых и проч.)».

Всю многогранную работу по эмансипации женщин-мусульманок советского Востока направляли ЦК ВКП(б) и Средазбюро ЦК ВКП(б), оказывая бесценную помощь местным партийным советским органам и ЦК КП Туркестана, Хорезмской и Бухарской республик, а после национально-государственного размежевания — центральным комитетам Коммунистических партий Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана.

Мероприятия в области осуществления равноправия полов, проводимые ЦК РКП(б), явились основополагающими для партийной организации Туркестана, хотя работа среди женщин в Средней Азии имела много особенностей. Систематически направляя партийную организацию Туркестана на неуклонное осуществление в жизнь советских законов о женском равноправии, ЦК РКП(б) своевременно пресекал ошибки администрирования и другие отклонения, допускаемые по неопытности кадрами местных комитетов партии.

У истоков раскрепощения трудящихся женщин советского Востока стояли выдающиеся деятели международного и российского революционного женского движения, плеяда ленинской гвардии революционерок — Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, А. И. Ульянова-Елизарова, А. М. Коллонтай, К. И. Николаева, К. Н. Самойлова, И. Ф. Арманд, Е. Д. Стасова, С. Н. Смидович, В. А. Майрова, А. В. Артюхина, В. А. Каспарова и другие замечательные русские женщины-коммунистки.

И. Ф. Арманд в августе 1917 г. возглавила организованную по ее предложению первую комиссию по работе среди женщин при Московском бюро большевиков. Она же начала издавать журнал «Жизнь работницы» (с 1920 г. — «Коммунистка»). Ее инициатива — и делегатские собрания работниц и крестьянок как основная форма работы РКП(б) среди женщин (см. [623, 1925, № 9, с. 56]).

И. Ф. Арманд — один из организаторов I Всероссийского съез-

да работниц и первый председатель комиссии ЦК РКП(б), а после ее реорганизации в отдел работниц и крестьянок при ЦК РКП(б) — первый его заведующий. По ее инициативе принято решение о проведении в 1920 г. I съезда женщин Востока.

Невозможно переоценить заслуг Н. К. Крупской в организации просвещения, охраны материнства и младенчества в нашей стране, в том числе и в Средней Азии. Н. К. Крупская, А. М. Коллонтай, С. Н. Смидович вместе с Кларой Цеткин приветствовали женщин Средней Азии 13 июня 1921 г. на II Международной конференции коммунисток, а затем долго беседовали с ними перед отъездом из Москвы, выявляя их нужды и решая насущные вопросы.

С. Н. Смидович, будучи заведующей отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б), в июне 1923 г. командировала инструктора отдела С. Т. Любимову в Среднюю Азию, а затем, внимательно выслушав ее доклад, вынесла на заседание Оргбюро ЦК РКП(б) вопрос «О работе среди женщин», по которому было принято первое постановление ЦК РКП(б) об основном направлении работы среди женщин в Туркестане. А затем С. Т. Любимова была направлена в Туркестан для укрепления женотдела ЦК КПТ.

Как уже говорилось, в резолюции XIII съезда РКП(б) особое внимание было обращено на необходимость усиления работы среди женщин. Съездом была создана комиссия для быстрейшего улучшения работы среди женщин, в состав которой наряду с руководителями партии и государства вошли Н. К. Крупская, Клара Цеткин, Е. Д. Стасова, К. И. Николаева, С. Н. Смидович, В. А. Майрова, С. Т. Любимова, М. Ф. Муратова и др. [557, с. 17].

В Средней Азии работу среди женщин, борьбу за эмансипацию мусульманок начали русские женщины-коммунистки, бесстрашные, мужественные, горячо преданные делу Коммунистической партии и Советского государства. Работа эта начиналась в специфических, тяжелых условиях. Для характеристики обстановки приведу несколько фактов.

В каракумских песках разыгралась буря. Чтобы переждать ее, советский работник зашел в юрту к туркмену. Смерч поднял войлочное перекрытие кибитки. Жена хозяина побежала укреплять его. А хозяин будто и не замечал происходящего, сидел с гостем за чаем.

— Почему не поможете жене, ей эта работа не по силам? — спросил гость.

— Она обязана это делать, я за нее заплатил, — ответил муж.

Гость обратился к хозяйке: почему не заставит мужа помочь ей?

— Я несколько раз просила его, чтобы купил еще жену, мне было бы легче, но не покупает, — ответила она [496 а, с. 7].

В начале 20-х годов в Ферганскую долину приехала молодая русская женщина — корреспондент «Известий». На вокзале г. Наманган произошел едва не трагический случай. На базаре она

купила узбекский национальный костюм, пышные серебряные украшения для волос, серьги, браслеты. Вернувшись в вагон, журналистка заплела косы и нарядилась в узбекское платье, а затем выглянула в окно. Тотчас собралась толпа мужчин, которые угрожающе кричали ей что-то по-узбекски. Лица их и мелькавшие кулаки не предвещали ничего доброго. Они приняли ее за узбечку, которая поступилась исламом, сбросила паранджу и собралась бежать из Ферганы.

В тот же день неподалеку от Намангана в кишлаке Ассак произошло убийство. Муж зарезал жену, сбросившую черную сетку, закрывавшую ей лицо. То был не единственный случай [506, с. 63].

В Бухаре за разговор с мужчиной на улице советскими милиционерами в 1921 г. была арестована и уведена под конвоем в отделение милиции заведующая женотделом ЦК Бухарской коммунистической партии Л. А. Отмар-Штейн.

Вот на каком уровне сознания мужчины и женщины начинали свою деятельность героические женотделы партийных комитетов на обширной территории советского Востока. А территория одного только Туркестана насчитывала 1 731 000 кв. верст, что равнялось территории тогдашней Германии, Франции, Австро-Венгрии и Италии, вместе взятых. Населяли ее узбеки (41,4%), казахи (19,4%), киргизы (10,7%), туркмены (4,7), каракалпаки (1,4), таджики (7,7) и др. (10,6%). Большинство населения (81,6%) занималось сельским хозяйством. Из общего числа населения 26% составляли кочевники, населяя главным образом Джетысуйскую и Сырдарьинскую области (см. [245, с. 3]).

Женщины в Туркестане составляли примерно половину населения. Так, в 1920 г. в Туркестанской республике из 5 221 963 человек населения женщины составляли 2 491 766 человек, т. е. 47,7%. Грамотность женщин восточных национальностей Туркестана к 1924 г. все еще не превышала 2% [245, с. 3—4].

Первой заведующей женотделом Туркестанского крайкома РКП(б) была Ида Исаковна Финкельштейн, член РКП(б) с 1917 г., вдова расстрелянного контрреволюционерами ташкентского комиссара.

Пренебрегая угрозами, сопровождаемая только переводчицей, проводила она целые дни в старом городе Ташкента, шагая по узким улочкам в поисках контактов с узбечками, выискивая всевозможные поводы для таких контактов, вступая в отчаянные споры с мужчинами, тщетно пытаясь изменить их взгляды на положение женщины в семье и в обществе. Просто и доходчиво рассказывала она о положении в России, в Туркестане, о международном положении, призывала к бдительности. Так с малого начиналось большое дело политического пробуждения женщины советского Востока [502, с. 12].

Но такое уверенное начало эмансипации мусульманок пришлось не по вкусу не только внутренним, но и внешним врагам молодой Советской республики. Реальную опасность этой работы с поразви-

тельной проницательностью одним из первых оценил небезызвестный Ф. Бейли, английский разведчик, руководивший так называемой военно-дипломатической миссией в Туркестане. «...Больше всего я боялся Финкельштейн, которая вела против нас работу среди женщин и детей в Старом городе», — не без досады отмечал он [502, с. 65].

Плечом к плечу с И. И. Финкельштейн работали ее соратницы — первые работницы первого женотдела Туркестанского крайкома РКП(б) коммунистки Б. Э. Бендецкая[1], Л. Дворкина[2], З. Х. Бурнашева, Л. И. Шумилова[3], Зелькина, Кроль, Успенская, Образцова, Марченко и др.

Первыми руководителями женотделов в Фергане, Бухаре, Полторацке (Ашхабаде) были А. А. Аксентович, Л. А. Отмар-Штейн, Е. А. Росс — демобилизованные политработники Красной Армии, в 1919 г. направленные Реввоенсоветом Туркестанского фронта в распоряжение крайкома РКП(б) для налаживания работы среди женщин. Первыми заведующими женотделов были также коммунистки В. А. Соколова в Пишпеке (Фрунзе), Д. П. Дорофеева в Верном (Алма-Ате), Е. И. Васильева в Оше и др.

Анна Алексеевна Аксентович (1885—1937), член партии с 1918 г., — организатор и первый заведующий женотделом Ферганского обкома КПТ.

Уроженка Ферганы, прекрасно владевшая узбекским языком, замечательная большевичка, образованный, интеллигентный человек, А. А. Аксентович «всю жизнь беззаветно отдала трудному участку работы партии по раскрепощению женщин Узбекистана» [502, с. 70]. Женщины любовно называли ее «среднеазиатской Кларой Цеткин».

Евсталия Александровна Росс родилась в 1896 г. Член РКП(б) с 1919 г. Политработник Красной Армии, воевала против интервентов в Средней Азии и, как и Л. А. Отмар-Штейн, решением Реввоенсовета Туркестанского фронта была направлена в распоряжение крайкома РКП(б). В 1921—1932 гг. заведовала женотделом Сырдарьинского и Туркменского обкомов партии, а затем ЦК КП Туркменистана. В 1927—1934 гг. она сначала заместитель заведующего женотделом Средазбюро ЦК ВКП(б) [304, ф. 17, оп. 16, д. 4, л. 405], затем председатель Президиума Среднеазиатского совета промкооперации. Позднее работала в Москве инст-

[1] Берта Эммануиловна Бендецкая, 1898 г. рождения, член РКП(б) с 1918 г. Одна из организаторов I съезда работниц Туркестана. После И. И. Финкельштейн в 1920—1921 гг. заведовала отделом работниц и дехканок Туркестанского крайкома РКП(б).

[2] Лидия Дворкина была в 1920 г. членом коллегии женотдела Туркестанского крайкома РКП(б). Делегат II Конгресса Коминтерна.

[3] Лукия Ивановна Шумилова (1873—1939), член большевистской партии с 1906 г. Не раз арестовывалась за революционную деятельность. Инструктор женотдела Туркестанского крайкома партии с первых дней его работы. Впервые установила связи женотдела крайкома с местными партийными комитетами. Позже Шумилова была ответственным секретарем Сырдарьинской областной контрольной комиссии. Избиралась делегатом I съезда КП(б) Узбекистана.

руктором политуправления МТС Народного комиссариата земледелия СССР, членом редколлегии и заведующей отделом редакции журнала «Крестьянка», была на профсоюзной и хозяйственной работе. Ныне персональный пенсионер, живет в Москве. Автору посчастливилось познакомиться с ней в 1959 г.

Лидия Августовна Отмар-Штейн родилась в 1899 г. По национальности полька. Член РКП(б) с 1919 г. Участник гражданской войны в Семиречье (о ней упоминает Д. Фурманов в «Мятеже»). По решению Реввоенсовета Туркестанского фронта была направлена в распоряжение крайкома РКП(б) для работы среди женщин. В 1920—1924 гг. заведовала женотделом Ново-Бухарского городского комитета, женотделами ЦК Бухарской коммунистической партии и Сырдарьинского обкома КПТ. В 1928 г. окончила Московский государственный университет и до 1939 г. находилась на работе в органах юстиции, а затем в течение более 10 лет работала на выборных должностях в кустарно-промысловой кооперации, откуда ушла на персональную пенсию.

Л. А. Отмар-Штейн, будучи заведующей женотделом горкома партии, принимала активное участие в борьбе за свержение деспотического феодального режима эмира в Бухаре. Женотдел горкома партии привлекал работниц и жен железнодорожников к обслуживанию раненых и больных красноармейцев, к пошивке белья и сбору подарков для Красной Армии. Вместе с Л. А. Отмар-Штейн работали Р. Г. Шерешавская, Е. А. Бубок.

Елена Архиповна Бубок, 1892 г. рождения, коммунистка с 1919 г., — одна из первых работниц женотдела Ново-Бухарского Горкома партии, а затем — ЦК Бухарской компартии. Осенью 1924 г. работала в Комиссии по подготовке национально-государственного размежевания. Участница I съезда КП Узбекистана. В 1927 г. Е. А. Бубок по решению ЦК КП(б) Узбекистана была переведена на работу заместителем председателя Центральной Детской комиссии Узбекистана, которой руководил председатель ЦИК Узбекской ССР Ю. Ахунбабаев. До 1954 г. (до ухода на персональную пенсию) находилась на руководящей партийной и советской работе.

Самое активное участие в деятельности Ново-Бухарского женотдела принимала коммунистка татарка Марьям Шарафутдинова.

14 сентября 1920 г. на I Всебухарском курултае была объявлена Бухарская Народная Советская Республика. Над бывшим дворцом эмира взвился красный флаг. Л. А. Отмар-Штейн, утвержденная заведующей женотделом ЦК Бухарской компартии, начала свою поистине героическую деятельность по эмансипации мусульманки в цитадели мусульманского среднеазиатского духовенства. О ее последующей мужественной борьбе за эмансипацию мусульманок в Бухаре пойдет речь позже.

«Перед отъездом на работу, — вспоминает Е. А. Росс, — в обкоме партии нас предупредили: в районах, где действовали еще отряды басмачей, работу среди женщин вести нельзя и вообще в

вопросах быта и семейного уклада нужно проявлять особый такт и осторожность...

В 1922 г. в областной партийной школе открылась женская секция, куда были приняты десять туркменок. Обучение началось с ликвидации неграмотности, с усвоения курсантками элементарных навыков культурного общежития. Привлечь женщин к учебе было очень трудно — это часто приводило к полному разрыву с семьей, вызывало преследование мужем или родственниками.

Одна из первых слушательниц партшколы (имени не помню) стала и первой жертвой. Среди белого дня в саду общежития партшколы муж убил свою молодую жену и явился в женотдел с заявлением об этом.

— Джинотдел (джин — злой дух), — обратился он к нам, — я за жену заплатил калым, учиться ей не разрешил, а она ушла. В школе она разговаривала с мужчиной, потеряла стыд, забыла адат — вот я ее и убил.

Этот туркмен был твердо уверен в своей правоте и искренне удивился, когда его арестовали» [376, с. 352—353].

Среди направленных на работу в женотделы из рядов Красной Армии, частей особого назначения, была и Е. А. Тюкова, 1902 г. рождения, член партии с 1919 г. Она с 12-летнего возраста работала на хозяина в Самарканде. С победой Октябрьской революции для нее началась новая жизнь: участие в частях особого назначения, караульная служба на станции, в крепости, борьба с левыми эсерами, работа в госпитале во время иностранной интервенции и гражданской войны.

В 1919 г., когда стали создаваться женотделы, Е. А. Тюковой поручили работу среди женщин Самарканда в качестве инструктора, а затем заведующей женотделом Самаркандского уездгоркома КПТ.

Вначале работу приходилось вести в каждом доме, вспоминает Е. А. Тюкова, с каждой женщиной отдельно. За пиалой с чаем шли задушевные беседы о партии, Советской власти. Мы разъясняли женщинам их права, законы о запрещении многоженства, вред выдачи замуж малолетних. Постепенно выявляли женщин с организаторскими способностями и привлекали их к нашему труду. Именно такими проявили себя Ахматшаева и Саламатова. Первой мы поручили заведовать женским клубом, второй, принятой вскоре в ряды РКП(б), — заведовать женотделом Старогородского райкома партии.

Очень интересна судьба Марьям-ой и Туфа-ой. Они были женами одного мужа, и кроме них у него было еще две жены. При помощи женотдела Марьям-ой и Туфа-ой потребовали развода и, бросив многоженца, стали нашими помощницами в борьбе за раскрепощение женщин. Скоро наша работа начала давать плоды. В 1920 г. 17 женщин из Самарканда участвовали в работе I съезда работниц Туркестана, а некоторые из них в 1921 г. в числе 20 делегаток Туркестана поехали в Москву (см. [502, с. 101]).

8 марта 1922 г. в женском клубе Самарканда собралось около тысячи женщин. Они были в праздничных национальных одеждах и не закрыли лиц, даже когда на собрание пришли мужчины — руководящие работники. Это всполошило врагов, и на жизнь нескольких участниц собрания по возвращении домой было совершено покушение. Так погибла активистка Ахматшаева. Виновники ее смерти предстали перед судом и были строго наказаны.

В 1926 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) направило Е. А. Тюкову заведовать женотделом Хорезмского обкома КП(б) Узбекистана, где следовало развернуть работу среди женщин в особенно трудных условиях борьбы с басмачеством. Вопрос о снятии паранджи в то время там даже и не ставился, и лишь в конце 1929 г. по решению Хорезмского обкома партии началось широкое движение за снятие паранджи. А в 1926 г. террористические акты против активисток были в Хорезме обычным явлением. Но, несмотря на это, узбечки Хорезмской области смело встали на путь строительства новой жизни. Из первых активисток особенно выделялись Аннабиби Сафаева (впоследствии заместитель заведующего женотделом Хорезмского обкома партии), Сагадат Салимова (народный судья), Нарджан Абдусалямова (директор женского педтехникума) и др. Спустя 35 лет Н. Абдусалямова напишет, что заведующая женотделом Е. А. Тюкова «очень помогла Аннабиби вырасти в настоящего опытного работника» [502, с. 342].

Яркой, выдающейся личностью в истории женского движения в Средней Азии является Серафима Тимофеевна Любимова. Заведующие женотделом ЦК КП Туркестана — предшественницы С. Т. Любимовой в силу обстоятельств часто менялись, хотя каждая в меру своих возможностей внесла свою лепту в сложное дело эмансипации женщины. Среди пионерок, прокладывавших путь к раскрепощению женщины-мусульманки, С. Т. Любимова занимает особое место.

С. Т. Любимова родилась в 1898 г. Член РКП(б) с 1919 г. В 1920 г. она заведовала отделом работниц Саратовского губернского комитета партии, а затем была инструктором отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б) по работе среди женщин Востока. С 1923 г. руководила работой среди женщин Средней Азии. 14 ноября 1926 г. была отозвана в распоряжение ЦК ВКП(б). С. Т. Любимова являлась делегатом XII, XIII, XIV съездов РКП(б), кавалером орденов Трудового Красного Знамени и Красной Звезды.

Автору посчастливилось познакомиться с С. Т. Любимовой, выдающейся поборницей раскрепощения женщин Востока, в 1959 г. в Москве незадолго до ее кончины. Это была женщина неизмеримой силы воли, мужественная, широкой русской души.

В Среднюю Азию С. Т. Любимова приехала как представительница отдела работниц ЦК РКП(б). Здесь она изучала обстановку и оказывала практическую помощь местным партийным, советским и общественным организациям в налаживании работы

среди женщин-мусульманок, провела ряд мероприятий, направленных на организацию работы.

21 июня 1923 г. исполбюро ЦК КПТ приняло развернутое постановление по итогам пребывания в Туркестане Любимовой и по ее докладу. По итогам командировки С. Т. Любимовой в Туркестан и по ее докладу было принято и уже упоминавшееся постановление ЦК РКП(б) от 16 июля 1923 г. «О работе среди женщин в Туркестане». Именно при обсуждении этого вопроса на Оргбюро ЦК РКП(б) было решено направить С. Т. Любимову для укрепления отдела по работе среди женщин в Туркестан.

Итак, с осени 1923 г. С. Т. Любимова работала заведующей женотделом ЦК КП Туркестана, являлась членом ЦК КП Туркестана, членом его Исполбюро, членом ЦИК республики, а после национально-государственного размежевания народов Средней Азии и организации Средазбюро ЦК ВКП(б) была избрана первым заведующим женотдела и членом Средазбюро ЦК ВКП(б), членом ЦК КП(б) Узбекистана, членом ЦИК Узбекской ССР. Она проводила работу в масштабе всей Средней Азии вплоть до 14 ноября 1926 г.

По приезде в Ташкент С. Т. Любимова немедленно приступила к обсуждению планов предстоящей работы. Горячо обсуждались вопросы организации женских клубов, подготовки работников из женщин коренного населения, об издании газеты для женщин на узбекском языке и др. Но чуть не всякий раз на выступление С. Т. Любимовой возражали: «Учтите, это вам не Москва!»

С. Т. Любимова вспоминает, что это предупреждение в первые дни работы она слышала на каждом шагу, и это, несомненно, отражало ту неуверенность в своих силах и пассивность, которые были характерны для большинства работников женотдела Туркестана.

Важной опорой в работе среди женщин явилось вышеупомянутое постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 16 июля 1923 г., решившее ряд насущных и назревших вопросов о штатах, финансировании работы, материальной базе, подготовке кадров и т. д. Когда на первом же заседании коллегии женотдела ЦК КП Туркестана С. Т. Любимова ознакомила женский актив с этим постановлением, работники женотдела почувствовали прочную поддержку, обрели веру в свои силы, в дело, которое им было поручено. ЦК РКП(б) решил создать специальный фонд для работы среди женщин, и уже была отпущена первая тысяча рублей для этого фонда. «В дальнейшем, — вспоминает С. Т. Любимова, — мы имели сотни тысяч, но никогда эти суммы не производили такого впечатления, как первая тысяча» [436, с. 27].

С первых дней своей деятельности в женотделе ЦК КПТ С. Т. Любимова настойчиво выискивала формы и методы работы, наиболее приемлемые в местных условиях.

Вот что пишет она об этом периоде борьбы за раскрепощение женщин Средней Азии:

Проклятое наследие рабского прошлого продолжало существовать не один год и при Советской власти. Покончить с ним было нелегко. Это наследие застали еще и мы — группа коммунисток, командированных ЦК РКП(б) в 1923 г. на работу среди женщин Средней Азии.

С первых же дней нашей работы к нам начали обращаться женщины.

Киргизка Казыбек Хаджиева пришла в женотдел искать защиты: ее продали за большой калым человеку, которого она не любит.

Амангыз Мирзагильдиева прибежала из аула Уя Джетысуйской волости. Показывает свои обожженные руки. Муж бросил ее в огонь, а потом выгнал.

Жительница Актюбинского аула Джангдай Бабабекова, убежавшая от мужа, писала в своем заявлении: «Муж требует, чтобы я вернула деньги, потраченные на свадьбу. У меня их нет. Прошу женотдел содействовать в освобождении меня от этой платы...»

Другая узбечка в слезах поведала, что бай изнасиловал ее 12-летнюю дочь. Девочка сбежала, ее нигде не могли найти. Теперь мать пришла в женотдел и просит защиты от бая.

Таджихан Ташкантураева из кишлака Карамырт просит помочь получить от зятя имущество дочери, которая сошла с ума от побоев мужа. Муж выгнал ее из дому и теперь женится на другой.

Разве можно было не реагировать на эти человеческие документы? И мы, работники женотделов, принимали меры, изыскивали всевозможные способы для разрешения этих и подобных им многочисленных просьб и заявлений: ехали, писали, убеждали, обращались в милицию, в судебные органы, сами выступали на судах в качестве защитников и общественных обвинителей, широко пропагандировали советские законы о правах женщины [436, с. 18, 338—339].

В то время, продолжает С. Т. Любимова, Ташкент был резко разграничен на два города — Старый и Новый. В Старом все необычно: узкие кривые улочки, дома без окон с плоскими крышами, высокие глинобитные заборы. Не видно общественных зданий — школ, больниц, магазинов. Торговля сосредоточена на базаре. Много мечетей. В Старом городе и живет коренное население. Вот не торопясь идет узбек в ярком полосатом халате. Шагов на шесть-восемь от него движется женщина, вся она скрыта под паранджой. На голове у нее узелок. Это муж с женой направляются в гости. Женщина не имеет права идти рядом с мужчиной, непременно только сзади и только на почтительном расстоянии.

Там, в Старом городе, С. Т. Любимова с переводчицей посещала дом Рисолятхон Саид-Алиевой, с которой познакомили ее в партийном комитете. Здесь она встречалась с узбекскими женщинами. Рисолятхон работала в женотделе, знала русский язык и

охотно соглашалась познакомить С. Т. Любимову с жизнью и бытом местного населения.

На женский дворик без предупреждения не может зайти мужчина, и поэтому женщины здесь могут открыть лицо и снять паранджу. Их наряд — длинные широкие платья, шаровары, платок или тюбетейка на голове, а сверху паранджа, на лицо опущен чиммат.

Начинается неторопливый разговор, конечно, на бытовые темы, ибо пока на женский дворик еще не проникли интересы политические, общественные:

— Мужчина делает что хочет. Недавно сосед прогнал жену за бесплодие. Но разве она виновата? Она лечилась, пила настой, который давал мулла, ездила в Джелалабад и, как положено, сползала животом вниз с камня Сулеймана. Ничего не помогло.

Узбечки называют имена некоторых женщин, которые пошли на собрание и открыли лицо. На этих женщин было написано заявление в шариатский суд с обвинением их в плохом поведении, десятки мужчин подписались (приложили пальцы), и женщины были наказаны [436, с. 16—17].

С. Т. Любимова рассказывает, как, вооруженные английскими винтовками, разжигая религиозный фанатизм, басмачи грабили и разоряли крестьянство, убивали советских активистов, мешали мирному хозяйственному строительству Туркестана. Работу партии среди женщин они пытались использовать против Советской власти. «Большевики нарушают законы шариата. Сни открывают ваших жен. Смерть неверным!» — таково было содержание листовок, распространяемых басмачами.

В 1923 г. шайка басмачей захватила группу из 13 человек юношей и девушек — узбеков, плывших на лодках по Амударье в Ташкент на учебу. Только одному из них удалось спастись, остальные были перебиты. Особенно жестоко издевались басмачи над девушками [436, 19—21].

1923 г. Бухара. Царит оживление. Город живет на улице. Не видно только женщин. Робки и одиноки их фигуры, закутанные в паранджи [436; 21].

В ЦК Бухарской компартии переговоры о том, чтобы начать работу среди женщин, ни к чему не привели. «Работники ЦК считали совершенно невозможным и несвоевременным снова создавать женотдел, который был в 1921 году». Нет, ответили они на предложения С. Т. Любимовой, у нас делать этого нельзя. Пусть работают пока среди русских в Кагане. Мы подождем. Ей было отказано даже в просьбе познакомить ее хотя бы с женой секретаря ЦК Бухарской компартии.

В отделе здравоохранения Бухарской республики, в передней, С. Т. Любимова встретила закрытую паранджой женщину. Почтительно и тихо она постучала в дверь одной из комнат. На вопрос «кто?» она что-то сказала. «Пошла вон!» — отчетливо послышалось из-за двери. Женщина покорно повернулась и вышла.

Так было в Бухаре в июне 1923 г. [436, с. 22].

1923 г. Ашхабад был населен главным образом русскими, среди его жителей было мало туркмен, редко приезжали туркмены и из аулов. Работа женотдела велась среди городских женщин и не доходила до аулов. Женотдел еще не установил контакты с женщинами-туркменками, которые все еще оставались бесправными [436, с. 22—24].

И вот в этих условиях в 1923 г. С. Т. Любимова начала работать заведующей женотделом ЦК КПТ с 50 работниками женотделов республики, из которых только три были узбечки (Умриниса Узакбаева, Рисалятхон Саид-Алиева, Зухра Юсупова), одна киргизка (Ялымова), одна башкирка (Гафарова) и две татарки (Праздникова, Атабаева). Остальные 43 были русские коммунистки.

С С. Т. Любимовой в женотделе ЦК КПТ работали инструкторы Кроль, Е. А. Росс, Ю. М. Кислова, практикантка Умриниса Узакбаева и секретарь Белицкая.

В Сырдарьинской области в 1923 г. работало 14 женщин-мусульманок: заведующая женотделом обкома Л. А. Отмар-Штейн, переведенная сюда из Бухары, инструкторы Тестелец и Разумова, заведующая Старгородским райкомом КПТ башкирка Гафарова и инструктор Тураева, заведующая Новгородским райкомом КПТ Николаева и инструктор Симонова, уездные организаторы среди женщин в Мирзаульске — Яковлева, в г. Туркестане — Цветкова, в Ак-Мечети — Мелдавская, Казалинске — Кондратьева, Чимкенте — Судакова, Аулие-Ата — Макарова, Ташске — Корнеева [436].

В Самаркандской области работу среди женщин-мусульманок вели шесть коммунисток, в Туркменской также шесть, в Джетысуйской — девять, в Ферганской — восемь и во всей Амударьинской — одна бесстрашная поборница эмансипации мусульманок коммунистка А. Аксентович, переведенная сюда из Ферганского обкома партии.

В Ферганском обкоме заведующей женотделом была Надежда Клейман (1896 г. рождения, член РКП(б) с 1918 г.), вместе с С. Т. Любимовой направленная на работу в Туркестан в июне 1923 г.

Е. А. Попова[1] была направлена на работу в женотдел Казахстана после национально-государственного размежевания и образования Казахской АССР. Казахстан — крупная республика с ог-

---

[1] Елизавета Алексеевна Попова родилась в 1902 г. Член КПСС с 1920 г. Работала в отделе работниц Тамбовского губкома партии. В 1925—1926 гг. — инструктор отдела работниц и крестьянок ЦК ВКП(б), в 1926—1929 гг. — заместитель заведующего женотделом Казахского крайкома ВКП(б). В 1929—1930 гг. Е. А. Попова — ответственный секретарь Комиссии по улучшению труда и быта женщин при Президиуме ВЦИК, а затем — инструктор отдела национальностей ВЦИК. В 1934—1957 гг. работала в органах суда и прокуратуры, а с 1957 г. — персональный пенсионер.

ромной территорией и многомиллионным народом, кочующим по просторам своих степей и пустынь. «Главная же трудность, — пишет Е. А. Попова, — заключалась в том, что надо было изыскать особые формы и методы работы среди казашек, применительно к кочевым условиям, найти новые пути к женщинам-кочевницам и к оседлым скотоводам-казашкам для распространения на них советского влияния. Об организации делегатских собраний среди кочевниц пока еще можно было только мечтать. Делегатские собрания были созданы главным образом в городах и селах и охватывали в основном русское и оседлое казахское население. Огромные массы казашек в кочевых аулах оставались в стороне от партийного влияния» [376, с. 365].

Среди киргизок активную работу вели в эти годы также русские женщины — Мария Турапина, Любовь Чаадаева, А. И. Матрохина[1], М. В. Митькова, М. Л. Шевченко-Колосова, Е. И. Васильева и др. [547, с. 60].

В женотделе Средазбюро ЦК ВКП(б) С. Т. Любимову сменила в 1927 г. М. Ф. Муратова[2], проработавшая на этом посту до 1931 г. Все эти годы она член Средазбюро ЦК ВКП(б), член ЦК КП(б) Узбекистана, член ЦИК Узбекской ССР. Она также делегат пяти съездов ВКП(б) (с XII по XVII) и I, II, III съездов Советов СССР.

М. Ф. Муратова приехала в Среднюю Азию к началу развертывания решающего этапа женского движения — так называемого Худжума (решительного наступления на старый быт, активной борьбы за фактическое раскрепощение женщины советского Востока), в успешном осуществлении которого немал и ее вклад.

В статье «О Елене Новиковой» А. М. Горький писал: «И не только сама русская женщина быстро выходит на широкую дорогу свободного труда, не только она постепенно начинает чувствовать себя хозяйкой государства, — она ведет за собой и женщин всех национальных меньшинств: татарок, калмычек, мордовок и других, чья жизнь была еще больше мучительно тяжелой, чем жизнь русских рабочих женщин» [373, т. 24, с. 382].

В практике эмансипации женщин Средней Азии так и было. Но сначала русским активисткам здесь помогали представительницы относительно свободных и культурных слоев мусульманок. Таковыми были в Средней Азии татарки и башкирки. Татарки-активистки оказывали бесценную помощь русским коммунисткам

---

[1] Анна Ивановна Матрохина была заведующей женотделом Киргизского (Казахского) обкома партии. Год рождения 1888, русская, из семьи рабочих, самоучка, член РКП(б) с 1918 г., на женработе с 1919 г.

[2] Мария Федоровна Муратова родилась в 1900 г. Член коммунистической партии с 1919 г. Начала работу среди женщин в Витебской губернии. Избиралась членом ЦК КП(б) Белоруссии. До 1927 г. заведовала отделом работниц и крестьянок ЦК КП(б) Белоруссии, являясь одновременно ответственным редактором журнала «Белорусская работница и селянка». В 1927—1931 гг. возглавляла работу среди женщин в Средней Азии.

не только в роли переводчиков, но и в разъяснении политики партии женщинам восточных национальностей. Им больше верили, так как и они были приверженцами ислама, и язык их был сходен, да и перенесенная тяжесть порабощения та же.

Марьям Шарафутдинова — коммунистка, татарка, принимала самое активное участие в работе женотдела Ново-Бухарского горкома партии. Ее привлекла к активной работе Л. А. Отмар-Штейн.

Биография Марьям коротка и типична. Она родилась в одном из бухарских кишлаков. Мать — татарка, отец — узбек. С 10 лет на девочку надели паранджу, и детство ее кончилось. В 12 лет Марьям продали старому узбеку.

В 20 лет Марьям убежала в Каган. Здесь с помощью Л. А. Отмар-Штейн она сбросила паранджу и поступила на хлопкоочистительный завод, стала работницей. Вышла замуж за молодого рабочего-железнодорожника. Вместе с мужем вступила в партию. Марьям горячо любила порученную ей работу среди женщин-узбечек и самозабвенно выполняла ее. Но это стоило ей жизни. Во время одной поездки в кишлак Марьям Шарафутдинова была зверски убита басмачами [376, с. 346].

Татарка Праздникова, 1899 г. рождения, работница, член РКП(б) с 1920 г., с 1922 г. работала заведующей женотделом Маргеланского уездкома КПТ Ферганской области.

Татарка Рабига Атабаева, 1885 г. рождения, из крестьянской семьи, член РКП(б) с 1919 г., была инструктором женотдела Джетысуйского обкома КПТ.

Башкирка Гафарова, 1889 г. рождения, из рабочих, член РКП(б) с 1918 г., с 1919 г. заведовала женотделом Сырдарьинского Старогородского райкома КПТ и привлекла в партию и на женскую работу (инструктором этого же женотдела) узбечку Тураеву [300, ф. 60, оп. 1, д. 3711, л. 2—4].

В женотделе Катта-Курганского уездкома партии работала образованная татарка, коммунистка Загида Хусаиновна Бурнашева (1895 г. рождения, коммунистка с 1918 г.). В 1919 г. женотдел Туркестанского крайкома РКП(б) перевел ее на работу в Ташкент. Здесь она организовала первую женскую школу в Старом городе, заведовала краевыми женскими педагогическими курсами, реорганизованными затем в краевой Женский институт просвещения (Женский инпрос), который она возглавляла, внося большой вклад в дело подготовки кадров из числа женщин восточных национальностей, в просвещение женщин-мусульманок советского Востока.

Одна из организаторов женского просвещения в Средней Азии, она непосредственно привлекла к учебе в Женский инпрос, на курсы по подготовке работниц женотделов, Шамсикамар Гаибджанову, Джахан Абидову, Таджихон Шадиеву и многих других женщин, ставших затем выдающимися поборницами раскрепощения женщин-узбечек и вписавших славные страницы в историю

борьбы Коммунистической партии за решение этой сложной социальной проблемы.

Осенью 1918 г. З. Х. Бурнашева жила в Катта-Кургане Самаркандской области. Закаспийский фронт находился совсем близко, на станции Уч-Аджи, а за 60 километров располагалась эмирская Бухара. Положение было тяжелым. В этих трудных условиях уездно-городской комитет поручил ей организовать школу для девочек.

В июле 1919 г. Туркестанский комиссариат просвещения поручил ей и еще двум учительницам-татаркам, Ахтямовой Салиме и Мухаммедовой Гизанур, наладить работу краевых женских педагогических курсов в Ташкенте.

Они горячо принялись за дело, провели большую подготовку, выступали на партийных собраниях, призывая коммунистов коренного населения послать своих грамотных жен и сестер на курсы. Старались привлечь и учительниц старых мусульманских школ.

В 1920 г. курсы были реорганизованы в Женский институт просвещения, сыгравший большую роль в деле подготовки не только педагогов-узбечек, но и крупных общественных деятельниц республики. Первым его директором стала З. Х. Бурнашева. Известная узбекская писательница Айдын (Манзура Сабиркараева), активная общественница Джахан Абидова и др. были воспитанницами Женского института. Одна из них (Рабига Насырова) позже, в 1926 г., была назначена директором этого института.

Первый выпуск института состоялся в октябре 1923 г. Из 24 студенток курса к этому времени осталось только семеро. Но и этот малочисленный выпуск имел историческое значение для культурной жизни республики. Проходил он в торжественной обстановке, собралось много гостей. Были речи, поздравления, а выпускницы сидели в паранджах. Так в паранджа и выступила с ответной речью Манзура Сабиркараева. Она благодарила Советскую власть за отеческую заботу о женщине Востока, а старших товарищей — за помощь в учебе и за теплую поддержку в течение всех лет обучения.

«Мы еще не сняли с лица покрывала, — сказала Манзура в заключение, — но паранджа, хоть и заглушает мой голос, не заглушит наших стремлений к просвещению».

Семь выпускниц Инпроса — Манзура Сабиркараева, Хамида Таджиева, Рабига Ходжаева, Хасиад Зиямухамедова, Манзура Ияибуистова, Таджи Назиева, Нази Умидова — начали работу. Женотдел и комсомол взяли над ними опеку. В честь этого знаменательного события учреждались библиотеки «Имени семи учительниц» [480, с. 62—63].

Таковы самые общие сведения о небольшой группе первых бесстрашных, глубоко преданных своему интернациональному долгу русских коммунистках и первых коммунистках местных национальностей, совершивших революционный подвиг на этом, каза-

лось бы, недоступном для человека фронте социальных преобразований советского Востока. Они, надев национальное платье и паранджу, решительно переступили порог веками наглухо запертых ичкари, в застенках которых томилась в домашнем заточении женщина-мусульманка Средней Азии, и донесли до нее весть о Ленине, о новой, Советской власти, о новых советских законах, предоставляющих женщине-мусульманке равные с мужчиной права в обществе и семье.

ПЕРВЫЕ ОТВАЖНЫЕ

Переступив порог ичкари, женотделы не отступали. Они упорно искали подходы к затворнице и прочно прокладывали к ней путь.

И надо отдать им должное: женотделы, несмотря на объективные и субъективные трудности, все препятствия, добились первых, но весьма обнадеживающих успехов. Появилась первая когорта отважных, вызволенная русскими сестрами из домашнего заточения и ступившая на широкий путь общественно-политической жизни. Эти первые бесстрашные, еще в паранджe, вступили в схватку за эмансипацию своих сестер, дочерей. Они еще долго боролись в паранджe: не так-то просто и легко расстаться с привычным, традиционным, поступиться укоренившимися взглядами, мнением родных, близких, соседей, односельчан, которые переставали знаться не только с той, что посмела снять паранджу, но даже с ее семьей, родными, близкими, а классовые враги и реакционное духовенство убивали женщин, снявших паранджу.

Все эти мусульманки, первыми поднявшие голову, на себе испытали жестокость шариата, адата, религиозных догм ислама, затворничество, насильственную продажу в замужество за калым в детском или подростковом возрасте, беспрекословную власть мужа — повелителя и многоженца, трагичность распри между женами, деспотичность свекрови или старшей богатой жены-госпожи, безнаказанное избиение и т. п. Потому-то они откликнулись на призыв русских сестер, Коммунистической партии и Советского государства и мужественно поднялись, пока в затворнической одежде, на борьбу за свое освобождение, за раскрепощение своих сестер, дочерей, женщин своего края; они стали решающей опорой женотделов, которые затем сами и возглавили. Они, вчерашние безмолвные, стали прекрасными ораторами, их слова проникали через паранджу и глухие стены ичкари. Они находили проникновенные слова, потому что сами прошли через заточение, против которого боролись; они говорили на родном для затворниц языке, шли на прямые контакты с ними, были в такой же затворнической одежде. Затем, когда пришло время, они первыми расстались с паранджой, и, следуя их примеру, сбросили с себя угнетающую затворническую одежду и влились в ряды активных строителей социализма все трудящиеся женщины Средней Азии.

Но пока, в первые годы Советской власти, с паранджой рас-

стались всего пять узбечек, которые вместе с русскими коммунистками вступили в схватку во имя эмансипации мусульманок советского Востока. Среди этих первых была и Рисолят-хон Алиева, 1898 г. рождения, инструктор женотдела в Ташкенте. В ее-то доме и встречалась С. Т. Любимова с узбечками в 1923 г. Впоследствии Рисолят-хон была инструктором женотдела ЦК КП Туркестана, делегаткой II Международной конференции коммунисток, где выступила от имени женщин Туркестана. В 1924—1925 гг. она руководила женотделом Зеравшанского обкома КП Узбекистана. Здесь Рисолят-хон в 1925 г. привлекла к работе женотдела обкома в качестве инструктора Хасият Рахатову, которая в 1924 г. была принята в партию, а в 1925 г. избрана делегатом на I съезд КП(б) Узбекистана.

Первыми узбечками, расставшимися с паранджой еще в 1920 г., кроме Рисолят-хон Сеид-Алиевой, были Садыкова, Зухра Юсупова, Шамсикамар Гаибджанова [502, с. 13].

В 1920 г. Садыкова, Зухра Юсупова, а также Фатиха Редькина и Ляхович начали работу в Старом городе Ташкента. Они продолжали агитационную работу, начатую в 1919 г., и для этого использовали все возможности, чтобы встретиться и побеседовать с узбечками, стали постоянными посетителями ичкари. В результате и первые узбечки стали посещать женотдел [502, с. 13].

Зухра Юсупова, одна из первых узбечек, снявшая паранджу, родилась в 1895 г. в относительно интеллигентной семье. К общественной работе ее привлекла А. А. Аксентович. В 1920 г. она вступила в ряды РКП(б) и тогда же начала работать инструктором Ферганского обкома КП Туркестана. Затем ее переводят инструктором в женотдел ЦК КП Туркестана. После победы Советской власти в Бухаре по просьбе бухарских коммунистов Средазбюро ЦК ВКП(б) в 1924 г. направляет Зухру Юсупову заведующей женотделом ЦК Бухарской коммунистической партии. Здесь она продолжает дело, начатое Л. А. Отмар-Штейн, в чрезвычайно сложных и трудных условиях Бухары тех лет [300, ф. 60, оп. 1, д. 3711, л. 2—3].

Мужественным борцом за раскрепощение женщин советского Востока была и узбечка Шамсикамар Гаибджанова. Она родилась в 1897 г. в многодетной семье рабочего хлопкоочистительного завода, где была старшей. В 11 лет осиротела и начала батрачить на бая Карабая за объедки, а по ночам шила тюбетейки на продажу. Ее соседка Семенова, свидетельница издевательств бая над девушкой, устроила ее в больницу прачкой, а затем санитаркой [502, с. 224].

Осенью 1917 г. Шамсикамар от поступавших в больницу раненых узнала о событиях в Ташкенте, о революции. С первых лет Октябрьской революции эта сирота, смелая, дерзкая, поддержанная русскими коммунистками, в числе которых были и Л. И. Шумилова с К. Н. Судаковой, наперекор старым обычаям и законам становится на путь активной борьбы за новую жизнь.

В 1920 г. Шамсикамар Гаибджанова вступает в ряды РКП(б) и принимает самое деятельное участие в мероприятиях женотдела Ташкента и Туркестанского крайкома партии по подготовке Всероссийского съезда женщин Востока.

Вместе с 78 делегатками Туркестана она едет в Москву. Шамсикамар активно помогала женотделу и в подготовке поездки, и в сопровождении делегации в Москву и обратно.

Мы уже рассказывали о выступлениях Шамсикамар на II Международной конференции коммунисток и на военном параде в Москве в 1921 г., о встрече с В. И. Лениным. Она является одной из первых узбечек, побывавших в Москве после победы Октябрьской революции, и первой узбечкой, выступившей там от имени женщин Туркестана. Шамсикамар была также делегатом I съезда Коммунистической партии Узбекистана и выступила на нем с пламенной речью. Выступила на этом съезде Шамсикамар и вторично — в связи с поступившим сообщением о зверском убийстве басмачами делегатки I Всеузбекского съезда Советов Иклим Сулеймановой, женорганизатора кишлака Шакар-Тебу Чашмобской волости (ныне Паст-Даргомского района) Самаркандского уезда, матери четырех детей. Делегаты съезда заклеймили позором убийц, призвали трудящихся мобилизовать силы на борьбу с остатками басмачества, приняли решение об обеспечении детей и увековечении памяти страстного борца за раскрепощение женщин. В кишлаке, где жила, боролась и героически погибла Иклим Сулейманова, открыли школу ее имени.

С 1929 г. и вплоть до ухода на персональную пенсию Шамсикамар Гаибджанова находилась на руководящей хозяйственной работе, внося большой вклад в дело экономической эмансипации узбечек.

Яркую страницу в историю эмансипации мусульманок вписала Таджихон Шадиева. Она родилась в 1905 г. в семье забойщика Кизилкийских копий Ташмата Мирзабаева [502, с. 211] и разделила судьбу своих сверстниц. Чтобы как-то облегчить материальное положение семьи, 11-летнюю Таджихон родители выдали замуж за богача из Коканда Табиба Шадиева, старшая богатая жена которого травила девочку толченым стеклом. От гибели Таджихон спасла Октябрьская революция. В 1920 г. заведующая женотделом Ферганского обкома партии А. А. Аксентович направила 15-летнюю Таджихон на учебу в партийную школу. Там она вступила в комсомол, а затем, в 1925 г., — в ряды ВКП(б).

В 1922 г. после окончания партийной школы Таджихон направляется инструктором женотдела в Хорезм, где только что был свергнут деспотический режим Хивинского хана и образована Хорезмская Народная Советская Республика. В 1923 г. женотдел ЦК КП Туркестана направляет Таджихон Шадиеву заведующей женотделом Кокандского горкома КПТ, а в 1925 г. ЦК КП Узбекистана выдвигает и направляет ее заведующей женотделом Ферганского обкома партии. В 1926—1930 гг. Таджихон — сначала

заместитель, а затем заведующая женотделом ЦК КП Узбекистана и плечом к плечу с товарищами по борьбе страстно осуществляет Худжум. В 1930 г. она получает высокую правительственную награду — орден Трудового Красного Знамени, высшую в то время награду Родины.

1925—1936 гг. Таджихон Шадиева — участница всех съездов КП Узбекистана и Советов, избирается членом ЦК КП Узбекистана, ЦИК республики, а в 1935 г. — членом ЦИК СССР.

В трудные, сложные, насыщенные борьбой годы эти поборницы женского раскрепощения целиком отдавали свои силы выполнению поставленной Коммунистической партией задачи социальных преобразований в Средней Азии. У этих, по существу, малограмотных женщин, волной революционных событий вынесенных на передний план классовой борьбы, не было ни времени, ни возможностей для продолжения учебы, повышения общеобразовательного и политического уровня или получения специальности.

Таджихон Шадиева не была исключением. В 1930 г. она едет учиться в Москву на трехгодичные курсы подготовки руководящих работников, после окончания которых, в 1933 г., работает начальником политотдела МТС, а последние годы до ухода на пенсию руководит совхозом, добросовестно выполняя порученное дело.

Пламенный антифашист, чешский писатель Юлиус Фучик, трижды посетивший Узбекистан, написал о Таджихон Шадиевой статью «История жизни Таджихон Шадиевой» (1935 г.), опубликованную в 1955 г. (№ 7) в «Звезде Востока».

В числе первых активисток-узбечек, борцов за раскрепощение женщин Туркестана была и Умриниса Узакбаева (1885—1955). В 1920 г. она вступает в ряды Коммунистической партии. Выходец из рабочих, сама работница, Умриниса активно помогает женотделу в вовлечении узбечек в его мероприятия. Она является первой практиканткой женотдела в Ташкенте, а с 1923 г. — первой практиканткой женотдела ЦК КП Туркестана. Умриниса Узакбаева в 1923 г. становится первой узбечкой — членом ЦИК Туркестана и ведет активную работу за эмансипацию мусульманок края [300, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 9].

Узбечка Джахан Абидова принадлежит к числу выдающихся поборниц эмансипации женщин-мусульманок. За этой коммунисткой, отличавшейся необыкновенно разумным отношением к порученному ей делу, пошло немало узбекских женщин.

Джахан Абидова родилась в 1900 г. в горном кишлаке Нанай (ныне Бостандыкского района Ташкентской области) в семье бедняка-дехканина. В 13 лет выдана замуж за богача И. Ирматова в кишлак Байты-Курган (ныне Орджоникидзевского района Ташкентской области). Здесь над ней жестоко властвует не только муж-деспот, но и три его старшие жены из богатых семей. В 1915 г., не выдержав издевательств, Джахан бежит в Ташкент, где с трудом устраивается в прислуги.

Мать-героиня А. Атмиева из Туркмении

В 1919 г. с помощью выдающейся поборницы женского просвещения коммунистки Загиды Бурнашевой Джахан Абидову принимают на учебу в женскую школу, организованную в Старом городе и преобразованную затем в женский инпрос. Ее одели и обули, устроили в общежитие, а через год перевели на учебу на рабфак. Одновременно Джахан работает заведующей женской библиотекой в первом женском клубе в Старом городе. Будучи студенткой, Джахан Абидова получает ответственное задание по обнаружению и обезвреживанию банды из четырех перевозчиков оружия для басмачей и тайного клада баев. Но особенно активно она помогает работницам Ташкентского женотдела в установлении контактов с узбечками в ичкари.

В 1922 г. Джахан Абидова направляется на работу в женотдел Аулие-Атинского уездкома партии, а через год переводится на ответственную работу заведующей женским сектором Ташкентского

союза «Қошчи». Работа в «Қошчи» имела в те годы огромное значение, поскольку означала налаживание работы среди дехканок-беднячек. Тогда работа с женщинами в кишлаках только начиналась.

Абидова — делегат I Учредительного съезда Советов Узбекистана. Вскоре после съезда она вступает в ряды Коммунистической партии, и ЦК КП(б) Узбекистана направляет ее заведовать женотделом Старогородского райкома партии Самарканда, тогда столицы Узбекской ССР. Это был трудный участок работы. Среди женщин царили сплошная неграмотность, фанатизм. «Трудно было работать в то время, — вспоминает сама Джахан. — Для того чтобы пригласить женщин на какое-нибудь собрание, нужна была большая подготовительная работа. Чтобы привлечь на собрание самых отсталых женщин, в конце собрания его участницам часто выдавалось или по куску мыла, или по лоскутку материи, или по иголке и т. д. Видя, что на собраниях идет разговор об их раскрепощении, женщины медленно, но все же стали приобщаться к общественной жизни» [502, с. 114].

За короткое время Джахан, опираясь на самих женщин, организует здесь женский клуб, женскую школу ликбеза, кружки кройки и шитья, драмкружки, женский магазин, женские артели. Она сумела вовлечь узбечек в делегатские собрания и через этих делегаток вовлечь массу узбечек в махаллинские комиссии. В собеседованиях Джахан разъясняла им советские законы о женском равноправии, о необходимости участвовать в общественной работе, ликвидировать свою неграмотность и, наконец, работать, чтобы быть экономически независимыми в семье.

Как талантливого партийного работника, ЦК КП(б) Узбекистана направляет Джахан Абидову на самые ответственные участки работы. Она осуществляет земельно-водную реформу в Ургутском районе, одном из отдаленных районов республики; она находится в передней шеренге борцов за раскрепощение женщины советского Востока в годы Худжума. В 1929—1935 гг. Джахан Абидова работает заместителем председателя ЦИК Узбекистана под руководством первого и бессменного старосты Узбекистана Юлдаша Ахунбабаева. Находясь на этом посту, она выполняет самые ответственные поручения ЦК КП(б) Узбекистана. В эти годы она дважды выезжает в Хорезмскую область, где сохраняется сложная ситуация, и руководит здесь ликвидацией нетрудовых хозяйств, отбором излишков байской земли и передачей их беднякам-дехканам. Это задание было выполнено в очень трудных условиях, так как в области еще бесчинствовали басмаческие шайки. Во второй раз она выезжает в Хорезмскую область для ликвидации в Шавадском районе басмачества, активизировавшегося в период коллективизации сельского хозяйства. В Таджикистане действовали банды Ибрагима Курбаши, в Хорезме — Джунаид-хана Курбаши. Джахан организует активную разъяснительную работу среди населения, поднимает его на борьбу против басма-

чей. На ликвидацию басмачества были брошены части Красной Армии. Мобилизованные Джахан трудящиеся женщины-узбечки помогали армии и партийным организациям в ликвидации банд.

В последующем Джахан Абидова работает председателем Ташкентского горисполкома, постпредом Узбекской ССР в Москве. Такова коротко ее поистине героическая биография.

Необыкновенна боевая биография у комсомолки тех лет узбечки Розы Назаровой. Родилась она в 1904 г. в Андижане в семье батрака. С 1919 по 1939 г. была в комсомоле, затем вступила в партию. Образование начальное. В 1918—1921 гг. она — инструктор Катта-Курганского уездгоркома комсомола, а в 1921—1924 гг. — комиссар по арестам и обыскам при Джизакском уездном политбюро ВЧК, проводник отряда по борьбе с басмачеством Хатерчинского района ВЧК, затем боец разведывательного отряда 13-го стрелкового корпуса 11-й кавалерийской дивизии 1-го Буденновского полка Бухарской Народной Республики.

Осенью 1918 г. Роза попала в руки басмачей в Нур-Атинских горах Самаркандской области. Когда басмачи, переодевшись дехканами, прибыли в Митан на Джума-базар (ныне Пасдаргамский район Самаркандской области), она сумела предупредить красноармейцев. После этого она жила в семье комиссара, у инструктора Катта-Курганского уездкома партии — пожилой женщины москвички Кузнецовой. «Эта русская женщина стала моим первым учителем», — говорит Роза [628, 2, 4, 11.VII.1957].

В 1925 г. после окончания шестимесячных курсов ликвидации неграмотности в г. Самарканде Роза Назарова работала на табачной фабрике г. Ташкента, затем год училась в САКУ им. В. И. Ленина в Ташкенте, а по окончании курсов с 1926 по 1929 г. была инструктором Андижанского окружкома партии. Во время работы в окрженотделе в Нарынском районе Наманганской области ей нанесены (1927 г.) тяжелые ножевые ранения, что навсегда наложило отпечаток на ее здоровье.

С марта 1930 по март 1938 г. Р. Назарова — председатель Техта-Абадского сельсовета Андижанского района, в 1938—1942 гг. — заместитель директора МТС, секретарь партийной организации колхоза «Большевик» Янги-Юльского района, а в 1942—1946 гг. — секретарь по кадрам Алтыкульского РК КПУз Андижанской области. В 1947—1956 гг. она на руководящей работе в системе кооперации Узбекистана вплоть до ухода в 1956 г. на персональную пенсию.

Р. Назарова избиралась делегаткой VII съезда Советов СССР, членом ЦИК Узбекской ССР (пятого созыва, 1935—1939), в состав комитетов комсомола, местных Советов и т. д. Имеет правительственные награды.

Комсомолка Захида Хасанова (она же Зайнаб Хисматова) родилась в 1903 г. Она героиня гражданской войны, борьбы против белогвардейщины и басмаческих банд в Восточной Бухаре (умерла в годы Великой Отечественной войны).

Сабира Хаддарова, 1907 г. рождения, — одна из первых комсомолок Туркестана, с 1937 г. — член ВКП(б). Активный борец за эмансипацию девушек-узбечек, затем редактор женского журнала в Узбекистане, партийный работник.

Джумагуль Сеитова — в числе самых первых, кто начал борьбу за раскрепощение каракалпачек. С 1928 г. она — член Коммунистической партии, окончила годичный Среднеазиатский университет и много лет была на руководящей работе: заведовала женотделом, была заместителем председателя Совета Министров КҚАССР. Удостоена Почетной грамоты Верховного Совета УзССР и двух Почетных грамот Верховного Совета КҚАССР [345, с. 153—154].

Одной из первых активисток Каракалпакии была и Курбангуль Бекмуратова, 1911 г. рождения. В возрасте трех лет она осталась без отца. Четверо детей умерли от голода. Оставшиеся три сестры (старшей было 9 лет) вместе с матерью работали на бая, жили впроголодь. Курбангуль хотела учиться, посещала медресе, а в 1924 г. поступила в советскую школу и, несмотря на многие препятствия, продолжала учиться в ней. В 1926 г. Курбангуль поступила в областную совпартшколу и в 1928 г. окончила ее. Одновременно посещала драмкружок «Тангнури» («Утренняя заря»), из которого впоследствии вырос драмтеатр. В 1929 г. она окончила САКУ и в последующие годы находилась на ответственной партийной работе [345, с. 195—197].

Немало славных страниц в историю борьбы за раскрепощение мусульманки вписали казахские женщины.

Судьба Сары Есовой несравненно счастливее судьбы многих ее сверстниц. Она родилась в 1903 г., и революция освободила ее от необходимости стать женой старика-бая, нареченной которого она считалась с трехлетнего возраста. Сара получила педагогическое образование, вступила в комсомол, а затем (в 1920 г.) в коммунистическую партию. С 17 лет, будучи коммунисткой, Сара ведет активную работу по раскрепощению женщин-мусульманок в Казахстане. С 1920 по 1925 г. она активно работает в женотделах под руководством русских коммунисток, в 1925 г. становится первым редактором казахского женского журнала «Аэль-Тендыги» («Раскрепощение женщины»), на страницах которого в течение 11 лет ведет беспощадную борьбу за раскрепощение женщин Казахстана, а затем — за преодоление пережитков прошлого в отношении к женщине. С. Есова являлась членом коллегии женотдела крайкома, членом Казахского крайкома ВКП(б), а затем — ЦК КП Казахстана, членом ЦИК Казахской республики, директором Государственного музея Казахской ССР [376, с. 372].

Қазашка Алма Уразбаева с 1922 г. работала женорганизатором, а затем заведующей женотделом Казахского (тогда Киргизского) обкома РКП(б) (см. [312]). Их было двое: товарищи и соратницы казашка Алма Уразбаева и русская Анна Назарова. Вместе они агитировали женщин не бояться поднять голову, жить по-новому.

Организовали первые ясли, а в 1925 г. ковроткацкую артель в Кзыл-Орде. Они приглашали в артель женщин, умеющих ткать ковры, паласы и делать кошмы. Активистка казашка Ярылкамышева была командирована для этого в близлежащие аулы. Продукция артели продавалась в учреждениях или отдельным ответственным работникам. Вырученные деньги шли на оплату труда и покупку шерсти. Алма Уразбаева часто бывала в артели, выступала с докладами, проводила беседы, помогала в работе, давала полезные советы. Женщины артели очень полюбили эту невысокую, худощавую, энергичную женщину с большой душой и впоследствии, в 1925 г., возбудили ходатайство о присвоении ковроткацкой артели имени ее организатора (см. [111]).

Магурушат Баисова — одна из первых казашек-активисток. Подростком она появилась в Семипалатинском женотделе, сбежав от издевательств мужа и свекрови. Там ее ласково приняли и направили на учебу. Она, пережившая все мерзости закрепощения, стала активным женским организатором в ауле. Магурушат не пугали ни угрозы баев, ни насмешки отсталой части населения. Она обучала казашек грамоте, привлекала к работе местного Совета, учила гигиене, а когда подготовила себе смену, уехала учиться на рабфак в Оренбург [376, с. 364].

Казашка Хадича Нурумова начала участвовать в общественной работе с 1923 г., когда прибежала в Акмолинский женотдел, не подчинившись отцу, собиравшемуся продать ее за калым. Женотдел направил Хадичу на учебу в совпартшколу, после окончания которой она была направлена на работу женорганизатором. Позднее она заведовала одной из первых Красных юрт (в Акмолинской области) и сделала ее показательной, лучшей юртой Казахстана. Затем Х. Нурумова была председателем райисполкома и секретарем Комиссии по улучшению труда и быта женщин ЦИК Казахстана [376, с. 367].

На третьей сессии ЦИК Казахстана в 1928 г. с докладом о раскрепощении женщин выступила казашка Нагима Арыкова, заведующая женотделом Казахского крайкома ВКП(б). С трибуны парламента Казахстана докладывал ответственный партийный работник, в котором нельзя было узнать бывшей застенчивой кочевницы [376, с. 370].

В Таджикистане активная работа по эмансипации женщины началась (как и в Бухарской республике) с некоторым опозданием, в 1924—1925 гг. Но уже с 1920 г. таджичка Саломат Джахонгирова была активным проводником политики Коммунистической партии.

Саломат Джахонгирова родилась в 1872 г. в Бухаре. Нельзя без волнения читать рассказы об ее судьбе, типичной для среднеазиатских женщин ее поколения.

«Отец мой, — вспоминает Саломат, — с малолетства был продан в батраки крупному богачу Раззакбаю, который женил его на одной из своих невольниц. Родителей своих я не помню... До

двенадцати лет я находилась на попечении старой служанки Раззакбая, прислуживала вместе с ней женам бая. Все жестоко издевались надо мной...

Еще более невыносимой стала моя жизнь, когда меня продали за ничтожную сумму Каракулибаю. Здесь я тоже ухаживала за женами бая [480, с. 88—89].

Однажды младшая жена бая, Сабира-ханум, приказала мне принести набитый табаком чилим. Я бросилась выполнять повеление госпожи. Однако ей что-то не понравилось в моем поведении. Она ударила меня по лицу, потом пинком свалила на пол и стала избивать. Я потеряла сознание. Очнулась в хлеву. Тело мое ныло, левая рука висела как плеть, во рту не осталось зубов...

Но вот в России произошла революция. К нам на помощь пришла Красная Армия. Эмир был изгнан из Бухары. Я стала помогать красноармейцам: варила, стирала, чинила одежду, а они были благодарны, как матери» (см. [480, с. 88—91]).

Когда в 1924 г. на учредительном съезде Советов Таджикской ССР Саломат встретилась с М. И. Калининым, он заметил, что у нее нет зубов, и спросил, почему она так рано их потеряла.

И тогда она рассказала ему эту историю.

Саломат Джахангирова в числе 78 делегаток Средней Азии в 1921 г. ездила в Москву, вернувшись откуда, самозабвенно окунулась в борьбу за эмансипацию своих сестер в Бухаре — цитадели мусульманского духовенства Средней Азии. В январе 1927 г. она вступила в ряды Коммунистической партии и переехала в Душанбе — столицу Таджикистана. На I учредительном съезде Советов Таджикской АССР С. Джахонгирова была избрана в президиум съезда.

Саломат Джахонгирова работала в женотделе Таджикского обкома партии, ответственным секретарем Комиссии по улучшению быта и труда женщин ЦИК Таджикской АССР, много раз избиралась членом ЦИК республики, членом Таджикского обкома партии, а затем ЦК КП Таджикистана, была заведующей женотделом ЦК КП Таджикистана, на другой руководящей партийно-советской работе.

Борьба за раскрепощение женщины советского Востока стала главным содержанием всей ее жизни. За ней последовали другие таджички, такие, как Мастура Овезова, которая одной из первых сняла паранджу и через газету «Правда» обратилась с обращением ко всем женщинам советского Востока, как Ашурбиби Азимова, Учул Шамсутдинова, Гавхар Шарипова, Курбанбиби Рахматова, Кобиламо Баротова, Бибимо Юсупова и др. [480, с. 93].

Турсун Усманова, одна из первых активисток женского движения среди киргизок, родилась в 1900 г. в кишлаке Уч-Урук Быстрореченской волости.

Будучи круглой сиротой, Турсун жила у братьев, тяжело и много работала. В четырнадцатилетнем возрасте ее продали тридцатилетнему мужу второй женой. В 1916 г., после восстания в

Киргизии, ее семья выехала в Тупань (Китай), где страшно бедствовала, и Турсун выполняла всякую работу у сартов в качестве батрачки. Вернувшись в 1917 г. в село Токмак, она опять батрачила вплоть до 1919 г. Когда в Токмаке была организована работа среди женщин, Турсун оказалась одной из первых активисток.

«С самых первых дней революции я увидела, — писала Т. Усманова в своей биографии, — что Коммунистическая партия указывает верный путь нашему раскрепощению, и я хочу положить все силы на борьбу с темнотой киргизской женщины» [111, с. 234].

Первой из киргизок Турсун Усманова вступила в Коммунистическую партию и добровольцем пошла в Красную Армию. Работала и в продовольственном отряде по снабжению Красной Армии.

В начале 20-х годов женотдел г. Пишпека в числе нескольких киргизок посылает Турсун Усманову учиться грамоте, после чего она работает женорганизатором в Токмакском волостном комитете партии. В 1925—1926 гг., когда в г. Пишпеке были организованы акушерские курсы на 60 учениц, Турсун Усманова поступила на эти курсы.

В 1924 г. Турсун в числе четырех женщин-активисток ездила в Москву на празднование 8 Марта, где познакомилась с Н. К. Крупской, К. И. Николаевой. С 1926 г. она — заместитель заведующей женотделом Фрунзенского обкома партии, а с 1929 г. заведует женотделом Ошского окружкома партии. В день 8 Марта 1930 г. Турсун Усманова была назначена министром социального обеспечения Киргизской АССР. В 1927—1933 гг. она избирается членом Киргизского обкома партии и ЦИК Киргизской АССР.

Среди включившихся в активную борьбу за раскрепощение киргизок были Ялымова, 1899 г. рождения, член РКП(б) с 1923 г., с 1923 г. — инструктор женотдела Джетысуйского обкома КПТ, Турсун Бечелова, Кашимкан Саргылтаева, Зулейка Джетыгенова, Кенжетаева, Алимбюбю Орусова и др.

Шасолтан Караджаева принадлежит к первым поборницам эмансипации женщин-туркменок.

Семья Шасолтан была обездоленной из обездоленных. Муж ее Караджа ходил по аулам и собирал объедки. Жили они в песках Каракумов, севернее станции Казанджик. Как-то, не выдержав голода, холода, скитаний и голодных глаз детей (их у нее было восемь), Шасолтан бросилась в реку. Но прохожий заметил на воде женские волосы и спас женщину.

Революция пришла в Казанджик в декабре 1919 г. Белогвардейцы отступили на запад и убедили население станции бежать, бросив дома. Тогда-то Шасолтан сказала мужу: «Ты — калека, я — женщина. Если отправимся в путь, погубим детей. Останемся в нашем шалаше. Да к тому же, коль разбежались баи от большевиков, значит, они — за бедноту».

Дальнейшие события доказали ее правоту. Пришедшие незнакомые солдаты стали навсегда родными. Они накормили, снабдили необходимым. Один из них, вероятно командир, с улыбкой сказал:

«Больше голодать не будете. Мы воюем за вас, бедняков, чтобы вам хорошо жилось».

Так пришло утро победы Советской власти в эту семью, ранее обреченную на голодную смерть. И первое, что сделали Караджаевы для новой власти, — выполнили просьбу командира, помогли вернуть в Казанджик разбежавшееся население, причем Караджа поехал в пески с красноармейцами, а Шасолтан в другой аул, и одна, поскольку не решилась ехать с мужчинами.

С установлением в Казанджике Советской власти Шасолтан стала принимать активное участие во всех ее мероприятиях, и прежде всего неустанно боролась за освобождение женщины. В 1921 г. она в числе делегаток поехала в Москву, видела там В. И. Ленина и в честь его назвала Владимиром своего сына, родившегося вскоре после поездки [667, 3.VI.1980]. В 1923 г. она вступила в ряды Коммунистической партии и стала женским организатором Казанджикской волости. В 1930 г. после окончания курсов в Ашхабаде Шасолтан стала председателем Казанджикского райисполкома, а затем была на ответственной работе в системе социального обеспечения в Ашхабаде. Умерла Ш. Караджаева в 1941 г.

Нелегкой была и судьба дочери Шасолтан — Кынны Караджаевой. 17-летнюю, ее обманом выдали замуж за старика, а когда после утверждения Советской власти стала посещать собрания женщин, Кынна вынуждена была бежать из аула, чтобы избежать гибели. Попав в Ашхабад, она стала учиться. Министр юстиции Туркменской ССР Нуры (Кынна) Караджаева погибла во время ашхабадского землетрясения 1948 г. [667, 3.VI.1980].

Судьба других детей Шасолтан складывалась уже в советское время. Сын ее Довлет погиб на фронтах Великой Отечественной войны. Дочери Багтыгуль, Аман и сын Агар — образованные специалисты, работают в Казаджикском районе. У Шасолтан 14 внуков и внучек. Внучка Сона окончила МГУ им. Ломоносова, Гулджахан — ТГМИ.

Амандурсун Чиль-кизы также была в числе первых туркменок-активисток. Она родилась в 1889 г. в семье дехканина-бедняка.

Женотдел Мервского уездкома партии в 1920 г. вовлек ее — вдову, неграмотную — в общественную работу и в союз «Кошчи». В марте 1924 г. Амандурсун приняли в партию.

В 1921 г. в числе 78 делегаток Туркестана она была в Москве, встречалась с В. И. Лениным, присутствовала на II международной конференции коммунисток Коминтерна, на военном параде, посетила коллективы работниц, предприятия и учреждения Москвы. По возвращении домой Амандурсун много раз выступала на женских собраниях, совещаниях, съездах, на партийных съездах и конференциях, где рассказывала о встрече с В. И. Лениным.

В 1921 г. Амандурсун Чиль-кизы становится волостным женским организатором в Отамышской волости, затем работает заместителем заведующего женотделом Мервского уездкома КПТ, по путевке женотдела учится на двухмесячных курсах волостных

женорганизаторов при САКУ в Ташкенте. А. Чиль-кизы избиралась делегатом IV Туркменской областной партийной конференции и VIII съезда КП Туркестана (1924 г.), принимала участие в работе VI краевого совещания работников женотделов в Ташкенте в мае 1924 г. [488, с. 62—63] и первого совещания работников среди женщин Туркменской ССР, состоявшегося в Ашхабаде 17—19 декабря 1924 г. На последнем совещании Амандурсун Чиль-кизы вместе с Эне Кулиевой внесла предложение установить льготы для родителей, отдающих своих детей в школы, как временную меру поощрения. В своем выступлении Амандурсун дала резкий отпор клеветническим наветам на женотделы, которые обвинялись в поощрении разводов [488, с. 109].

Амандурсун привлекла к общественной работе Аксолтан Атакизы, с которой они одновременно 8 марта 1924 г. вступили в партию. Аксолтан стала женорганизатором Тахтамышской волости.

В числе известных поборниц женского раскрепощения в Туркменистане была и Эне Кулиева, заместитель заведующего женотделом ЦК КП Туркменистана в 1924—1925 гг., похороненная на площади Карла Маркса в Ашхабаде (см. о ней [488]).

Славную страницу в историю эмансипации мусульманки вписала туркменка Аннаджамал Хидыр-кизы. Она родилась в 80-х годах XIX в. в бедняцкой семье. Муж ее также был бедняк-земледелец. Женотдел Геок-Тепинского волостного комитета партии сумел привлечь ее, неграмотную, но умную и рассудительную, к работе среди женщин. С 1923 до апреля 1925 г. она была женорганизатором Геок-Тепинской волости, где пользовалась большим авторитетом среди женщин. В мае 1924 г. Аннаджамал вступила в Коммунистическую партию.

Враги люто возненавидели коммунистку Аннаджамал. Вскоре после женского съезда, 6 апреля 1925 г., Аннаджамал была зверски убита группой фанатиков. Среди них был и брат жертвы. Они нанесли 34 ножевые раны. Была ранена малолетняя дочь Аннаджамал, а муж избит. Дочь получила тяжелое нервное потрясение, долго болела.

Убийц судили в Ашхабаде и расстреляли.

Известный советский писатель Николай Тихонов, посетивший в те годы Туркмению, написал очерк «Смерть Аннаджамал», в котором рассказал о положении женщины-туркменки в первые годы Советской власти, о развертывании борьбы за ее раскрепощение.

Убийством Аннаджамал враги рассчитывали запугать женщин, но они просчитались. Похороны Аннаджамал вылились в политическую демонстрацию женщин. Хоронили Аннаджамал как борца-революционера. Провожали ее в последний путь все коммунисты, комсомольцы, пионеры и дехкане Геок-Тепе. Нарушив запрет религии, пришли на кладбище и четыре женщины — две делегатки, и раненая дочь Аннаджамал с родственницей. Большая толпа туркменок вышла на окраину Геок-Тепе, и когда похоронная процессия поравнялась с ней, в воздух взвилось красное знамя.

Детей Аннаджамал воспитало Советское государство. Сын Дайхан Акмамедов, общественный деятель, вырос в детском доме, дочь Огульджамал — в интернате имени Эне Кулиевой и стала учительницей [488, с. 116—117]. Внучка Аннаджамал Хидыр-кизы от дочери Нурджамал Мухаммедовна Кулиева — кандидат филологических наук, доцент кафедры советской литературы факультета русской филологии Туркменского государственного университета имени А. М. Горького.

Средней школе № 9 аула Янгала Геок-Тепинского района Ашхабадской области Туркменской ССР присвоено имя Аннаджамал Хидыр-кизы, и благодарные потомки поставили на территории школы памятник Аннаджамал.

ГЕРОИЧЕСКИЕ БУДНИ

С созданием женотделов началась борьба за женщину советского Востока. Следующей задачей было укрепление аппарата женотделов, активное использование хотя и совсем малочисленного, но резерва активисток из числа женщин местных национальностей. А для этого необходимо было в корне изменить отношение местных комитетов партии к женотделам.

10 января 1923 г. ЦК КП Туркестана направил всем обкомам партии письмо «Об усилении аппаратов отделов работниц, упорядочении работы среди женщин», в котором указал на неудовлетворительное выполнение постановления XI съезда РКП(б) по вопросу работы среди женщин и на необходимость укрепления аппарата женотделов партийных комитетов [304, ф. 17, оп. 1, д. 529, л. 12—13; 304, ф. 60, оп. 1, д. 3698, л. 1].

Как уже было сказано, Оргбюро ЦК РКП(б) 16 июля 1923 г. по докладу С. Т. Любимовой приняло постановление «О работе среди женщин в Туркестане» и тов. Любимова была направлена заведовать женотделом ЦК КП Туркестана (для усиления аппарата женотдела и его деятельности). Это постановление ЦК РКП(б) имело огромное значение для значительной активизации работы партийных организаций Средней Азии по раскрепощению мусульманок.

ЦК КП Туркестана 8 августа 1923 г. в целях обеспечения выполнения постановления ЦК РКП(б) направил в обкомы и уездно-городские комитеты КПТ циркулярное письмо «Об углублении работы партии среди женщин». В нем ЦК КПТ разъяснял, что XII съезд РКП отметил значительную оторванность работы среди работниц и дехканок от общепартийной работы и недостаточную активность работников женотделов, подчеркнул особое значение работы партии среди трудящихся женщин Востока и необходимость закрепления уже достигнутых результатов.

ЦК КПТ напомнил, что в уже принятом постановлении от 21 июня 1923 г. Исполбюро ЦК КПТ констатировало, что на работу среди женщин до последнего времени в Туркестане не обращалось до-

статочного внимания, в силу чего аппараты женотделов слабы, в работе отделов наблюдается ряд недочетов, а в некоторых случаях и чрезвычайно вредных отклонений.

ЦК КПТ предложил провести следующие мероприятия в области работы среди женщин:

1. Обратить особое внимание и усилить руководство парткома работой среди женщин, придав ей значение наравне с первоочередными задачами партии.

2. Пересмотреть рабочие аппараты женотделов, укрепив их достаточно сильными квалифицированными партработниками, не останавливаясь перед переводом их с ответственной советской работы.

3. В целях привлечения к работе среди женщин широких партийных масс агитпропам парткомов провести кампанию по разъяснению задач, а также форм и методов работы среди женщин, связав кампанию с постановлением XII партсъезда.

4. Прикрепить всех коммунисток из коренного населения к женотделам для использования их исключительно на работе среди женщин.

5. Основной задачей в работе женотделов по краю считать подготовку работников из трудящихся женщин местного населения.

6. В работе среди коренного населения не допускать уклонов в сторону создания особых бюро, обществ мусульманок, как это было в Туркменской области, использования как метода работы мечетей, мулл, а также вхождения представительниц женотделов в суды казиев.

7. Развернуть культурно-просветительную работу и лишь через нее политическую; приобщать тружениц Востока к профессиональным навыкам через организацию артелей, мастерских; активизировать практическую работу в правовой области. Все это считать основным направлением во всей работе женотделов среди коренного населения.

ЦК КП Туркестана активизировал массово-политическую и организационную работу в широких масштабах. 18 августа 1923 г. ЦК КПТ поручил женотделу разработать мероприятия по усилению агитационной работы среди мусульманок [300, 60, оп. 1, д. 3699, л. 75].

IV пленум ЦК КПТ, обсудивший отчет Исполбюро за август—ноябрь 1923 г., отметил неудовлетворительность работы партийных организаций в области работы среди женщин [304, ф. 17, оп. 1, д. 531, л. 53].

ЦК РКП(б) 5 октября 1923 г. направил всем бюро ЦК, национальным ЦК, обкомам и губкомам РКП циркулярное указание № 8 о работе среди женщин [300, ф. 60, оп. 1, д. 3698, л. 17]. А во исполнение этого указания 1 декабря 1923 г. ЦК КПТ направил всем обкомам еще одно письмо — «Об укреплении аппарата отделов работниц» [304, 17, оп. 1, д. 529, л. 21—22].

В письмах указывалось на недостаточность действия партийных комитетов по руководству женотделами, на их отрицательное отношение к привлечению представительниц женотделов на заседания, пленумы, а работниц — в Советы, съезды, конференции и т. д. Приводились как совершенно недопустимые и факты содержания парткомами других сотрудников за счет штатов женотделов (например, в Каракольском и Ташкентском уездных комитетах КПТ). Парткомы часто не уясняли даже самой сути работы среди женщин. Так, Полторацкий уездком организовал особую женотдельскую секцию, носящую характер обособленного органа, и сдал в кредит на проценты денежные суммы из фонда, организованного женотделом на культурно-просветительные работы среди туркменок, делая из отдела парткома коммерческий орган. Назывались и случаи, когда в некоторых женотделах работали мужчины [1].

ЦК КПТ предложил всем парткомам устранить отмеченные недостатки работы и уделить максимум внимания непосредственному руководству деятельностью женотделов, усилению их аппаратов кадрами и т. д. [300, 60, оп. 1, д. 3698, л. 1; см. также 304, ф. 17, оп. 1, д. 529, л. 12—13].

21 мая 1924 г. заседание секретариата ЦК КПТ утвердило предложения женотдела ЦК об усилении работы женотделов, укреплении их аппаратов, о введении в партийных учебных заведениях курса о женском движении и т. д. [300, ф. 60, оп. 1, д. 4867, л. 1—2].

В связи с необходимостью развертывания работы среди женщин ЦК КП Туркестана еще раз потребовал от местных партийных комитетов укрепления отдела работниц, призванного быть боевым штабом борьбы за раскрепощение женщин восточных национальностей.

Из года в год женотдел ЦК КПТ активизировал свою работу, становился ближе к жизни низовых организаций, осуществлял непосредственное руководство женотделами местных комитетов партии. Работницы женотдела ЦК КПТ все чаще выезжали для оказания практической помощи местным партийным организациям. На заседаниях коллегии женотдела в 1924 г. обсуждались вопросы о методах работы среди женщин-туркменок, о работе женотделов Джизакского и Мирзачульского уездкомов партии, Туркменского, Ферганского, Самаркандского, Сырдарьинского обкомов КПТ. В решениях, принятых по этим вопросам, женотдел рекомендовал конкретные формы и методы работы среди женщин, указывал на необходимость развертывания агитационно-массовой работы в кишлаке и в ауле, усиления работы ударных пунктов, на усиление карательных мер в отношении злостных нарушителей советских

[1] Первым заведующим женотделом Самаркандского обкома КПТ был Григорий Абрамович Морген, 1898 г. рождения, член коммунистической партии с 1914 г., делегат I съезда работниц Туркестана. Факт этот объясняется прежде всего нехваткой в тот период женских кадров и опасностью работы.

законов о женском равноправии и выдвижения женщин коренного населения на советскую работу и т. д. [300, ф. 60, оп. 1, д. 4878, л. 8, 21—23, 24, 29, 54, 75, 107; 307а, ф. 17, оп. 1, д. 528, л. 6, 18].

Женотдел ЦК КП Туркестана много внимания уделял вопросу улучшения быта работниц и дехканок. Он обсудил положение узбечек на предприятиях Туркшелка, контролировал деятельность учреждений охраны материнства и младенчества, проводил обследование детских домов и приемников, организовывал кружки по изучению вопросов кооперации, содействовал организации прачечных, проводил другие мероприятия по преодолению женской безработицы, принимал оперативные меры по вовлечению дехканок в союзы «Кошчи», а работниц в профсоюзы и т. д. [300, ф. 60, оп. 1, д. 4878, л. 5, 34, 55, 60, 75, 98].

В 1923 г. женотдел ЦК КПТ обсуждал и решал вопросы об усилении массовой и организационной работы среди женщин на местах, о состоянии работы в Старом городе Ташкента. Он заслушал доклады о поездке работниц женотдела в Полторацк, Бухару, Самарканд, о состоянии работы по охране материнства и младенчества, о работе комиссии по улучшению быта детей, а также Ташкентского уездного женотдела в связи с организацией ударных пунктов по работе среди женщин в кишлаке и др. [304, ф. 17, оп. 1, д. 528, л. 1, 2, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13].

31 декабря 1923 — 7 января 1924 г. проходило V краевое совещание Средазбюро с заведующими облженотделами обкомов КПТ.

На совещании присутствовали 5 инструкторов ЦК РКП(б), что наглядно свидетельствует о том огромном значении, которое придавало ЦК РКП(б) решению женского вопроса в Средней Азии и Казахстане. Были обсуждены доклады с мест, отчетно-перспективный доклад, организационный вопрос, правовая работа, работа в кишлаке и ауле, план работы женотделов и т. д. [300, ф. 60, оп. 1, д. 3703, л. 16]. Особое внимание совещание уделило состоянию работы среди женщин на местах [300, ф. 60 оп. 1, д. 3703, л. 17—19, 21—24, 27—30].

Из постановления V краевого совещания по докладам с мест явствовало, что (несмотря на некоторое оживление работы с осени 1923 г.) в 1924 г. все еще практически отсутствовала работа среди женщин коренного населения. Имели место оторванность женотделов от общепартийной работы (в Туркменской и Джетысуйской областях), невыполнение постановления VII съезда КПТ о борьбе с бытовыми предрассудками в среде коммунистов. Совещание признало необходимым подойти вплотную к работе среди женщин кишлака и аула. Совещание признало необходимость также изучения наблюдающегося явления распада семьи в связи с выходом женщин коренного населения на путь экономической самостоятельности (см. ниже). Совещание наметило меры по дальнейшему усилению работы среди женщин [300, ф. 60, оп, 1, д. 3703, л. 32—33].

Вскоре после V было проведено VI краевое совещание с заведующими женотделами обкомов КП Туркестана. Совещание состоялось 3—9 мая 1924 г. На нем был заслушан и обсужден доклад С. Т. Любимовой о работе отдела работниц ЦК КПТ и обсуждены следующие вопросы: о подготовке кадров, о проведении декрета о калыме, о плане работы женотделов на летний период, о состоянии и задачах женского образования в Туркестане и об организации женских артелей. На совещании выступили представители женотделов всех обкомов партии. Была отмечена слабая пока работа с женщинами в Казалинском, Акмечетском, Туркестанском, Мирзачульском и других уездах [300, ф. 60, оп. 1, д. 4877, л. 19].

Совещание с большим удовлетворением отметило, что первый период работы среди женщин закончен. Он выразился в организационном оформлении аппаратов женотделов, в преодолении оторванности работы среди женщин от общепартийной работы, в привлечении к работе среди женщин коммунистов, в постановке агитационно-массовой работы среди широких слоев женских масс.

VI краевое совещание женотделов обкомов КПТ приняло решение о переходе ко второму периоду углубленной работы среди женщин местных национальностей, к практическому проведению декретов в области брачно-семейных отношений, борьбе с бытовыми предрассудками, в первую очередь в партийной и комсомольской среде.

Совещание призвало женотделы опираться в своей деятельности на партийные комитеты и ячейки, привлечь к работе комсомольские, профсоюзные организации, союзы «Кошчи», добиваться вовлечения женщин в советское строительство, проводить и впредь принципы ударности, коренизацию аппарата женотдела, проводить работу среди женской молодежи и т. д. Было решено организовать курсы на 50 человек для подготовки местных женских кадров [300, ф. 60, оп. 1, д. 4877, л. 19, 21, 23, 32, 38].

Советское государство заботилось об обеспечении необходимыми материальными средствами учреждений, создаваемых для работы по раскрепощению женщины Востока.

14 ноября 1923 г. ЦИК Советов Туркестанской республики принял постановление «О создании фонда на поддержку учреждений, организуемых для женщин коренного населения». Этот фонд создавался при ТурЦИК и облисполкомах для поддержки существующих и организации новых учреждений охраны материнства и младенчества, артелей, показательных мастерских, женских школ, клубов и т. д. Фонд составлялся из местных средств и из специальных и регулярных ассигнований ТурЦИК и облисполкомов и добровольных отчислений советских, хозяйственных и кооперативных учреждений, а также 1%-ного сельскохозяйственного налога и пополнялся средствами от проводимых женскими клубами платных спектаклей, лекций, а также от специально организуемых женскими клубами и артелями кампаний по изысканию

средств. Создание этого фонда не снимало со смет соответствующих учреждений содержания культурно-просветительных и прочих учреждений, обслуживавших женщин коренного населения. Женотделы партийных комитетов следили за правильным, целенаправленным расходованием этих средств [300, ф. 60, оп. 1, д. 3698, л. 27; 304, ф. 17, оп. 1, д. 529, л. 20].

ЦК КПТ и Коммунистическая фракция ЦИК Туркестана 19 ноября 1923 г. направили всем обкомам и облисполкомам письмо «О фонде для работы среди женщин коренного населения». В письме сообщалось об учреждении специального фонда из местных средств для проведения организационных мероприятий по раскрепощению женщин местных национальностей, предлагалось местным комитетам партии и исполкомам создавать такие же фонды при исполкомах за счет ежемесячных и единовременных отчислений из местных средств. При этом особо подчеркивалось, что контроль за правильным и рациональным расходованием средств этого фонда должны обеспечить женотделы [304, ф. 17, оп. 1, д. 529, л. 19].

Как в принятии, так и в проведении законодательных мероприятий по раскрепощению женщины-мусульманки инициатива принадлежала женотделу ЦК КП Туркестана. Народные комиссариаты юстиции и внутренних дел республики направили циркуляры о порядке применения новых декретов на местах. Вопросы семейного права ставились в повестку дня всех сельских партийных конференций, проходивших в весенние месяцы 1924 г. повсеместно по Туркестану. ЦК КП Туркестана, а также ЦК комсомола и союзу «Кошчи» были направлены циркуляры, в которых всем членам партии, комсомола, союза «Кошчи» предписывалось быть активными проводниками в жизнь этих декретов. Даны были также указания привлекать в областных судах и отделах загсов женщин местных национальностей для непосредственной работы по проведению в жизнь этих декретов. По Туркестану были введены 35 штатных должностей практиканток в этих учреждениях. Кроме того, женотделы партийных комитетов выделили заседательниц и правозаступниц в народные суды. В апреле 1924 г. 28 заседательниц (из них 13 узбечек) работало в народных судах Коканда и 9 заседательниц — в Ташкентском уезде.

Представительницы женотдела выделялись и в махаллинские (квартальные) комиссии, с тем чтобы строго следить за недопущением выдачи замуж малолетних, насильственной выдачи замуж. Правовая работа во всей деятельности женотделов партийных комитетов начала занимать важное место.

Ведущим направлением работы партии стала и организация борьбы с бытовыми предрассудками, цепкими пережитками прошлого в сознании людей.

«Для скорейшего изживания бытовых предрассудков, — говорилось в резолюции VIII съезда КП Туркестана (1924 г.), — как одного из препятствий на пути культурного и экономического раз-

вития Туркестана, партия выдвигает задачи широкой воспитательной работы по борьбе с бытовыми предрассудками, в первую очередь, в партийной и комсомольской среде. Работу в этой области необходимо вести путем расширения и углубления воспитательно-пропагандистской работы. Необходимо включить соответствующие вопросы в программы партшкол, партклубов и уделять им должное внимание в печати, с одной стороны, и требовать безусловного выполнения членами партии декретов ТурЦИКа об отмене калыма, повышении брачного возраста, содействии вовлечения женщин в общественную жизнь — с другой» [245, с. 9].

Празднование 8 Марта 1924 г. прошло под лозунгом борьбы с бытовыми предрассудками, и скоро борьба эта стала приносить первые плоды. Так, 15 узбеков, рабочих трамвайного парка Ташкента, в 1924 г. сняли паранджу и чачван со своих жен и привлекли их к работе женского клуба. Дело сдвинулось с мертвой точки.

30 июня 1924 г. пленум ЦК КПТ выдвинул лозунг «Ни одного случая к концу года со стороны членов партии и комсомола нарушения декретов о калыме и брачном возрасте!» (см. [379]). Этот лозунг соответствовал духу постановления ЦК РКП(б) от 16 июля 1923 г. «О работе среди женщин в Туркестане», в котором ЦК подчеркнул необходимость проведения борьбы с бытовыми предрассудками среди населения, в первую очередь среди членов партии, КСМ и союзов «Кошчи». Решение сыграло важную роль в эти очень трудные и сложные годы битвы за победу социализма в Средней Азии.

В 1923 г. ЦК РЛКСМ направил в Средазбюро ЦК РЛКСМ и ЦК ЛКСМТ письмо, в котором подчеркивалось, что III Всероссийская конференция комсомола отметила особо важное значение работы среди девушек, в условиях же Туркестана исключительно велики и ответственны задачи комсомола по изживанию предрассудков в отношении к девушкам, по непосредственному вовлечению их в работу комсомола и по вовлечению в комсомол девушек местных национальностей.

Лозунгами в области работы комсомола среди девушек выдвигались: «Грамотность для девушек наряду с юношами!», «Борьба с затворничеством», «Борьба с куплей и продажей девушек (калым!)», «Борьба за повышение брачного возраста, против выдачи замуж малолетних».

ЦК РЛКСМ призвал комсомольцев показывать личный пример в преодолении пережитков, в первую очередь в своей семье, соблюдать правила чести в отношении к женщине и признал необходимым создать комсомольские ячейки девушек в женских учебных заведениях (женских инпросах, рабфаках Ташкента и др.) и усилить правовую работу среди женской молодежи, организовать при женских клубах секции молодежи. Была учреждена должность инструктора по работе среди девушек в ЦК и обкомах комсомола [304, ф. 17, оп. 1, д. 531, л. 9]. В соответствии с этим указанием ЦК РЛКСМ и директивами ЦК КПТ в июне 1924 г. съезд ком-

сомола Туркестана обсудил вопрос о работе среди девушек и определил задачи комсомола в борьбе с бытовыми предрассудками, в первую очередь в комсомольской среде.

Задачи комсомола в связи с решением съезда ЛКСМТ и письмом ЦК РЛКСМ обсуждались на молодежных женских конференциях. Так, 23 февраля 1925 г. окружная беспартийная конференция молодых женщин-мусульманок Ошского округа Киргизии, заслушав доклад секретаря окружкома комсомола Тагаева об очередных задачах РЛКСМ по раскрепощению женщин, постановила:

«1. Мы, каждая присутствующая на настоящей конференции, приезжая в свой аул, будем вести широкую агитацию среди наших соседей — женщин и привлекать их в ряды молодежи.

2. Мы будем бороться против неграмотности и принимать меры к ликвидации неграмотности.

3. Просим членов РЛКСМ помочь всем девушкам организовать среди них ячейки и обратить большое внимание на аулы и кишлаки.

4. Будем бороться против калыма и даем обещание уничтожить таковой совсем.

5. Просим РЛКСМ открыть везде и всюду красные чайханы и уголки девушек.

6. Просим провести конференцию беспартийных женщин» [298, ф. 10, оп. 5, д. 24, л. 9—11].

По примеру партийных организаций активизировали свою деятельность в области работы среди женщин-мусульманок и профсоюзы Туркестана, начавшие уже представлять большую силу.

3 июня 1923 г. Туркбюро ВЦСПС обсудило вопрос «О работе среди женщин» и отметило, что до сих пор на местах профсоюзными организациями не выполнялись решения V съезда профсоюзов Туркестана в области работы среди женщин и эту работу возложило на женорганизаторов, а там, где нет в штате этой должности, на заведующих организационными отделами и инструкторов профсоюзных комитетов.

Туркбюро ВЦСПС решило впредь включить в общие отчеты профсоюзов сведения о положении женщин на производстве, об охране труда, а в ежемесячные отчеты — о проделанной работе среди работниц. Эта мера способствовала систематическому контролю за деятельностью местных профсоюзных организаций в области работы среди работниц. Местным комитетам было предложено обеспечить вовлечение женщин в школы профессионально-технического образования, фабрично-заводского обучения, проведение в жизнь установленных льгот для работниц при сокращениях штатов и т. д. В обязанность профсоюзов вменен контроль за охраной женского труда на частных производствах, одиночек и домашних прислуг [304, ф. 17, оп. 1, д. 528, л. 21—22].

Улучшение быта работниц, охрана женского труда, широкое вовлечение работниц в школы, кружки, клубы и т. д. были определены основными задачами профсоюзов.

К середине 20-х годов в Туркестане было 13 400 работниц, из них в промышленности и ремесленном производстве было занято около 4 тыс. женщин. Средняя заработная плата работниц, занятых физическим трудом, равнялась 1650 рублей в денежных знаках 1923 г. [304, ф. 17, оп. 1, д. 530, л. 2].

В 1923 г. всего работниц — членов профсоюзов насчитывалось 14,4 тыс. — из 67 тыс. всех членов профсоюзов Туркестана (21%). Из них только членами профсоюза текстильщиков были 1332 женщины и профсоюза швейников — около 400. По Туркестану 20 женщин являлись членами комитетов профсоюзов и 5 женщин находились на руководящей профсоюзной работе [304, ф. 17, оп. 1, д. 530, л. 3—5].

В целях охраны женского и детского труда законом была установлена продолжительность рабочего дня для работницы — 8 часов. Закон запретил женский труд в таких вредных для здоровья женщины отраслях промышленности, как металлообрабатывающая, горная, а также на подземных работах, в табачном производстве. Но в связи с женской безработицей в городах в табачной и кожевенной промышленности все же применялся женский труд, но в очень ограниченных количествах.

Работницам предоставлялись отпуска по беременности (занятым физическим трудом — 8 недель до и 8 недель после родов, а работницам умственного труда — 6 и 6 недель). Кроме того, работницы с пятого месяца беременности не посылались в командировки без их на то согласия. Кроме общих перерывов на обед матери-работнице не менее чем на полчаса предоставлялся перерыв на кормление ребенка не реже чем через каждые три с половиной часа. Эти перерывы зачислялись в счет рабочего дня [304, ф. 17, оп. 1, д. 530, л. 3].

Вполне понятно, что в те годы были нерешенные проблемы, о чем говорилось, например, в статье «Поднять квалификацию женщины-восточницы!», опубликованной в газете «Крестьянский путь» 8 октября 1925 г. «Центральный вопрос, — говорилось в ней, — должен быть поставлен в Киргизии — это втягивание киргизских женщин в производство и поднятие квалификации последних. Но прежде чем приступить к решению этого вопроса, необходимо будет провести ряд практических мероприятий вообще по улучшению и изучению женского труда в производстве и учреждениях».

В борьбу за женщину-дехканку активно включился союз «Кошчи». 15 октября 1923 г. на заседании Президиума Центрального комитета союза «Кошчи» Туркестана был обсужден вопрос о вовлечении в союз женщин.

В Средней Азии дехкане составляли основную массу местного населения, а союз «Кошчи» был массовой организацией бедняков и батраков. Вовлечение женщин в союз «Кошчи» Президиум ЦК союза «Кошчи» Туркестана признал задачей первостепенной важности. Было решено совместно с женотделом ЦК КПТ разрабо-

тать конкретные меры по вовлечению женщин в союз [304, ф. 17, д. 531, л. 32].

Вопрос о вовлечении женщин в союз «Қошчи» обсуждался в местных комитетах союза. 16 октября 1923 г. Туркменский обком союза «Қошчи» освободил от уплаты вступительных взносов женщин — членов союза [304, ф. 17, оп. 1, д. 528, л. 17]. А 24 ноября 1923 г. Центральный комитет союза «Қошчи» Туркестана, обсудив это решение Туркменского обкома, также принял решение:

«Принимая во внимание особое серьезное значение вопроса о вовлечении женщин в союз „Қошчи", считать необходимым установление для женщин — членов союза „Қошчи" условий, которые установлены для батраков, т. е. допущение персонального освобождения от внесения членских взносов по постановлению низовых организаций, при наличии фактической несостоятельности» [304, ф. 17, д. 441, л. 17].

18 февраля 1924 г. Ферганский обком КПТ направил в уездкомы циркулярное письмо о проведении наряду с конференциями дехкан конференций дехканок.

Вопросы проведения в жизнь декрета об отмене калыма и повышении брачного возраста обсуждались на уездных женских конференциях союза наряду с вопросами о народном просвещении и др. [298, ф. 6, оп. 6, д. 215, л. 10].

8 июня 1924 г. при Қаракольском союзе «Қошчи» была организована секция батрачек, куда вошли 11 женщин (3 киргизки, 5 уйгурок, 2 узбечки, 1 русская), одна из которых Тохтахон Тохтахонова была членом КПТ [298, ф. 14, оп. 14, д. 487, л. 9].

Первая Пишпекская уездная конференция беспартийных дехканок и крестьянок состоялась 5—7 октября 1924 г. Ее повестка дня: международное и внутреннее положение; Советская власть и правовое положение женщины; кооперация и участие в ней женщин; Компартия и работа среди женщин; текущие дела. В конференции участвовало 65 делегаток (27 русских, 23 киргизки, 9 татарок, 6 узбечек) [298, ф. 2, оп. 1, д. 237, л. 28—29].

Вовлечение женщин в промысловую, потребительскую и сельскохозяйственную кооперацию явилось одним из наиболее практических путей поднятия культурного уровня женщины Востока, ее бытового и экономического освобождения. В сельскохозяйственную кооперацию дехканки вовлекались через товарищества и артели (огороднические, садоводческие, молочные, мелкого животноводства и птицеводства), создававшиеся под руководством инструкторов-кооператоров и входившие в местные союзы «Қошчи».

Вовлечение сельских тружениц в работу потребительской кооперации составляло важную часть программы экономической эмансипации мусульманок советского Востока. III съезд Центросоюза признал необходимым немедленно ввести практикантство во всех звеньях кооперации для женщин восточных национальностей.

Во всех делегатских собраниях аулов и кишлаков организовывались кооперативные секции, которые могли действительно про-

будить интерес женщины Востока к кооперации и подготовить ее к кооперативной работе, к участию в управлении органами кооперации, к прохождению кооперативных курсов, устраиваемых в центре и на местах.

Женотделы строго контролировали состояние дел по вовлечению женщин-мусульманок в промысловую, потребительскую и сельскохозяйственную кооперацию [199, с. 34—35].

На общем собрании кустарей коврового производства в ауле Кеши, расположенном на западной окраине Ашхабада, 23 декабря 1922 г. присутствовало 9 туркменок, которые и решили организовать первую трудовую артель ковровщиц аула Кеши и вступить в члены союза промкооперации. Председателем же артели и двумя членами правления из трех были избраны мужчины.

5 сентября 1925 г. в ауле Кизил-Арват (ныне город) на собрании 47 женщин также решили организовать ковровую артель, а руководителем артели опять стал мужчина.

Мужчины оказывались председателями многих первых женских ковровых производственных артелей, и это вполне объяснимо, если вспомнить, что тогда заканчивался только первый период борьбы за освобождение мусульманок Средней Азии.

Неуклонно росло количество женщин, вовлеченных в артели. Так, в 1923 г. всего по советскому Востоку таких артелей было 112, а в 1924 г. их стало уже 167 с количеством кустарниц более 5 тыс.

В сборе хлопка и винограда в Средней Азии работали главным образом узбечки, туркменки, каракалпачки, казашки и киргизки. В обработке шерсти и шелка, составляющих соответственно 51,2 и 18% в промышленном производстве Средней Азии, также были заняты почти исключительно женщины.

В 1914 г. женщины вырабатывали 22 тыс. ковров, 16 тыс. паласов и 42 тыс. хорджунов и пр. (все это вывозилось) [623, 1925, № 7, с. 86—88].

Женотдел ЦК КПТ в конце 1923 г. разослал в местные партийные организации анкету по обследованию условий труда и быта женщин коренного населения. В анкете содержалось 37 вопросов, касающихся положения женщин местных национальностей: об основном занятии населения данной местности и участии в нем женщин, о хозяйствах, возглавляемых женщинами, о роли женщин в производстве, в домашнем хозяйстве, об отношении населения к уничтожению многоженства и фактам нарушения советского законодательства, об отношении к женскому равноправию, к отмене калыма, многоженства, к повышению брачного возраста и т. д. [304, ф. 17, оп. 1, д. 531, л. 4—6].

13 декабря 1923 г. Президиум ЦИК Киргизской АССР (Казахстан) принял постановление об организации комиссии по улучшению быта женщин при ЦИК Киргизской АССР, где записано:

«...Вырвать женщину из цепких лап бытовых и религиозных предрассудков, помочь ей на деле воспользоваться всеми правами, которыми она владеет по советским законам, является одной из

насущных задач Рабоче-Крестьянского правительства». Учитывая всю важность работы среди женщин-киргизок, Киргизский центральный исполнительный комитет на основании постановления второго Всероссийского совещания работников среди женщин восточных народностей постановил организовать при КЦИК комиссию по улучшению быта киргизской женщины, которая должна быть инициатором начинаний в области улучшения быта киргизской женщины, привлекать к этой работе соответствующие советские, профессиональные, кооперативные и торговые органы.

Комиссия организована в составе председателя комиссии председателя КЦИК т. Мендешева и членов из представителей Наркомздрава, НКЮ, НКВД, Наркомсобеса, Кирбюро ВЦСПС, Киргизского отделения Центросоюза, Кирпромбюро ВСНХ, Наркомпроса — не ниже членов коллегий — и двух представителей от КЦИК. Создавался специальный фонд КУБТ [272, с. 98—99].

В январе 1926 г. была организована комиссия по улучшению труда и быта и при ЦИК Узбекской ССР. Эта комиссия в первый же год своей работы совместно с НКЮ, Наркомземом, Наркомвнуделом и ЦИК выработала положение о центральной и окружных комиссиях и провела два обследования.

Комиссия ежедневно принимала в среднем 5—8 посетительниц. Рассматривались просьбы юридического характера (30%), о материальной помощи (70%). Юридическая помощь оказывалась через коллегию защитников, материальная — через соответствующие организации и из средств самой комиссии. Совместно с Наркомземом комиссией открыт Дом дехканки.

10 июля 1925 г. председатель Президиума ЦИК М. И. Калинин направил письмо ЦИК республик, в котором говорилось, что III Всесоюзный съезд Советов признал неудовлетворительным состояние вовлечения женщин в советское строительство. М. И. Калинин указал, что путь улучшения советского аппарата лежит через вовлечение работниц и крестьянок в Советы, и настоятельно требовал активного приобщения их к советскому строительству [298, ф. 10, оп. 5, д. 1, л. 41—44].

Аналогичное письмо о необходимости вовлечения работниц в городские Советы было направлено ЦИК республик 24 июля 1925 г. [623, 1925, № 8, с. 25—26] и легло в основу работы по вовлечению женщин в советское строительство. В результате в Узбекистане, например, во время перевыборов Советов в конце 1925 — начале 1926 г. в состав Советов прошло 1448 женщин.

Кампания перевыборов конца 1926 г. дала еще более значительные результаты: в Советы избрано 4235 женщин (13,1%), в выборах участвовало 127 тыс. женщин (16,4%), 20 узбечек было избрано председателями сельских Советов [300, ф. 58, оп. 2, д. 994, л. 13—17].

Узловыми в цепи задач эмансипации мусульманок советского Востока были ликвидация сплошной неграмотности и организация просвещения женского населения.

ЦК КПТ и ЦИК Туркестана начиная с 1923 г. принимали реальные меры по охвату взрослых мусульманок ликбезами, а девочек — общеобразовательными школами. Меры эти сводились к следующему: снижался налог с семей дехкан, где учились женщины, а сельскохозяйственный инвентарь в первую очередь выдавался тем же семьям. Льготы, предоставляемые дехканке, посещающей школу ликбеза, превышали льготы, предоставляемые дехканину, посещающему школу. Были увеличены льготы учащейся одинокой женщине, имеющей на иждивении детей до 12-летнего возраста. Организовывались клубы, кружки, Красные чайханы, читальни и т. д. для женщин местных национальностей, которые обеспечивались литературой, кадрами. В школах же профобразования не менее 15% мест бронировалось для девушек-мусульманок [304, ф. 17, оп. 1, д. 531, л. 33].

Постановлением Туркестанской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности от 3 января 1924 г. за счет государственного бюджета выделялось 15 школ ликбеза для женщин коренного населения, в том числе 9 школ для узбечек, 3 школы для киргизок, 3 школы для туркменок [304, ф. 17, оп. 1, д. 529, л. 56].

Вопросы организации женского образования составляли неотъемлемую часть эмансипации мусульманки. Женотдел ЦК КПТ руководил всей учебно-воспитательной работой женского инпроса и курсами волорганизаторов, оказывая им практическую помощь в укреплении кадрами, в наборе на учебу женщин местных национальностей. Женотдел обсуждал вопросы о работе партийных и комсомольских организаций среди девушек, о выполнении разверстки в учебные заведения, работе школ-интернатов, об издании сборников и брошюр по работе среди женщин, о женской газете «Янги-Юль» и т. д. [300, ф. 60, оп. 1, д. 4878, л. 2, 42—44, 50, 60, 98, 107; д. 4877, л. 19, 23, 38].

В марте 1925 г. Средазбюро ЦК РКП(б) приняло развернутое постановление о женском образовании.

В Средней Азии, говорилось в постановлении, в условиях отсталости и сохраняющегося в быту средневекового рабства женщин вопрос о женском образовании является одной из огромнейших самостоятельных проблем в общей системе народного образования.

Основными задачами в деле женского образования на предстоящий период были определены: 1) привлечение девочек в школы Соцвоса; 2) ликвидация неграмотности и 3) подготовка женских культурных сил.

Работой по ликвидации неграмотности в первую очередь должны были быть охвачены женские массы, организованные вокруг женотделов, — делегатки, члены Советов, члены союза «Кошчи», комсомолки, члены женских клубов, при этом без всяких ограничений в возрастном и количественном отношении.

Особое внимание уделялось школам Соцвоса. Наиболее желательным типом школы в местных условиях считалась школа-интер-

нат. В силу бытовых условий хотя и допускалась организация особых женских школ, но вместе с тем признавалось необходимым вести агитационную работу за совместное обучение и проводить последнее на практике в районах Туркмении и Киргизстана.

В работе по подготовке женских культурных сил в качестве первоочередной ставилась задача подготовки учительских и медицинских кадров, в частности, признавались совершенно необходимыми организация школ для учительниц и акушерок в Туркмении и Киргизстане и всемерное расширение медтехникумов и инпросов в Узбекистане, а также тщательный учет имеющихся учительниц и целесообразное использование их в деле женского образования. Ввиду трудностей с использованием иногородних кадров на работе в кишлаках и аулах предполагалось направлять в учебные заведения главным образом местных девушек-дехканок.

При САКУ, рабфаке и медтехникумах организовывались подготовительные классы для дехканок, предоставлялись льготы для них при приеме и бронировались места для женщин местных национальностей (20% мест во всех учебных заведениях Средней Азии).

В систему профтехнического образования включались школы-мастерские женских ремесел (ковроткачества, шелкомотальных и т. п.), а также проводились мероприятия по подготовке квалифицированных рабочих — женщин для строящихся фабрик, в частности текстильных.

Постановление еще раз подтвердило необходимость женских клубов как одной из основных (целиком оправдавших себя) форм культурной и политико-воспитательной работы среди женщин коренного населения, а также необходимость содержания их за счет государственного и местного бюджета.

Вопросы, связанные с раскрепощением женщин, включались во все программы всей школьной системы наркомпросов республики, им отводилось соответствующее место в учебниках, хрестоматиях, букварях и т. п. Средазбюро ЦК ВКП(б) исходило из того, что организация женского образования является делом всех партийных организаций Средней Азии, а не только женотделов [304, ф. 62, оп. 1, д. 174, л. 94, 95]. Средазбюро ЦК ВКП(б) предупреждало органы просвещения от возможных ошибок, таких, какие, например, имели место в Старой Бухаре, где на 2 советские женские школы имелось 52 старометодные женские школы [304, ф. 62, оп. 1, д. 174, л. 94, 95].

Было решено увеличить количество учащейся женской молодежи в школах фабзавуча (с 1,7 до 10%), создавать в школах инпроса по одному параллельному классу для женщин, причем прием и обучение последних организовать на льготных условиях [300, ф. 60, оп. 1, д. 4877, л. 19, 23, 38].

В 1924 г. 470 девушек-узбечек уже учились в школах Ферганской области и 200 в Сырдарьинской области. В узбекских районах было создано 40 школ для девочек. В 1924 г. женотдел имел 200

мест для женщин местных национальностей в учебных заведениях республики, а в 1924/25 учебном году были приняты и обучались 340 женщин местных национальностей [245, с. 8, 10].

Решению женского вопроса много способствовал и твердый курс Советского государства по охране материнства и младенчества.

«Если мы хотим, — говорила Н. К. Крупская, — чтобы женщина нацменьшинств, которая стояла при царизме в худших условиях, чем остальные работницы и крестьянки, — чтобы она могла полностью развернуть свои силы, чтобы она полностью была вовлечена в общественную работу, необходимо начать с того, что ей особенно близко. А что близко работнице и крестьянке, как не ее ребенок?..» [425, с. 64].

ЦК РКП(б), ВЦИК и Народный комиссариат здравоохранения придавали исключительно важное значение выполнению ленинских декретов по организации охраны материнства и младенчества, по борьбе с беспризорностью и голодом в первые годы Советской власти, в тяжелую пору хозяйственной разрухи [300, ф. 60, оп. 1, д. 3758, л. 1; д. 2480, л. 2].

В 1922 г. секретарь ЦК РКП(б) В. В. Куйбышев направил письмо всем губкомам, нацеленное на необходимость усиления работы по охране материнства и младенчества. Непосредственным откликом на письмо В. В. Куйбышева явилось циркулярное письмо заведующей отделом работниц ЦК РКП(б) С. Н. Смидович и заведующей отделом охраны материнства и младенчества Наркомздрава СССР В. Лебедевой от 21 февраля 1922 г., адресованное губернским отделам охраны материнства и младенчества и женским отделам губкомов и посвященное созданию детских учреждений в связи с подготовкой к полевым работам [300, ф. 60, оп. 1, д. 2480, л. 1, 12].

Председатель Президиума ВЦИК М. И. Калинин 5 января 1923 г. обратился ко всем губисполкомам, облисполкомам и ЦИК союзных и автономных республик РСФСР в связи с готовящейся неделей (между 8 и 15 марта 1923 г.) охраны материнства и младенчества, призывая их принять активное участие в деле организации недели, всемерно содействовать ее успешному проведению. Эти документы — наглядное доказательство огромной заботы партии и государства об охране материнства и младенчества.

В первые годы Советской власти из-за иностранной военной интервенции, гражданской войны и хозяйственной разрухи Туркестан испытывал серьезные экономические затруднения, что сказывалось на многих сторонах жизни, в том числе и на охране материнства и младенчества. Денежные потребности Наркомздрава Туркестана удовлетворялись лишь на 50%. Сократилось число подведомственных ему учреждений, в частности детских яслей. Чрезвычайно скудным было снабжение (Компродом) детских учреждений продовольствием. Поэтому третья часть их содержалась на средства специального фонда Детской комиссии ЦК КПТ помощи голодающим [300, ф. 60, оп. 1, д. 2480, л. 2].

И все же в Наркомздраве Туркестана в 1920 г. был организован отдел охраны материнства и младенчества (ОММ), который имеет большие заслуги в закладывании фундамента охраны детства в Средней Азии. Отдел работал строго по плану.

Первой заведующей отделом была Анна Георгиевна Познер, 1894 г. рождения, коммунистка с 1919 г. Она — делегат и член Президиума I съезда работниц Туркестана. После нее работу отдела вела другая видная поборница эмансипации мусульманок— коммунистка с 1919 г. Вера Владимировна Долгих (1897—1960), работавшая с 1921 г. в женотделах партийных комитетов Ташкента. В. В. Долгих вела этот участок работы (в последующем в Наркомздраве Узбекской ССР) до конца своей жизни.

Этим коммунисткам пришлось организовать работу отдела в чрезвычайно сложных условиях сплошной неграмотности и фанатизма родителей, а также отсутствия специалистов из числа женщин местных национальностей. Русские же специалисты не знали местных языков, и это, естественно, очень осложняло их работу.

Несколько слов об этих специалистах, чьими усилиями создавалась система охраны материнства и младенчества в Средней Азии.

Надежда Михайловна Мананникова, выходец из батрацкой семьи, получила высшее медицинское образование при Советской власти. В 1922 г. ее стараниями в г. Урде созданы детские ясли, больница, женская консультация и молочная кухня. Она учила казашек уходу за детьми. Впоследствии работала в Народном комиссариате здравоохранения Казахстана [376, с. 369].

Велики заслуги в организации охраны материнства и младенчества в Туркменистане заслуженного врача Туркменской ССР, дважды почетного железнодорожника, персонального пенсионера республиканского значения Анны Болеславовны Милашевской.

Свою трудовую деятельность А. Б. Милашевская начала в 1914 г. В 1918 г. она была медицинской сестрой в военном госпитале Закаспийского фронта, в 1919 г. переведена в систему Народного комиссариата путей сообщения и работала в хирургическом отделении больницы ст. Ашхабад акушеркой.

В 1925 г. по окончании Московского медицинского института А. Б. Милашевская была направлена на Ашхабадскую железную дорогу, где проработала до 1955 г. в должности акушера-гинеколога, затем главного акушера-гинеколога и начальника больницы. В 1955 г. ее перевели на работу в Туркменский государственный медицинский институт на кафедру акушерства и гинекологии. Родина высоко оценила труд А. Б. Милашевской. Она награждена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ТССР [667, 4.V.1980].

Таких замечательных специалистов, посвятивших себя благородному делу организации охраны материнства и младенчества,

было немало во всех республиках Средней Азии. Почти все они приглашались из Москвы и других городов России (например, в 1924 г., для работы в Ташкенте были приглашены 4 специалиста). Но их было мало, и не хватало специалистов в Ташкенте, не говоря о других городах, аулах, кишлаках и кочевьях Средней Азии. Поэтому подготовка медицинских кадров (врачей, медсестер) была первостепенной задачей в решении этого исключительно важного вопроса [300, ф. 60, оп. 1, д. 4878, л. 78—81].

К середине 20-х годов несколько улучшились экономическое положение и политическая обстановка в Средней Азии и представилась возможность перевода детских учреждений закрытого типа в обычные, доступные для населения. В Ташкенте в 1924 г. дом маленьких коммунаров № 1 был переформирован в показательные ясли, Дом матери и ребенка № 1 — в показательную консультацию с патронажем в Старом городе. В Ташкенте были открыты ясли, а в Коканде и Самарканде — консультации. В г. Полторацке и Самарканде были произведены ремонт и пополнение инвентарем в Домах ребенка. Все областные города были снабжены выставками по охране материнства и младенчества.

В далекие 20-е годы женские и детские консультации открывались всюду, где была для этого малейшая возможность и надежда, что матери придут на эти консультации. Они создавались при женских клубах, женских кооперативах (уголки «мать и дитя»). Организовывались красочные выставки, показывающие элементарные формы соблюдения гигиены и ухода за ребенком. Тут же оказывалась бесплатная медицинская помощь, бесплатно выдавалось лекарство, а в молочных кухнях по рецептам бесплатно выдавалось питание для детей раннего возраста.

Женотделы вместе с отделами охраны материнства и младенчества искали пути к аульным матерям, многие из которых вследствие ранних браков часто сами были детьми и не имели ни малейшего понятия ни о медицине, ни о санитарии и гигиене. И они нашли этот путь. Прекрасным методом организации работы в кишлаке и ауле оказались передвижные женско-детские консультации — консультации на арбе, запряженной ишаком.

Об этом методе работы рассказала В. В. Долгих:

— Первые передвижные кишлачные консультации выехали в весенне-летнее время 1925 г. в Ташкентскую область. Забирались в самую по тем временам глушь. Несли туда живое слово, культурные навыки. Пробивались в ичкари, помогали при тяжелых родах, учили, как надо правильно растить ребенка, кормить его, купать, порой и сами купали. И принимали нас хорошо, как желанных гостей.

— В штат передвижной кишлачной консультации входили два педиатра (одним из них была ассистент детской кафедры Медфака САГУ доктор А. В. Васильева), фельдшер, патронажная сестра и санитарка. Акушерку привлекали к работе на месте, по мере надобности. Консультация была обеспечена выставкой по уходу за

ребенком. У нас были яркие муляжи больных рахитом, чесоткой (тогда очень распространенных среди кишлачного населения болезней) и здорового, радостного ребенка. На выставке была и узбекская люлька — бешик, о вреде которой мы говорили, а рядом стояла уютная белоснежная детская кроватка. Здесь были все необходимые предметы ухода за ребенком: ванночка, мыло, губка, детская одежда, мебель, посуда и т. д.

— По приезде в кишлак находили удобное помещение, часто вблизи больницы или медпункта. Одновременно снимали на базаре чайхану, белили ее и в базарные дни развертывали там работу. Организовывали выставку по уходу за ребенком, вывешивали плакаты, лозунги. Когда вокруг выставки собирался народ, проводили живую беседу о том, как надо растить ребенка крепким, здоровым, на радость родителям и на благо Родине. На базаре основным контингентом слушателей были отцы. Женщин мы обычно приглашали на консультации, где проводили разъяснительную работу. Консультпункты заранее изучали, какое заболевание наиболее распространено в данной местности. Врачи рассказывали об этих болезнях, подчеркивая, что их можно ликвидировать. Здесь же за перегородкой осматривали больных детей, оказывали им помощь, записывали адреса и затем шли к ним домой. Все необходимые медикаменты выдавались населению бесплатно. Дома родителям показывали, как и что делать. Неимущим оставляли и мыло. Зачастую ребенку приносили гостинцы. Так налаживался контакт с семьей [502, с. 53].

Подобная работа велась в кишлаках Пскент, Паркент, Бука и ряде других. Из кишлака в кишлак, из уезда в уезд передавалась весть о бескорыстной помощи матерям и детям. Представители Советов по просьбе населения теперь сами стали приглашать передвижные консультации.

В те годы важное значение имела и организация правовой защиты матери и ребенка, для чего органами юстиции выделялся работник для специальной работы по правовой защите матери и ребенка, а также санитарно-просветительная работа среди женщин-мусульманок, организация специальных коек при больницах для беременных женщин и т. п.

В 1924 г. детские консультации только в Ташкенте посетили свыше 8 тыс. детей; ясли и дома младенца посещали свыше 100 детей (в Самарканде — более 40, Маргелане — 30, Коканде — 35, Полторацке — 15). Работали детские дома на 180 мест. Это были немалые достижения [300, ф. 60, оп. 1, д. 4878, л. 78—81].

Организация охраны материнства и младенчества в Средней Азии была необходимым, исключительной важности мероприятием. От нее зависело здоровье будущих поколений.

Миллионы женщин не по своей вине, а в силу фанатичности, темноты, сплошной неграмотности не имели понятия о гигиенических навыках. В этих условиях организация охраны материнства и младенчества была одним из самых революционных поли-

тических мероприятий, направленных на спасение будущих поколений народов Средней Азии. И в то же время организация охраны материнства была одной из сторон эмансипации женщины-мусульманки — путем просвещения ее, с одной стороны, и высвобождения ее времени для культурного досуга и участия в общественно полезном труде — с другой.

В некоторых районах Средней Азии к 1923—1924 гг. работа по эмансипации мусульманской женщины, по существу, только начиналась, тогда как в основной части региона, как уже говорилось, она к этому времени уже завершила свой начальный период. Это прежде всего относится к Бухаре и Хорезму. В 1924 г. здесь начинали функционировать женотделы и начиналась работа среди женщин-мусульманок. С этого времени работа среди женщин может считаться развернутой по всей Средней Азии.

Старая Бухара незыблемо хранила свои вековые обычаи, традиции, нравы. Грязные, узкие улицы были похожи на глубокие каменные траншеи. Дома, окруженные высокими каменными заборами — дувалами с наглухо запертыми воротами, походили на тюрьму. За этой толщей неприступных стен томились, закрытые паранджой, чимматом, чачваном, узбечка и таджичка. Теперь в эту цитадель ислама и мракобесия проникли новые понятия и взгляды, и немалая заслуга в этом принадлежала женотделам.

Л. А. Отмар-Штейн описывает, как из Старой Бухары на первое женское собрание в Қаган приехали 20 узбечек — жен коммунистов, как необычно было это торжественное шествие узбечек с вокзала до партийного клуба в городе. Закутанные в паранджу, многие с малыми детьми на руках, взволнованные, растерянные, прошли они по улицам Қагана. Приезд на собрание был проявлением настоящего героизма. На повестке дня собрания стоял один вопрос — что такое женотдел и какие задачи поставила перед ним партия.

А наутро следующего дня один за другим в женотдел горкома партии прибежали мужья с горестным сообщением, что их жены арестованы. Как выяснилось, распоряжение об аресте было отдано начальником милиции Старой Бухары — ревностным приверженцем затворничества.

«Я была совершенно убита, — пишет Л. А. Отмар-Штейн. — Мне казалось тогда, что ни одна узбечка больше не перешагнет порог женотдела. К счастью, я ошиблась» [376, с. 346—347].

Выше уже сообщалось о том, что в 1923 г. С. Т. Любимовой, приезжавшей в Бухару в качестве инструктора отдела работниц ЦК РКП(б), также пришлось уехать оттуда ни с чем. Однако назначенная к концу 1923 г. инструктором женотдела ЦК Бухарской коммунистической партии коммунистка М. Мухаммеджанова 14 января 1924 г. уже сообщала в женотдел Средазбюро ЦК РКП(б), что работа бухарского женотдела налаживается, хотя и очень медленно, так как нет опытных работниц [300, ф. 60, оп. 1, д. 4919, л. 1].

26 февраля 1924 г. Исполбюро ЦК БКП обсудило доклад заведующей женотделом Средазбюро ЦК ВКП(б) С. Т. Любимовой «По обследованию работы среди женщин Бухары». По этому вопросу было принято развернутое постановление.

ЦК БКП признал основным моментом в работе среди женщин создание общественно-партийного мнения в борьбе с бытовыми пережитками — калымом, затворничеством женщин и многоженством; поручил агитпропу в программу партшкол и работы партячеек включить темы, связанные с осуществлением женского равноправия; постановил в ближайшее время в партийной среде и в профсоюзах провести кампанию разъяснения постановлений съезда мусульманского духовенства по женскому вопросу, а также привлечь местных работников к изучению быта коренного населения для издания в ближайшие месяцы сборника бытовых очерков Бухары.

Решено было привлекать к работе женотделов женщин коренного населения, в первую очередь учительниц, жен ответственных работников; центром работы женотделов признавался женский клуб, обращалось особое внимание на тщательный подбор работников клуба и на его регулярное субсидирование; поручалось Назирату просвещения открыть при клубе женскую ремесленную школу.

Для устранения организационных недоразумений Исполбюро ЦК БКП решило направить на места (городским и велаятским комитетам партии) циркуляр о том, что отделы работниц являются самостоятельными отделами парткомов наряду с Оргогделом и Агитпропом и ни в коем случае не могут быть произвольно реорганизованы в подотделы.

Для укрепления женотдела ЦК БКП просил Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) командировать на работу в качестве инструктора ЦК БКП, отвечающего за работу среди женщин, И. И. Финкельштейн.

В целях подготовки работников из среды женщин коренного населения ЦК БКП признал необходимым начиная с предстоящего учебного года при выполнении разверсток в учебные заведения Москвы и Ташкента направлять на учебу определенное число девушек-узбечек и просил отдел работниц ЦК РКП(б) уделять больше внимания работе с ученицами Бухарского интерната в Москве [300, ф. 60, оп. 1, д. 4919, л. 16].

Постановление ЦК БКП подтверждало политическое значение организации женщин коренного населения в артели и необходимость государственного субсидирования последних, а также преждевременность и невозможность перевода их на хозрасчет. Зарплату заведующим артелями было решено выдавать из фонда на работу среди женщин.

Вместе с тем в постановлении содержались пункты, свидетельствующие о необходимости считаться с некоторыми объективными трудностями, и в первую очередь с сохраняющимся влиянием на

местное население мусульманского духовенства. Например, созыв беспартийного женского съезда в Бухаре в ближайшее время признавался невозможным, а также было решено не возражать против организации культурно-просветительных женских обществ.

Несмотря на некоторую нетвердость указанных позиций, февральское постановление Исполбюро ЦК Бухарской коммунистической партии сыграло важную роль. Оно явилось первым, а поэтому исключительно важным документом, в котором была высказана в целом принципиальная позиция ЦК Бухарской компартии в области работы среди женщин, хотя и свидетельствовало лишь о начале этой работы.

И уже в начале 1924 г. была проделана следующая работа: заведующей женотделом ЦК БКП была утверждена коммунистка Газизова; для налаживания работы велаятских женотделов в Каган и Чарджоу были командированы инструкторы женотдела; в состав коллегии женотдела было вовлечено 20 человек, из них 15 женщин местных национальностей, остальные — татарки и русские. Проведено восемь заседаний коллегии женотделов, на которых рассматривались насущные вопросы: постановка работы на местах, организация трудовых артелей женщин, женского клуба, школы ликбеза, борьба с несправедливостью суда казиев, открытие библиотеки, театра, охрана женского труда, помощь неимущим женщинам, об организации комиссии по оказанию материальной помощи неимущим женщинам и т. д. Эта работа велась при помощи Назирата юстиции и профсоюзов.

Активное участие в организации трудовой артели и обеспечении женщин работой приняли профсоюзы. До организации артели 200 безработных женщин получали от женотдела работу на дом. Члены артели получали бесплатную медицинскую помощь, пособия через соцстрахование. В Чарджоуском велаяте были открыты клуб, читальня, работали делегатские собрания.

Только за период с 1 января по 1 апреля 1924 г. женотделом проведено 8 общих женских собраний, которые посетили 2325 женщин, и 4 собрания русских и уйгурок (с участием 1700 женщин), школой ликбеза было охвачено 30 женщин. В газете «Азад Бухара» специальные корреспондентки освещали жизнь женщин. Мусульманки охотно стали посещать женотдел ЦК БКП [300, ф. 60, оп. 1, д. 4919, л. 10—14].

В описываемый период женотделы ЦК Бухарской и ЦК Хорезмской коммунистических партий только планировали широкое разъяснение правового положения женщин, проведение агитации за их образование; воспитательная работа (в области борьбы с бытовыми предрассудками) велась среди членов партии и союза молодежи с вовлечением в эту сферу деятельности интеллигенции и жен назиров. Работа велась тогда в форме организации культурно-просветительных женских обществ при женотделах.

Женотделы ставили следующие практические задачи: приступить к организации женского клуба в Бухаре и Хиве и при нем

сосредоточить культурно-просветительную работу (школу девочек и др.); организовать женскую амбулаторию; в программы партшкол в Бухаре и Хиве ввести вопросы теории и практики работы партии среди женщин; обратиться с письмом-воззванием к бухарской и хорезмской женской интеллигенции о необходимости работы среди женщин; выпустить газету, ставящую целью разъяснение правового положения женщины при Советах; с осени 1924 г. начать подготовку женского съезда в Бухаре с приглашением женщин Хорезма и из Афганистана и Ирана и пр. [300, ф. 60, оп. 1, д. 4919, л. 2].

С момента организации женколлегии до конца 1923 г. и в первые месяцы 1924 г. было проведено шесть заседаний коллегии, шесть общих собраний, четыре беседы с узбечками (всего рассмотрено 22 вопроса). Организован субботник недели Красной казармы, в котором участвовало 27 узбечек, 3 русские женщины и 8 татарок.

В местных комитетах партии женотделы пока не были созданы — не хватало кадров; женотдел не имел еще и средств для организации производственных артелей; не установили и связь с профсоюзами. Даже 8 Марта 1924 г. в Хорезме отмечалось лишь собеседованием с учащимися-узбечками [300, ф. 60, оп. 1, д. 4919, л. 49].

Большую работу в масштабе Средней Азии начиная с 1924 г. развернули Средазбюро ЦК ВКП(б) и его женотдел во главе с С. Т. Любимовой. На заседаниях женотдела Средазбюро ЦК решались вопросы, направленные на раскрепощение женщин местных национальностей: о формах и методах работы среди женщин в различных районах региона, об итогах обследования работы детских учреждений, открытии женских клубов, артелей и других производственных пунктов, о борьбе с безработицей, работе женских газет, издании сборников по работе среди женщин, работе местных женотделов, женских секций в профсоюзах, комсомоле, о делегатских собраниях, подготовке кадров, вовлечении дехканок в союз «Кошчи», охране материнства и младенчества, о работе среди девушек-практиканток, о школах-интернатах, ударных пунктах и т. д. [300, ф. 60, оп. 1, д. 4878, л. 1—121].

Ударные пункты в 20-е годы выделяются как одна из важнейших форм работы по эмансипации женщин-мусульманок в кишлаках и аулах. На необходимость активно использовать эту форму работы было указано в постановлении Оргбюро ЦК РКП(б), принятом 16 июля 1923 г. по докладу С. Т. Любимовой. Задачи партийных комитетов по организации работы ударных пунктов были определены и письмом ЦК КПТ, направленным в областные, городские и уездные комитеты в целях выполнения этого постановления ЦК РКП(б).

Таким образом, уже в 1923 г. практически была поставлена задача распространить работу женотделов на кишлаки и аулы, уделив этому особое внимание, что соответствовало выполнению

решения XII съезда РКП(б) о работе по усилению влияния партии в деревне.

Из-за недостаточности в женотделах средств и работников, владеющих местными языками, на первое время в каждом уезде выделялись ударные пункты (не более двух на уезд), где и проводилась планомерная и систематическая работа среди дехканок. Они организовывались лишь при условии наличия в данном кишлаке или ауле достаточно крепкой и сильной комячейки, организации союза «Қошчи» и при хорошей территориальной связи пункта с уездным центром, ибо вся работа в ударных пунктах велась через комячейки, на которые ложилось повседневное руководство и учет работы.

Руководство и ответственность за работу среди женщин ЦК КПТ возложил на парткомы, которые вели эту работу через аппараты женотделов и парторганизаторов. ЦК указал, что женотделам должны быть предоставлены требуемые силы и средства передвижения, а выделение ударных пунктов должно быть произведено в срочном порядке.

На ударные пункты возлагались практические задачи по популяризации среди женщин законов и задач Советской власти; по активному вовлечению женщин в советскую общественную жизнь кишлака и аула, широко используя опыт работы в городе (избрание женщин в кишлачный и аульный Советы, в правление кооператива или союза «Қошчи»); по привлечению их на собрания комячейки; вовлечению в школы при союзе «Қошчи»; по организации артелей; защите правовых интересов женщины (борьба калымом, охрана жены и матери, охрана труда и т. д.).

В том же, 1923 г. ЦК КПТ направил всем обкомам партии письмо — дополнение к циркуляру от 24 апреля 1923 г. «О выделении ударных пунктов в кишлаках, аулах для работы среди женщин». В этом письме говорилось о почти полном отсутствии работы среди женщин в кишлаках и аулах. Опыт работы среди женщин, уже сложившиеся определенные методы давали возможность увереннее перейти к работе среди женщин в сельской местности. Курс общей партработы, взятый на завоевание кишлака, делал своевременным и необходимым обратить максимум внимания на работу там среди женщин. «Поэтому, — говорилось в письме, — учитывая все возможности и местные условия, необходимо выделить в каждом уезде определенные ударные пункты для работы, в которых и повести вполне плановую и систематическую работу среди дехканок».

Учитывая отсутствие квалифицированных кадров работниц из числа женщин местных национальностей, ЦК КПТ писал, что «самый курс работы, в первую очередь, должен быть взят на выявление наиболее активных и способных дехканок, которые в будущем должны являться постоянными проводниками влияния партии и посредниками между работниками женотделов и остальной женской массой» [300, ф. 60, оп. 1, д. 3698, л. 5].

В декабре 1923 г. совещание работниц женотделов уездкомов КПТ Сырдарьинской области выдвинуло принцип ударных пунктов как основную задачу в работе среди дехканок. На основе решения этого совещания Сырдарьинский обком КПТ 24 декабря 1923 г. направил циркулярное письмо всем уездным комитетам партии «О работе среди женщин» [300, ф. 60, оп. 1, д. 3698, л. 19].

Создание уездных ударных пунктов и руководство ими осуществлялись всеми уездкомами, а не только женотделами, что усиливало руководство ударными пунктами, оказывая всевозможное содействие женотделам в проведении мероприятий. Уездкомы и исполкомы оказывали материальную поддержку ударным пунктам [300, ф. 60, оп. 1, д. 3698, л. 19].

Были созданы ударные пункты по работе среди дехканок в Кишмизгитской волости Туркестанского уезда, Чиназской и Кауфманской волостях Ташкентского уезда, Соромской и Вадамской волостях Чимкентского уезда, в Горнойской и Меркентской волостях Аулие-Атинского уезда, Аральской и Кармахчинской волостях Казалинского уезда, Чиллийской и Джилекской волостях Ак-Мечетинского уезда Сырдарьинской области.

В результате, если в ноябре 1923 г. было всего три ударных пункта (Ташкентский, Ходжентский и Полторацкий уезды), то спустя год было уже 30 ударных пунктов, финансируемых партийными и советскими организациями. Кадры для работы в ударных пунктах готовились на двухмесячных курсах волостных организаторов и десятидневных съездах работников женотделов [300, ф. 60, оп. 1, д. 4934, л. 35].

Ударные пункты по работе среди дехканок явились действенным методом в пробуждении общественной активности дехканок в кишлаке и ауле. Уже во второй половине 1924 г. в рядах РКП(б) было 50 узбечек, 10 киргизок, 9 туркменок. По ленинскому набору в партию вступило 20 узбечек только по Ферганской области. Много женщин было вовлечено в Советы. 287 женщин восточных национальностей были избраны в Советы, в том числе 40 человек — членами Исполнительных комитетов и 5 — членами ЦИК Туркестана [300, ф. 60, оп. 1, д. 4934, л. 35].

О политических результатах работы ударных пунктов в кишлаках и аулах говорит письмо женотдела ЦК КПТ в отдел работниц ЦК РКП(б) от 20 августа 1924 г. (т. е. написанное спустя год после организации ударных пунктов). Женотдел ЦК КПТ просил ходатайствовать о финансировании на 1925 г. еще 30 ударных пунктов и соответственно удвоить штат волостных организаторов по работе среди женщин.

В результате удвоения количества ударных пунктов и числа волорганизаторов женотдел ЦК КПТ планировал на 1925 г. 60 ударных пунктов в сельской местности, что и было осуществлено [300, ф. 60, оп. 1, д. 4934, л. 37—38].

Последовательная работа партии способствовала пробуждению от вековой спячки женщины-мусульманки в кишлаке и ауле.

«Кишлак проснулся! Кишлак заговорил. Дехканка уже знает пути, которые помогут ей устроить свое будущее, и она требует. В революционном подъеме, — писала „Правда Востока“ 8 февраля 1925 г., — пробудившаяся женщина рвет путы вековых предрассудков и настойчиво требует своих прав».

Женотделы рьяно заступались за тех, кто изъявлял желание учиться, за тех женщин, на чьи священные права пытались посягнуть.

Заведующая женотделом г. Намангана Валида Кучукова в 1925 г. направила в женотдел в Ташкент трех узбечек со следующим письмом: «Подательница сей записки Абдуллаева Хайрахон очень хочет учиться, но учиться в г. Намангане не может, так как боится мужа, который покушался убить и нанес ей 12 ран ножом... Она училась у нас при клубе, но очень мало прошла. Она говорит, что к вашим ногам сбросит свою чадру и паранджу, лишь бы только ей была дана возможность учиться. Кроме нее еще две поехали, тоже желают учиться, также помогите им. Все три — узбечки» [379, с. 91].

На митинге, организованном партийными и советскими органами в базарный день в Карнакской волости Туркестанского уезда, выступавшие узбеки призывали к борьбе с куплей и продажей женщин, с выдачей малолетних замуж и т. д. По окончании митинга заведующая женотделом потребовала от мулл дать расписку, подтверждающую, что они знают советский закон о браке и обязуются не нарушать его. Муллы с неохотой, но поставили свои подписи под следующим оригинальным документом:

«28 ноября 1924 г. Мы, нижеподписавшиеся, муллы кишлака Карнак и той же волости, даем настоящую подписку в том, что мы действительно слышали текст постановления Туркестанского ЦИКа и Туркестанского уездного Исполкома... обязуемся исполнить все то, что написано в этих постановлениях, т. е. впредь венчание производить по удостоверениям союза „Кошчи“ и Совета. В случае неисполнения вышеупомянутых постановлений мы будем привлечены к ответственности» [379, с. 63].

Мусульманки начали обращаться в партийные органы по самым наболевшим, волнующим их вопросам. В этом проявлялась их глубокая вера в партию, в то, что она защитит их от обидчиков. И в то же время это свидетельствовало о революционном пробуждении их сознания.

Заявление Н. Буржуевой в Киргизский обком РКП(б) 17 декабря 1924 г.:

«Я, вышеуказанная гражданка, заявляю вам о том, что я вышла замуж за гражданина того же аула и волости Нурпеисова Курмангазы по своей воле, а я имею от роду 17 лет. Отец мой, Буржуй, был не согласен, и он просил за калым скотину от гражданина Нурпеисова... Теперь я прошу Вас дать мне бумагу, чтобы никто не трогал меня, т. е. разрешение выходить замуж за гражданина Нурпеисова Курмангазы...» [376, с. 141].

И еще:

«Заявление Джангдай Бабабековой в женотдел Туркестана.

...Мой дядя продал меня за 8000 гражданину Турды-Чинасской волости, аула Кутерме... [с ним] я не могла жить и через 4 месяца убежала. Муж требует, чтобы я вернула деньги, потраченные на свадьбу, у меня их нет. Единственный выход — продать себя кому-нибудь, чтобы уплатить ему. От имени обиженных женщин прошу женотдел содействовать в освобождении меня от этой платы» [442, с. 4].

В женотдел обращались за защитой не только женщины, но и мужчины — труженики, бедняки. Житель аула Хуросань Джумаанан Дурды в 1924 г. обратился в женотдел Туркмении, чтобы он помог ему вернуть жену, похищенную у него ее родственниками для продажи другому [442, с. 4].

А вот другое заявление: «Полторацкому областному женотделу от Мухамеда Кули Ашерова (член КПТ, № 5177). Заявление.

Овдовев четыре месяца тому назад, я имею желание жениться второй раз, так как в доме необходима хозяйка, но жениться в ауле я не имею средств, так как за жену нужно платить пятьдесят верблюдов, а посему прошу женотдел предоставить мне жену, если таковая выразит желание» [225, с. 9].

Конечно, женотделы не подыскивали жен своим корреспондентам, но, имея поддержку широких слоев кишлачно-аульной бедноты и батрачества, тем настойчивее приступили в 1924 г. к более решительной борьбе с калымом.

Мощным средством и одной из важнейших, действенных форм борьбы за эмансипацию женщины советского Востока были выступления советской печати.

Газета «Советская степь» 8 марта 1926 г. опубликовала рассказ казашки Фатымы Жапалаковой, родившейся в бедной семье и в 13 лет отданной замуж за старика. Но Фатыма не смирилась, пройдя массу трудностей, унижений, испытав побои и издевательства. «После этого... — пишет она, — я вышла замуж за бедняка по своей воле и живу хорошо.

При перевыборной кампании делегаток в 1925—1926 годах меня избрали делегаткой. Учусь на ликпункте, работаю в ячейке ОЛН, избрана губнарзаседателем на 1926 год, и далекое тяжелое прошлое забыто, я стала новой женщиной.

Призываю казашек объединиться вокруг женотделов и сбросить с себя цепи рабства» [651, 8.III.1926].

Такие газетные публикации имели огромное революционизирующее значение для политического пробуждения мусульманок Средней Азии.

Таким образом, первые годы деятельности среднеазиатских женотделов и партийных организаций в целом прошли в поисках лучших, наиболее подходящих форм и методов работы среди женщин-мусульманок, с тем чтобы с самого начала обеспечить результативность этой работы, политически пробудить, революционизи-

ровать трудящихся женщин местных национальностей, чтобы затем обеспечить их эмансипацию на базе вовлечения их в общественно-политическую жизнь, в советское и хозяйственное строительство.

Первые результаты повышения активности мусульманок были достигнуты и обнадеживали, а это означало, что женотделы стоят на правильном пути.

Главными трудностями на пути эмансипации мусульманок в эти годы были:

1. Экономическая и культурная отсталость, сплошная неграмотность и фанатизм местного населения, прочно укоренившийся в сознании.

2. Слабость молодых партийных организаций на местах, многие из которых, в частности в аулах и кишлаках, были созданы сравнительно недавно и еще не успели окрепнуть; слабое развитие советской государственности; слабость и малочисленность кадров партии и государства из людей местных национальностей. Первый же отряд кадров из числа женщин — узбечек, каракалпачек, туркменок, таджичек, казашек и киргизок исчислялся буквально единицами.

3. Навязанная нашей стране иностранная интервенция и гражданская война, которые вместе с басмачеством принесли народу колоссальный ущерб, вызвали хозяйственную разруху.

4. Контрреволюционная агитация врагов Советского государства — баев, буржуазных националистов и др., которые распускали провокационные слухи о якобы попирании большевиками национальных традиций, законов, религиозных верований, устраивали (не без подстрекательства агентуры капиталистических стран) небезобидные вылазки. Классовые враги оказывали ожесточенное сопротивление эмансипации мусульманки. Особенно большой урон причиняло басмачество — организованное вооруженное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов и байства, реакционной части мусульманского духовенства, пользовавшееся реальной материальной поддержкой международного империализма.

В этих чрезвычайно трудных условиях большевикам в Средней Азии приходилось проводить в жизнь советские законы о женском равноправии. Женотделы партийных комитетов настойчиво, неотступно, самозабвенно, опираясь на тружениц города и села, трудились во имя их раскрепощения, приобщения к строительству новой жизни. Они хорошо понимали, что нельзя ошибаться, ибо классовые враги и духовенство денно и нощно, бдительно и ревностно следили за процессом начавшейся эмансипации мусульманок. За малейшую оплошность, неосмотрительность женотделы расплачивались жизнью своих активисток. Всякая ошибка в этом важном деле могла быть использована и использовалась классовыми врагами, и наносился немалый вред.

Но каким бы яростным, жестоким и отчаянным ни было это сопротивление отживших враждебных сил, оно не могло повернуть вспять прогрессивного хода истории.

ЖЕНСКИЕ КЛУБЫ

Знаменитые женские клубы на советском Востоке — детище прогрессивного, революционного процесса эмансипации женщин-мусульманок. Они были организованы как одна из основных форм работы среди женщин советского Востока. Женские клубы возникли как специфическая форма работы, связанная с затворничеством женщин-мусульманок, и призваны были способствовать преодолению его. Женские клубы — плод неутомимых поисков женотделами правильных, мудрых, приемлемых не только для женщин, но и для всего мусульманского населения форм и методов работы.

Оправдавшая себя первоначальная форма работы женотделов — хождение, переодевшись в паранджу, в ичкари, тайно собирая там живущих вблизи соседок, — ограничивала возможности и масштабы работы. Она была пригодна как индивидуальный метод работы с мусульманками. Перед женотделами встала задача найти такую форму встречи с женщинами, которая давала бы возможность собраться женщинам вместе, поговорить и вести с ними разъяснительную работу. Такая форма была найдена — женские клубы. Это была мудрая, подсказанная жизнью форма работы среди женщин-мусульманок.

Делегатские собрания как основная форма работы с женщинами действовали по всей России, но, естественно, только там, где для женщины не было религиозного или обычного запрета появляться в общественных местах вместе с мужчинами. В тех же районах, где господствовал строгий обычай затворничества и где почти еще не было женщин-работниц (хотя бы в женских коллективах, где могли бы выбираться делегатки), делегатские собрания не могли иметь широкого распространения. Так было, в частности, в мусульманских районах советского Востока, где делегатские собрания действовали в первые годы Советской власти лишь в некоторых городах, где были уже (пусть незначительный процент) работницы, да и то в основном среди русских женщин. В последующем, по мере преодоления затворничества и вовлечения женщин в общественное производство, делегатские собрания распространялись здесь как в городе, так и в сельской местности. Но в первые годы для работы с основной массой мусульманок требовались другие организационные формы, и основной такой формой стали женские клубы.

Посещать женский клуб, в закрытом помещении которого собирались исключительно женщины, не препятствовали своим женам и дочерям, как правило, даже те мужчины, которые не освободились еще от устаревших взглядов на женщину. Для затворницы же мусульманки посещение клуба означало вхождение в новый мир коллектива, охваченного влиянием женотдела.

Вопрос об организации женских клубов впервые был поставлен во время работы Первого съезда народов Востока, состоявшегося в Баку в сентябре 1920 г. В числе делегатов съезда, представлявших республики советского Востока и зарубежные страны (Индию, Турцию, Иран, Афганистан и др.), было 55 женщин. Именно на специальном совещании этих делегаток, обсуждавшем пути раскрепощения женщин Востока, и была рекомендована организация женских клубов и женских артелей там, где господствует затворничество.

Затем женские клубы как метод работы среди женщин советского Востока были рекомендованы на I совещании организаторов работы среди женщин республик и областей советского Востока, организованном отделом работниц ЦК РКП(б) в Москве 5—7 апреля 1921 г. (подробнее о нем см. выше).

В первом же постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) «О работе среди женщин в Туркестане», принятом по докладу С. Т. Любимовой, было записано: «Работу среди женщин Туркестана по пробуждению в них общественности и симпатии к Советам и партии вести через организацию особых женских клубов, школ, мастерских, артелей» [300, ф. 60, оп. 1, д. 3698, л. 7].

III Всесоюзное совещание работников среди женщин советского Востока, проведенное 2—10 апреля 1925 г. в Москве отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б), указало, что лучшей формой работы среди женщин на советском Востоке, органически связанной с партийными, советскими, профессиональными и кооперативными организациями, является женский клуб, работа которого проводится целиком под партийным руководством. Женский клуб является организатором наиболее отсталых, закрепощенных в экономическом, правовом и бытовом отношениях женских масс. К этому времени на Востоке страны действовало уже 57 женских клубов, объединявших более 6 тыс. женщин коренного населения.

Первый же женский клуб для мусульманок в нашей стране был организован в 1920 г. в Азербайджане. Это был женский клуб им. Али Байрамова в Баку, сыгравший большую роль в деле раскрепощения мусульманок не только Азербайджана и Кавказа, но и других районов, в частности в Средней Азии и Казахстане. Например, женский клуб им. Н. К. Крупской в Ташкенте был организован на основе изучения уже накопленного опыта работы бакинского женского клуба, хотя каждый клуб имел свою специфику, связанную с бытом и традицией местного населения. Ташкентский женский клуб явился методическим центром клубной работы. В последующем такое методическое руководство осуще-

ствлялось в рамках республик Домами скотоводки в Алма-Ате и Фрунзе, Домом дехканки в Ашхабаде, женским клубом в Душанбе. Женские клубы и их разновидности создавались для вовлечения женщин-мусульманок из трудовых слоев населения.

9—11 ноября 1926 г. в Москве при отделе работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) проходило первое Всесоюзное совещание работников женских клубов. В его работе участвовало 17 представителей местных организаций, в том числе 12 — местных национальностей.

На совещании выступили А. В. Артюхина с докладом «Очередные задачи в работе женских клубов на Востоке» и Клара Цеткин с речью «Интернационал немыслим без участия труженицы Востока»; с докладами с мест — заведующие клубами, передвижными юртами, красными уголками. Были также заслушаны доклады о работе городского и деревенского (кишлачного, аульного) клубов, о передвижной юрте, об уставе женского клуба и приняты соответствующие резолюции, а также Устав женских клубов.

Вот основные положения этого устава.

1. Задачей женского клуба является политическое воспитание тружениц Востока в целях вовлечения их в общую работу по социалистическому строительству, проводимую трудящимися СССР под руководством Коммунистической партии.

2. Специальные женские клубы организуются для женщин восточных народов, которые в силу сохраняющихся еще бытовых традиций (затворничество) не могут быть вовлечены в общие клубы.

3. Клуб ставит своей целью развитие у тружениц Востока производственных, общественно-культурных навыков и самодеятельности, постепенно втягивая их в делегатские собрания, производство, кооперацию, Советы и партию. В то же время клуб является местом отдыха и способствует развитию художественных и творческих способностей своих членов.

4. Клуб всемерно содействует женщине-матери в правильном воспитании ее детей путем организации яслей, детсадов и детплощадок.

5. Клуб ведет специальную работу среди девушек, организуя и постепенно вовлекая их в международное детское и юношеское коммунистическое движение [133, с. 58—59].

Для выполнения этих задач были определены следующие формы и методы работы клуба:

— По вовлечению женщин в производство и улучшению хозяйства клуб организует: профшколы, курсы, мастерские и артели кройки и шитья, ткацкие, сельскохозяйственные и др.; трудоустройство безработных в городах и оказание помощи крестьянкам в улучшении их хозяйства и быта через комитеты крестьянской взаимопомощи, сельские Советы и другие организации, имеющиеся в деревне.

— По правовой защите: клуб оказывает через органы юстиции

юридическую помощь женщинам, обращающимся в нарсуды, организует справочные бюро и юридическую консультацию для женщин, знакомит членов клуба с советским законодательством, содействует подготовке судебных работников из числа женщин восточных национальностей и проводит множество других мероприятий по правовой защите женщин.

— По культурно-просветительной работе: клуб организует школы по ликвидации неграмотности (ликбезы), а также общеобразовательные школы, всевозможные кружки политграмоты, спортивные, драматические, хоровые, по обучению санитарно-гигиеническим навыкам, навыкам работы в кооперации и другим, необходимым для женщин, охраны материнства и младенчества; клуб также организует художественную самодеятельность, бытовые суды, показ кинофильмов, делегатские собрания, громкую читку, политинформацию, выпуски стенгазеты, вовлекает членов клуба в литературную работу, в рабселькоровское движение, организует уголки Ленина, МОПР, матери и ребенка, русской работницы, пионеров, кооперации, комнаты крестьянки (так что политпросветительная деятельность клуба выходит за его рамки).

— В области медицинской помощи и санитарного просвещения: клуб организует консультации, амбулатории, родильные койки, специальные доклады, лекции и кружки по вопросам санитарии, гигиены, охраны материнства и младенчества, борьбу со знахарством.

— Для работы с молодежью организуется среди женщин секция женской молодежи — юнсекция, работа которой строится по принципам детских и юношеских организаций и ведется под их руководством. Занятия в секции ведутся по возрастным группам с учетом возрастных интересов. Велика роль этой секции клуба в преодолении ранних браков, ранней выдачи девочек замуж и других вредных традиций.

Была определена и организационная структура женских клубов: они организуются и ликвидируются местными женотделами и политпросветом, имущество и средства которого поступают в распоряжение клубной комиссии, в фонд женских клубов.

Состав клуба и обязанности его членов определялись следующим образом. Членом клуба могла стать каждая женщина из трудовых слоев населения, достигшая 14 лет и заявившая о своем желании вступить в клуб. Все члены клуба должны принимать активное участие в его работе, выполняя обязанности, возложенные на них уставом либо правлением клуба. Они имеют право решающего голоса на общих собраниях, избирают из своей среды правление и ревизионную комиссию и принимают новых членов, решают вопросы внутреннего распорядка, утверждают план работы клуба. Общее собрание рассматривает необходимость взимания членских взносов и их размер в зависимости от местных условий, а также выход членов из состава клуба по их желанию либо за злостное нарушение устава клуба.

Деятельностью клуба руководят общее собрание членов и выбранное сроком на один год правление клуба. Собрание избирает сроком на один год также ревизионную комиссию из 3 членов и 2 кандидатов. Клуб работает под руководством женотделов и политпросвета [1], представители которых входят в правление клуба, а в кишлачных и аульных клубах в состав правления входят представители бюро ячейки ВКП(б), волостной организатор женщин, представитель сельского или волостного Совета. Правление состоит из 9—11 человек и руководит работой секций и другими видами работы клуба. Текущую работу клуба проводит президиум правления в составе 3—5 человек, который ведет учет политико-просветительной и организационной работы по установленной форме — дневники клуба, занятий кружков и т. д.

Финансовые поступления клубов складывались из бюджета, членских взносов, доходов с артелей, мастерских, с организуемых театрами спектаклей, выступлений художественной самодеятельности и т. д. Заведующий клубом обеспечивал строгий инвентарный и приходо-расходный кассовый учет. Правильность расходования средств проверяли ревизионная комиссия, женотдел, политпросвет [133, с. 58—64].

Таковы были задачи, формы, методы работы и структура женских клубов, вся деятельность которых была направлена на то, чтобы приучать женщину советского Востока к активной общественной деятельности, привлечь к управлению государственными, хозяйственными, культурно-просветительными учреждениями, общественными организациями. В клубной работе раскрывались таланты, умственные способности, ломались устоявшиеся взгляды.

Спустя два месяца после ноябрьского совещания, 14 января 1927 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О задачах женских клубов на советском Востоке». Подчеркнув особое значение работы среди женщин Востока, ЦК обратил внимание партийных организаций национальных республик и областей на необходимость усиления деятельности женских клубов, красных уголков крестьянок, передвижных юрт и Домов крестьянки. ЦК ВКП(б) определил основные задачи женских клубов на Востоке: «а) ликвидация политической и азбучной неграмотности восточниц; б) вовлечение восточниц в работу Советов, кооперации и содействие вовлечению лучших из них в партию; в) содействие в подготовке к производственному труду (в артелях и профшколах); г) организация и облегчение труда восточницы в сельском хозяйстве и на дому; д) ознакомление отсталой восточницы с культурными навыками (научить ее оберегаться от заразных болезней, воспитывать детей, культурно вести свое хозяйство)» [133, с. 45—46], рекомендовал строить работу клубов на местном, близком и понятном восточнице

[1] С 1930 г. клубы были полностью переданы в ведение системы Наркомпроса.

материале, увязывать эту работу с общими задачами партии и Советской власти, вносить в нее плановость и систему.

ЦК ВКП(б) признал целесообразным организацию при женских клубах следующих секций:

— здравоохранения (объединяющей работу врачебной консультации, яслей, санкружка и других медицинских учреждений);

— культурно-просветительной (школа, библиотека, читальня и другие культурно-просветительные учреждения);

— правовой (юридическое бюро, консультация, правовой кружок, правозаступницы);

— женской молодежи (охватывающей работу пионерских отрядов, комсомольских ячеек при клубе и ведущей работу под руководством соответствующих комитетов союза молодежи).

В целях содействия усвоению труженицами Востока производственных навыков признана необходимой организация при клубах артелей, мастерских и профтехнических школ, к созданию которых должны привлекаться органы главпрофобра, местные советы народного хозяйства и кустпромкооперации.

ЦК ВКП(б) обратил внимание парткомов на необходимость подготовки кадров из числа женщин восточных национальностей для работы в женских клубах, выдвигая активисток на клубную и далее — на широкую общественную и советскую работу.

Для руководства работой женских клубов ЦК ВКП(б) признал необходимым создание при женотделах клубных комиссий, в состав которых должны входить представители заинтересованных учреждений и организаций. Парткомам настоятельно рекомендовалось принимать непосредственное участие в руководстве клубной работой среди женщин; особо указывалось, что в кишлаках и аулах клубы должны организовываться только при условии наличия партийной ячейки и организатора по работе среди женщин.

В постановлении ЦК ВКП(б) указывалось также, что женские клубы, уголки, передвижные юрты и Дома крестьянок должны быть включены в сеть учреждений политпросвета и содержаться за счет последнего, а к содержанию других учреждений при клубах должны привлекаться средства соответствующих советских и кооперативных органов [133, с. 45—47].

Итак, ЦК ВКП(б) определил основные направления работы женских клубов на советском Востоке, что положительно отразилось на их многогранной деятельности; нацелил внимание местных партийных, советских, хозяйственных и общественных организаций на развитие и улучшение работы женских клубов советского Востока, на поднятие их авторитета перед общественностью и населением; дал высокую оценку самоотверженной деятельности работниц женотделов и женских клубов советского Востока, что вдохновило их, помогло в преодолении препятствий.

Постановление ЦК ВКП(б), обмен опытом работы клубов на всесоюзном совещании 9—11 ноября 1926 г., а также предшествовавшие всесоюзному среднеазиатское и казахское краевые сове-

щания клубных работников дали положительные результаты. Местные партийные, советские, хозяйственные организации стали больше интересоваться и помогать женотделам и женским клубам в их работе. Вопросы организации и деятельность женских клубов, красных юрт, Домов дехканок, красных уголков систематически обсуждались ЦК КП республик, Средазбюро ЦК ВКП(б) и их женотделами.

У истоков организации женских клубов стояли Е. Д. Стасова, К. Цеткин, И. Ф. Арманд, А. В. Артюхина, С. Т. Любимова и другие выдающиеся подвижники женского движения.

Первый среднеазиатский женский клуб им. Н. К. Крупской был организован 25 апреля 1924 г. в Ташкенте — в Старом городе, где преобладало узбекское население. Первой заведующей этого клуба была русская коммунистка, одна из первых поборниц эмансипации узбечек, Ольга Михайловна Попова, проработавшая в этой должности до 1929 г.

Трудно начиналась работа в женских клубах. Но постепенно, после упорной разъяснительной работы, группами в два—три человека, робко, осторожно узбечки начали заглядывать в клуб, причем сначала даже не в помещение, а только во двор клуба. Вскоре затем 15 передовых рабочих трамвайного парка Ташкента решили снять паранджу и чиммат со своих жен и посетили женский клуб, что положительно сказалось на увеличении числа посетителей клуба. После этого прошло немного времени, и узбечки поняли, что можно не бояться даже и зайти в помещение клуба. Их стали приглашать в «громкочитальню», в библиотеку. Первые беседы были посвящены значению клуба. Узбечкам разъясняли, почему им советуют записаться в члены клуба, в школу ликбеза. Но они отказывались, страшились записываться в члены клуба, отказывались от членских книжек (причем книжки не брали даже и спустя два года).

Через полгода после организации клуба при нем были открыты производственная артель по пошиву одеял и швейная мастерская, куда получили доступ безработные бедняки, изгнанные из семей. Эти крохотные кустарные артель и мастерская делали свое положительное дело, дав возможность женщинам иметь самостоятельный заработок, как-то выйти из своего домашнего заточения, за узкие рамки семьи, приобщиться к общественной трудовой жизни, узнать, услышать много полезного и интересного о жизни, о правах, о новой, Советской власти — власти, которая интересуется их нуждами, чаяниями, обидой и болью и заступается за них. Таким образом, в женских клубах создавались первые коллективы женщин местных национальностей, в которых женотделы налаживали постоянную коллективную разъяснительную, политико-просветительную, воспитательную работу.

Женский клуб в Ташкенте вначале финансировался исключительно женотделом, который оплачивал все, вплоть до врачей, сестер милосердия, школ ликбеза и мастерских. С организацией

артели по пошиву одеял и швейной мастерской финансовое положение женского клуба несколько улучшилось. Эти коллективы выполняли заказы отдела народного образования и больниц.

За полтора года (начиная с момента организации Ташкентского женского клуба 8 апреля 1924 г. до конца 1926 г.) в клуб пришло (членов) 496 женщин: 410 узбечек, 66 татарок и 20 женщин других национальностей. Такой интернациональный состав клуба имел важное политическое значение, поскольку возможность для узбечек общаться с женщинами других национальностей, безусловно, расширяла их кругозор, миропонимание, помогала пересмотреть сложившиеся и устоявшиеся взгляды. Уже ежедневно клуб посещали 60—100 женщин против 2—8 в начале его работы.

Что же касается социального состава Ташкентского женского клуба, то 258 его членов были женами и дочерьми чернорабочих, 76 — мелких торговцев, 92 — работницами, 68 — дехканками. 58 из них состояли в Коммунистической партии (против 8 в начале работы клуба).

В Ташкентском женском клубе были организованы 4 секции: политико-просветительная, охраны материнства и младенчества, кооперативная и юношеская. По возможности секции возглавлялись специалистами, которым помогали активистки клуба. Каждая секция отчитывалась перед правлением и общим собранием. Работали также кружки: политический, материнства и младенчества, хоровой, музыкальный, драматический, русской грамоты, МОПР. Члены драматического кружка клуба сами исполняли и все мужские роли; клубистки категорически отвергли попытки работниц клуба привлечь в кружок мужчин.

При женском клубе с самого начала его работы действовала школа ликбеза. Нелегко было привлечь к учебе узбечек, особенно подростков, поскольку бытовала очень ранняя выдача их замуж и все они, как правило, уже имели мужей, так что, прежде чем пригласить девочку учиться, приходилось вести переговоры с ее свекром, свекровью, родителями; за чашкой чая, не спеша, на восточный манер велась беседа, которая далеко не всегда давала нужный результат. Но, начав заниматься в школе ликбеза, девушка обычно уже сама изъявляла желание продолжать учебу, и женский клуб продвигал узбечек на курсы подготовки работников женотдела, сестер милосердия или в другие учебные заведения.

В кооперативной секции клуба узбечки приобретали трудовые навыки, производственную квалификацию. При содействии женотдела в Ташкенте в эти годы были организованы две швейные фабрики, где применялся женский труд, и работницами их обеспечивал Ташкентский клуб. Это были реальные меры, направленные на эмансипацию мусульманок, которые выходили из домашнего заточения в широкий мир общественно полезной деятельности, коллектива и товарищества.

В секциях и в кружках узбечки приучались к самостоятельности. В их сознании рабская покорность постепенно сменялась нена-

вистью к прошлому и желанием активно бороться с ним, за свои права, за лучшую жизнь своих сестер и подруг.

В женском клубе узбечек учили и печатать на пишущей машинке, причем это было для них гораздо больше, чем просто получение квалификации, так как женщины приучались при этом к государственной службе, готовились для работы практикантками в государственном аппарате, женотделах, красных уголках, читальнях, библиотеках. Выше уже рассказывалось, как Джахан Абидова и другие видные женщины-узбечки сочетали учебу с работой в женском клубе.

В секции и кружке охраны материнства и младенчества узбечки получали необходимые знания по санитарии и гигиене, которые затем внедряли в свой домашний быт, передавали соседкам, родственницам, подругам, способствуя тем самым распространению санитарии и гигиены среди населения. Женский клуб готовил сиделок и воспитательниц детских садов и ясель, а позднее также и заведующих детскими садами и яслями.

В секции политико- и культурно-просветительной работы помимо школы ликбеза работала и школа повышенного типа, в которой занимались в описываемый период 32 юные женщины. Как уже говорилось, постепенно происходил крутой поворот в отношении женской молодежи к учебе. Теперь она не скрывала своего желания учиться, даже при наличии цепких препятствий со стороны родителей. Женский клуб начал готовить не только заведующих красными уголками, но и учительниц для женских школ ликбеза.

Таким образом члены женского клуба становились активными помощницами женотделов, их опорой. Через этих приобщенных развертывалась работа среди широких слоев мусульманок. Весть о женском клубе передавалась из уст в уста — через соседок, родственниц — и распространялась далеко за пределами Ташкента. Клуб становился учреждением, реально способствовавшим эмансипации женщины-мусульманки.

Так начиналась деятельность первого женского клуба в Средней Азии, в Старом городе Ташкента. Развивались женские клубы при неустанном внимании партийных и советских органов Туркестана, а после национально-государственного размежевания — ЦК КП(б) Узбекистана и ЦИК Узбекской ССР. Скоро Ташкентский женский клуб стал образцово-показательным учреждением. В январе 1925 г. клуб посетил всесоюзный староста М. И. Калинин. Вот что сказал он затем на I съезде КП(б) Узбекистана:

«Я был у вас в женском клубе в Ташкенте. В этом клубе дают врачебную консультацию. Матери-узбечки с ребятами приходят ко врачу, советующему, как надо воспитывать ребенка. Я думал, это интеллигентская затея, которая ничего не дает. А когда пришел в клуб, там до десяти закрытых узбечек (там они были открытыми) принесли своих ребят и врач объясняет, как надо воспитывать ребят, как их кормить и т. д. Это маленькая работа, которой привыкшие делать большую политику не придают значения. А по-мое-

му, эта работа колоссальная. Это и есть настоящее поднятие культуры» [395, с. 628—629].

Как и всякое новое, женские клубы сначала не встретили полной поддержки не только со стороны населения, но даже и некоторых руководящих работников края. Не были до конца решены и некоторые важные вопросы их организационного характера и финансирования. Посещение клуба М. И. Калининым и его речь на I съезде КП(б) Узбекистана имели поэтому огромное значение для дальнейшего развития клубов в Средней Азии. В этом, как уже говорилось, исключительно велика была роль и постановления ЦК ВКП(б) о развитии женских клубов на советском Востоке.

Положительные результаты внимания к женским клубам сказались незамедлительно. Уже в 1924—1925 гг. только в Узбекистане было создано 22 женских клуба с числом членов до 3 тыс. Осуществлены меры по укреплению и упорядочению деятельности женских клубов. Уже организовывались передвижные Красные женские юрты в Казахстане и Киргизии, Дом дехканок в Туркменистане, женские клубы в ряде городов и кишлаков, красные уголки в некоторых аулах Средней Азии [623, 1925, № 12, с. 63].

30 января 1926 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) по докладу С. Т. Любимовой приняло постановление «О строительстве центрального краевого женского клуба».

Первый клуб в Маргелане был организован в 1924 г. на базе женского красного уголка, где работали мужчины, и поэтому женщины туда не ходили. Организовала его узбечка Али-Ходжаева с четырьмя сотрудницами. Она же стала первой заведующей клубом. Привлечению мусульманок в клуб содействовала созданная при нем женская чайхана: за чашкой бесплатного (тогда дефицитного) чая велась неторопливая беседа, которая и располагала, и заинтересовывала узбечек, так что они становились частыми гостями клуба. При клубе было организовано шесть кружков: политический, правовой, кооперативный, матери и ребенка, ликбез и даже физкультурный. По вторникам проводились лекции на политические, а чаще — на медицинские темы. При клубе действовали пионерский отряд из 65 детей и комсомольская организация, куда входило 17 девушек. Невозможно переоценить роль этих организаций в преодолении ранней выдачи девочек замуж. Из первых 37 выпускниц ликбеза 8 юных узбечек пошли учиться в педагогический техникум. В организованной при клубе комнате дехканки останавливались приезжавшие из кишлаков женщины, с которыми за время их пребывания в клубе проводилась интенсивная работа [133, с. 33—35].

Об организации первого сельского, Чинразского, кишлачного женского клуба Самаркадской области рассказывала его первая заведующая — Баталова:

«Клуб был организован 7 ноября 1924 г.

Как мы начали клубную работу? Я поставила большой самовар и стала звать пить чай, говоря: „Идите в клуб, будем чай пить,

вам будет угощение". Но женщины все-таки не шли, потому что им говорили: „Если вы пойдете в клуб, то должны будете снять паранджу и танцевать"... Я, конечно, стала разъяснять, что это неправда. Но я сумела собрать женщин только через несколько дней... Стала я ходить по домам, но зачастую, увидев меня, или калитку запирают, или собаку натравливают. Тогда я стала поступать таким образом: если женщины сидели, кушали или молились богу, то и я с ними садилась и молилась, чтобы они мне верили. Так мне удалось собрать несколько женщин» [133, с. 33—35].

Вопреки всем трудностям Баталова сумела организовать делегатские собрания, куда вошли 25 делегаток. Клуб выделил семь народных заседательниц в народный суд, двух делегаток в союз «Кошчи» и одну в юридическую консультацию; по одной делегатке было выделено также в каждый квартал для проведения собраний женщин. В течение двух лет число членов клуба увеличилось до 62; 21 из них стали кандидатами в члены партии. Были организованы кружки политграмоты, ликбез и кружок рукоделия, а затем на базе последнего организована артель по пошиву одеял, в которую записалось 300 женщин, и хлопкоочистительная артель, куда вошло 25 узбечек. Самостоятельный заработок имел решающее значение в привлечении женщин в артели клуба [133, с. 25—28].

Так начинали организовываться женские клубы в кишлаках Узбекистана, начиналась работа среди дехканок — основной массы трудящихся узбечек. Кишлачный клуб также стал готовить кадры работниц женотделов. Так, из числа членов Чинразского кишлачного клуба две узбечки выдвинулись волостными женскими организаторами, а две пошли на курсы женорганизаторов в Самарканд.

На краевом совещании по вопросам клубной работы, состоявшемся в 1926 г. в Самарканде, заведующая женотделом Ташкентского окружкома КП(б) Узбекистана А. А. Аксентович рассказала об опыте работы Пскентского кишлачного женского клуба, о трудностях, связанных с его организацией. При клубе работали детская и акушерско-гинекологическая консультации, школа для девочек и ликвидации безграмотности для взрослых узбечек, библиотека. Клуб был составлен таким образом и содержался в такой чистоте, что узбечкам, посещающим его, не хотелось уходить оттуда.

Весть о клубе разнеслась по всем ближайшим волостям и кишлакам. Один старый узбек рассказывал, что дочь не давала ему покоя, хотела идти в клуб, а он ее долго не пускал, не зная, что это за клуб и не развратится ли она там. Сходил посмотреть и после этого уже сам посылал дочь в клуб.

В политическом и литературном кружках клуба занимались по 15—17 человек. Посещаемость детской консультации громадная для кишлака: 25—30 человек в день.

В члены клуба записалось 30 узбечек, из них 13 стали канди-

датами партии. В школе ликбеза начало учиться 30 узбечек. В отряде пионеров насчитывалось 82 детей 8—13-летнего возраста (см. [111]).

8 марта 1924 г. открылся женский клуб в Бухаре. При клубе организована трудовая артель на 250 человек, детский сад и библиотека. На митинг, посвященный открытию клуба, собралось около тысячи женщин. Заведующая женотделом Газизова выступила с докладом о 8 Марта, затем были организованы угощение, бесплатное кино. 12 женщин в этот день сбросили чадру и записались в ряды коммунистов (и даже сфотографировались[1]).

В Таджикистане в силу труднодоступности многих его горных районов, в силу действия бесмаческих банд Ибрагимбека Курбаши, а также вследствие относительно позднего начала работы среди женщин в Бухарской республике, куда входили таджикские земли, на несколько лет оттянулась работа по эмансипации таджички, в том числе и работа по организации женских клубов. Мероприятия Коммунистической партии и Советского государства по эмансипации таджикской женщины начали осуществляться лишь с образованием Таджикской АССР, после проведения Таджикской областной партийной конференции и I учредительного съезда Советов Таджикистана в январе 1925 г.

В Таджикистане женские клубы были организованы в Ура-Тюбе, Хороге, Гарме, а в 1926 г. — в Душанбе и Пенджикенте (см. [380, с. 14]).

Для организации женского клуба в Гармский вилоят была направлена инструктор женотдела Таджикского обкома партии Шарифова. В своем отчете 3 января 1926 г. она рассказала, как подыскали помещение для клуба в центре кишлака Гарм, отремонтировали его общими усилиями партийной ячейки, Совета и профсоюза, завезли дрова, и 14 декабря 1925 г. Гармский кишлачный женский клуб был открыт. При клубе открылась школа для женщин и девочек. Клубные работники начали посещение частных домов; туда, где есть больные, приглашался врач. Организовали врачебный прием и в клубе (каждый понедельник); кроме того, врача брали с собой на все праздники, свадьбы — чтобы вести разъяснительную и просветительную работу среди женщин [304, ф. 62, оп. 1, д. 1978, л. 2, 3].

Первые женские клубы в Гарме, Ура-Тюбе, Пенджикенте и в некоторых других районах были выстроены исключительно по инициативе женработниц.

Постройкой женского клуба в Душанбе (на средства ревкома) руководил женотдел. В 1926 г. строительство было завершено, и 8 марта таджички и русские женщины впервые смогли собраться и вместе провести празднование Международного дня работницы.

Наличие клуба дало возможность развернуть работу среди

[1] Мусульманское духовенство утверждало, что фотографироваться грешно, как вообще считается грехом делать любое изображение живого существа.

женщин: открылись женская и детская консультации, амбулатория, ликбез и юридическая консультация, женская пошивочная мастерская, а позже — женпедтехникум и курсы женорганизаторов.

Газета «Советский Таджикистан» сообщала 20 января 1930 г. об открытии 16 января 1930 г. женского клуба им. 12-й годовщины Октября в г. Ура-Тюбе. На открытии присутствовало 250 женщин-националок. Выступили с приветствиями представители всех организаций. Открытие клуба завершилось художественными постановками на русском и таджикском языках и угощением женщин.

Клуб получил прекрасное помещение: восемь комнат, зал заседаний на 250 человек, а также помещения школы ликбеза на 30 человек, кустарной женартели на 30 человек, детской и женской консультаций с двумя кабинетами, комнаты дехканки, пионерского клуба [662, 20.I.1930].

Президиум ЦИК Совета Таджикской ССР 14 августа 1934 г. принял постановление «О строительстве районных женских клубов». Было решено приступить к строительству женских клубов в больших кишлаках Анги-Базарского, Файзабадского, Кзыл-Мазарского и Гиссарского районов. С этой целью были рассмотрены и решены вопросы проектирования, финансирования и заключения договоров; ведение строительства было поручено райисполкомам. Строительство женских клубов в Таджикистане осуществлялось под лозунгом «Каждому району — женский клуб!» (см. [111]).

Женские клубы организовывались также в некоторых районах Казахстана, Киргизии, Туркмении, где преобладало узбекское население.

Первый сельский женский клуб в Киргизии был организован в 1925 г. и открыт 8 марта в селе Талды-Су Курментинской волости Каракольского округа. При клубе работали женская артель, врачебная консультация, драматический кружок, школа ликбеза [590, 24.IV.1925].

Весной 1925 г. был открыт первый городской женский клуб в г. Туркестане. За неимением средств работницы женотдела во главе с А. И. Назаровой с помощью делегаток сами побелили, вымыли помещение, достали столы, скамейки и несколько табуреток, сшили занавеси на окна, из своих квартир принесли картины, журналы, книги, организовали ликбез. Женотдел систематически проводил в клубе беседы и собрания, на которых рассказывалось об отмене калыма и многоженства, о взыскании алиментов на воспитание детей, о советских законах, охраняющих женщин, и наказаниях за выдачу замуж несовершеннолетних. Проводились доклады и лекции врачей (о туберкулезе, о кожных и глазных болезнях), военкома (о Красной Армии) и др.

На эти беседы и собрания, рассказывает А. И. Назарова, мы старались собрать как можно больше женщин. Женщины-казашки приходили сами, с открытыми лицами, но женщин-узбечек, как правило, приводили или привозили мужья. До дверей клуба узбеч-

ка шла в парандже и, только войдя в клуб, откидывала или снимала ее, а в это время мужья сидели за дверями клуба и ждали, когда закончатся беседа или собрание [557, с. 399—400].

Несколько позже женский клуб был организован и в г. Кзыл-Орде.

Газета «Туркменская искра» 10 января 1927 г. сообщала о работе среди женщин (организационной, культурно-просветительной и лечебно-профилактической) в женском клубе на станции Чарджоу. При клубе работали школа ликбеза, в которую записалось 17 туркменок и узбечек, кружки громкого чтения, гигиены, рукоделия, драматический, который нередко ставил импровизированные постановки на бытовые темы.

В клубе ежедневно проводились беседы с женщинами на доступные их пониманию темы: о значении школы, клуба, детсада, детконсультаций, кооперации и т. д. Общие собрания женщин приурочивались к агитационным кампаниям и проводились очень интересно. Так, например, в день урожая (10 декабря) после понятных докладов на тему дня была устроена экскурсия на агропункт, которая очень понравилась женщинам. При клубе работали детская консультация, детский сад и школа для девушек. Правда, как сообщала газета, плохое помещение клуба совершенно не соответствовало широко развивающейся в нем работе [667, 10.I.1927].

Особые условия кочевых районов — отдаленность их от культурных центров, большая разбросанность населения, а главное, передвижной образ жизни последнего — крайне затрудняли возможность охвата женщин-кочевниц клубной работой и выдвигали необходимость создания специальных передвижных юрт и кибиток. Об этом говорилось уже на I Всесоюзном совещании работников женских клубов в ноябре 1926 г.

Красная передвижная юрта, опыт работы которой в Казахстане, Киргизии и других кочевых районах вполне оправдал себя, прикреплялась к какому-либо крупному аулу и передвигалась вместе с последним.

При организации Красной юрты большое внимание уделялось ее украшению плакатами, картинами, культурным («европейским») оборудованием, предметами домашнего обихода, а также содержанию юрты в образцовой чистоте. При юртах организовывались библиотека-читальня, медицинская помощь (акушерский пункт, детская консультация или амбулатория) и санитарно-просветительная работа с кочевницами, школа ликбеза и кружки (рукоделия, сельскохозяйственный, санитарии и гигиены, хоровой, музыкальный, рабкоровский и др.). Юрты приобретали и пропагандировали различные бытовые машины (шерсточесалка, сепаратор и т. п.), а на продолжительных стоянках — опытные огороды, молочные артели и другие формы объединения кочевниц.

Непосредственное руководство работой Красных юрт осуществлялось партийными организациями, ближайшими женотделами и

политпросветом. Юрты готовили твердое ядро актива из числа кочевниц — беднячек и батрачек, с которыми женотделы поддерживали постоянную связь, выдвигая их на руководящую работу, готовили работников не только для женотделов, но и для самих Красных юрт [133, с. 55—57].

Клубная работа в форме передвижных Красных юрт получила распространение в кочевых районах Казахстана, Киргизии. Центрами культурно-просветительной работы среди женщин стали здесь также Красные кибитки и красные уголки. Казахский крайком и Киргизский обком партии и их женотделы систематически руководили работой Красных юрт, рассматривали и решали вопросы организации и совершенствования их деятельности.

30 июля 1925 г. Казахский крайком РКП(б) направил в местные комитеты циркуляр об организации женских Красных юрт. В Казахском ауле, говорилось в нем, при установившемся в прошлом взгляде на женщину как на стоящую значительно ниже мужчины и предназначенную исключительно для домашнего хозяйства и ухода за детьми, при установившейся традиции, по которой женщины не участвуют в общих собраниях с мужчинами вместе, вовлечь женщину в общую политико-просветительную работу чрезвычайно трудно.

Поэтому, говорилось в циркуляре, отдел работниц Казкрайкома РКП(б) совместно с Главполитпросветом организует ряд Красных юрт, предназначенных для обслуживания женщин аула.

Как первый опыт, Красные юрты нуждались в особом к себе внимании и руководстве. Поэтому к организации и текущей работе Красной юрты предлагалось привлечь внимание всей партийной массы, а также ВЛКСМ, профсоюзов, союзов «Кошчи» и других общественных организаций, вводя их в Совет Красных юрт. Красная юрта была призвана повести широкую культурно-просветительную работу среди женщин аула, освещая путем чтения и собеседований политику партии и Советской власти в вопросах землеустройства, здравоохранения, просвещения и т. п. В циркуляре говорилось также о необходимости организовать показательные суды, вечера, концерты, различные кружки просветительного характера и т. д.

Работа Красных юрт велась строго в плановом порядке, тщательно изучалась. А в отчетности освещались все условия работы, достижения и ее недочеты. Заведующие Красной юртой выдвигались парткомами обязательно из среды женщин-казашек (киргизок).

Средства на содержание женских Красных юрт специально выделялись крайкомом РКП(б) и использовались только по прямому назначению.

По договоренности отдела работниц Казкрайкома с Главполитпросветом при Красных юртах создавались ликпункты для обучения неграмотных женщин-казашек (киргизок), куда Глав-

политпросветом выделялись ликвидаторы (неграмотности), работа которых оплачивалась из местных средств Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности (Грамчека). Библиотека на казахском языке — ленинская — высылалась также политпросветом [111, с. 346].

К изложенному циркуляру было приложено «Положение о волостной женской красной юрте», в котором были сформулированы задачи и содержание работы Красной юрты и давались рекомендации-инструкции относительно совета Красной юрты и ее заведующей (выделяемой женотделом по согласованию с политпросветом) [111, с. 347—350]. Основное содержание этого «Положения» о Красной юрте соответствовало Уставу женского клуба.

На основании этого положения женотделы и энтузиастки взялись за организацию Красных юрт.

Летом 1925 г. Толебике Галиева[1], студентка Оренбургского рабфака (Оренбург тогда был столицей Казахстана), приехала на каникулы в Актюбинск и попросила женотдел губкома партии направить ее поработать среди девушек. Заведующая женотделом Актюбинского губкома А. А. Буркова предложила ей поехать в аул и назначила заведующей первой губернской Красной юртой. Толебике было тогда 15 лет.

«И вот мы, — рассказывает Толебике Галиева, — начали готовиться к выезду в аул. Сначала подобрали штат юрты: инструктора-массовика, юриста, медицинского работника, хозяйственника. Потом собрали нужный инвентарь и оборудование для медицинского пункта, книги, письменные принадлежности и буквари, кинопередвижку, котлы, ведра и т. д. В то время автомашин еще не было — наш „транспорт" состоял из фургонов, запряженных верблюдами...

Наша юрта должна была обслуживать Челкарскую, Иргизскую и Карабутакскую волости.

В сияющий летний день мы разбили свой стан в степях Карабутакской волости. Несколько наших юрт образовали маленький аул. Не успели мы как следует устроиться, как появились гости — женщины, мужчины, дети. Вначале они смотрели издалека, а потом подошли поближе и по степному закону взаимной помощи начали помогать натягивать наши кибитки и палатки» (см. [133]).

Через два-три дня Толебике решила провести первое женское собрание. Несколько верховых поехали по аулам приглашать женщин и девушек. В назначенное время никто не явился. В округе хозяйничал крупный бай по имени Маханбай: одних лошадей

[1] Толебике Галиева родилась в 1910 г. При помощи женотдела в возрасте 14 лет она уехала на учебу в Оренбург. В 1924 г. вступила в комсомол, а в 1937 г. — в члены ВКП(б). Работала в Казахстане на руководящей комсомольской работе, в органах народного образования, несколько лет заведовала женотделом райкома, горкома партии Актюбинской и Акмолинской областей. В настоящее время персональный пенсионер.

у него было 12 тысяч. Бай запретил женщинам своего аула посещать Красную юрту и распустил о ней дурные слухи.

Тогда работницы юрты поодиночке пошли по аулам, заходили к женщинам, рассказывали им о Красной юрте, приглашали их в гости и полечиться. Поставили возле юрты сепаратор и, купив два-три ведра молока, показали, как работает эта невиданная здесь диковинка-машина. Постепенно женщины стали носить молоко на сепаратор, с каждым днем их число росло, приглашали их в юрту, беседовали на житейские темы, передавали новости из газет.

Галиева привлекала к работе юрты наиболее авторитетных в ауле казашек, за которыми потянулась молодежь. Вскоре в юрте начали обучать женщин грамоте. Вначале изъявили желание учиться немногие. Но потом не захотели отстать от жен и их мужья. Пришлось открывать для них отдельный ликпункт.

В юрте организовали оркестр домбристов, разыскали среди молодежи певцов и гармонистов, и начались концерты. По вечерам киномеханик юрты Нуржигитов демонстрировал фильмы. Кино в степи было тогда диковиной. Прежде чем показывать картину, Толебике подробно объясняла, что такое кино, кратко рассказывала содержание. «Вначале зрители смотрели издали, стоя, — вспоминает она. — Когда на экране появлялся мчащийся паровоз или поднималась стрельба, гости бросались бежать. Любовные сцены стеснялись смотреть. Но потом привыкли и полюбили кино. Засветло приходили из дальних аулов, усаживались поближе к экрану и терпеливо ждали, когда начнется сеанс. После кино мы часто проводили читку газет или краткую беседу о текущих событиях или на санитарные темы. Население, особенно женщины-матери, высоко ценило работу медицинского пункта...» [133, с. 37—38].

Красная юрта оказывала и акушерскую помощь. В аулах роды в то время происходили в ужасных антисанитарных условиях, а «помощь» роженицам носила дикие, варварские формы. Многие умирали от родов. Акушерка Красной юрты приняла немало родов в близких и дальних аулах, учила молодых матерей ухаживать за ребенком, правильно кормить, соблюдать чистоту. На каждой стоянке она старалась обучить хоть несколько женщин принимать роды, обращаться с новорожденным.

Большую работу передвижная женская юрта Толебике Галиевой провела по правовой защите казашек. Хотя советские законы о запрещении калыма, многоженства, браков малолетних еще в 1921 г. были изданы ЦИК Казахстана (в то время ЦИК Киргизии), тогда еще повсеместно соблюдались старые законы. Бывали случаи, когда то жену у молодожена отберут, то дочь насильно уведут, и приходилось заведующей Красной юртой Толебике Галиевой помогать пострадавшим кочевницам и кочевникам.

Осенью 1926 г. Толебике послали на совещание в Москву рассказать об опыте работы ее передвижной юрты. Это было первое

Всесоюзное совещание работников женских клубов. Юная Т. Галиева выступила на нем и беседовала с Н. К. Крупской и К. Цеткин [133, с. 39].

На этом же совещании выступала и сверстница Толебике Галиевой Зульки Кулибаева, рассказавшая о работе своей оседлой юрты в ауле Бала-Ната Акмолинской губернии. Юрта эта разместилась в землянке, где поставили стол да несколько скамеек, повесили плакаты и устроили ленинский уголок.

В мае 1927 г. Казахский крайком партии, подытожив работу передвижных женских Красных юрт, дал высокую оценку их роли в эмансипации казашек и женщин других восточных национальностей. Было принято решение увеличить их число, а также организовать краевую показательную женскую передвижную Красную юрту, перед которой ставилась задача изучить работу среди женщин в кочевом ауле и на собственном опыте проверить эффективность новых форм работы среди казашек.

В свой первый рейс краевая Красная юрта отправилась в середине июня 1927 г. из Кзыл-Орды. Заведовала ею активная поборница эмансипации женщины советского Востока, видная общественная деятельница казашка Сара Есова, о которой уже говорилось выше. Руководил работой юрты совет. В ее штате были гинеколог и педиатр, акушерка, юрист и учитель. В распоряжении юрты имелись сепаратор, швейная машина, библиотека, учебные принадлежности, медикаменты, оборудование для медпункта, всевозможные плакаты, кинопередвижка и необходимый бытовой инвентарь [651, 8.III.1928].

Как уже говорилось, деятельность Красных юрт не ограничивалась только работой среди женщин. Местные партийные и советские организации использовали юрты для проведения политико-воспитательной работы среди кочевого населения в целом.

Среди кочевников было мало коммунистов, аульные Советы работали слабо и часто теряли связь с избирателями. Скотоводки-кочевницы были неграмотны, темны, тяготели к старым обычаям, зависели от баев, манапов и духовенства. Мало кто из них знал о новых законах. Жизнь текла по-старому. Красные юрты женотделов в этих условиях являлись носителями политики партии и пропагандистами новых обычаев и новой культуры.

Киргизский обком партии начал организованную работу в кочевьях с 1928 г. Группы партийных пропагандистов и культурных работников побывали в крупных кочевьях, женорганизаторы провели здесь широкую разъяснительную работу. На лето 1929 г. был намечен новый большой поход в кочевья.

Сусамыр — один из самых обширных и обильных районов летних кочевий. Сюда и направил Киргизский обком летом 1929 г. 14 партийных и советских работников, в том числе семь женщин: женорганизатора С. Тильбаеву, заведующую Красной юртой К. Танину, библиотекаря Шнейдрюкову, заведующую детской площадкой Токонбаеву, повара Хаустову и двух учительниц.

В яркий солнечный день, при большом стечении народа на джайляу открылись две Красные юрты: одна — общая, другая — для женщин. Общую юрту сразу заполнили мужчины, а женская некоторое время пустовала. Девушки и молодые женщины с любопытством заглядывали внутрь юрты, но никто не решался первым переступить ее порог. Но вот толпа женщин раздвинулась и пропустила двух пожилых киргизок. С достоинством поклонились они юным комсомолкам, стоявшим у входа, и вошли в юрту. Это были члены кочевого аульного Совета. За ними вошла группа девушек, а потом и остальные женщины. Усевшись тесной группой на толстом нарядном войлоке, они с любопытством рассматривали картины, книги, музыкальные инструменты, швейную машину. Все это они видели впервые.

За чашкой чаю завязалась беседа. Хозяйки рассказали о своих планах, просили помощи и совета у своих гостей.

И началась работа. На детскую площадку приняли детей батраков и неимущих скотоводов. Здесь же учили их матерей правильному уходу за ребенком. Справочный стол открыл прием посетителей: работник его разъяснял батракам их права, писал заявления, письма, стремился помочь каждому.

Открылась школа грамоты. Заскорузлые, негнущиеся пальцы впервые в жизни взяли в руки карандаш. В пятницу — в день отдыха — у юрты собирались все скотоводы с женами и детьми и начиналось «чудо». Стрекотал киноаппарат, и на белом полотне возникали Москва, Кремль. Вот мчался страшный зверь — поезд, плыл пароход, шли в атаку красноармейцы... как завороженные, сидели кочевники. Старики восторгались не меньше детей.

В юрте можно было узнать и новости о жизни близких и дальних стран, послушать чтение книг, газет, лекцию или доклад. Здесь выходила интересная «живая газета», от которой крепко доставалось баям, любителям брать калым, обижать женщину.

Большую работу вели на кочевьях школы грамоты. Активисты организовали на Сусамыре 36 школ, в том числе 12 женских. Школы обучили 1170 человек, в том числе 965 киргизок. Учились даже глубокие старики. Почти при всех школах ликбеза были организованы кружки художественной самодеятельности.

Школы грамоты при умелом организаторе вполне оправдывали себя как одна из лучших форм массовой и политической воспитательной работы среди трудового населения.

На Сусамыре работали две первые в Киргизии общеобразовательные школы, где обучалось 70 детей, из них 20 девочек. Были созданы также в двух местах курсы по агрономии.

После такой большой подготовительной работы 15 июля 1929 г. в Дуван-каче (месте стоянки кочевого Совета) был созван съезд женщин. Все кочевья, близкие и дальние, были заранее оповещены о съезде. Из уст в уста передавалось, что будет большой женский праздник. Съехалось 305 женщин и 706 мужчин.

Собрались под открытым небом. Уселись на зеленой траве.

Для почетных гостей — пожилых делегаток были расстелены кошмы возле стола, за которым разместился президиум. Съезд открыла женорганизатор С. Тильтаева. Затем делегаты с большим вниманием выслушали доклад о раскрепощении женщин и отчет о деятельности кочевого Совета. После доклада выступило 18 женщин. Они благодарили Коммунистическую партию за приглашение на съезд, за заботу о женщине-киргизке и вместе с тем жаловались на отсутствие медицинской помощи, на то, что мужья не разрешают им учиться.

После окончания съезда делегаток пригласили на торжественный обед, который прошел очень весело. Нарядные, оживленные, женщины гордо сидели за столом, а мужчины подавали угощение. Сам председатель кочевого Совета, в пример остальным мужчинам, первым принялся ухаживать за гостями в знак своего к ним уважения. Затем были скачки, борьба, игры, пляски, пение.

Так, разнообразя формы своей работы, посланцы партии пробуждали от многовекового сна самые глубокие, самые темные, самые забитые слои тружеников и тружениц советского Востока. Нелегок был труд женорганизаторов и других работников среди женщин, но он венчался успехом. Дочь Востока выходила на светлую и широкую дорогу жизни [480, с. 107—110].

Разновидностью женского клуба был Дом дехканки, организованный в Ашхабаде (бывшем Полторацке). Кроме того, уголки дехканки были созданы при городских женских клубах других городов — для дехканок, приезжавших из кишлаков и аулов.

Центральный дом дехканки открылся 8 марта 1925 г., в день открытия I съезда женщин Туркменистана. На его торжественном открытии присутствовало 100 делегаток с мест [667, 9.III.1925].

За год своего существования Дом дехканки пропустил более 1000 туркменок, киргизок, узбечек и постепенно разворачивал свою работу. Началась она с того, что предоставлялись приют и ночлег приезжим женщинам, а в случае необходимости совет и помощь. Затем постепенно организовывались подсобные культурные учреждения для привития дехканкам культурных навыков во время их временного пребывания в городе: при Доме дехканки была организована школа ликвидации неграмотности для туркменок; 20 мая 1925 г. открыта медицинская консультация для коренного населения (пропустившая за время своего существования 6234 детей и матерей); организованы ясли, уголок матери и ребенка, а затем и женская и детская амбулатории. При Доме дехканки открылись также республиканские шестимесячные курсы по подготовке работников среди женщин из коренного населения, реорганизованные 8 марта 1926 г. в годичные курсы на 30 туркменок.

Все эти культурные учреждения давали возможность Дому дехканки держать постоянную связь с женщинами аула. К концу первого года существования он имел уже постоянную, систематическую связь с аулами Кеши, Полторацк 1 и Полторацк 2, Багир. В дальнейшем эти связи расширились. По пятницам от Дома

дехканки работали кинопередвижки. Женщины из аулов, побывав в Доме дехканки, уносили с собой понятия о новой жизни, а порой и желание учиться. В результате в Полторацком округе к 8 марта 1926 г. по желанию и заявлению самих дехканок было открыто шесть новых школ ликбеза в аулах для туркменок.

Руководили работой Центрального Дома дехканки, организованного по решению ЦК КП(б) Туркменистана и с помощью СНК республики, Е. А. Росс, Морозова, Э. Кулиева, З. Бурнашева, К. Бердыклычева. Сначала он содержался на средства женотдела, а затем состоял на государственном бюджете. В состав совета Дома дехканки входили представители от женотдела ЦК КП(б)Т, от Комиссии по улучшению труда и быта женщин ЦИК Туркменской ССР, от политпросвета и заведующая Домом дехканки. Помимо трех его отделов: культурно-просветительного, труда и хозяйственной части, а также перечисленных юридической и медицинской консультаций, амбулатории, яслей вскоре при Доме дехканки стала действовать выездная комиссия: заведующая Домом вместе с врачом и медсестрой, вооруженные аптечкой и плакатами на туркменском языке, выезжали в аулы.

Центральный дом дехканки сыграл важную роль в деле работы партии среди дехканок, эмансипации туркменок [133, с. 41—44].

Помимо Дома дехканки в Туркменистане работали два женских городских клуба и широкая сеть красных уголков, в которых велась кружковая работа. 24 республиканских красных уголка охватывали 622 женщины. Женотделы называли красные уголки женскими клубами в миниатюре. При них организовывались школы ликбеза, читка газет и журналов, беседы по шелководству, хлопководству, на юридические и медицинские темы, особенно же о правах женщин, санитарной гигиене и т. д. Красные уголки вели на общественных началах активистки женотделов.

Благодаря женским клубам заметно выросло число девушек в комсомольских организациях: на 1 июля 1925 г. удельный вес девушек среди комсомольцев в Средней Азии составлял 6,9%, а число казашек и киргизок комсомолок равнялось 147. Это свидетельствовало о результативном начале работы юношеских секций женских клубов и юрт на советском Востоке [623, 1925, № 10, с. 29].

Высокую оценку деятельности женских клубов дала К. Цеткин. «Клуб магометанских женщин... — писала она, — является детищем пролетарской революции, живым ее воплощением» [133, с. 9].

Выступая на I Всесоюзном совещании работников женских клубов, состоявшемся 9—11 ноября 1926 г. в Москве, К. Цеткин сказала: «Теперь уже мало сказать, что ваша работа революционизирует восточную женщину. Ваше движение и его огромное, совершенно исключительное значение заключается в том, что вы на Востоке делаете женщину — человеком» [133, с. 14].

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ

В эмансипации женщин-мусульманок советского Востока Коммунистическая партия от начала и до конца стояла на последовательных позициях, направляя и мобилизуя советские, государственные и хозяйственные органы, общественные организации и всех трудящихся на успешное решение этой сложной социальной проблемы. Последовательная позиция Коммунистической партии, ее Центрального Комитета являлась гарантией успеха, вдохновляла женщин-мусульманок на борьбу за эмансипацию, на преодоление всех трудностей на этом пути.

Состоявшийся 17—20 января 1925 г. Пленум ЦК РКП(б) обсудил доклад и принял постановление «Об очередных задачах партии в работе среди работниц, крестьянок и тружениц Востока». Пленум подтвердил резолюцию Оргбюро ЦК от 22 декабря 1924 г. и призвал все партийные организации к настойчивому проведению в жизнь намеченных мероприятий.

В постановлении январского Пленума ЦК были определены следующие очередные задачи партийных и советских органов национальных республик и областей в работе среди работниц, крестьянок и тружениц Востока:

— В максимальной степени вовлекать работниц, крестьянок и тружениц Востока в активное партийное, советское, профессиональное и кооперативное строительство, открывая им на общих основаниях дорогу в ряды партии, к участию в управлении страной.

— Оказывать всяческую поддержку развитию таких учреждений, как столовые нарпита, ясли, коллективные прачечные, медицинские пункты в деревне и т. п., которые на деле дают работницам и крестьянкам возможность участвовать во всей общественной работе наряду с рабочими и крестьянами.

— Усилить работу по советскому и коммунистическому просвещению работниц и крестьянок, привлекая к этому делу учительство, в особенности учительниц.

— Всячески содействовать поднятию квалификации труда работниц в целях закрепления их в производстве.

«Добившись по возможности поголовной организации работниц, — говорится в постановлении Пленума, — партия сделает

громадный шаг вперед. Завоевав крестьянок всех национальностей Советского Союза для Советской власти и партии, мы нанесли самый решительный удар косности и отсталости, используемых кулацкими элементами деревни против диктатуры пролетариата» [104, ч. II, с. 115].

В целях успешного выполнения постановления январского Пленума ЦК последовало циркулярное указание ЦК РКП(б) по укреплению аппаратов партийных комитетов по работе среди женщин, в котором предлагалось всем комитетам партии пересмотреть состав отделов работниц и подобрать для работы среди женщин выдержанных, подготовленных работников, желательно коммунисток, близко знающих быт и запросы широких пролетарских масс, обратить серьезное внимание и на подбор и предварительную подготовку ведущих работу в деревне коммунисток-крестьянок [274, вып. 5, с. 369].

15 февраля 1925 г. ЦИК СССР опубликовал обращение (подписанное председателем ЦИК СССР Н. Нариманов и секретарем ЦИК СССР А. Енукидзе) к народностям, населяющим национальные республики и области советского Востока, «О правах трудящихся женщин советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами их закрепощения в области экономической и семейно-бытовой».

Рабоче-крестьянское правительство, говорилось в обращении, неуклонно добивается фактического раскрепощения женщин, и освободительное влияние революции коснулось уже основной толщи женских масс восточных народностей. Однако бытовые и религиозные предрассудки (обычное право, адат, шариат), порабощающие с особой силой женскую половину народов Востока, затруднили и затрудняют раскрепощение труженицы Востока.

Президиум ЦИК СССР призвал трудящихся всех национальностей советского Востока неуклонно следить за проведением в жизнь законов, ограждающих права женщины, бороться со всеми видами ее закрепощения и принимать все меры к привлечению труженицы Востока к участию в общественной и политической жизни на всех ступенях государственной работы.

Признавая, что осуществление полного раскрепощения женщины достижимо лишь путем завоевания ею независимого экономического положения, ЦИК СССР призвал местные общественные организации усилить работу по вовлечению женщины в производственные артели и предприятия местной промышленности [611, 15.II.1925; 667, 8.III.1925].

Обращение ЦИК СССР было переведено на языки народов Средней Азии и опубликовано в республиканских газетах. Женотделы следили за проведением в жизнь всех содержащихся в нем указаний и широко использовали его в своей практической деятельности за эмансипацию женщин советского Востока.

23 марта 1925 г. ЦК РКП(б) направил письмо в ЦК КП(б) республик, обкомы и окружкомы партии советского Востока о не-

обходимости вовлечения работниц и крестьянок в советские органы.

В целях выполнения постановления январского Пленума в конце марта 1925 г. ЦК РКП(б) было проведено совещание с работниками женотделов ЦК КП(б) республик Средней Азии, на котором рассматривались некоторые аспекты работы среди женщин-мусульманок накануне Всесоюзного совещания.

2—10 апреля 1925 г. в Москве в ЦК РКП(б) состоялось III Всесоюзное совещание работников среди женщин советского Востока (57 участников 23 национальностей из старшего и молодого поколения работников среди женщин).

Совещание отметило, что мероприятия Коммунистической партии и Советской власти по раскрепощению восточной женщины, проводимые в соответствии с решениями XIII съезда партии и январского Пленума ЦК РКП(б) 1925 г., дали положительные результаты: усилилось руководство партии работой, значительно расширилось массовое участие восточных тружениц в общественной жизни, что выразилось в количественном росте их в партии и комсомоле, в Советах, профсоюзах, кооперации, школах, женских клубах, делегатских собраниях и в других областях государственного и общественного строительства [1].

Эти результаты подтверждают правильность форм и методов работы среди женщин советского Востока. Женские клубы, уголки, юрты, Дома дехканок, делегатские собрания, женские артели и др. были признаны лучшими формами и методами, испытанными и оправдавшими себя в массовой работе среди женщин Востока.

Вместе с тем совещание отметило, что женское движение на Востоке все же развивается довольно медленно, виной чему является отсталость хозяйственных форм национальных республик, чрезвычайная малокультурность населения, в особенности женщин, крепость старых бытовых традиций, поддерживаемых мусульманской религией, а также слабость низового партийного и комсомольского аппарата, отсутствие достаточного количества подготовленных работников из женщин коренного населения, отсутствие литературы на родном языке и недостаток средств.

Эта замедленность в темпах развития женского движения привела некоторых работников женотделов к нетерпеливому исканию новых методов в работе, что выявилось на совещании в виде предложения делегации Средней Азии организовать женские общества

[1] К январю 1924 г. в национальных республиках и областях насчитывалось 2985 женщин — членов партии, к январю 1925 г. их было уже 6662. Женщин — членов Советов в 1923—1924 гг. было 4352, а в 1924—1925 — 13 869; членов профсоюзов на 1 января 1924 г. — 121 248, к 1 января 1925 г. — 134 610. Женщин-делегаток в 1923—1924 гг. насчитывалось 25 028, а в 1924—1925 гг. — 59 074; женщин — членов мусульманских клубов — 6000. Отмечался также некоторый количественный рост женщин-мусульманок в производстве: ковроделии, шелководстве, на предприятиях кустарного производства, переработки продуктов земледелия, животноводства и пр.

по отдельным вопросам, как-то: охрана материнства и младенчества, реформация платья, борьба с ранней выдачей замуж и т. д.

Совещание нашло предложение совершенно ошибочным, не учитывающим условий работы на Востоке, ибо бытовые пережитки и тяжелое положение женщины еще имели крепкие опоры в кочевых и феодально-патриархальных формах хозяйства национальных республик и областей.

Бытовая надстройка всегда отстает от экономики. Насильственное разрушение бытовых норм приводит только к потере авторитета партии и Советской власти среди широких масс коренного населения. Работа в области улучшения и изменения быта на новых началах имеет длительный и упорный характер. Форсирование ее ведет лишь к вредным результатам и несовместимо с национальной политикой партии на Востоке.

Женские общества, отметило совещание, организуемые в непролетарских районах, где еще слаб партийный и советский аппарат, ведут женское движение к отрыву от коммунистического влияния и создают возможность для проникновения влияния чуждых элементов. Эти общества отрывают работу по раскрепощению трудящейся женщины от общепартийной и советской работы и вселяют недоверие к действиям Советской власти.

Совещание всесторонне и подробно остановилось на необходимости стабилизации форм и методов работы, уже оправдавших себя на деле и завоевавших симпатию и общественное мнение коренного населения, и наметило целый ряд мероприятий.

Главное содержание всех резолюций совещания сводилось к тому, что работу среди женщин на Востоке нужно внедрять в общепартийную и вести в самой тесной связи с советской и хозяйственной работой, тщательно учитывая местные условия. Главное внимание в работе следует обратить на национальную деревню, организуя женщин коренного населения вокруг производственных и политпросветительных объединений.

После совещания с работниками женотделов 15 июня 1925 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло практические предложения — «О задачах партии в области работы среди женщин советского Востока».

ЦК национальных республик, областным и окружным комитетам партии было предложено усилить руководство и инструктирование низовых организаций в области работы среди женщин, практикуя систематическую постановку докладов о работе среди женщин на конференциях, пленумах и совещаниях секретарей парткомов. ЦК обратил внимание парткомов на случаи преследования восточниц — активисток, делегаток, членов Совета, членов РКП и РЛКСМ и предложил им принять меры к изживанию этого явления.

ЦК РКП(б) признал необходимым развернуть и углубить работу в кишлаках и аулах, для чего было решено с нового бюджетного года увеличить штат организаторов-крестьянок на Востоке

на 200 единиц, укомплектовав его активистками коренного населения. А в губерниях, где проживает значительное число национальных меньшинств, вводилась должность инструктора по национальному меньшинству в штаты отделов работниц губкомов партии. В крайкомах Закавказья, Северного Кавказа, ЦК КП(б) Киргизии, Узбекистана, Туркменистана введена должность заместителя заведующего женотделом, на которую подбирались работницы из коренного населения. Был увеличен аппарат отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б) на одного ответственного работника по Востоку.

Было обращено внимание на обеспечение прав женщин-крестьянок при проведении земельной реформы в национальных республиках и областях.

ЦК РКП(б) подтвердил, что метод работы на Востоке через специальные женские клубы и уголки, руководимые парторганизациями и органически связанные с партийными, советскими, профессиональными и кооперативными организациями, всецело себя оправдал, и признал необходимым в дальнейшем развертывать сеть клубов как в городе, так и в деревне, а там, где это невозможно, организовывать специальные женские клубные уголки, особенно по кишлакам и аулам, с включением их в сеть субсидируемых Наркомпросом учреждений.

Придавая большое значение существованию периодической печати, обслуживающей трудящихся женщин Востока, ЦК признал необходимым сохранить и укрепить существующую сеть журналов для трудящихся женщин Востока. В издательские планы всех национальных издательств на 1925 г. было предложено включить издание литературы на национальных языках для широких трудящихся масс — по вопросам хозяйственного, правового и семейно-бытового положения трудящихся женщин Востока — в форме небольших брошюр, плакатов, лозунгов, кинолент и т. д.

ЦК РКП(б) поручил по советской линии дать указание местам о тщательном учете при составлении смет на строительство учреждений, раскрепощающих женщин (женских клубов, производственных и сельскохозяйственных артелей, яслей, детских площадок, акушерских пунктов и пр.), особенно обращая внимание соответствующих хозяйственных, советских, профессиональных и кооперативных организаций на необходимость включения в их сметы расходов на создание учреждений культурно-просветительного, производственного и хозяйственного значения.

Было установлено, что все специальные ассигнования на работу среди женщин Востока, отпускаемые ЦИК республик и Исполкомами автономных областей, должны расходоваться по сметам, согласованным с отделами работниц, для чего необходимо привлекать к бюджетной работе представителей отделов работниц [274, вып. 5, с. 361—363; 202, с. 21—24; 298, ф. 10, оп. 5, д. 1, л. 34].

Итак, Оргбюро ЦК РКП(б) определил задачи партийных организаций, советских, государственных и хозяйственных органов

по усилению борьбы за раскрепощение женщины советского Востока и мероприятия, необходимые в этой области.

На основе этого постановления отдел работниц и крестьянок ЦК РКП(б) направил соответствующие письма в ЦИК СССР, ВЦСПС, ВСНХ (Ф. Э. Дзержинскому), Наркомпрос (А. В. Луначарскому), Наркомздрав (Н. К. Семашко), Наркомзем, Наркомфин и Всекомпромсоюз с указанием их задач по вовлечению тружениц советского Востока в русло социалистического строительства [304, ф. 17, оп. 170, д. 2, л. 74—91].

Изложенным не исчерпывалась деятельность ЦК правящей в стране партии большевиков. ЦК РКП(б) не ограничивался принятием важных решений и постоянно, систематически контролировал их выполнение, что сыграло исключительно действенную роль в раскрепощении трудящихся женщин советского Востока. Так, через год после принятия постановления от 15 июня 1925 г. ЦК проверил его выполнение партийными организациями Средней Азии.

По итогам этой проверки 18 июня 1926 г. Секретариат ЦК ВКП(б) заслушал доклад заведующей женотделом Средазбюро ЦК ВКП(б) С. Т. Любимовой и содоклад сотрудника ЦК по обследованию работы среди женщин и принял развернутое постановление «О работе среди работниц и дехканок в парторганизациях Средней Азии».

ЦК ВКП(б) отметил правильность линии, форм и методов работы партийных организаций Средней Азии среди женщин края. Но вместе с тем ЦК указал на недостаточное вовлечение коммунисток и других активисток восточных национальностей в политико-воспитательную работу, слабую постановку работы среди женщин в низовых партийных организациях, среди делегаток, недостаточное вовлечение женщин-мусульманок в судебные органы и неудовлетворительную работу последних в защиту прав женщин и т. д. и указал на необходимость устранения этих недостатков.

Постановлением ЦК партии большевиков предусматривались конкретные мероприятия, обеспечивавшие реальную эмансипацию мусульманки, а именно: организация годичных курсов подготовки работников из коренного населения при ЦК КП(б) Узбекистана и Киргизском обкоме партии; создание профессионально-технической школы ткачества для женщин коренного населения; улучшение и расширение сети юридических консультаций при женских клубах и КУБТ; выдвижение и подготовка судебных работников из числа мусульманок, в первую очередь работниц, батрачек, дехканок, получивших земельные наделы; выдвижение их на советскую, хозяйственную и другую общественную работу, усиление работы профсоюзов среди работниц; улучшение деятельности делегатских собраний как одной из основных форм работы.

Секретариат ЦК поручил Среднеазиатскому бюро ЦК ВКП(б) добиться освещения вопросов раскрепощения женщин в программах и учебниках для начальных школ коренного населения, при-

обретения литературы по вопросам работы среди женщин для школьных библиотек. Ввиду особо важного значения в борьбе со старым бытом пионерского движения среди девочек коренного населения финансовым органам поручалось предусмотреть при разработке бюджета на 1926/27 г. расходы на поддержку пионерских отрядов девочек [274, вып. 6, ч. II, с. 36—37].

Все советские органы и общественные организации обязывались повседневно и настойчиво проводить мероприятия по раскрепощению женщины, а не перекладывать всю эту работу на женотделы. Проведением в жизнь советских законов о женском равноправии ранее в основном занимались женотделы. Теперь же эта обязанность передавалась целиком органам суда, прокуратуре, загсам, милиции — учреждениям, призванным соблюдать революционную законность, бдительно охранять права советских тружениц. Женотделы должны были обеспечивать лишь контроль за соблюдением соответствующих законов.

Секретариат ЦК ВКП(б) признал необходимым усилить роль низовых партийных организаций и их ответственность за работу среди женщин. Не только женорганизатор, а вся партийная организация в целом обязывалась проводить политико-воспитательную работу среди женских масс и отвечать за нее.

Дело раскрепощения женщин Востока будет тогда иметь решающий успех, когда это станет общим делом партии — таков был главный смысл решения Секретариата ЦК ВКП(б).

ЦК ВКП(б) чутко и внимательно следил за ходом эмансипации женщин-мусульманок Средней Азии и постоянно помогал партийным организациям края в осуществлении этих сложных социальных преобразований.

5 июля 1927 г. Оргбюро ЦК ВКП(б), заслушав доклад заведующей женотделом Средазбюро ЦК ВКП(б) С. Н. Шимко, приняло постановление «О работе по раскрепощению женщин Средней Азии».

ЦК ВКП(б) одобрил начатую Среднеазиатским бюро ЦК более решительную борьбу с бытовыми пережитками, касающимися женщины, и отметил, что, несмотря на все объективные трудности, проводимая при активном участии партийных организаций Средней Азии работа встретила поддержку в среде широких рабоче-крестьянских масс населения, особенно женских трудящихся масс [274, вып. 6, ч. II, с. 39].

Вместе с тем ЦК ВКП(б) указал на серьезные недостатки администрирования, имевшего место, например, в Андижане, Наманган, Оше и др., что дало враждебным элементам возможность провоцировать малосознательные слои населения на эксцессы. Враждебной деятельности мусульманского духовенства рекомендовалось противопоставить усиленную разъяснительную работу партии среди местного населения, охват всеобщим вниманием женщин, снявших паранджу. Советским, хозяйственным и кооперативным организациям предлагалось принять меры к укреплению

существующих артелей, мастерских, женских клубов, школ и других учреждений.

ЦК ВКП(б) обязал Средазбюро ЦК обратить внимание на проведение судебными органами советского законодательства о семейно-брачных отношениях, имущественных правах работницы и крестьянки и наказуемости бытовых преступлений, ускорив рассмотрение и утверждение соответствующего законодательства в Узбекистане. ЦК предложил также выполнить директиву Секретариата ЦК от 18 июня 1926 г. о включении вопросов, связанных с раскрепощением женщины, в программы школ и кружков системы партийного просвещения и народного образования [274, вып. 6, ч. II, с. 39—40].

Так ЦК ВКП(б) определил очередные задачи по раскрепощению женщин местных национальностей Средней Азии.

В соответствии с ними ЦК КП(б) республик, местные партийные, советские и общественные организации активно проводили мероприятия, направленные на решительную эмансипацию женщин-мусульманок края.

ЦК ВКП(б) показал образец того, как эмансипация женщин должна рассматриваться в аспекте всей деятельности партийных комитетов. Например, 25 мая 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе партийной организации Узбекистана», в котором значительное место заняли вопросы работы среди женщин-узбечек.

ЦК партии отметил, что правильная линия, проводимая в области раскрепощения женщин, привела к значительным успехам, выразившимся в огромном росте политической активности женских масс во время перевыборной кампании в Советы, а также в деле кооперирования женщин, вовлечения их в производство и в борьбе с затворничеством. Но в то же время, как подчеркнул ЦК ВКП(б), на практике в ряде мест при проведении мероприятий по борьбе с затворничеством допускались случаи извращения, принимавшие характер административного нажима и подмены массовой работы администрированием.

ЦК ВКП(б) предложил, не ослабляя темпов борьбы с затворничеством женщин, в дальнейшем решительно избегать в этом деле администрирования и нажима, развертывая широкую пропаганду идеи раскрепощения женщин в массах трудящегося населения и непосредственно привлекая к практической борьбе за раскрепощение самые широкие массы трудящихся, в особенности рабочих, батраков и бедноту, призвал решительно добиваться выполнения коммунистами и комсомольцами директив партии по раскрепощению женщин, не допускать нарушения этой директивы руководящим активом коммунистов. ЦК признал необходимым проведение советскими и партийными органами действительной защиты женщин, снявших чадру, от контрреволюционных попыток срыва дела раскрепощения басмаческими и байскими элементами. Наряду с этим советские, профессиональные и хозяйственные орга-

низации должны шире развернуть мероприятия экономического и культурно-бытового значения, обслуживающие женщин, обратив особое внимание на подготовку кадров активных работников из женщин батрачек и беднячек путем расширения сети женских школ, ликпунктов и развертывания сети специальных курсов (см. [623, 1929, № 14, с. 23]).

Таким образом, ЦК ВКП(б) наметил меры решительного усиления борьбы за эмансипацию трудящихся женщин-мусульманок советского Востока, определил задачи партийных организаций Средней Азии и пути решения этой сложной социальной проблемы на ответственном этапе социалистической реконструкции народного хозяйства и культуры.

Приведенные постановления свидетельствовали о пристальном внимании ЦК ВКП(б) к работе среди женщин, состоянию дел на местах, об огромном внимании к судьбам женщин-мусульманок в этот переломный период. ЦК ВКП(б) чутко реагировал на всевозможные колебания и ошибки местных работников, коммунистов, помогал исправлять их и, главное, своевременно предупреждал о возможных нежелательных, отрицательных последствиях допускаемых отклонений и ошибок. Все эти нелегкие вопросы выносились на обсуждение Пленума, Оргбюро, Секретариата ЦК ВКП(б), Всесоюзного совещания по работе среди женщин, на которых обменивались опытом, внимательно прислушивались к мнениям местных работников.

Исторические документы раскрывают многогранную деятельность и последовательную позицию Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, Советского правительства в деле фактического раскрепощения трудящихся женщин-мусульманок советского Востока.

Своей неутомимой деятельностью Коммунистическая партия в эти трудные годы работы среди женщин завоевала высокий авторитет и престиж среди народов советского Востока, которые воочию убеждались в правильности и последовательности ее политики и позиции.

Решения съездов партии, постановления Пленумов, Оргбюро, Секретариата ЦК ВКП(б) имели огромное политическое и практическое значение, являлись программой деятельности молодых коммунистических партий республик Средней Азии, оказывали им неоценимую помощь в правильном проведении в жизнь политики партии в женском вопросе, совершенствовании форм и методов работы, развертывании мероприятий по решительному наступлению на старые, феодально-байские устои быта и затворничества женщин-мусульманок советского Востока.

Эмансипация мусульманки советского Востока развернулась в широких масштабах в связи с крупнейшим событием в жизни народов Средней Азии — национально-государственным размежеванием и образованием национальных советских республик и автономных областей.

В результате на территории Средней Азии образовались Туркменская ССР, Узбекская ССР (с Автономной Таджикской ССР, в 1929 г. ставшей Таджикской ССР) и Каракиргизская (Киргизская) автономная область в составе РСФСР (с 1937 г. — Киргизская ССР), которые добровольно и на основе полного равноправия вступили в Союз ССР. Это создало наиболее благоприятные условия для строительства социализма в Средней Азии и победоносного завершения эмансипации женщины-мусульманки. Партийные и советские организации еще более приблизились к трудящимся массам, стали оперативнее решать насущные задачи государственного, хозяйственного и культурного строительства, а также раскрепощения женщин местных национальностей.

Первый период борьбы за эмансипацию женщин-мусульманок, охвативший 1918—1924 гг. (с организации женотделов до национально-государственного размежевания республик Средней Азии), был завершен. Он выразился в организационном оформлении женотделов партийных комитетов, в неутомимых поисках и выработке форм и методов работы среди женщин-мусульманок, в преодолении оторванности этой работы от общепартийной и в привлечении к ней всех партийных комитетов, их отделов, низовых партийных ячеек, советских органов, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, в постановке агитационно-массовой, разъяснительной работы среди широких слоев женщин-мусульманок.

С 1925 г. начался второй период борьбы за эмансипацию женщин советских республик Средней Азии, период перехода к более углубленной работе среди них, в особенности в аульно-кишлачной местности, путем использования уже накопленного в первом периоде опыта работы и изыскивания новых, более совершенных форм и методов работы, к практическому проведению законодательных актов союзных и автономных республик о женском равноправии и мероприятий по дальнейшей активизации борьбы за раскрепощение женщин, борьбы с бытовыми предрассудками и цепкими пережитками неравного отношения к женщине, в первую очередь среди коммунистов, комсомольцев, активистов, членов Советов, союза «Кошчи», профсоюзов и др.

О завершении первого и о переходе ко второму периоду работы среди женщин говорилось на VI Среднеазиатском совещании работников женотделов партийных комитетов, состоявшемся 3—9 мая 1924 г.

Правительства и компартии республик Средней Азии начали свою деятельность с активного вовлечения широких трудящихся масс, в том числе женщин, в социалистическое строительство, для чего, используя опыт работы женотделов первого периода их деятельности, изыскивали новые формы и методы работы среди женщин Востока. Огромную помощь в этом оказывало им Средазбюро ЦК ВКП(б).

30 ноября 1924 г. Пленум Средазбюро ЦК РКП(б) принял

постановление о включении в повестку дня съездов КП республик и областных партийных конференций вопроса о работе среди женщин и в соответствии с ним в декабре 1924 г. выступил с письмом о необходимости включения в повестку дня учредительных съездов КП республик и областных партийных конференций вопросов о раскрепощении женщин местных национальностей [298, ф. 10, оп. 5, д. 4, л. 2,55].

После национально-государственного размежевания отдел работниц и крестьянок Средазбюро созвал в апреле 1925 г. в Ташкенте I Среднеазиатское совещание работников женотделов ЦК республик и обкомов партии. На этом совещании, как и на первых республиканских совещаниях, всесторонне обсуждался вопрос об усилении работы среди женщин в аульно-кишлачной местности, о развертывании мероприятий по повышению политической и производственной активности дехканок и т. д. Были подведены итоги проделанной работы в этой области. Участницы совещания наметили мероприятия также и по борьбе с детской беспризорностью. (В 1925 г. в Средней Азии насчитывалось 9 тыс. беспризорных детей, осиротевших в результате первой мировой войны и иностранной военной интервенции [642, 17, 18, 22.IV.1925].)

Женотдел Средазбюро ЦК организовывал проверки состояния работы по раскрепощению женщин восточных национальностей, обнаруживал крупные недостатки и принимал меры по их устранению. Так, в 1926 г. в Таджикистане, где еще не было уничтожено басмачество, не проводилась правовая работа, в Киргизии имелись факты бюрократического отношения к разбору женских дел, ввиду чего ни одно дело по бытовым преступлениям практически не было доведено до конца (в феврале 1926 г. проверкой были обнаружены дела, не рассмотренные с июня 1923 г.), а в Туркмении декрет о калыме вызвал «повышение цен на женщин» (от 300 до 6 000 рублей). Имелись также факты спекуляции женщинами и взяточничества [304, ф. 62, оп. I, д. 353, л. 175—177].

Осуществляя важнейшие решения и указания ЦК и Средазбюро ЦК РКП(б), коммунистические партии республик Средней Азии усилили мероприятия по борьбе за раскрепощение тружениц местных национальностей, и к этому приступили сразу же, как только были определены территории и созданы Оргбюро коммунистических партий и революционные комитеты союзных и автономных республик.

На состоявшемся 16—23 декабря 1924 г. I республиканском совещании секретарей аульно-кишлачных ячеек КП Узбекистана наряду с вопросами об укреплении и развитии кишлачной кооперации, работе кишлачных ячеек, низовом советском аппарате был обсужден и вопрос о работе среди женщин-дехканок. Вовлечение дехканок в Советы, Исполкомы, в правления кооперации и комитетов взаимопомощи, в союзы «Қошчи», помощь дехканке в использовании ею имущественных, земельных прав, организация женских школ, красных уголков, клубов, проведение советских

декретов о запрещении калыма и насильственной выдачи малолетних замуж, борьба со старочиновничьим отношением к нуждам дехканки, работа в партийной и комсомольской среде определялись как главные задачи кишлачных партийных ячеек [300, ф. 58, оп. I, д. 440, л. 1—32].

Итак, буквально с первых же дней образования Узбекской ССР кишлачными партийными ячейками был взят боевой курс на эмансипацию дехканок, составляющих основную массу узбекского женского населения.

Мероприятия за раскрепощение восточной труженицы развертывались и в других республиках Средней Азии.

С 17 по 19 декабря 1924 г. в Ашхабаде состоялось I республиканское совещание работников среди женщин Туркменистана, на котором обсуждались доклады Оргбюро КП(б)Т о работе в новых условиях, методы работы в кишлаке и ауле, план подготовительной работы по проведению Международного женского дня 8 Марта и предложения для докладов о работе среди женщин на предстоящих первых окружных партийных конференциях. По всем вопросам повестки дня были приняты резолюции, направленные на усиление борьбы за осуществление советских законов о равноправии женщин в обществе и семье [299, ф. 1, оп. 2, д. 77, л. 12—52].

В решении исторических задач эмансипации мусульманки, преодолении экономической и культурной отсталости народов Средней Азии большую помощь партийным и советским организациям Средней Азии оказал посланец партии, выдающийся государственный деятель Михаил Иванович Калинин, участвовавший в работе первых съездов компартий и съездов Советов республик Средней Азии.

М. И. Калинин на этих съездах обратил внимание партийных и советских организаций на необходимость борьбы за быстрейшее высвобождение женщины из-под влияния баев и духовенства, указал на ответственность коммунистов, комсомольцев и национальной интеллигенции за проведение в жизнь советских законов о равноправии женщины, поднятие культурного и общеобразовательного уровня женщин местных национальностей.

Осуществление равноправия женщины М. И. Калинин рассматривал в тесной связи с культурным строительством. Так, например, в речи на I съезде Коммунистической партии Туркменистана 14 февраля 1925 г. М. И. Калинин говорил: «...Без женщины мы культуры не создадим. Надо раз и навсегда сказать: какая может быть культура без одной половины человеческого рода?» [667, 15.II.1925].

Первые, учредительные съезды коммунистических партий республик Средней Азии обсудили вопросы работы среди женщин наряду с другими важнейшими насущными вопросами. В своих решениях они торжественно заявили о незыблемости советских законов о равноправии женщин и призвали рабочих и дехкан бороться за осуществление этих законов.

Еще до созыва съезда Советов 2 декабря 1924 г. Революционный комитет Узбекской ССР выступил с обращением к трудящимся: «...нашим культурным и национальным делом является проведение в жизнь одного из величайших достижений революции — фактического равноправия женщин. Революционный комитет примет ряд мер, обеспечивающих политическое и имущественное равноправие женщин, полное уничтожение калыма, со всеми сопутствующими ему отрицательными явлениями, уделит особое внимание женскому образованию и постепенно вовлечет женщину в государственное строительство, профсоюзы, кооперацию...» (см. [263, с. 1]).

6—12 февраля 1925 г. состоялся I съезд Коммунистической партии Узбекистана. В числе делегатов съезда было 15 женщин, в том числе С. Т. Любимова, Е. А. Росс, Ш. Гаибджанова, У. Узакбаева и Т. Шадиева. На съезде работала секция по работе среди женщин, в состав которой кроме женских работников вошли также руководители Средазбюро ЦК РКП(б) и ЦК КП Узбекистана. С докладом о работе среди женщин выступила заведующая женотделом Средазбюро ЦК С. Т. Любимова [300, оп. 1, д. 2062, л. 9—10; д. 2072, л. 105].

I съезд КП Узбекистана принял и специальное решение «О работе среди женщин», в котором указывалось, что с образованием республики трудящиеся Узбекистана подошли вплотную к решению вопросов своей культуры и быта и что задача раскрепощения женщины в Узбекистане тесно связана с экономическим и культурным строительством, в результате чего она приобретает в партийной работе особо важное значение.

Съезд дал принципиальную политическую оценку пережиткам средневекового быта и их последствиям. «Уродливые бытовые формы, — говорится в решении съезда, — ранняя выдача замуж не только влияют на сознание женщин-дехканок, но и калечат их физически и тем самым ведут к вырождению узбекского народа».

Съезд потребовал выполнения декретов о раскрепощении женщин в первую очередь коммунистами и комсомольцами, ответственными работниками, признал необходимость организации широких общественных судов над грубыми нарушителями этих декретов, призвал обеспечить охват учебой и участие в общественной и государственной жизни жен, матерей и сестер коммунистов и комсомольцев, привлечь к агитационно-пропагандистской работе жен ответственных работников, рекомендовал при приеме в партию проверять отношение принимаемого к семье, к вопросу раскрепощения женщины.

I съезд КП(б) Узбекистана призвал партийные, советские, комсомольские, профсоюзные организации вовлекать девушек в комсомол, пионерские отряды, развивать женское образование, широко охватывать женскую молодежь школами соцвоса, ликбеза, выполнять разверстки в вузы, улучшать работу женского инпроса, акушерских и педагогических курсов, вовлекать работниц

в профсоюзы, улучшать их быт. Были положительно рассмотрены вопросы регулярного издания женской газеты, денежных фондов для работы среди женщин [107, с. 17—18, 45—49].

В первый день работы I съезда КП(б) Узбекистана пришло известие о зверском убийстве басмачами делегата I учредительного съезда Советов, чашменского волостного женорганизатора Иклим Сулеймановой. Делегаты партийного съезда Шамсикамар Гаибджанова, Таджихан Шадиева и др. гневно осудили этот зверский акт классовых врагов и призвали беспощадно бороться против всех, кто препятствует эмансипации женщин-мусульманок (см. [107, с. 118]).

Вопросы эмансипации мусульманки нашли отражение в работе II съезда КП(б) Узбекистана (22—30 ноября) и I съезда комсомола республики [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 37—38].

Итак, буквально с первых дней образования республики ЦК КП(б) Узбекистана постоянно контролировал и направлял многотрудную борьбу за эмансипацию женщин. Вскоре после II съезда партии IV Пленум ЦК КП Узбекистана (1926 г.) в постановлении о ближайших задачах партии указал, что должно быть усилено внимание партии к вопросу борьбы за изменение быта и раскрепощения женщин, что неправильно рассматривать эту работу только как женотдельскую, что она является общепартийной.

Отмечая как успехи, так и нерешенные вопросы борьбы за раскрепощение мусульманок, II съезд Советов Узбекистана принял в марте 1927 г. Обращение ко всем трудящимся республики.

Съезд Советов отметил рост стремления женщин скинуть с себя символы рабства — паранджу и чачван. Приветствуя первый отряд трудящихся женщин Узбекистана, вливающийся в общие ряды строителей новой жизни, съезд выразил твердую уверенность, что за этими первыми отрядами последуют широкие массы трудящихся женщин, что даст возможность с удвоенной силой и энергией продвинуть вперед социалистическое строительство.

Второй курултай Советов Узбекистана указал, что борьба за раскрепощение женщин должна стать одной из основных задач всех советских органов, к этой борьбе должны быть привлечены самые широкие массы трудящихся [300, ф. 58, п. 2, д. 1372, л. 96—97, оп. 3, д. 1532, л. 13—14].

ЦИК Советов Узбекской ССР осуществлял намеченные партией мероприятия по эмансипации узбечек, контролировал деятельность государственных органов и местных Советов. 18 февраля 1926 г. ЦИК информировал Президиум ЦИК СССР, что в деле раскрепощения женщин Востока правительством Узбекской ССР проведены следующие мероприятия: в связи с происходящими повсеместно на территории УзССР перевыборами в Советы проводится кампания по максимальному вовлечению женщин в Советы; при проводимой в настоящее время земельной реформе наделяются землей женщины, ведущие самостоятельно свое хозяйство; принято, что минимальным брачным возрастом для женщины яв-

ляется 16 лет; в выработанном и уже принятом проекте уголовного кодекса введен ряд статей, защищающих женщин от крепостнического отношения к ним; для защиты прав трудящихся женщин Узбекистана образованы постоянные комиссии при ЦИК УзССР и на местах; через все кампании советского характера, имеющие массовое значение, проводится агитация о всемерном вовлечении женщин в советскую и общественную работу [303, ф. 3316, оп. 18, д. 798, л. 33].

Так же принципиально и остро женский вопрос рассматривался в эти годы во всех республиках Средней Азии. Он обсуждался на I съезде КП Туркменистана, состоявшемся в феврале 1925 г. «Переход к более высоким хозяйственным формам, — говорится в резолюции съезда о работе среди женщин, — может быть достигнут при непременном участии женщин, составляющих половину населения республики, что ставит перед партией, как одну из первоочерёдных задач, борьбу с бытовыми предрассудками, не дающими возможностей женщине приобщиться к общественной жизни».

Съездом ставились задачи проведения законодательным путем отмены брачного права на воду, уравнения дехканок в правах при получении наделов земли и воды наряду с мужчинами, распространения декретов об отмене калыма и повышении брачного возраста на всей территории Туркменской ССР, введения в отделах загса юридических консультаций, а в судах — нарзаседательниц, правозаступниц.

В адрес I съезда Компартии Туркменистана была получена телеграмма от К. Цеткин. В своем приветствии К. Цеткин выражала глубокую уверенность в успешном проведении раскрепощения женщины-туркменки и вовлечении ее в строительство социализма.

Вопросу раскрепощения туркменки огромное внимание уделил и I съезд Советов Туркменской ССР. Он принял Обращение к трудящимся с призывом вести беспощадную борьбу за раскрепощение женщины (см. [667, 22.II.1925]).

В Декларации об образовании Туркменской Советской Социалистической Республики говорится: «Признавая за женщиной полные равные права, Туркменская Советская Социалистическая Республика принимает все меры к изжитию всех условий, носящих характер ограничения прав женщины».

Вопрос «О работе среди работниц и крестьянок» обсуждался и на первой Киргизской областной партийной конференции, состоявшейся в марте 1925 г., где была принята резолюция по этому вопросу. Конференция указала на чрезвычайную необходимость всемерного вовлечения женщин в общественную жизнь как меры противодействия мелкобуржуазному и байско-манапскому влиянию на наиболее отсталую часть трудящихся.

Киргизская областная конференция определила конкретные мероприятия по развертыванию борьбы за раскрепощение женщины. К их числу были отнесены: укрепление опытными и выдер-

жанными работниками аппаратов женотделов партийных комитетов, вовлечение киргизок в советские, кооперативные органы, парсуды, союз «Кошчи», укрепление института практиканток, улучшение оплаты их труда, вовлечение киргизок в ряды партии [108, с. 30—31].

В 1925 г. Ревком Каракиргизской автономной области выступил с Обращением к трудящимся советской Каракиргизии. В Обращении говорилось о законах Советской власти о женском равноправии и о том, что до сих пор не преодолена купля-продажа киргизок. В Обращении приводились статьи из декретов об отмене калыма. Заканчивалось оно призывами к женщине Каракиргизии (см. [298, ф. 10, оп. 5, д. 27, л. 1—2]).

Принял декларацию «О раскрепощении женщин» и I Учредительный съезд Советов Таджикской АССР 11 декабря 1926 г.

Итак, первые съезды и конференции коммунистических партий и Советов республик Средней Азии обнародовали последовательную позицию за решительное раскрепощение женщин Средней Азии как часть общего вопроса преодоления экономической и культурной отсталости и строительства нового, социалистического быта и культуры. Эти резолюции имели огромное политическое и практическое значение в мобилизации производительных сил народов, в ускорении преодоления вековой экономической и культурной отсталости и вовлечения женщин в сферу материального производства, общественно-политической и культурной жизни общества и явились программой практической деятельности всех партийных, советских, государственных и общественных организаций республик Средней Азии.

С осуществлением национально-государственного размежевания республик Средней Азии были созданы более благоприятные условия для дальнейшего развертывания деятельности женотделов партийных комитетов по претворению в жизнь советских законов о женском равноправии.

Партийное руководство работой среди женщин осуществлялось путем заслушивания докладов заведующих женотделов, партийных комитетов на Исполбюро ЦК, обкомов, уездкомов, ячеек, избранием заведующих женотделов членами Исполбюро партийных комитетов, а волостных организаторов — в Исполбюро комячеек, в различные комиссии партийных органов и т. д.

Женотделы ЦК КП республик и обкомов партии осуществляли руководство путем выездов на места, проведения совещаний, конференций, заслушивания отчетов и докладов женотделов местных комитетов партии и т. д. Например, работники женотдела ЦК КП Узбекистана только за 5 месяцев 1925 г. 11 раз выезжали на места, побывали в семи кишлаках и семи уездах, что дало возможность женотделу ЦК КП(б) Узбекистана быть в курсе жизни и деятельности женотделов местных комитетов, в особенности Бухарского, Хорезмского и Таджикского обкомов партии, где, по сути, работа среди женщин только начиналась. В январе 1925 г.

женотдел ЦК КП Узбекистана провел два расширенных совещания, обсудив доклады заведующих женотделами Хорезмского (Бекмухамедовой), Зеравшанского (Сеид-Алиевой), Кашка-Дарьинского (Хусанбаевой), Самаркандского (Никоновой), Ферганского (Разумовой), Ташкентского (Барышниковой) обкомов партии о состоянии работы среди женщин [300, ф. 58, оп. 1, д. 2069, 2070, 2072, л. 1—6, 93—95].

Женотдел практиковал заслушивание докладов ответственных работников женотделов по итогам поездок на места, что давало возможность лучше знать состояние дел на местах и принять действенные меры по усилению работы среди женщин и предостережению от имевших место ошибок. Так, 21 мая 1925 г. женотдел ЦК КП Узбекистана заслушал доклады Бубок о поездке в Ферганскую область и Прищепчик — в Зеравшанскую область [300, ф. 58, оп. 1, д. 691, л. 6].

13 мая 1925 г. женотдел ЦК КП Узбекистана заслушал доклады Мирзакбаровой о работе женотдела Наманганского уездкома партии и Цибулькиной о работе женотдела Хорезмского обкома партии (см. [300, ф. 58, оп. 1, д. 691, л. 22—24]).

На том же заседании женотдела ЦК КП Узбекистана 13 мая 1925 г. был заслушан доклад женотдела Хорезмского обкома партии (см. [300, ф. 58, оп. 1, д. 691, л. 25—30]).

На заседании женотдела ЦК КП Узбекистана 3 июня 1925 г. были заслушаны доклады выдвиженок Узакбаевой, Ташбаевой и Фаизрахмановой об их работе в НКЮсте, НКВД, в сельхозкооперации. Ташбаева работала заведующей центральным загсом НКВД Узбекской ССР. В своем докладе она указала, что в Узбекистане работают 211 загсов, из них 15 городских, еще не созданы загсы на территории бывших Бухарской и Хорезмской республик [300, ф. 58, оп. 1, д. 691, л. 15—19].

25 апреля 1925 г. на расширенном заседании женотдела ЦК КП Узбекистана был заслушан доклад заведующего женотделом Таджикского обкома партии Матвиенко. Была признана необходимость организации женского клуба в Таджикистане, детского интерната и школы ликбеза в Памирской области. Было решено ударным пунктом работы среди женщин считать Ура-Тюбе, где организовали женский клуб, 2 женских уголка и т. п. Таджикский Ревком финансировал 1000 рублей на организацию женского клуба в Ура-Тюбе [300, ф. 58, оп. 1, д. 691, л. 4—5]. Было выделено 500 рублей на организацию женского клуба в Душанбе, где решили организовать школы ликбеза на 10 таджичек — жен ответственных работников [300, ф. 58, оп. 1, д. 691, л. 4—5]. Проверка, проведенная в июне 1925 г. в Ходжентском уезде, показала неудовлетворительную постановку работы среди таджичек. Причина — наличие басмачества. Работа среди женщин здесь только начиналась. В волости Самгара лишь одна таджичка — 40-летняя Умры-кыз — была выдвинута на женработу [300, ф. 58, оп. 1, д. 511, л. 18, 23, 26, 36, 57, 60].

19 апреля 1926 г. Исполкомиссия Оргбюро ТаджССР обсудила вопрос ликвидации неграмотности в партийных и общественных организациях. Было решено также изучить вопрос о вовлечении женщин Таджикистана в школы ликбеза. На этом же заседании были утверждены следующие предложения по работе женотдела: Ввиду предстоящей ударной кампании, чтобы не обострить взаимоотношений в различных группах населения, вопросы о многоженстве, замужестве малолетних и калыме (непосредственно связанные с бытовым укладом жизни и религиозным фанатизмом) временно исключить из практической работы женотдела, указав на возможность разрешения таковых в строго индивидуальном порядке и обязательно по заявлению потерпевших [300, ф. 62, оп. 1, д. 562, л. 69—70].

Мероприятия советских и партийных организаций и отделов по работе среди работниц и крестьянок в Таджикистане, по сути, сводились к выделению фонда матери и ребенка, организации детских консультаций, кино, школ ликбеза, обучению женщин ремеслу и ведению в женских амбулаториях и больницах культурно-воспитательной работы. Было решено «по-прежнему воздерживаться от расширения бракоразводных дел, держа курс на примирение в силу исключительной экономической зависимости женщин» [304, ф. 62, оп. 1, д. 562, л. 70].

Таджикский обком признал необходимость активизации борьбы за раскрепощение женщин только среди партийцев, комсомольцев, профсоюзов и союз «Кошчи» в порядке проведения широкой кампании популяризации женского вопроса и женской работы. В этих целях было предложено женотделу, с Орготделом и агитпропом, проработать и подготовить данный вопрос, было поручено Народным комиссариатам здравоохранения, просвещения и земледелия в недельный срок проработать с женотделом и представить на заседание Исполбюро практические предложения о мероприятиях по содействию в работе женотдела.

Для усиления воспитательной работы среди женщин обком признал необходимым построить женский клуб и амбулаторию в Горном Бадахшане [304, ф. 62, оп. 1, 562, л. 70]. Вслед за этим 5 августа 1926 г. Секретариат Оргбюро КП(б) Узбекистана по Таджикистану рассмотрел очередные вопросы работы женотдела. Обком партии подтвердил решение от 19 апреля 1926 г. пока воздерживаться от активной борьбы за раскрепощение женщин Таджикистана.

Вместе с тем Таджикский обком партии отметил и невыполнение названного выше решения о выделении фонда матери и ребенка, о выработке мероприятий по популяризации женской работы среди партийцев, комсомольцев и других общественных организаций и потребовал объяснения от коммунистических организаций, Наркоматов здравоохранения, просвещения и земледелия о причинах невыполнения решения. Обком партии признал работу женотдела неудовлетворительной [304, ф. 62, оп. 1, д. 563, л. 88].

Вторичное решение Таджикского обкома партии о воздержании от активной борьбы за раскрепощение женщин республики летом 1926 г. показывает, во-первых, что здесь условия работы отличались от условий в соседних республиках, а во-вторых, что партийные организации внимательно отнеслись к женскому вопросу, трезво учитывали настроение населения и необходимость подготовки к работе по эмансипации мусульманок.

Однако уже второй, расширенный пленум Оргбюро ЦК(б) Узбекистана, состоявшийся в декабре 1926 г. в г. Душанбе, признал возможным и необходимым начать активную работу за раскрепощение женщин республики [304, ф. 62, оп. 1, д. 564, л. 30; д. 584, л. 40—41].

Пленум отметил, что работа среди женщин до сих пор ограничивалась рамками некоторых вилаятских центров и лишь проведением кампании 8 Марта, различными формальными представительствами, медицинской помощью в клубах и амбулаториях; беседами, носившими случайный характер, выездами изредка в ближайшие кишлаки, попытками создать кое-где делегатский аппарат и выделением организаторов по работе среди женщин. Местами эта работа принимала уродливый характер (бракоразводные уклоны). В ряде вилаятов все еще не было работников среди женщин, практиковалось формальное бумажное руководство [304, ф. 62, оп. 1, д. 584, л. 40—41].

Теперь, после ликвидации басмачества, согласно директивам Средазбюро ЦК ВКП(б) и в соответствии с принятым съездом Советов законодательством, появились предпосылки для организации работы среди женщин. Пленум поставил задачу — превратить борьбу за раскрепощение женщины в обязанность всей партии, изжить консерватизм, пассивное отношение прежде всего внутри партии и других общественных организаций к раскрепощению женщин Таджикистана. Коммунистическое воспитание молодежи Пленум признал важнейшей задачей [304, ф. 62, оп. 1, д. 584, л. 41—42].

В принятой Пленумом резолюции по политическому отчету указаны основные задачи в области работы среди женщин Таджикистана: «В связи с изменившейся политической обстановкой признать возможным установление и осуществление законодательства по раскрепощению женщин — отмена калыма, замужества малолетних, многоженства. Внедряя это законодательство и мобилизуя общественное мнение, добиться в борьбе с калымом смычки с бедняцким и середняцким дехканством и батрачеством» [304, ф. 62, оп. 1, д. 564, л. 20—21].

В Таджикистане, как и повсеместно в Средней Азии, раскрепощение женщин начиналось и развертывалось в первую очередь в среде коммунистов, комсомольцев, членов профсоюза и союза «Кошчи».

Организацию и объединение женщин, в первую очередь вдов, одиноких женщин и сирот, развертывание сети общественных,

культурно-просветительных и воспитательных учреждений, женских клубов и уголков, амбулаторий, домов матери и ребенка, оказание материальной помощи социально не застрахованным труженицам, выделение в центре и на местах фондов матери и ребенка Таджикский обком партии признал неотложными задачами и предложил в первую очередь ликвидировать безработицу среди женщин, организовать курсы-школы по повышению производственной квалификации мусульманок [304, ф. 62, оп. 1, д. 564, л. 20—21].

В области партийно-организационной работы обком партии признал необходимым укрепление аппарата женотдела, усиление воспитательной работы среди кишлачных коммунистов и преодоление пережитков старого быта в первую очередь в среде коммунистов. Это решение свидетельствовало о разумном подходе к сложной работе среди таджичек-мусульманок, затрагивавшей многие стороны социальных взаимоотношений мусульман в обществе и семье. Борьбу за раскрепощение женщин обком признал основной задачей всей партийной организации, вплоть до кишлачных ячеек республики [304, ф. 62, оп. 1, д. 564, л. 30].

Названные шаги означали лишь начало борьбы за раскрепощение женщины. Даже спустя два года после декабрьского Пленума Таджикский обком партии еще принимал решение о сдержанном проведении законодательства о семье, браке и опеке на территории республики [304, ф. 62, оп. 1, д. 1578, л. 122, 130, 133].

Укрепление женотделов, местных комитетов, проведение женских конференций и других мероприятий по повышению активности трудениц, организация Красных юрт кочевниц, женского клуба, улучшение учреждений материнства и младенчества, борьба с калымом, многоженством, выдачей малолетних замуж — вот вопросы, которыми занимались женотделы Киргизского обкома партии.

2 июня 1925 г. было решено организовать курсы-съезды в каждом округе для активисток. Для проведения этих курсов были командированы ответственные работницы области [298, ф. 10, оп. 5, д. 14, л. 30—31, 60—81].

Женотдел Киргизского обкома партии вел обширную переписку с хозяйственными организациями и государственными органами по вопросам вовлечения женщин в производство, по жалобам и заявлениям отдельных женщин-трудениц. Женотдел систематически анализировал отчеты женотделов местных комитетов партии, что имело немаловажное значение для обмена опытом и предупреждения ошибок, направлял им циркулярные письма по вопросам эмансипации киргизок [298, ф. 10, оп. 5, д. 6, л. 1—39; д. 5, л. 16—20; д. 10, л. 1—22].

28 июня 1926 г. заведующая женотделом Киргизского обкома партии направила письмо прокурору Фрунзенского округа о необходимости привлечения к уголовной ответственности гражданина Джидыбаева Курманбая, проживающего в ауле Джолбулак (Ма-

Кружок радио в школе-интернате

лый Тюбень) Быстровской волости, за продажу его 12-летней дочери Айша, вожатой пионеротряда, за калым — 20 баранов, 7 коз, быка и жеребенка [298, ф. 10, оп. 5, д. 53, л. 44].

В Киргизии велась борьба за искоренение такого тяжелого, позорящего и унижающего достоинство женщины наследия капитализма, как проституция [298, ф. 10, оп. 5, д. 5, л. 106—107].

В честь 8 Марта 1925 г. Киргизский обком партии выпустил на киргизском и русском языках тиражом в тысячу экземпляров плакаты на темы раскрепощения женщины [298, ф. 10, оп. 5, д. 27, л. 11; д. 10, л. 1—22]. 9 марта 1925 г. Ревком Каракиргизской автономной области направил письмо всем окружным и волостным ревкомам о выделении работниц из числа женщин коренных национальностей в бюро загсов в качестве заведующих и делопроизводителей [298, ф. 10, оп. 5, д. 5, л. 57].

Женотдел обкома партии 27 марта 1925 г. провел совещание с заведующими женотделами окружкомов партии Киргизии. Были заслушаны доклады местных женотделов о работе в кишлаке и состоянии работы среди женщин в районе Туя-Мюне, утвержден план работы женотдела Киргизского обкома партии на 3 месяца. Создание ударных пунктов, а также организацию делегатских собраний, школ ликбеза, подбор кадров волостных организаторов по работе среди женщин областное совещание признало ударными задачами женотделов партийных комитетов в деле эмансипации киргизок [298, ф. 10, оп. 5, д. 13, л. 21—25].

Вслед за тем 8—11 августа 1925 г. состоялось Киргизское областное совещание низового женского актива. На совещании были заслушаны доклады «Женщина и партия» и об итогах работы среди женщин за полугодие, отчеты волостных организаторов ударных пунктов о формах и методах работы среди работниц и дехканок, о кооперативном строительстве и участии в нем дехканок, о борьбе с бытовыми пережитками, о роли дехканки в укреплении сельского хозяйства. На совещании выступали уже и киргизки, активистки, работающие в области раскрепощения женщин: Молдыбаева, Чайгурова, Едигеева, Ерганова, Джетыгенова, Саргентаева, Касимова, Кучукбаева, Кенджетаева и др. [298, ф. 10, оп. 5, д. 19, л. 1—43].

Но трудности все еще были велики, о чем убедительно говорит следующий факт. Джелал-Абадское окружное бюро РКП(б) 2 марта 1925 г. на внеочередном заседании, заслушав доклад секретаря окружкома партии о посылке делегаток на Киргизский областной съезд женщин, приняло следующее решение: «Не посылать ввиду недоразумений среди темных масс, где мужчины категорически отказываются пустить своих жен, женщины не решаются и сами заявляют протест против поездки на съезд, для чего необходима длительная агитационная работа среди всего населения. Исходя из вышеизложенного, решили делегаток распустить» [298, ф. 10, оп. 5, д. 20, л. 3].

В деле эмансипации женщин велика роль комплектования партийного и государственного аппарата из людей местных национальностей, для чего организовывались курсы подготовки кадров для женотделов, женские высшие и средние специальные учебные заведения, старались охватить женщин школами ликбеза, вовлечь работниц и дехканок в партию, профсоюзы и т. д.

Все это давало возможность уже в 1925 г. привлечь к работе в женотделах значительное число работниц местных национальностей. В этом году в женотделах партийных комитетов работали в Ферганской области 50%, в Хорезмской, Зеравшанской областях и в Таджикистане — 16—20%, в Туркменистане и Киргизии — 35% работников — женщин восточных национальностей. В 1925 г. в женотделах партийных комитетов Киргизии было 28 работниц-киргизок. В целях подготовки кадров для женотделов практиковалась посылка студенток на практику. Так, в 1925 г. для работы

в женских летних школах ликбеза в Киргизии были направлены 11 студенток [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 31; ф. 10, оп. 5, д. 5, л. 3; д. 4, л. 197].

Летом 1925 г. в Средней Азии были повсеместно проведены волостные женские конференции, на которых обсуждались вопросы о правовом положении женщин, о земельно-водной реформе, об участии женщин в советском строительстве, заслушивались доклады комячеек и Советов о перспективах работы среди женщин. Эти конференции способствовали значительному оживлению в работе среди женщин, повышению их активности, выявлению поддержки массой дехканок Советской власти и ее мероприятий [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 33].

Делегатки волостных женских конференций особенно остро ставили вопросы организации медицинской помощи детям, правовой защиты женщин. На Мандатальской волостной конференции Узбекской ССР острому и продолжительному обсуждению подверглись действия Исполкома, который часто содействовал сделкам по продаже малолетних девочек. На Ханабадской конференции делегатки разоблачили взяточничество народного судьи и умышленное затягивание им разбора женских дел. На Ташаузской волостной конференции резкой критике подвергались волостной Исполком Советов и волостная коммунистическая ячейка за допущенные ими преследования работниц женотделов и случаи разгона женских собраний. На волостной конференции кишлака Кибрай Ташкентской области женорганизатор выступила с предложением, чтобы присутствующие на данной конференции коммунисты привели на нее своих жен, что встретило сильный отпор со стороны некоторых членов партии, ответственных работников [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 33—34].

Таковы факты. Эти конференции всколыхнули сельских женщин-мусульманок и показали, что предоставленные Советской властью права еще предстоит отвоевать в сложной битве не только с байством, басмачеством и реакционной частью духовенства, но и с косностью и консерватизмом во взглядах на женщину даже у некоторых коммунистов, руководящих работников.

На этих женских беспартийных конференциях избирались делегатки на съезды женщин республик Средней Азии, созыв которых был приурочен к Международному женскому дню 8 Марта 1925 г.

5—8 марта 1925 г. состоялся I съезд дехканок, батрачек и крестьянок Каракиргизской автономной области. На съезд прибыло 105 делегаток, из них 85 киргизок, узбечек и женщин других местных национальностей. Повестка дня съезда включала вопросы международного положения, итогов и перспектив работы среди женщин, о Международном женском дне, правового положения женщины, женского образования, участия женщин в советском строительстве, вовлечения девочек в комсомол и пионерские отряды, участия женщин в союзе «Кошчи» и др. С докладами выступили секретари, заведующий женотделом обкома партии и

другие ответственные работники области [298, ф. 10, оп. 5, д. 13, л. 1—2, 19].

В марте 1925 г. состоялись и первые съезды женщин Туркменистана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Каракалпакии, которым предшествовали первые республиканские совещания работников женотделов в декабре 1924 г.

На этих республиканских женских съездах активно выступали делегатки узбечки, туркменки, казашки, киргизки, таджички, каракалпачки, русские коммунистки и женщины других национальностей.

Съезды женщин непосредственно способствовали повышению политической активности трудящихся женщин советского Востока.

Предложения и вопросы делегаток женских съездов рассматривались в республиканских инстанциях партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, государственных и хозяйственных органов и намечались меры к дальнейшему совершенствованию форм и методов эмансипации женщин-мусульманок.

Партия продолжала искать новые формы и методы борьбы за осуществление советских законов о женском равноправии. Например, после убийства Дурсун и Анна Джамал в Туркмении была создана (10 июня 1925 г.) комиссия под председательством секретаря ЦК КП(б) Туркменистана Бяшима Сахат Мурадова для пересмотра форм и методов работы среди женщин в ауле. А 6 июля 1925 г. женотдел Средазбюро ЦК РКП(б) заслушал доклад о формах и методах работы среди женщин в Туркмении [304, ф. 62, оп. 2; д. 206, 285, 429, л. 289—290].

Наряду с этим партийные и советские организации республик Средней Азии усилили требования к государственным органам в привлечении к строгой ответственности нарушителей революционной законности о женском равноправии.

Вместе с тем главным методом работы партии и Советского государства в эмансипации оставался метод поднятия политической активности широких слоев рабочих и работниц, трудящихся крестьян и крестьянок. Путем широкого, всестороннего разъяснения партия поднимала к новой жизни наиболее закабаленную часть трудового населения — многомиллионную массу тружениц.

Многогранной была деятельность женских клубов, Красных юрт и уголков, Домов дехканок с их медицинскими и юридическими консультациями, детскими и производственными учреждениями, школами ликбеза, организацией художественной самодеятельности, политико-воспитательной работой. Теперь в целях высвобождения женотделов от их многочисленных административно-хозяйственных функций эти женские учреждения по эмансипации мусульманок передавались республиканским Наркоматам просвещения и их органам на местах, а их производственные учреждения, юридические консультации, медицинские пункты и др. передавались соответствующим отраслям народного хозяйства и государственным органам. Эта мера была направлена на государственное

финансирование, обеспечение квалифицированными специалистами и компетентного руководства ими. А женотделы осуществляли контроль за их деятельностью и развитием. Появилась возможность более интенсивными темпами создавать эти учреждения в кишлаках, аулах и кочевьях.

Организовывались женские школы, классы и группы для девочек в общих школах. В программы всей системы народного образования, в буквари для школ ликбеза и соцвоса, в учебники и хрестоматии по истории включались вопросы раскрепощения женщин-мусульманок, что способствовало воспитанию подрастающего поколения в уважительном отношении к женщине как к равноправному гражданину общества.

Культурно-просветительную работу, подготовку женских кадров медработников, учительниц партия рассматривала как важнейшее звено в цепи задач по эмансипации трудящихся женщин. В эту работу вовлекалась передовая часть местной интеллигенции. В репертуар театров старались включать пьесы на бытовые темы, организовывались посещения женщинами театров, кинофильмов, экскурсий. Был создан кинопрокат «Мусульманки», на средства которого организован кинофонд [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 53—54].

До сих пор учреждения охраны материнства и младенчества субсидировались из средств госстраха. Но эти средства были недостаточны для организации таких учреждений в широких масштабах в аульно-кишлачной местности. Теперь же они начали финансироваться государством через Наркоматы здравоохранения и их органы на местах.

Вся эта работа в комплексе дала положительные результаты. В Киргизии было организовано 27 женских школ ликбезов, из них 22 в аулах и кочевьях. В 7 женских школах ликбеза в Туркменистане обучалось 87 туркменок, были организованы 2 школы-интерната для девочек-туркменок и установлены льготы по сельскохозяйственному налогу для родителей, разрешавших своим дочерям учиться. В Узбекистане в женских школах ликбеза обучалось 1200, а в вузы поступило 118 узбечек, что было рекордным достижением для тех лет [300, ф. 818, оп. 1, д. 17, л. 44—45; ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 44, 46—47; ф. 10, оп. 5, д. 4, л. 199].

К этому времени в Узбекистане членами Советов было избрано 250 женщин (из них 200 узбечек) и 480 народных заседательниц нарсудов, в Туркменистане членами Советов — 212 туркменок [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 40—41; 642, 12.XI.1925].

В 1926 г. в Средней Азии насчитывалось 1670 членов и кандидатов в члены партии, в том числе 180 узбечек, 27 туркменок, 7 таджичек, 11 казашек, 6 киргизок. В день 8 марта 1926 г. только в кишлаке Ассак в партию вступили 20 узбечек, а в кишлаке Кува — 15 узбечек [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 57; 623, 1925, № 3, с. 12; 379, с.25]. Удельный вес женщин в рядах Компартии на начало 1926 г. составил в Узбекистане 6,4%, в Туркменистане —

6,7, Казахстане — 7,2% (к общему числу членов и кандидатов в члены партии) [623, 1925, № 12, с. 30].

Приведенные цифры свидетельствуют об общественно-политическом росте женщин, о росте числа активисток — поборниц эмансипации мусульманок. Они шли в первых рядах борцов за новую жизнь в чрезвычайно сложных условиях преломления экономики, быта и культуры народов советского Востока и вели за собой уже не одиночек, а десятки, сотни женщин-мусульманок города, кишлака, аула, кочевья.

В 1926 г. в весенней кампании беспартийных конференций дехканок участвовали 3 тыс., а в осенней — 5 тыс. дехканок только в Узбекистане. В день 8 Марта в Ташкенте, в театре им. Свердлова, в Колизее, цирке, САКУ, кинотеатрах «Хива», «Аполло», — всюду, где было можно, собрались тысячи узбечек, яркими маками выделялись платочки комсомолок и делегаток, залы были похожи на улей, где шумными аплодисментами встречали руководителей женотделов, секретарей городских, уездных комитетов партии, выступавших с приветствиями мусульманок советского Востока [642, 9.III.1925].

В 1926 г. в Средней Азии насчитывалось свыше 4 тыс. делегаток, в том числе в Киргизии — 1001, Туркменистане — 749, Узбекистане — 2250 [593, 1926, № 5, с. 17].

В 1925/26 г. проводились перевыборы делегатских собраний. Их отличительной чертой было вовлечение в кампанию значительного числа женщин местных национальностей. Характерным было сосредоточение работы в ударных пунктах крупных районов, в крупных партийных организациях. Делегаткам давались практические поручения. Так, например, в городах они принимали участие в улучшении работы детских домов, учреждений охраны материнства и младенчества, а в сельской местности — в работе сельсоветов, кооперативов, учреждений охраны материнства и младенчества и др. В Наманганском уезде делегатки организовали детские ясли, уголок «Мать и дитя». Для обслуживания делегатских собраний привлекались учительницы, медицинские работники и другие специалисты. Женотдел Ташкентского обкома партии (заведующая А. А. Аксентович) проверил работу делегатских собраний и итоги проверки обсудил на коллегии женотдела [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 16, 35, 57].

Увеличилось число женщин местных национальностей в профсоюзах республик Средней Азии. В 1926 г. среди работниц членов профсоюзов было 1572 узбечки, 84 киргизки, 44 туркменки. Профсоюзы остро, по-рабочему ставили вопросы вовлечения женщин местных национальностей в шелковое, текстильное и др. местное промышленное производство, а также кооперирования кустарниц в ковровые артели в Туркменистане, в шелководческие — в Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, по обработке и сбыту земледельческой, особенно скотоводческой продукции — в Казахстане и Киргизии [107, с. 49; 667, 10.III.1925; 642, 8.III.1926].

В условиях Средней Азии в повышении активности трудящихся дехкан и дехканок в эти годы большую роль сыграла их массовая организация — союз «Кошчи». В 1926 г. женщин-дехканок в союзах «Кошчи» Средней Азии насчитывалось 3854 (2114 узбечек, 1064 киргизки, остальные — туркменки, таджички) [593, 1926, № 5, с. 16]. Во всех комитетах союза «Кошчи» в 1925 г. были организованы женские секции и введена должность инструктора по работе среди женщин. Они проводили огромную работу по наделению землей и водой дехканок и оказанию им в последующем помощи инвентарем, ссудой и др., по вовлечению дехканок в Советы, делегатские собрания, в общественно-политическую жизнь кишлака, аула и кочевья [593, 1926, № 5, с. 16].

Велика роль кооперации в раскрепощении мусульманок. При активном вмешательстве женотдела Средазбюро, в октябре 1924 г. Оргбюро Среднеазиатского краевого Центросоюза приняло решение о введении штатной должности инструктора по работе среди женщин в кооперации в Хорезме, Бухаре и Джетысу, а также о возложении ответственности за работу среди женщин на одного из членов правления или инструктора в учреждениях Центросоюза в Полторацке, Самарканде, Перовске, Коканде, Аулие-Ате. Кандидаты на эти должности выдвигались женотделами партийных комитетов [298, ф. 10, оп. 5, д. 2, л. 6]. Наряду с этим Средазцентросоюз предложил местным органам развернуть агитационную кампанию по разъяснению целей и задач кооперации, используя перевыборную кампанию делегатских собраний, провести месячник по разъяснению целей и задач кооперации среди женского населения и вовлечению женщин в кооперацию и т. д. [298, ф. 10, оп. 5, д. 2, л. 5, 12].

Исключительно велика роль комсомольских и пионерских организаций в эмансипации мусульманок Средней Азии. В 1926 г. во всей Средней Азии насчитывалось 1367 комсомолок (в том числе 187 туркменок, 1080 узбечек, 100 киргизок). В пионерских организациях состояло 700 девочек-узбечек, 16 туркменок, 817 киргизок (см. [298, 1926, № 5, с. 15]).

Женотделы уделяли огромное внимание работе этих организаций, оказывали им практическую помощь, проводили совещания, встречи, разъясняли цели и задачи раскрепощения женской молодежи советского Востока, направляли студенток узбечек, казашек, киргизок, туркменок и таджичек в свои республики для прохождения практики по работе среди женщин и тем самым готовили их к активной общественно-политической деятельности [300, ф. 58, оп. 2, д. 1371, л. 16].

Так эмансипация мусульманок Средней Азии набирала темпы. Пополнялись ряды борцов за новую жизнь, начинался процесс активизации женщин-мусульманок, активное наступление на вековые устои феодально-байского быта.

В исполнение директив партии началось широкое организованное наступление на устои родового быта — затворничество, многоженство, калым, раннюю выдачу замуж и др. К числу чрезвычайных мероприятий партии и государства относится принятие республиками Средней Азии ряда законов, направленных на проведение в жизнь женского равноправия.

Как уже указывалось, первые декреты ЦИК Туркестана и СНК Киргизии о запрещении калыма, выдачи замуж малолетних и некоторых других форм проявлений родовых пережитков были ограниченны по содержанию, территории распространения и охвату национальностей, проживавших на этих территориях, а в Бухарской и Хорезмской республиках вовсе не были приняты декреты, направленные на раскрепощение женщин-мусульманок. Развитие событий потребовало дальнейшего совершенствования и принятия новых законов, отвечающих по своему содержанию и духу глубоко гуманной политике партии в этой области.

Законодательная деятельность государства продолжалась и получила новое развитие после национально-государственного размежевания и образования союзных и автономных республик Средней Азии. Одним из вопросов, поставленных в повестку дня законодательной деятельности молодых республик — Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Таджикистана и Каракалпакии, была разработка законов, направленных на раскрепощение женщин-мусульманок, осуществление их подлинного равноправия на основе массового вовлечения в русло социалистической реконструкции народного хозяйства, культуры, общественно-политической жизни.

В законодательном творчестве Советской власти постоянно широкое участие принимало население. По мере роста его общественной активности и политической сознательности в законодательной работе стали участвовать и женщины коренного населения, что обеспечило жизненность советских законов, их действенность и авторитет. В Советском Союзе широко практиковалось всенародное обсуждение проектов Кодексов законов о семье, браке и опеке, законов, наиболее глубоко затрагивающих быт и личную жизнь людей. Собрания рабочих и крестьян и отдельные граждане вносили свои поправки и дополнения к проектам законов. Газеты и журналы широко освещали на своих страницах весь ход дискуссии. Женские клубы, красные уголки, избы-читальни, Дома дехканок, Красные юрты устраивали вечера вопросов и ответов, лекции и доклады о проектах законов в целом и по отдельным их статьям. Проект законов обсуждался в местных Советах, на заседаниях районных и волостных исполкомов, на сессиях губернских и краевых Советов и их исполкомов и со всеми поправками и дополнениями вносился на утверждение съездов Советов, сессии Центральных исполнительных комитетов республик.

Массовое обсуждение проектов законов, с участием мужского и женского населения, не только способствовало совершенствованию их, но и имело огромное воспитательное значение, способствовало переменам во взглядах мужчин восточных национальностей на женщину, как на человека, гражданина и мать.

Первые же съезды и конференции коммунистических партий республик Средней Азии в резолюциях о работе среди женщин поставили задачу усиления борьбы за раскрепощение женщин местных национальностей, преодоление цепких устоев отсталого родового быта, закрепощающих женщину. Съезды Советов и ЦИК республик выступили с обращениями к трудящимся, в которых призвали уничтожать калым, куплю и продажу женщин, выдачу замуж малолетних, многоженство, затворничество, ставили перед советскими и государственными органами, органами юстиции, суда, прокуратуры, внутренних дел задачу усиления борьбы за раскрепощение женщин, признали необходимость принятия законов в защиту прав женщин.

Государственные органы юстиции, прокуратуры, внутренних дел республик Средней Азии оперативно выполняли решения партии и правительства по женскому вопросу, чутко реагировали на случаи бюрократического отношения к рассмотрению жалоб и заявлений женщин, а также дел, связанных с раскрепощением женщин. Они направляли важные указания по этим вопросам, о чем свидетельствуют, например, циркуляры Народного комиссариата юстиции Узбекистана от 9 и 13 октября 1924 г. (№ 61 и 63) органам суда и прокуратуры с предложением своевременно рассматривать уголовные и гражданские дела, связанные с раскрепощением женщины, а также циркуляр от 25 февраля 1926 г. «О правовой защите женщин» [305, ф. Р-86, оп. 1, д. 4437, л. 344—345].

В годы активной борьбы с затворничеством женщин-мусульманок Средней Азии молодыми республиками края были приняты и специальные законы о защите женщин, снявших паранджу, чапан, пуренджик и другие ритуальные затворнические одежды. Так, 7 марта 1927 г. Президиум ЦИК Узбекской ССР принял постановление «Об охране прав женщин, снявших паранджу». В этом постановлении отмечалось, что женщины, сбросившие ритуальную одежду, часто подвергаются оскорблениям, насилию и встречают другие препятствия к снятию паранджи со стороны темных и несознательных элементов. В целях защиты снимающих паранджу женщин и прекращения насильственных действий по отношению к ним ЦИК Узбекистана постановил:

1. Всем органам дознания, судам и прокуратуре установить льготы, дающие возможность женщинам подачи жалоб на оскорбления и насилия над ними по поводу снятия ими паранджи.

2. Судам — разрешать дела об оскорблениях снявших паранджу женщин и о насилиях над ними вне всякой очереди, ставя их в виде показательных процессов.

3. По всем делам об оскорблениях снявших паранджу женщин и о насилиях над ними прокуратура обязательно должна принимать участие в качестве обвинителя.

4. По всем указанным делам назначать общественных обвинителей.

5. Прокуратуре, в надлежащих случаях, вступать в указанные дела в порядке 2-й части 10-й ст. Уголовного Процессуального Кодекса УзССР [305, ф. Р-86, оп. 1, д. 4437, л. 145—148].

23 мая 1927 г. Президиум ЦИК Советов Узбекской ССР принял постановление «Об обеспечении трудящихся, пострадавших за активное участие в борьбе за раскрепощение женщин, и семей убитых активных участников в этой борьбе» [305, ф. 58, оп. 4, д. 1215, л. 2].

Третий Всеузбекский съезд Советов, состоявшийся в мае 1929 г., поручил правительству добиться полного осуществления Советами в городе и кишлаке закона о запрещении калыма, многоженства и выдачи замуж малолетних. В постановлении «О фактическом раскрепощении женщин» съезд поручил ЦИК Узбекистана «ни в коей мере не ослаблять карательной политики по отношению к классовым врагам раскрепощения» [283, т. VII, с. 196—199].

VII съезд Советов Казахской ССР 10 апреля 1929 г. принял резолюцию «О защите прав женщин».

Высказавшись за решительную поддержку движения женщин восточных национальностей против затворничества, паранджи и калыма, съезд выделил специальные средства на культурную работу среди восточных женщин и предложил особо бдительно следить (прибегая к самым суровым мерам наказания) за лицами, препятствующими этому движению. Было решено установить наиболее краткие сроки судебного разбирательства по делам этого порядка, применяя к лицам, прибегающим к физическому террору, высшую меру наказания.

На основе уже имеющихся массовых требований со стороны трудящихся женщин, батрачества и бедноты об издании закона, запрещающего ношение паранджи, чачвана, чапана, VII съезд Советов Казахстана поручил правительству обсудить возможность издания такого закона для улучшения постановки защиты прав женщин, признал необходимым значительно увеличить число их в прокуратуре и судах, одновременно организуя массовую юридическую помощь в аулах, кишлаках и селах.

Съезд высказался за решительное усиление ликвидации неграмотности среди женщин, особенно казашек и других восточных национальностей, за увеличение вовлечения девушек в начальные школы повышенного типа, за коренное улучшение культурного обслуживания женщин в рабочих районах, колхозах и совхозах, расширение и улучшение охраны материнства и младенчества, принятие энергичных мер к экономическому раскрепощению женщин [283, 1.IV, с. 840, 841].

В эти первые годы образования республик Средней Азии шла напряженная законодательная работа, направленная на раскрепощение женщин-мусульманок.

25 февраля 1925 г. Революционный комитет Каракиргизской автономной области принял обязательное постановление «Об уголовной ответственности за принуждение женщин к выходу замуж помимо их воли, за уплату калыма, двоеженство, многоженство и об установлении брачного возраста для мужчин и для женщин» [301, ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 54].

На Киргизском областном совещании работниц и дехканок Киргизской автономной области, состоявшемся 28 января 1926 г., на I Республиканском съезде женщин — членов Советов 1—3 октября 1927 г. и других собраниях был одобрен Кодекс о браке, семье и опеке [298, ф. 10, оп. 5, д. 15, л. 1—3; 301, ф. 21, оп. 2, д. 89, л. 71].

Президиум ЦИК Киргизской АССР 23 апреля 1928 г. принял следующие дополнения к Уголовному кодексу РСФСР по бытовым преступлениям с представлением в Президиум ВЦИК на утверждение. По ст. 206: «Убийство женщин, причинение им телесных повреждений, отрезание у них кос и причинение обезображения их телу по поводу снятия ими паранджи или освобождения их от других видов закрепощения на почве религиозных и бытовых предрассудков карается лишением свободы сроком не менее трех лет со строгой изоляцией, а при тягчайших обстоятельствах — высшей мерой социальной защиты.

Лица, виновные в ином посягательстве на личность и достоинство женщин в связи с освобождением их от закрепощения, подвергаются лишению свободы сроком до трех лет».

По ст. 207: «Лица, виновные в агитации против мероприятий Советской власти по освобождению женщин от всяких видов закрепощения на почве религиозных и бытовых предрассудков, подвергаются лишению свободы сроком до одного года или штрафу до 500 рублей» [301, ф. 21, оп. 4, д. 83, л. 38].

I Учредительный съезд Советов Таджикской АССР 11 декабря 1926 г. принял декларацию «О раскрепощении женщин».

В пункте 1 («Общие права») декларации говорится:

«Женщина пользуется наравне с мужчиной всеми правами. Она может избирать и быть избранной во все органы Советской власти вплоть до самых высших государственных учреждений».

В области гражданского права съезд декларировал, что «женщина пользуется наравне с мужчинами всеми гражданскими правами и несет обязанности граждан, установленные законами и гражданским кодексом. Ей предоставляется право свободно избирать профессию, приобретать и отчуждать имущество и вступать в обязательства, допускаемые законом».

В области брачного права декларация провозгласила: «Заключение брака возможно только при добровольном согласии женщины.

Закон устанавливает суровые меры для всех, не исключая и ближайших родственников, принуждающих женщину к насильственному выходу замуж, желание женщины, как и мужчины, является достаточным основанием для развода, брачный возраст женщины устанавливается в 16 лет.

Закон карает за выдачу замуж девушек, не достигших шестнадцатилетнего возраста.

В равной мере закон жестоко карает за уплату и принятие калыма, являющегося формой купли и продажи женщины и поэтому совершенно несовместимого с основами Советского государства. Закон также карает и многоженство».

В области семейного права съезд установил, что, покончив с буржуазным делением детей на законно- и незаконнорожденных, Советская власть обеспечивает полное их равноправие и предоставляет женщине право требовать от отца материального обеспечения детей независимо от того, рождены ли эти дети в записанном или незаписанном браке.

Первый Учредительный съезд Советов Таджикистана в этой декларации призвал трудящихся неуклонно следить за проведением в жизнь законов о женском равноправии, принимать все меры привлечения женщин республики к участию в общественной и политической жизни, на всех ступенях государственной работы [283, т. VII, с. 356—359].

Третья сессия ЦИК Туркменской ССР первого созыва 6 октября 1926 г. приняла постановление по докладу о бытовых вопросах, которое содержало пункты о запрещении многоженства, о брачном возрасте, о разводе среди коренного населения, о калыме.

В целях защиты и ограждения прав женщины третья сессия ЦИК Туркменской ССР постановила:

«1. Воспретить, со дня опубликования постановления, новое многоженство (т. е. вступление в брак женатым) лицам коренного населения.

2. Ввести в Уголовный Кодекс статью следующего содержания: „Вступление в новый брак при наличии брака, заключенного и в установленном порядке не расторгнутого, влечет лишение свободы до пяти лет".

3. Обязать представителей власти на местах строго соблюдать исполнение декрета и лиц, вступающих в брак при наличии существующего, привлекать к ответственности.

4. Должностные лица, виновные в пособничестве многоженству, подлежат уголовной ответственности по соответствующим статьям Уголовного Кодекса».

В целях охраны здоровья населения, обеспечения жизнеспособного потомства, ограждения малолетних девочек от подрыва здоровья и предупреждения тяжб и вражды между сторонами обрученных с детства третья сессия ЦИК Туркменистана постановила:

«1. Запретить обручение и вступление в брак лицам коренного населения женского пола до 16-летнего возраста и мужского —

до 18-летнего, и всякое обручение или брак до наступления указанного возраста признать незаконным.

2. Предоставить право каждому лицу, девушке или юноше, независимо от обручения их родителями или родственниками, по достижении ими брачного возраста отказаться от женитьбы или выхода замуж, которые этим обручением преднамерены.

3. Ввести в Уголовный Кодекс статьи следующего содержания:

а) „Вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста, и равно понуждение лиц, не достигших брачного возраста, к вступлению в брак со стороны родителей или родственников, или лиц посторонних, влечет лишение свободы до трех лет".

б) „Заключение соглашений между родителями, родственниками или опекунами малолетних о вступлении в будущем этих малолетних в брак „кудалык" влечет лишение свободы до одного года".

Та же мера социальной защиты применяется к лицам, достигшим брачного возраста, заключающим соглашение с родителями, родственниками или опекунами малолетних о вступлении с последними в брак по достижении ими брачного возраста».

В пункте «О калыме» постановления калым относится к одному из способов обогащения за счет другого лица, и в соответствии с этим лицам, уплатившим калым, предоставляется право предъявлять иск о его обратном получении.

Итак, в 1926 г. ЦИК Туркменистана принял исключительно важные постановления о запрещении ряда институтов родового быта. Но, давая правильную трактовку социальной сути калыма, в то же время третья сессия ЦИК не отменила и не запретила калыма, а ограничилась лишь предоставлением права лицам, уплатившим калым, предъявлять иск о его обратном получении.

Поэтому 12 ноября 1927 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) признало неполным и недостаточным постановление третьей сессии ЦИК Туркменской ССР от 6 октября 1926 г. и рекомендовало еще раз рассмотреть в свете декрета ЦИК Туркестана постановление № 67 от 14 июля 1921 г., признавшего уплату и прием калыма уголовным преступлением. Средазбюро признало необходимым декларировать отмену калыма специальным декретом и внести соответствующую статью о калыме в Уголовный кодекс Туркменской ССР. ЦК КП(б) Туркменистана было поручено рассмотреть вопрос об отмене калыма при участии члена Средазбюро и представителя женотдела Средазбюро ЦК ВКП(б). На этом же заседании Средазбюро рассмотрело проект декретов, представленных ЦИК и СНК ТССР, о кровной мести, умыкании, башебашестве (каршылык), порядке истребования калыма и кайтармы [304, ф. 17, оп. 16, д. 5, л. 353—354].

В ноябре 1927 г. вторая сессия ЦИК Туркменской ССР второго созыва подтвердила постановление о калыме, принятое третьей сессией ЦИК республики первого созыва 6 октября 1926 г., и внесла уточнения, направленные на усиление борьбы против калы-

ма. Но все же калым не был ни отменен, ни запрещен, как это было рекомендовано Средазбюро ЦК ВКП(б).

10 февраля 1928 г. Средазбюро рассмотрело новый проект декрета о калыме, представленный ЦК КП(б) и ЦИК Туркменистана, одобрило его и рекомендовало внести следующие коррективы: по пункту 1 проекта признало необходимым установить срок лишения свободы за калым 3 года вместо 5 лет; по пункту 3 — включить статью об освобождении от наказания лиц, вынужденных платить калым [304, ф. 17, оп. 16, д. 6, л. 85].

Таким образом, партийные и советские органы Средней Азии чутко, внимательно и терпеливо обсуждали проекты законов, направленных на раскрепощение женщины-мусульманки, что гарантировало молодые республики от возможных ошибок в решении этой многосложной социальной проблемы.

28 мая 1928 г. третья сессия ЦИК Туркменской ССР второго созыва вновь рассмотрела вопрос «О калыме», отменила постановление третьей сессии ЦИК республики первого созыва, принятое 6 октября 1926 г., и постановила:

«1. Ввести в Уголовный Кодекс статьи о калыме 151-1, 151-2 в следующей редакции:

151-1. Получение калыма (выкуп за невесту) родителями, родственниками, опекунами или свойственниками невесты и уплата калыма женихом, его родителями, родственниками, опекунами или свойственниками жениха, скотом, деньгами или другим имуществом, влечет за собой лишение свободы на срок до трех лет и конфискацию внесенного калыма, а при невозможности конфискации натурой штраф в размере стоимости уплаченного калыма.

Примечание: Конфискация калыма может быть обращена только на имущество родителей или родственников невесты и не обращается на имущество, принадлежащее самой невесте и переданное ей родителями при ее выходе замуж.

151-2. Лицо, вынужденное платить калым и своевременно, но не позднее чем в двухнедельный срок заявившее об этом органам власти, освобождается от применения к нему меры социальной защиты и вправе требовать по суду возвращения той части калыма, которая была уже уплачена.

Примечание: В случае, если на суде будет установлено принуждение женщины к выходу замуж, вследствие уплаты за нее калыма, лицо, добровольно заявившее об уплате им калыма, не освобождается от применения к нему меры социальной защиты по статье 151-1 Уголовного Кодекса и калым ему не возвращается» [303, ф. 5515, оп. 13, д. 11-а, л. 84].

Вторая сессия ЦИК Туркменской ССР второго созыва в ноябре 1927 г. приняла постановление о запрещении обычая «кайтарма», умыкания женщин и кровной мести. Обычай «кайтарма» был запрещен, и виновные в его применении (задержание замужней женщины в родительском доме в целях вымогательства дополнительного калыма) лишались свободы сроком до двух лет.

В постановлении этой сессии «Об умыкании» говорилось, что похищение женщины против ее воли является одним из тяжких пережитков родового быта, что оно сплошь и рядом связано не только с насилием над самой женщиной, но и с открытым нападением на родителей и родственников, сопротивляющихся уводу женщины. Это становится причиной бесконечных тяжб и вражды между отдельными семьями и родами. Ввиду этого, будучи объектом притязаний сторон, похищенная женщина подвергается тяжелым моральным и физическим испытаниям и находится под угрозой непосредственной расправы и т. д. Лица, виновные в похищении девушки или женщины, подвергаются судебной ответственности вплоть до лишения свободы сроком от трех до десяти лет.

1 августа 1928 г. ЦИК и СНК Туркменской ССР приняли постановление «О воспрещении применения „каршылык" — встречный обмен невест». В нем отмечалось, что обычай «каршылык» имеет своим последствием грубое нарушение свободы и достоинства личности, представляет одну из тяжких форм ее угнетения и противоречит всем основам советского законодательства в области брачного права. ЦИК и СНК постановили:

«1. Воспретить со дня опубликования настоящего постановления дальнейшее применение обычая „каршылык".

2. Мерой социальной защиты в отношении родителей или родственников, применяющих обычай „каршылык", а равно в отношении совершеннолетних лиц, вступающих по этому обычаю в брак, вопреки воле другой стороны, — установить лишение свободы без строгой изоляции на срок до 3-х лет.

3. Ввести в Уголовный Кодекс ТССР ст. 151-а дополнение следующего содержания:

Ст. 151-а — Заключение родителями или родственниками соглашения на основании обычая „каршылык" о вступлении в брак детей или иных родственников, а равно вступление совершеннолетних лиц по этому обычаю в брак, вопреки воле другой брачующейся стороны, влечет за собою лишение свободы без строгой изоляции на срок до 3-х лет» [303, ф. 5515, оп. 13, д. 11-а, л. 86].

В тот же день ЦИК и СНК Туркменской ССР приняли еще одно чрезвычайно важное постановление — «О воспрещении „даклма" — обычая передачи овдовевшей женщины в замужество родственникам умершего мужа». Было решено:

«1. Применение указанного выше обычая воспретить.

2. Мерою социальной защиты в отношении лиц, понуждающих на основании этого обычая женщину к выходу замуж, а равно в отношении совершеннолетних лиц, вступающих по этому обычаю в брачное сожительство с женщиной вопреки ее воле — установить лишение свободы без строгой изоляции на срок до 3-х лет.

3. Ввести в Уголовный Кодекс ТССР статью 151-б дополнение нижеследующего содержания:

Ст. 151-б. Понуждение, на основании местного обычая, овдовевшей женщины к выходу замуж за родственников умершего

мужа, а равно вступление по этому обычаю совершеннолетних родственников умершего мужа в брак с овдовевшей женой последнего, вопреки ее воле, влечет за собой лишение свободы без строгой изоляции на срок до 3-х лет» [303, ф. 5515, оп. 13, д. 11а, л. 85; 302, ф. 262, оп. 1, д. 33, л. 59].

16 ноября 1929 г. ЦИК и СНК Туркменской ССР приняли следующее постановление о дополнении Уголовного кодекса Туркменской ССР статьями в защиту прав женщины:

«Дополнить Уголовный кодекс Туркменской ССР ст. 144-1 и 144-2 следующего содержания:

144-1. Преступное посягательство против личности, свободы и достоинства женщины, совершенное в связи с ее раскрепощением или стремлением к раскрепощению, если за него не установлено другими статьями Уголовного кодекса более тяжкой меры социальной защиты, влечет за собой лишение свободы на срок до пяти лет.

144-2. Воспрепятствование женщине принимать активное участие в общественной работе, посещать школы, клубы и другие культурно-просветительные учреждения, совершенное в целях противодействия ее раскрепощению, — влечет за собой лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года» [302, ф. 1, оп. 3, д. 314, л. 407].

Эти законы внимательно изучались и обсуждались на Всесоюзном совещании Комиссии по улучшению труда и быта женщин, состоявшемся 11—17 января 1928 г. в Москве, в порядке обсуждения доклада о проекте дополнений к гл. X Уголовного кодекса РСФСР по преступлениям, составляющим пережитки родового быта. На этом совещании был в основном одобрен проект дополнений и высказан ряд замечаний по проекту.

На основе законов, изданных за годы Советской власти в союзных и автономных национальных республиках, используя их большой опыт, а также после обсуждения этих законов среди широких слоев населения сессия ВЦИК РСФСР XI созыва в 1928 г. приняла закон, который вошел в гл. X Уголовного кодекса Российской Федерации как особое добавление под названием «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта».

Сессия не ограничилась только принятием закона о наказуемости бытовых преступлений, а нашла необходимым усилить культурно-массовую работу в восточных районах, увеличить ассигнования на строительство культурно-бытовых учреждений, раскрепощающих тружениц Востока. Сессия особо указала на то, чтобы карательным мерам предшествовала широкая разъяснительная работа в массах на родном языке.

Новые законы явились реальной мерой государства по фактической эмансипации женщин-мусульманок на огромной территории республик Средней Азии и сыграли выдающуюся роль в революционном преобразовании общества на советском Востоке. Именно эти отмененные, запрещенные и объявленные теперь вне за-

кона реакционные обычаи родового быта способствовали вековому закрепощению и затворничеству женщины-мусульманки.

Но уже тогда активно и настойчиво обсуждавшийся трудящимися и во всех инстанциях партийных и советских органов, вплоть до ЦК ВКП(б) проект закона о чадре все же не был принят. Такой закон не был принят главным образом потому, что основным методом в деле эмансипации женщины-мусульманки был метод убеждения. Но хотя закон этот и не был принят, трудящиеся города и села, передовая часть интеллигенции выступили за снятие паранджи, чапана, пуренджека, борика и яшмака. Все больше и больше мусульманок, а в годы Худжума в массовом порядке, сбрасывали и публично сжигали на кострах ненавистную затворническую одежду. Встревоженные этим прогрессивным движением женских масс враждебные силы в лице байства и реакционной части духовенства, преследовали женщин, снявших паранджу, прибегали к террору. Поэтому все республики Средней Азии приняли упомянутые законы в защиту прав женщин, снявших паранджу.

Но принятие законов, равенство по закону еще не означало равенства в жизни. Проведение в жизнь советских законов требовало времени, кропотливой воспитательной работы среди трудящихся масс, а нередко и карательных мер против злостных нарушителей этих законов.

Именно живучестью и цепкостью тяжких пережитков родового быта объясняется принятие Туркменской ССР, даже в более поздние годы, законов в защиту прав женщины. Например, спустя 6—7 лет со времени принятия уже упомянутых законов ЦИК и СНК республики 16 декабря 1935 г. приняли постановление «Об усилении ответственности за преступления против раскрепощения женщин» и ряд других документов, которыми внесены серьезные коррективы в соответствующие статьи Уголовного кодекса Туркменской ССР, направленные на укрепление равноправия женщины в обществе и семье, охрану материнства и младенчества [302, ф. 1, оп. 3, д. 534, л. 253—288; д. 562, л. 170—174, 357].

Применение карательных мер к тем, кто саботировал и злостно нарушал советские законы республик Средней Азии, усиление требований партийных и советских организаций к блюстителям порядка в эти годы были необходимостью.

В этой связи в эти годы были внесены и некоторые жизненно необходимые коррективы в формы и методы работы среди женщин.

Если до сих пор проведением в жизнь советского законодательства о запрещении многоженства, калыма, выдачи замуж малолетних и др. целиком занимались и контролировали только женотделы, то теперь необходимо было изменить этот метод работы, чтобы предупредить возможность администрирования со стороны женотделов. Теперь этим занимались целиком и полностью государственные органы юстиции, суда, прокуратуры, загсы и милиция,

призванные блюсти советские правопорядки. А женотделы обеспечивали лишь контроль за осуществлением советских законов о женском равноправии на местах.

Такое изменение метода работы соответствовало изменившейся обстановке и давало возможность женотделам заниматься основной задачей политического воспитания трудящихся женщин, разъяснения им их прав.

В нарсудах, загсах, органах юстиции, прокуратуры учреждались штатные должности для женщин местных национальностей. При Народных комиссариатах юстиции республик Средней Азии и Киргизском областном суде были организованы курсы для подготовки судебных работников из их числа. Коллегия защитников выделяла юридическую консультацию для женщин. Устанавливался строгий контроль за деятельностью судебных органов в своевременном разборе женских и бракоразводных дел и т. д.

Кроме того, 9 ноября 1925 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) по опыту республик Закавказья приняло решение об организации Комиссии по улучшению быта трудениц (КУБТ) при ЦИК республик и облисполкомах.

Этим комиссиям передавались функции правовой защиты женщин коренного населения и наблюдения за проведением советского законодательства по женскому вопросу, выделения юридических консультаций, инициативы в возбуждении судебных процессов, выступления в качестве общественных обвинителей и др. [293, с. 7].

Комиссия по улучшению труда и быта женщин Востока была создана при Президиуме ЦИК СССР. Она контролировала выполнение советских законов о женском равноправии во всех национальных союзных и автономных республиках, областях и округах в масштабе всей страны. Организация этой специальной комиссии еще раз наглядно подтвердила последовательную позицию партии и государства в осуществлении фактического раскрепощения женщины советского Востока.

КУБТ ЦИК СССР систематически проверяла состояние работы среди женщин советского Востока на местах, запрашивала доклады и отчеты от ЦИК и исполкомов восточных республик и областей о проведении советского законодательства по бытовым преступлениям, вовлечении женщин в общественное производство, по охране материнства и младенчества, заслушивала доклады с мест на заседаниях комиссии, вносила предложения в Президиум ЦИК СССР, проводила всесоюзные совещания по вопросам осуществления советского законодательства, активно участвовала в подготовке и проведении съездов женщин — членов Советов и т. д. [302, ф. 1, оп. 3, д. 163, л. 88—103; д. 84, л. 14—18; 303, ф. 5515, оп. 13, д. 11-а, л. 43, 44—45, 47, 48—49, 56—58, 77—78, 79—83, 85—87].

31 мая 1929 г. Комиссия Президиума ЦИК СССР по улучшению труда и быта женщин советского Востока заслушала доклад

заместителя председателя ЦИК Узбекской ССР Джахан Абидовой о проведении в жизнь советского законодательства по бытовым преступлениям.

Отметив положительную работу, проводимую в Узбекистане, Комиссия ЦИК СССР указала на серьезные недостатки и признала необходимым придать этой работе плановый и систематический характер и рекомендовала внести ряд дополнений в Уголовный кодекс Узбекской ССР о социальной защите прав женщин, малолетних девочек и т. д. [303, ф. 3316, оп. 21, д. 680, л. 100—101; ф. 5515, оп. 13, л. 33].

Партия и государство строго контролировали выполнение советских законов, требовали от органов юстиции, суда, прокуратуры, милиции, используя весь арсенал возможностей, усилить карательные меры к преступникам и злостным нарушителям законов по бытовым преступлениям, обеспечить строгое соблюдение революционной законности о женском равноправии, усилить воспитательные функции этих учреждений.

Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК компартий республик Средней Азии, местные партийные и советские органы постоянно контролировали проведение в жизнь законов о женском равноправии; органы суда, юстиции, прокуратуры, милиции регулярно информировали их о выполнении этих законов [304, ф. 17, оп. 16, д. 8, л. 219; 303, ф. 3316, оп. 21, д. 899, л. 12—19; д. 680, л. 100—101; ф. 5515, оп. 13, д. 11-а, л. 33, 43—49, 56—58, 77—78, 87; 302, ф. 1, оп. 3, д. 163, л. 88—103; оп. 1, д. 84, л. 14—18; 301, ф. 97, оп. 1, д. 16, л. 16—19; д. 14, л. 30].

Только за первое полугодие 1928 г. (вскоре после принятия законов) в Туркменистане были привлечены к уголовной ответственности и осуждены 106 человек за совершенные ими бытовые преступления по отношению к женщинам [303, ф. 5515, оп. 13, д. 11-а, л. 48—49, 56—58].

Следует, однако, отметить, что в Узбекистане в эти же годы было немало случаев прекращения дел по бытовым преступлениям, что объяснялось засоренностью органов юстиции классово чуждыми элементами. В 1928—1929 гг. только в аппарате Наркомата юстиции республики сменилось 179 работников. За должностные преступления, закрытые дела о многоженстве, уплате калыма 60 человек были привлечены к судебной ответственности. Оздоровление аппарата государственных органов, комплектование его людьми из числа рабочих, работниц, бедняков, беднячек, прошедших определенную подготовку, способствовали усилению борьбы за проведение в жизнь советских законов о женском равноправии [303, ф. 3316, оп. 21, д. 680, л. 100—101].

В докладах Наркомата юстиции и прокурора Киргизской АССР в 1928 г. отмечалось, что с образованием 1 февраля 1926 г. Киргизской АССР (преобразована из Киргизской автономной области) имеется некоторый сдвиг в выполнении советских законов о женском равноправии. Женщины составляли в 1927 г. 15,8% об-

щего числа народных заседателей, а женщины коренных национальностей — 5,5%, в 1928 г. — соответственно 58,9 и 19,2%, а в 1929 г. в главсуде Киргизии женщины составляли 11% (узбечки — 6%), в Джалал-Абадском кантоне — 67% (киргизки — 38,5%, узбечки — 15%) и т. д.

В Узбекистане женщины составляли половину всех народных заседателей [303, ф. 3316, оп. 21, д. 899, л. 14—17; д. 680, л. 100—101; 301, ф. 97, оп. 1, д. 14, л. 30]. Таким образом, женщины-мусульманки сами встали на защиту своих прав, сами становились активными проводниками в жизнь советских законов.

Органы суда и прокуратуры республик Средней Азии принимали активное участие во всех мероприятиях по раскрепощению женщин местных национальностей. Юристы выступали с докладами перед населением, организовывали выездные и показательные заседания народных судов, оказывали огромную помощь местным партийным и советским органам в решении всей проблемы эмансипации женщин-мусульманок края.

Один любопытный факт. В сентябре 1929 г. заключались договоры между работниками юстиции Узбекистана, Туркменистана, а также между Киргизией и Таджикистаном, подписанные наркомами юстиции этих республик. Условия этих любопытных соревнований определялись обязательствами всех работников органов юстиции (следователей, судей, прокуроров, адвокатов) по своевременной проверке действующего законодательства под углом зрения защиты интересов трудящихся женских масс, по вовлечению трудящихся в обсуждение и выработку законодательства в области раскрепощения женщин, по популяризации законодательства и отчетности судебных органов по защите политических, экономических и культурных интересов женщин среди широких трудящихся масс и т. д. Брались и конкретные обязательства.

По условиям соревнования сроки расследования дел о бытовых преступлениях не должны были превышать одного месяца с момента совершения преступления до направления дела в суд.

Сроки рассмотрения женских дел в прокуратуре в порядке надзора предлагалось довести до пяти дней, а для рассмотрения жалоб и заявлений, поступающих от женщин, — 24 часа. Значительное место уделялось поискам новых, наиболее совершенных форм учета и анализа дел по бытовым преступлениям, новых форм общественно-правовой работы по пропаганде бытового законодательства, выдвижению женщин из коренного населения на судебно-следственную работу [301, ф. 97, оп. 1, д. 16, л. 16—19; 298, ф. 10, оп. 7, д. 152, л. 42].

И наконец, равноправие женщин в обществе и семье было закреплено Конституцией (Основным законом) республик Средней Азии, принятой в 1936 г.

Женщине предоставлялось равное с мужчиной право на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование;

обеспечивалась государственная охрана интересов матери и ребенка, государственная помощь многодетным и одиноким матерям; ей предоставлялся отпуск по беременности с сохранением содержания, обеспечивалась широкая сеть родильных домов, детских яслей и садов.

Сопротивление фактическому раскрепощению женщины (выдача замуж малолетних, калым, организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, в сельскохозяйственное и промышленное производство, в государственное управление и общественно-политическую жизнь) каралось законом.

Вся эта многогранная законодательная деятельность молодых республик: принятие законов, проверка их соблюдения, огромные профилактические и воспитательные мероприятия по предупреждению преступности, связанной с родовыми пережитками, — способствовала укреплению позиции партийных, советских и общественных организаций на фронте эмансипации трудящихся женщин-мусульманок на огромной территории республик Средней Азии.

ХУДЖУМ — РЕШИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ

8 марта 1927 г. тысячи женщин-мусульманок вышли на площади старых городов Средней Азии. В Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Фергане, Намангане и других городах они сбрасывали паранджу, чачван, чиммат (узбечки и таджички), пуренджек, борик, яшмак (туркменки), чапан, жигде, арабек (казашки, киргизки, каракалпачки) и сжигали их на кострах, огромное пламя которых, подымаясь ввысь, возвещало Худжум, что в переводе на русский язык означает «наступление»: начался штурм вековечных устоев отсталого, патриархально-родового быта, затворничества, наступала новая эра — эра свободной женщины-мусульманки.

Вести об этих необычайных и выдающихся событиях в жизни мусульманок через континент долетели до Алексея Максимовича Горького, и он немедленно откликнулся на них. 28 марта 1928 г. он писал из Сорренто выдающемуся писателю Франции Ромену Роллану: «Человечество утомилось и потеряло свою власть над жизнью, им же самим созданной... И невольно вспоминаешь об активной роли, которую теперь играет женщина у восточных народов. Это особенно резко бросается в глаза у нас, в России, среди женщин-мусульманок Поволжья, Кавказа, Малой Азии. Дело тут не только в том, что они сбросили паранджу, что они ведут упорную борьбу против многоженства, гаремов, а в их стремлении расширить свои знания, учиться, завоевать духовную независимость от ислама, шариата».

Отсталый старый быт — с продажей женщин в замужество, многоженством, губительной системой малолетних браков — стал цепким препятствием на пути к возрождению народов Средней Азии, мешающим расцвету этих наций. Затворничество продолжало изолировать женщину от общественно-политической жизни, лишало возможности работать за станком, в поле, в учреждениях, учиться и воспитывать детей в духе равноправного отношения полов.

Современное промышленное, сельскохозяйственное производство, электрификация, транспорт, научно-технический прогресс требовали грамотных, физически здоровых и развитых работников и работниц, к тому же одетых в удобную для работы одежду. В условиях социалистической реконструкции народного хозяйства и ускоренного развития производительных сил отсталый быт, за-

творничество женщины-мусульманки вступили в прямое противоречие с национальными и интернациональными интересами среднеазиатских народов. Это понимали уже не только коммунисты и комсомольцы, активисты и активистки, но и простые рабочие, батраки, которые стали требовать от партийных, советских и общественных организаций положить конец затворничеству мусульманки, наносившему урон бюджету трудовой семьи, обучению и воспитанию детей. Да и сами женщины не желали больше оставаться в домашнем заточении в глухих застенках ичкари.

Положительный политический и психологический настрой широких слоев местного населения города, кишлака, аула давал основание положить конец засилью отсталого быта, затворничеству, склоняя чашу весов в пользу перехода к решительным мерам по их преодолению.

К тому же были уже созданы основные предпосылки для решительных действий: в результате всей предшествовавшей деятельности партии и государства в Средней Азии произошли огромные социально-экономические сдвиги. В основном было ликвидировано басмачество, выросли и закалились партийные организации, укрепились Советы, возмужал комсомол, появился рабочий класс из коренного населения, создалась мощная опора в деревне в лице союза «Кошчи», объединявшего трудовое дехканство, в первую очередь бедноту. Была проведена огромная работа по организации женских масс, их просвещению, по правовой защите, вовлечению их в производство, приобщению к общественной деятельности. Выросли политически подготовленные национальные кадры партии и государства, прошедшие школу суровой классовой борьбы. В трудной борьбе за женское равноправие окрепли женотделы партийных комитетов и КУБТ исполкомов Советов; вырос актив из числа женщин узбечек, казашек, киргизок, таджичек, туркменок, каракалпачек и других местных национальностей; накоплен опыт, выработаны в основном формы и методы, апробированные в суровых условиях работы среди женщин-мусульманок.

Итак, переходу к Худжуму предшествовала огромная созидательная работа в области государственного строительства, экономической и общественно-политической жизни народов Средней Азии, были созданы объективные условия для решительного наступления на фронте эмансипации мусульманки.

Худжум начался с крупнейшего события в жизни народов Средней Азии — с национально-государственного размежевания и образования союзных и автономных республик края. Как уже говорилось, первые съезды коммунистических партий и учредительные съезды Советов республик Средней Азии приняли обращение и декларации о раскрепощении женщин, ясно выразили свою твердую решимость бороться до конца за эмансипацию мусульманки. Молодые республики приняли ряд законов и законодательных актов, направленных на раскрепощение женщины. Защита ее прав в обществе и семье полно отразилась в уголовных

и гражданских кодексах этих республик. Укрепилась позиция женщины в результате земельно-водной реформы и достижений в области культуры, просвещения, охраны материнства и младенчества.

Лозунг Худжума был выдвинут III краевым Совещанием работников среди женщин партийных комитетов республик Средней Азии, состоявшимся в сентябре 1926 г. и обсуждавшим назревшие вопросы развития женского движения.

4 ноября 1926 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) направило партийным организациям Узбекистана, Туркменистана, Киргизии и Таджикистана закрытое письмо с изложением происшедших в женском вопросе сдвигов и задач по осуществлению Худжума. Примечательно, что Средазбюро продолжало настойчиво обсуждать вопросы Худжума, не довольствуясь принятием решения и данными по этому поводу указаниями. После того как был выдвинут лозунг Худжума, Средазбюро ЦК и его отделы неоднократно обсуждали вопросы перехода к Худжуму.

Женотдел Средазбюро ЦК ВКП(б) провел ряд мероприятий в поисках лучших форм и методов перехода к активной борьбе за раскрепощение женщины Средней Азии. Созывались различного рода совещания, организовывались дискуссии и т. д. В этом отношении характерен следующий документ: «Извещение: 5 декабря 1926 года в 8 часов вечера в здании Средазбюро (зал заседаний, комн. № 19) отдел работниц и дехканок Средазбюро ЦК ВКП(б) организует обмен мнениями между работниками Средазбюро по вопросу „О переходе к наступлению в работе по раскрепощению женщины Востока". Выдвинуто 17 вопросов о том, как осуществить „наступление "» [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 190—191].

Худжум означал переход на качественно новый этап борьбы, новый решительный курс — на активное наступление по всему фронту борьбы за фактическое раскрепощение женщины-мусульманки. Худжум означал битву за новую женщину, свободную, независимую созидательницу социалистического общества, за новую семью с уважительным отношением к женщине, за нового человека, свободного от вредных, реакционных пережитков крепостничества и религиозного фанатизма, за истинное равноправие полов в обществе и семье. Успех Худжума предрешал победное завершение всей долгой и сложной борьбы за эмансипацию трудящихся женщин-мусульманок советского Востока на базе массового вовлечения их в строительство социализма и создания новой семьи, основанной на взаимной любви и уважении полов.

Это наступление в самых широких масштабах начали коммунистические партии республик Средней Азии. Широко развернувшись к женскому празднику 8 Марта, борьба с затворничеством приобрела массовый характер в 1927—1928 гг. и продолжалась вплоть до полной победы социализма в нашей стране.

В наступление включились огромные силы — коммунисты и комсомольцы, рабочие и передовая интеллигенция, актив союза

«Кошчи», а главное — сами женщины. К этому времени в Средней Азии насчитывалось 40 тыс. членов и кандидатов в члены ВКП(б) (из них 25 тыс. — представителей местных национальностей) и свыше 70 тыс. комсомольцев (54 тыс. местных национальностей). «При организации и опоре на эту многотысячную, наиболее восприимчивую к формам нового быта армию, — подчеркивалось в циркуляре Средазбюро ЦК ВКП(б) по проведению Худжума, — в деле борьбы за раскрепощение женщин создается возможность прорыва всех пережитков и суеверий, которые мешают выполнению очередных задач, стоящих перед партиями Средней Азии» [300, ф. 58, оп. 2, д. 1372, л. 86—87].

По темпам проведения мероприятий Худжума территория Средней Азии была разбита на четыре района:

1) наиболее подготовленные к развертыванию работы по раскрепощению женщин области и округа — Ташкентская и Ферганская в Узбекской ССР, Мервский и Полторацкий в Туркменской ССР, Каракольский и Пишпекский в Киргизской АССР;

2) старые города — Ташкент, Бухара и др.;

3) кочевые районы Туркмении и Киргизии;

4) районы бывшей Бухарской и Хорезмской республик.

Наступление началось в старых городах и наиболее подготовленных областях, округах, районах Узбекистана, Киргизии, Туркменистана, а затем перекинулось на всю огромную территорию Средней Азии.

Были определены основные задачи Худжума:

1. Разработка, проведение в жизнь и популяризация законодательства Советской власти о раскрепощении женщины.

2. Решительное содействие экономическому раскрепощению женщины и вовлечение ее в равноправное хозяйственное и культурное строительство.

3. Борьба за равноправие женщины, за грамотность путем решительного наступления на старый быт и увлечения своим примером широких масс рабочих и дехкан на преодоление затворничества [300, ф. 58, оп. 2, д. 1372, л. 86].

Эти основные задачи Худжума конкретизировались по партийной, комсомольской и профсоюзной линиям.

Итак, были разработаны планы, определены районы действия, коммуникация, стратегия и тактика Худжума; был создан и оперативный штаб для руководства наступлением — в лице партийно-правительственных комиссий края, республик, областей, округов, городов и районов.

На заседании Средазбюро 30 января 1927 г. была создана партийно-правительственная комиссия по проведению Худжума. В нее вошли: заведующая женотделом Средазбюро (председатель), секретари и заведующие отделами Средазбюро ЦК, руководители партии и правительства республик, редактор газеты «Правда Востока» и др. [304, ф. 17, оп. 16, д. 4, л. 12].

В республиках Худжум возглавили специальные партийно-правительственные комиссии при Центральных Комитетах компартий республик Средней Азии. Комиссии были созданы и при областных, окружных и районных партийных комитетах. В комиссии эти послали своих лучших представителей комсомол, профсоюзы, союз «Кошчи», Наркоматы просвещения, юстиции, труда и другие ведомства. Оперативная работа осуществлялась президиумами комиссий — оперативными штабами наступления.

На заседании комиссии по раскрепощению женщин при Средазбюро ЦК ВКП(б) 14 марта 1927 г. была заслушана информация о ходе наступления в национальных республиках. Комиссия отметила, что в Узбекистане сбросили паранджу около 2500 женщин при большом подъеме партийных и беспартийных масс, главным образом учительства и дехкан; в кампании принимали активное участие партийные комитеты; в некоторых партийных комитетах это участие не меньше, чем в проведении земельной реформы. В Туркмении до января были колебания по вопросу о целесообразности особого наступления (здесь было распространено мнение, что наступление уже давно начато и не прекращалось), но в конце концов решение о наступлении было принято [304, ф. 62, оп. 1, д. 1309, л. 17—18].

Все планы, мероприятия, разработанные комиссиями, серьезно обсуждались в Средазбюро ЦК, в Центральных Комитетах компартий республик, выносились на рассмотрение широкого партийного актива.

23 января 1927 г. Средазбюро обсудило вопрос о ходе проведения кампании по осуществлению Худжума и поручило группе ответственных работников в составе И. А. Зеленского, А. Икрамова, Шимко, Б. Сахатмурадова составить обращение ко всем партийным организациям края. 30 января 1927 г. Средазбюро ЦК приняло постановление о созыве краевого совещания заведующих центральными отделами работниц и дехканок по вопросу о подготовке кампании и разработке ближайших директив [304, ф. 17, оп. 16, д. 3, л. 148].

Это IV Среднеазиатское совещание, посвященное Худжуму, состоялось 5 февраля 1927 г. и носило узкий по количеству участников характер. В нем участвовали заведующие женотделами ЦК КП(б) Узбекистана — З. А. Прищепчик, Туркменистана — Е. А. Росс, Киргизского обкома партии — Выболдина. 1 марта 1927 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление **«Об итогах совещания по проведению лозунга „К наступлению!"» [304,** ф. 17, оп. 16, д. 4, л. 10, 34].

Поскольку на местах в претворении в жизнь лозунга Худжума были допущены некоторые ошибки (почти повсеместно он был воспринят как лозунг усиленной борьбы с затворничеством, в некоторых районах допускалось администрирование и т. д.), Средазбюро направило в местные комитеты партии инструктивное письмо о проведении Худжума.

17 февраля 1927 г. на заседании Средазбюро ЦК ВКП(б) был обсужден доклад заведующей женотделом Средазбюро Шимко о результатах поездки в Туркменскую ССР и было решено подготовить директивы о проведении наступления Киргизскому обкому партии. Было утверждено также инструктивное письмо об итогах краевого совещания по осуществлению Худжума. Из-за активной антисоветской деятельности байства и духовенства в Андижанском округе Узбекской ССР была создана некоторая опасность срыва лозунга «В наступление!». Поэтому 16 апреля 1927 г. туда была командирована заместитель заведующего женотделом Средазбюро Прищепчик и для укрепления женотдела Андижанского окружкома партии туда же на работу направлена Королева [304, ф. 17, оп. 16, д. 69, л. 144, 159—161].

Только в апреле 1927 г. Средазбюро рассмотрело вопросы о ходе работы по раскрепощению женщин в Узбекистане, об эксцессах, имевших место в Андижанском округе, о фактах выступления членов комячеек в мечетях и о других ошибках, а также об итогах конференции учащихся девушек краевых и республиканских учебных заведений, о необходимости укрепления женотделов и др. [304, ф. 17, оп. 16, д. 69, л. 139—140].

К этому времени мероприятия по Худжуму финансировались Советами, и в этой связи была тенденция передать туда же фонды женотделов. Поэтому с целью создания новых и расширения имеющихся экономических предпосылок в развертывании работы фактического раскрепощения женщины 27 апреля 1927 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) решило сохранить специальные фонды женотделов для работы среди женщин на 1927/28 г. [304, ф. 17, оп. 16, д. 4, л. 332].

4 апреля 1927 г. на расширенном заседании Средазбюро ЦК ВКП(б) принято развернутое постановление «О работе среди женщин». Средазбюро подтвердило своевременность директив по раскрепощению женщин Средней Азии, по наступлению на старый быт. Вместе с тем Средазбюро указало на основные недостатки в организации наступления на старый быт в республиках Средней Азии: недоставало плановости и систематичности в наступлении на старый быт, недостаточно закреплялись достижения; партийные организации не смогли добиться эффективного повышения активности женских масс.

Средазбюро определило очередные задачи партийных организаций в осуществлении директив по раскрепощению женщин Средней Азии, основную политическую задачу работы среди женщин на ближайший период. Воспитание кадров и формирование нового человека, создание прочной опоры в самих женских массах, атмосферы сочувствия, поддержки, защиты женщин, снявших паранджу, вовлечение их в школы ликбеза, клубы, делегатские собрания, профсоюзы, кооперации, союзы «Кошчи», учреждения здравоохранения, просвещения и культуры, в работу КУБТ, нарзаседательниц, пресечение деятельности враждебных элементов

путем привлечения их к уголовной ответственности и организации показательных судебных процессов, популяризация законов, создание системы махаллинских женорганизаторов, совершенствование формы работы КУБТ среди восточниц [304, ф. 17, оп. 16, д. 4, л. 221—226; ф. 62, оп. 1, д. 1164, л. 75—86].

Постановление Средазбюро оказало неоценимую помощь местным коммунистам в проведении Худжума.

Кроме того, Средазбюро ЦК ВКП(б) систематически командировало ответственных работников аппарата в республики и округа для оказания помощи местным комитетам партии, предупреждения ошибок на этом важном фронте битвы за социализм. Такая проверка проводилась в Ташкентском, Андижанском и Ферганском округах Узбекской ССР, Ошском и Джалал-Абадском округах Киргизской АССР и в других районах республик Средней Азии [304, ф. 17, оп. 16, д. 69, л. 8, 83, 112, 127, 134; д. 42, л. 137; д. 6, л. 310; д. 23, л. 145 и др.].

Многогранными были формы и методы деятельности партии в осуществлении лозунга Худжума. В частности, для проведения его в жизнь привлекались представители трудовой интеллигенции. Весной 1927 г. было проведено расширенное совещание трудовой интеллигенции при Средазбюро ЦК ВКП(б) и при Ташкентском окружкоме партии. 16 апреля 1927 г. была создана Среднеазиатская пропагандистская группа для проведения агитационно-пропагандистской работы по раскрепощению женщин в кишлаках и старых городах и утвержден примерный план работы аульно-кишлачных ячеек по закреплению работы по раскрепощению женщин. Средазбюро направило местным комитетам партии письмо о состоянии и задачах развертывания клубной работы [304, ф. 17, оп. 16, д. 69, л. 144].

С 12 по 15 мая 1927 г. на расширенном заседании коллегии агитпропотдела Средазбюро ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос «О ходе работ по раскрепощению женщин». Наряду с успехами в деле ликвидации затворничества и бесправия женщин были отмечены и серьезные недостатки в работе. На коллегии агитпропа были определены основные задачи по усилению разъяснительной работы среди населения [304, ф. 17, оп. 16, д. 69, л. 121].

Всей многогранной деятельностью партийных и советских организаций на этом ответственнейшем участке борьбы за раскрепощение женщин Востока руководили ЦК ВКП(б) и Советское правительство, придававшие особо важное значение решению этой сложной социальной проблемы в Средней Азии.

Президиум ЦИК Союза ССР и Верховный суд СССР вынесли специальное правительственное решение о необходимости сохранения революционной бдительности по ограждению женщин от реакционных сил. Судебные дела, связанные с преступлениями против женщин-активисток, предлагалось рассматривать в срочном порядке и по всей строгости закона, в необходимых случаях

над виновными устраивать показательные процессы с участием населения.

Как уже было сказано, постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1927 г. определило всю дальнейшую деятельность партийных организаций Средней Азии по наступлению на отсталый, патриархально-родовой быт, явилось программой борьбы за эмансипацию женщин местных национальностей края. Средазбюро, ЦК КП республик, обкомы, окружкомы, горкомы и райкомы партии, первичные ячейки обсудили и приняли меры по его выполнению [304, ф. 17, оп. 16, д. 5, л. 99—100].

Принимая практические меры по выполнению этого постановления, Средазбюро ЦК выступило с конкретными предложениями. 29 октября 1927 г. был рассмотрен состав коллегии женотдела Средазбюро. После отъезда в конце 1926 г. из Средней Азии С. Т. Любимовой женотделом Средазбюро с января 1927 г. заведовала Шимко. Однако ввиду незнания местных языков ей было нелегко возглавить этот сложный участок партийной работы. Поэтому, выполняя постановление Оргбюро ЦК, в состав коллегии женотдела Средазбюро были введены активные поборницы раскрепощения женщин Востока, владевшие основными национальными языками Средней Азии. Коллегия была утверждена из 16 человек. В состав коллегии вошли М. Ф. Муратова (заведующая женотделом), Е. А. Росс (заместитель), А. А. Аксентович, А. Глаголева, а также представители профсоюзных, комсомольских, хозяйственных организаций Средней Азии и местных комитетов партии.

Для оказания практической помощи и проверки выполнения постановления оргбюро ЦК от 5 июля 1927 г. на места, с заездом в районы и кишлаки, командировались работницы женотдела Средазбюро, а также ответственные работники ЦК КП(б) республик Средней Азии. Работницы женотдела Средазбюро ЦК ВКП(б) систематически выезжали на места для оказания помощи в работе [304, ф. 17, оп. 16, д. 5, л. 99—100; д. 63, л. 36; д. 4, л. 44, 405; д. 6, л. 169, 310; д. 69, л. 8, 30, 60—61, 76].

Активную работу по осуществлению Худжума вели КУБТ исполкомов Советов. Для проверки работы КУБТ Ташкентского, Самаркандского и Андижанского окружных исполкомов Узбекской ССР, Ашхабадского и Мервского окружных исполнительных комитетов Туркменской ССР и Джалал-Абадского окружного исполнительного комитета Киргизской АССР были командированы ответственные работники женотделов Средазбюро и ЦК Компартий республик и активистки.

Задачам, формам и методам работы партийных организаций по осуществлению постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1927 г. и важнейших решений Средазбюро ЦК было посвящено V Среднеазиатское совещание работников среди женщин, которое состоялось в конце 1927 г. На совещании присутствовали 75 работников женотделов партийных комитетов и женорганизаторов,

представители комсомольских, профсоюзных и хозяйственных органов. На совещании были обсуждены важнейшие вопросы Худжума.

В работе совещания приняла участие заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б) А. В. Артюхина, выступившая с докладом «Об итогах Всесоюзного съезда работниц и крестьянок — членов Советов». С политическим докладом выступил председатель Средазбюро ЦК ВКП(б) И. А. Зеленский. Заведующая женотделом Средазбюро ЦК М. Ф. Муратова сделала доклад на тему «О состоянии работы и задачах партии в работе среди женщин Средней Азии». Были обсуждены также доклады «О работе среди женщин в кишлаке и в ауле» и «О работе КУБТ». По всем этим вопросам были приняты соответствующие резолюции, направленные на успешное осуществление Худжума [304, ф. 17, оп. 16, д. 5, л. 262; д. 6, л. 44].

В комплексе мероприятий по осуществлению Худжума большое место уделялось вовлечению женщин в Советы.

10—16 октября 1927 г. состоялся Всесоюзный съезд работниц и крестьянок — членов Советов.

На съезд прибыло 1052 женщины, из них 200 делегаток — женщин восточных национальностей. На съезде были обсуждены доклады М. И. Калинина «О международном и внутреннем положении СССР» и А. В. Луначарского «О народном просвещении в СССР», а также А. С. Енукидзе «О работе Советов и участии в них работниц и крестьянок», А. В. Артюхиной «О положении работниц и крестьянок в СССР и 10-й годовщине Октября», К. А. Семашко «О советском здравоохранении», С. Т. Любимовой «О работе среди тружениц Востока». Во время работы съезда было проведено Совещание восточниц — делегаток Всесоюзного съезда работниц и крестьянок.

Всесоюзному съезду предшествовали республиканские съезды работниц и дехканок — членов Советов, которые совпали с периодом активного осуществления Худжума и поэтому имели огромное революционизирующее значение, способствовали успеху Худжума и вошли в число ярких его мероприятий.

На всесоюзном и республиканских съездах женщин — членов Советов было рассказано об отдельных фактах искусственного отстранения женщин — членов Советов от активной государственной работы. Так, в Узбекистане к председателю ЦИК Ю. Ахунбабаеву в 1928 г. пришла пешком из Бухары единственная там женщина — председатель сельсовета со следующей жалобой: «В сельсовете 2 комнаты. В первой сидит секретарь — мужчина; во второй посадили меня. Секретарь в течение дня не пропускает ко мне ни одного человека». Ю. Ахунбабаев дал распоряжение о немедленном увольнении этого секретаря сельсовета, но через два месяца та же узбечка пришла и рассказала, что все осталось по-прежнему, так как в ее райисполкоме председателем оказался дя-

дя секретаря. Пришлось выехать на место для того, чтобы снять последнего.

Но многие женщины, избранные в Совет, уже успешно работали. А. А. Аксентович рассказала о кишлаке в 50 верстах от Ташкента, где председателем сельсовета была избрана и успешно работала узбечка [288, с. 16].

19 июля 1927 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) обсудило и приняло постановление «Итоги перевыборов Советов в 1927 году», в котором отмечалось повышение активности женщин — как важнейший результат перевыборов Советов — и предложило местным советским органам вовлекать женщин в практическое советское строительство [304, ф. 17, оп. 17, д. 5, л. 198].

26 апреля 1928 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) были организованы краевые и республиканские курсы по подготовке женщин — членов Советов для руководящей работы в сельских и районных Советах (имея в виду выдвижение на предстоящих перевыборах Советов). На эти цели ЦИК СССР ассигновал 12 тыс. рублей [304, ф. 17, оп. 16, д. 6, л. 185].

14 мая 1928 г. ЦИК Киргизии, а 19 мая 1928 г. ЦИК Казахстана решили организовать курсы по подготовке женщин — членов Советов. Такие курсы были организованы и в других республиках Средней Азии.

ЦИК Туркменской ССР в декабре 1929 г. принял постановление, где отмечались случаи, когда женщины — председатели аулсоветов без всяких причин снимались с работы. ЦИК республики распорядился: женщин — председателей и заместителей председателей аулсоветов освобождать только с согласия вышестоящих организаций [642, 1.I.1930].

20 февраля 1929 г. Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин направил циркуляр ЦИК Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана и других республик советского Востока об организации бытовых секций при Советах. В циркуляре отмечалось, что организация КУБТ значительно облегчила задачу Советов в области борьбы за раскрепощение женщин Востока. Кроме КУБТ испытанными организационными формами, облегчающими привлечение к работе Советов широких масс трудящихся, являются секции Советов.

Все мероприятия по вовлечению женщин в Советы и повышению их активности дали положительные результаты. В 1929 г. в Советы Киргизии было избрано 1500 женщин, в том числе в сельские Советы — 933, волостные исполкомы — 55, членов ЦИК — 11, членов городских Советов — 154 [298, ф. 10, оп. 5, д. 93, л. 9]. Даже на Памире — «Крыше мира» — в 1928 г. 56 таджичек были избраны членами Советов, 14 — народными заседателями, 73 — в делегатские собрания. В г. Хороге, центре Памира, был организован женский клуб. В нем окончили школу ликбеза первые три ставшие грамотными таджички Памира, в школе для девочек стали учиться 55 таджичек [642, 7.VIII.1928]. Летом 1931 г. были

избраны председателями сельсоветов в Узбекистане 185 узбечек, в Каракалпакии — 24 каракалпачки, в Туркменистане — 18 туркменок. Женщины, избранные членами Советов, активно боролись за улучшение условий труда и быта, охват производством и общественной работой женщин, отказавшихся от затворнической одежды, активно участвовали во всех мероприятиях Худжума.

Так Худжум продолжался новыми силами и более широким фронтом. Он проходил во всех республиках Средней Азии, но в каждой из них наступление это проходило своеобразно, соответственно обстановке и национальным особенностям. В Туркменистане, например, партия повела борьбу за снятие яшмака, борика и пуренджека; в Узбекистане — за снятие паранджи, чачвана; в Казахстане, Киргизии — за снятие чапана, преодоление калыма, многоженства.

Партийные и советские организации неутомимо изучали и совершенствовали разнообразие форм и методов работы по наступлению. Эти вопросы обсуждались и на VI краевом совещании работников среди женщин в сентябре 1928 г.

По итогам работы этого совещания Средазбюро ЦК ВКП(б) 27 ноября 1928 г. рекомендовало ЦК КП(б) республик обсудить вопрос о работе партии по фактическому раскрепощению женщин на предстоящих партийных съездах, областных и окружных конференциях [304, ф. 17, оп. 16, д. 7, л. 68—69, 75].

Худжум означал в первую очередь усиление требований партийных комитетов к партийному, советскому активу, профсоюзным, кошчинским, комсомольским активистам, к коммунистам, комсомольцам, членам профсоюзов, союза «Кошчи». Для коммунистов и комсомольцев он означал переход от преимущественно разъяснительной, воспитательной работы к обязательному практическому выполнению всех директив партии, способствующих раскрепощению. Это явилось одним из главных методов осуществления Худжума.

Партия повела непримиримую борьбу с пережитками старого быта среди коммунистов. Средазбюро ЦК, Центральные Комитеты Компартий республик Средней Азии выступили с обращением ко всем коммунистам и комсомольцам начать решительную борьбу с затворничеством женщин и прочими пережитками феодально-патриархального быта в своей среде, в своих семьях: в первую очередь снять паранджу со своих жен, сестер, дочерей, послать их учиться, приобщить к общественной жизни, приводить своих жен на открытые партийные собрания и т. д. Так Худжум осуществлялся по партийной линии — сперва руководящими работниками, партийным и советским активом.

Практическое осуществление всех резолюций в кишлаках и аулах учитывалось для определения путей дальнейшей борьбы с бесправием, затворничеством и другими пережитками старого быта в дехканских массах, связывалось с практическими вопросами подпятия дехканских хозяйств, их рентабельности, с экономи-

ческой работой по кооперированию женщин-дехканок. При этом опора делалась на дехканскую бедноту, которая была наиболее заинтересована в ликвидации затворничества, калыма, выдачи малолетних девочек замуж, многоженства.

Таким образом, Худжум не был самоцелью: осуществляясь в интересах самих трудящихся местных национальностей, он способствовал поднятию экономики трудовой семьи.

До сих пор вся тяжесть работы среди женщин лежала в основном на женотделах партийных комитетов. Теперь, с развертыванием Худжума, круто менялась вся обстановка, широко раздвигались горизонты эмансипации женщины-мусульманки. В новой ситуации такая работа была не по плечу одним только женотделам. Поэтому из Средазбюро ЦК ВКП(б) по партийной линии последовало местным комитетам партии совершенно ясное указание: Худжум должен осуществляться всеми партийными инстанциями, всеми отделами комитетов партии, а не только женотделами [304, ф. 17, оп. 16, д. 6, л. 340]. В этом положительный пример показывало Средазбюро ЦК ВКП(б), все отделы которого совместно и в отдельности вплотную занимались Худжумом.

Обсуждения во всех партийных инстанциях итогов проверки выполнения директив партии показали, что не только большинство актива, но и подавляющее большинство рядовых коммунистов с одобрением восприняли призыв партии. Коммунисты приводили своих жен и сестер на собрания и на глазах сотен зрителей открывали их лица, отбрасывали прочь паранджу, чачван, чиммат, борик, пуренджек, яшмак, чапан, жигде, арабек. Но все же некоторые коммунисты, и таких было немало, хотя и были готовы выполнить директивы партии, но не выступили застрельщиками их осуществления, ждали, пока подадут пример другие. Они занимали выжидательную позицию, играли на руку отсталым настроениям, ссылаясь на нежелание своих жен снять паранджу. Другие в силу своей отсталости, политической незрелости не поняли поставленной партией задачи или не знали, как подойти к ее выполнению. Были в партии и выходцы из враждебных классов, обманным путем пробравшиеся в партийные ряды. Они скрыто саботировали призыв к наступлению. Это чаще всего были члены националистических организаций, борьбу против старого быта они расценивали как «крушение национальных основ», как поход против «национальной самобытности» народов и т. д.

В результате, по сведениям женотдела Средазбюро ЦК ВКП(б), только из числа членов и кандидатов в члены партии в Узбекистане в 1926 г. было 283 случая многоженства и 1770 случаев продажи девочек за калым. Первые составляли 2,2% и вторые — 21,4% общего числа национального состава КП(б) Узбекистана. В Туркменистане имело место 1668 случаев выплаты калыма, из них 49 — после вступления в партию. Имелись также и значительные факты сопротивления коммунистов раскрепощению своих жен и дочерей [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 166—170].

Выполняя постановления ЦК ВКП(б), Средазбюро и ЦК компартий Узбекистана, Туркменистана, Киргизский обком ВКП(б) усилили требования в первую очередь к коммунистам в проведении в жизнь советских законов о женском равноправии. Только за период с 1 января по 1 октября 1926 г. рассматривались дела 44 членов и кандидатов партии в Узбекистане, из них 15 многоженцев, 7 — за изнасилование, 11 — за избиение жены, 2 — за преследование, одного — за дачу калыма, 6 — за обман девушек в корыстных целях и 2 — за неуплату алиментов. Партия строго осудила этих коммунистов. Были исключены из партии 26 человек, а 15 коммунистам был объявлен выговор.

В ряде низовых парторганизаций слабо проводилась необходимая разъяснительная работа. Необходимость ее была очевидна, ибо многие коммунисты были молодыми по стажу, пришли в партию недавно и не прошли суровой революционной школы. И естественно, за короткое время они не могли освободиться от груза прошлого в своем сознании, во взглядах на жизнь, общественные и семейные взаимоотношения. Кроме того, была слабо поставлена информация партийной массы о существе задач по раскрепощению, что иногда приводило к извращению директив партии. Некоторые ячейки прямо принимали решение — обязать немедленно всех коммунистов снять со своих жен паранджу. Некоторые организации увлекались торжественными формами обсуждения вопросов раскрепощения, не обращая достаточного внимания на осуществление практических мероприятий по экономическому раскрепощению, по мобилизации общественного мнения вокруг Худжума, по привлечению профактива, союзных масс и комсомольского актива к участию в фактическом раскрепощении женщин [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 86—92].

31 января, а затем 14 февраля 1928 г. Средазбюро после обсуждения вопроса приняло развернутое постановление «О проверке выполнения директив по раскрепощению женщин партактивом основных национальностей». Было решено в течение двух месяцев провести проверку выполнения директив партии партийным и комсомольским активом. Эта проверка рассматривалась как звено в постоянной работе партийных органов и органов КП по оздоровлению личного состава партии, большевизации рядов партии. Она проводилась через партийные ячейки комиссиями, избираемыми общим собранием с привлечением широких женских масс. Проверялось не только выполнение коммунистом директив партии в своей семье, но и его общественный вклад в Худжум. Общий контроль и руководство всей проверкой по республикам возлагалось на комиссии в составе председателя ЦК и секретаря ЦК и уполномоченного Средазбюро ЦК ВКП(б). Члены Средазбюро ЦК ВКП(б) утверждались уполномоченными по Узбекистану, Туркменистану и Киргизии [304, ф. 17, оп. 16, д. 6, л. 103—105].

При проверке строго соблюдался принцип индивидуального, чуткого подхода к судьбе каждого коммуниста. Следовало учиты-

вать культурный уровень и занимаемую должность коммуниста, чем выше политическая подготовка и пост проверяемого работника, тем взыскательнее следовало к нему относиться. К злостным нарушителям законов о раскрепощении женщины принимались меры со всей строгостью и суровостью, вплоть до исключения из партии; не допускалось, чтобы противники раскрепощения сваливали вину на женщин и уходили от личной ответственности. Факты затворничества в семье коммунистов, принуждение к браку малолетних, к калыму объявлялись несовместимыми с принадлежностью к партии. На выборах в состав руководящих партийных комитетов не избирались коммунисты, нарушившие законы о женском равноправии.

1 октября 1928 г. на совещании заведующих отделами Средазбюро, а затем 24 октября 1928 г. на заседании Средазбюро вновь рассматривался вопрос и было принято постановление «Об итогах проверки партактивом местных основных национальностей по выполнению директив партии». Отмечались серьезные недостатки, в том числе факты недостаточного привлечения женщин-коммунисток к проверке. В Узбекистане в проверке участвовали лишь 14% коммунисток, из них 4% узбечек, еще меньше женщин-коммунисток участвовало в проверках выполнения директив партии в Туркменистане и Киргизии [304, ф. 17, оп. 16, д. 7, л. 162—164; ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 172; 642, 21.X.1928].

Средазбюро признало необходимым провести проверку и всех комсомольских организаций по выполнению ими директив партии по Худжуму, подтвердило эффективность освещения Худжума в прессе, положительную роль Худжума в большевизации партийных рядов, его колоссальное воспитательное значение.

Средазбюро еще раз подтвердило сложившиеся неблагоприятные условия в Таджикистане, связанные с басмачеством, и поручило отделам Средазбюро разработать специальные мероприятия по раскрепощению женщин-таджичек.

Средазбюро признало также недопустимым перенос жестких требований, предъявляемых к коммунистам, на широкие слои рабочих, дехкан и других беспартийных масс.

Проверка выполнения директив партии явилась одной из эффективных форм работы, способствовавшей успеху Худжума, помогала коммунистам, комсомольцам лучше осмыслить происходящее и быть в авангарде. Показывая личный положительный пример, партия завоевала огромный моральный авторитет среди трудящегося населения республик, в особенности среди тружениц Востока. Укрепились ряды партии, улучшился ее качественный состав. Следует при этом иметь в виду, что большинство партийных ячеек Туркестана были сельскими. Сельские коммунисты были в основном батраками и бедняками, тесно связанными с кишлачно-аульными дехканскими массами. И за короткий срок существования Советской власти и пребывания в рядах Коммунистической партии они, разумеется, не успели еще освободиться полностью

от религиозных и бытовых предрассудков. Да и в значительной части они были тогда неграмотными и малограмотными [245, с. 4]. Поэтому борьба за преодоление предрассудков в отношении к женщине в партийной среде способствовала политическому просвещению самих коммунистов, преодолению вредных пережитков прошлого в их сознании.

Итак, требование ЦК РКП(б) о преодолении затворничества и предрассудков в отношении к женщине в первую очередь в партийной и комсомольской среде было дальновидным и мудрым решением партии. Выполнение его было одной из главных задач (и одновременно замечательным методом) раскрепощения женщин восточных национальностей Средней Азии на данном этапе.

Вся многогранная деятельность партии и государства по Худжуму способствовала преодолению пассивности, повышению активности женских масс путем расширения и укрепления всех форм массовой работы — женских и общих клубов, Домов дехканок, Красных юрт и уголков, делегатских собраний, массовых митингов, собраний, демонстраций, вовлечения все большего числа женщин в общественное производство — в промышленные предприятия, производственные артели и т. п.

Профсоюзы, союзы «Қошчи», рабземлес явились опорой партийных организаций в осуществлении мероприятий Худжума [300, ф. 58, оп. 2, д. 1372, л. 86—87; 304, ф. 17, оп. 16, д. 7, л. 162—164; ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 172 и др.].

В годы революционных преобразований и обновления общества и быта комсомол с присущей ему кипучей энергией выступил боевым помощником партии в осуществлении Худжума, приняв в нем самое горячее участие.

Вся работа партии по наступлению на старый быт проводилась в тесной связи с комсомолом. Представители комсомола были включены в соответствующие комиссии при Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК КП республик, обкомов, окружкомов партии.

В директивах партии предусматривалось проведение больших мероприятий по линии комсомола: широкое разъяснение сущности Худжума, выяснение роли членов ВЛКСМ в борьбе с пережитками старого быта, усиление работы среди девушек основных национальностей, расширение и усиление вовлечения их в производство, Советы, школы, кооперативы, на комсомольскую работу, осуществление проверки комитетами КСМ результатов воспитательной работы среди комсомолок, охват партийным и комсомольским влиянием учащихся всех республиканских, краевых и смешанных женских учебных заведений.

На основе директив партии Средазбюро ЦК ВЛКСМ осуществило ряд организационных мер по наступлению на отсталый феодально-байский, патриархально-родовой быт.

3 февраля 1927 г. Средазбюро ЦК ВЛКСМ создало комсомольскую подкомиссию по осуществлению лозунга Худжума [304, ф. 62, оп. 1, д. 1145, л. 45].

Затем ЦК ЛКСМ Узбекистана и других республик создали комиссии по вопросам участия комсомола в усилении работы партии по раскрепощению женщин [300, ф. 58, оп. 2, д. 1372, л. 49, 58, 61].

Повсеместно по Средней Азии проходили комсомольские собрания, конференции, пленумы и митинги в поддержку Худжума. На директивы партии и комсомола горячо откликнулись учащиеся девушки краевых и республиканских учебных заведений в г. Ташкенте.

Оригинальной формой работы была организация семейных кружков, которыми в основном руководили комсомольцы. Эти семейные кружки организовывались по кварталам старых городов. В г. Самарканде комсомольская ячейка девушек-узбечек в полном составе выехала в кишлак для проведения агитационной работы среди дехканок, где добилась снятия паранджи 1700 женщинами [304, ф. 62, оп. 1, д. 990, л. 52].

Борьба за новый быт рассматривалась и проводилась как важная составная часть всей воспитательной работы комсомола. Выполняя указания партии, Средазбюро ЦК ВЛКСМ, ЦК ЛКСМ республик и местные комитеты проводили проверку выполнения директив партии и собственных решений по осуществлению Худжума.

Худжум широко шагал по Средней Азии. В авангарде его шел Узбекистан. Как уже отмечалось, в республиках создавались партийно-правительственные комиссии по проведению Худжума. В состав комиссии в Узбекистане вошли первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана и другие должностные лица, наделенные широкими полномочиями и правами.

Первое заседание комиссии состоялось 18 декабря 1926 г. Были созданы президиум комиссии, подкомиссии, обсуждались задачи и организация окружных комиссий, сообщения Ташкентской и Ферганской комиссий, первые результаты Худжума. Президиум комиссии состоял из 7 человек (Икрамов, Иванов, Ахунбабаев, Алимов, Ишанходжаев, Шадиева, Прищепчик).

Шесть подкомиссий составлены из ответственных работников в области права, экономики, культуры и т. д.

Комиссия просила ЦИК Узбекской ССР издать специальное постановление об охране женщин, снявших паранджу, чачван, и ускорить издание положения о махаллинских комиссиях под знаком борьбы за раскрепощение женщин. Было решено на очередном заседании представить проект семейно-брачного права. Прокурору поручалось организовать несколько показательных процессов по бытовым вопросам. 16 января 1927 г. проект Кодекса о браке, семье и опеке был представлен на рассмотрение правительственной комиссии [300, ф. 58, оп. 2, д. 245, л. 2—3; д. 1374, л. 9—10].

За ходом развития Худжума в Узбекистане внимательно следило Средазбюро ЦК ВКП(б), так как опыт Узбекистана был

очень важен для других республик. Да и проведение Худжума здесь было несколько труднее, чем в кочевых районах, вследствие особо тяжких форм затворничества женщины в застенках ичкари.

27 апреля 1927 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) обсудило вопрос «О ходе работы по раскрепощению в Узбекистане». Средазбюро указало, что в республике активизировали свою деятельность духовенство и байство, были даже случаи открытых выступлений против мероприятий Худжума и ряд эксцессов со стороны духовенства, что нельзя было расценивать иначе, как последствия ослабления темпа работы партийных организаций по раскрепощению узбечек.

В решении Средазбюро содержались практические рекомендации по мобилизации коммунистов, комсомольцев, профсоюзов, передовых рабочих, членов союза «Кошчи», батраков, беднячек, всего актива на осуществление мероприятий Худжума [304, ф. 17, оп. 16, д. 4, л. 331—332].

26 февраля — 2 марта 1928 г. Пленум ЦК КП Узбекистана обсудил доклад первого секретаря ЦК Икрамова «О раскрепощении женщин». Пленум отметил, что в связи с социалистической реконструкцией народного хозяйства особо остро встал вопрос об усилении раскрепощения женщин.

На Пленуме ЦК КП Узбекистана отмечались проделанная положительная работа и новые формы работы среди женщин, такие, как семейные вечера. Как образцовый, отмечен Кокандский женский клуб, насчитывавший 700 членов. В нем работали музыкальный, хоровой, машинописный кружки, созданы стенгазета, кружок женских корреспонденток и др.

Вместе с тем был дан критический анализ работы по раскрепощению женщин. Сопротивление раскрепощению женщин рассматривалось как проявление классовой борьбы против мероприятий Советской власти. Против раскрепощения женщин велась отчаянная борьба с оружием в руках. Байство, реакционная часть духовенства прибегали к убийствам, изнасилованию, издевательствам и оскорблениям женщин-активисток и тех, кто боролся за раскрепощение женщин, старались привлекать на свою сторону бедноту и настраивать ее против мероприятий Худжума.

Пленум справедливо указывал, что большое политическое мероприятие раскрепощения женщин нельзя сводить только к вопросу снятия паранджи. Говорилось также, что с мест поступают недостоверные данные о снятии женщинами паранджи. Так, из Самарканда сообщили, что сняли паранджу 70 тыс. женщин, а там и всего населения столько не было; в Андижане дали сведения о 30 тыс. вместо 3 тыс. снявших паранджу.

В борьбе за раскрепощение женщин окрепли партийные организации Узбекистана. Худжум явился проверкой стойкости национальных кадров коммунистов и всей партийной организации. Суровой критике подвергалась неустойчивость некоторых коммуни-

стов, подверженных чувству ложного стыда, стремлению завоевать ложный авторитет у отсталой части населения.

Были отмечены случаи, когда руководители Туркшелка саботировали целый ряд постановлений партийно-правительственной комиссии о наборе узбечек на шелкомотальную фабрику, когда совнархоз, наркомпрос, наркомзем и другие организации не выполняли важнейших решений партии и правительства по вопросу раскрепощения женщин.

Выступавшие на Пленуме отметили в своих выступлениях, что, несмотря на то что в Уголовном кодексе предусмотрены ст. 273 и 274 о привлечении к ответственности за калым, до сих пор еще не издан закон, ограждающий снявших паранджу женщин и привлекающий к ответственности тех, кто препятствует снятию паранджи. Выступавшие с тревогой говорили о фактах вытеснения женского труда на таких крупнейших предприятиях, как шелкомотальные фабрики Самарканда, Коканда, Ташкентский текстильный комбинат. На Самаркандской шелкомотальной фабрике число работниц уменьшилось с 200 до 120. Таджихон Шадиева дала отпор тем, кто утверждал, будто женские дехканские хозяйства нерентабельны. Она потребовала не ликвидации женских хозяйств под этим предлогом, а оказания материальной поддержки и помощи дехканкам.

Отмечались недостатки и в работе печати: на страницах отдельных ее органов освещались в основном отрицательные явления (убийства и т. д.), тогда как она призвана мобилизовать трудящихся на борьбу за раскрепощение женщин республики [300, ф. 58, оп. 4, д. 6, л. 68—153].

Уже во время работы Пленума ЦК КП(б) Узбекистана, 1 марта 1928 г., председатель Совнаркома республики Файзулла Ходжаев направил циркуляр всем окружным исполкомам о мероприятиях к Международному дню работниц. Речь шла о закреплении проведенной кампании за снятие паранджи мероприятиями в области повышения культурно-бытового обслуживания женщин из коренного населения.

5 июня 1928 г. Совнарком Узбекской ССР из своего резервного фонда выделил 28 005 рублей на усиление работы по обслуживанию трудящихся женщин [304, ф. 62, оп. 1, д. 1843, л. 17].

30 июня 1929 г. Центральный исполнительный комитет Узбекской ССР предложил окружным исполкомам предусмотреть в бюджете на 1929/30 г. ассигнования на содержание учреждений и мероприятия социально-культурного и бытового порядка, служащих целям раскрепощения трудящихся женщин: на организацию и содержание женских школ ликбеза, специальных женских клубов и культурно-просветительную работу, детских ясель, молочных кухонь, консультаций и других учреждений охраны материнства и младенчества, на субсидирование женских артелей кустарного труда, проведение женских съездов, конференций, подготовку активисток и др. ЦИК республики предложил не ограничивать-

ся только финансированием, но широко развивать работу по раскрепощению женщин.

Итак, колоссальные мероприятия Худжума закреплялись материальными средствами.

В мае 1929 г. на II Всеузбекском съезде Советов был заслушан доклад Ю. Ахунбабаева о фактическом раскрепощении женщин и принято развернутое постановление, предусматривающее дальнейшее развертывание Худжума.

На Пленуме Ферганского обкома партии 6—10 мая 1927 г. были заслушаны доклады секретарей и содоклады заведующих женотделами Новогородского, Маргеланского, Беш-Арыкского, Аравенского, Алты-Арыкского райкомов партии об осуществлении ими директив и мероприятий по фактическому раскрепощению женщины. В этих районах проводились митинги, собрания, демонстрации в дни 8 Марта и 1 Мая, где узбечки демонстративно сбрасывали паранджу и чачван; отмечались положительные результаты семейных кружков, массовая активизация дехканок в кишлаках. В сельских районах тысячи узбечек сбросили с себя паранджу и чачван [642, 10.V.1927; 304, ф. 62, оп. 1, д. 1309, л. 117—134].

16 апреля 1927 г. решение о проведении Худжума принял Хорезмский обком партии. Заслушав доклад о работе женотдела, обком отметил, что достигнуты значительные успехи в развитии сельского хозяйства, ликвидации остатков басмачества, укреплении союза рабочего класса и крестьянства (батрака, бедняка и середняка), укреплении низовых советских, партийных и общественных организаций, в росте активности и организованности дехканских масс населения и, наконец, значительный сдвиг в работе партии среди женщин. Все это создало необходимые условия к переходу к Худжуму.

Обком создал окружную комиссию, рекомендовал аналогичные комиссии создать при районных комитетах партии и предложил комиссии на основании решений Пленума ЦК, первой окружной конференции КП(б) Узбекистана и III Среднеазиатского совещания по работе среди женщин подготовить практический план проведения кампании — в первую очередь среди актива — членов и кандидатов партии, комсомола и массовых общественных организаций. Партийной части Окружного суда и прокуратуры было предложено усилить работу по линии оказания правовой защиты женщин и борьбы с нарушителями советского законодательства [304, ф. 62, оп. 1, д. 1317, л. 24—25].

Второй Пленум Каракалпакского обкома партии, состоявшийся в мае — июне 1928 г., принял резолюцию о начале работы среди женщин и обязал низовые партийные организации приступить к этой работе. Здесь, так же как в Хорезме, в основном было ликвидировано басмачество, активно начались перевыборы делегатских собраний.

Восьмого марта 1929 г. в Турткуле состоялся большой митинг с участием более 1000 женщин, во время которого более 300 женщин сбросили чапан, арабек. Выступавшая на митинге каракалпачка Ченебике сказала: «Чапан, жигде, арабек для нас стоят больших денег, но для нас не ценность дорога, а дорога свобода» (см. [345]).

Сопровождаемый большим подъемом женских масс, проходил Худжум в Бухаре, Ташкенте, Фергане, Коканде, Маргелане, Пскенте, Самарканде и других округах, городах и районах Узбекистана. В первый же год Худжума, в 1927 г., паранджу сняли в Узбекистане 90 тыс. женщин.

Результаты Худжума закреплялись проведением земельно-водной реформы и наделением дехканок землей и инвентарем; улучшением постановки кооперирования; расширением сети культурно-санитарных и культурно-просветительных учреждений; вовлечением женщин в производство; расширением работы по ликвидации неграмотности и т. д.

В проведении Худжума в каждой республике были свои особенности, но суть его оставалась неизменной — активное наступление на отсталый быт, калым, многоженство, на выдачу замуж малолетних девочек, на затворничество и другие формы проявления пережитков родового быта, касающихся женщины.

В Казахстане 1 января 1926 г., в «День отмены калыма», ЦИК принял обращение к женщинам республики.

Приветствуя трудящихся женщин, Казахский центральный исполнительный комитет отмечал, что большинство их еще находится в тяжелом бытовом угнетении. «Борьба с калымом будет успешной только тогда,— говорится в обращении,— когда сама казахская женщина примет в ней живое участие».

Перед исполкомами Советов Казахстана ставились задачи вовлечения женщин в практическую советскую работу, оказания помощи трудящимся женщинам в переходе к активной общественной деятельности. Обращение ЦИК Казахстана обсуждалось на общих собраниях во всех аулах и селах [651, 1.I.1926].

На третьей сессии ЦИК Казахстана в 1928 г. на повестку дня также был поставлен вопрос о раскрепощении женщин. Доклад по этому вопросу сделала член президиума Казахского ЦИК, заведующая женотделом Казахского крайкома Нагима Арыкова.

Худжум в Казахстане начался 8 марта 1927 г. и повсеместно развернулся в 1928 г. С 1 по 7 марта 1928г. во всех школах Акмолинской губернии проводились собрания домохозяек, общие кустовые делегатские собрания. Для детей устраивались детские утренники с раздачей подарков (в Уральской, Акмолинской, Джетысуйской, Сыр-Дарьинской губерниях).

В торжественных собраниях, посвященных Международному женскому дню, в 267 пунктах участвовало 76 тыс. женщин. Кроме этих собраний по пяти губерниям было проведено 12 женских конференций, из которых пять прошло в волостях, семь — в горо-

дах (две — в узбекских районах), с участием не менее 100 делегаток на каждой. Повсеместно после торжественного заседания прошли концерты, спектакли, демонстрировались картины.

В «День отмены калыма и многоженства» (1 января) во всех казахских районах, где имелись делегатские собрания и Красные юрты, велась массовая работа среди женщин, были проведены общие собрания и широкие конференции казашек с участием мужской части населения. На всех собраниях ставились доклады прокуроров и судебных работников о законах, о калыме и многоженстве.

Как часть кампании, проводилось кооперирование женщин, осуществлявшееся за счет фонда кооперирования бедноты и проведением двухнедельника (8—22 марта) по вовлечению женщин в кооперацию. За время кампании 8—22 марта 160 человек из актива женщин-делегатов и членов Совета было принято в партию, а 48 девушек — в комсомол. За время кампании повсеместно проводились показательные процессы по бытовым преступлениям. Только по двум губерниям таких процессов проведено 59 [304, ф. 141, оп. 1, д. 2365, л. 64—68].

Летом 1928 г. в степях Казахстана работало 80 Красных юрт. На сессии ВЦИК в ноябре 1928 г. этот факт был отмечен как значительное достижение в политической и культурной жизни республики [376, с. 369].

Худжум в Казахстане проводился как ударная кампания, борьба же за снятие паранджи и чачвана касалась южных областей республики, где жили узбеки. Поэтому на юге Казахстана в основном применялись формы и методы работы среди женщин, оправдавшие себя в Узбекистане. То же было и в районах Туркменистана (например, в Старо-Чарджуйском и Фарабском), заселенных узбеками [304, ф. 62, оп. 1, д. 1195, л. 24].

29 марта 1927 г. II Всетуркменский съезд Советов принял Обращение ко всем дехканам и дехканкам, рабочим и работницам Туркменской ССР и призвал их оказывать неуклонную помощь и содействие в раскрепощении женщин.

Внимательное, вдумчивое отношение к удовлетворению потребностей трудящихся женщин (ликвидация неграмотности, получение профтехнических знаний, кооперирование, вовлечение в профсоюзы работниц), создание атмосферы общественного содействия и сочувствия тем труженицам, которые, преодолевая сопротивление отсталой среды, смело ломают остатки старого быта,— таковы очередные задачи органов Советской власти как в центре, так и на местах, определенные съездом Советов республики.

В Туркменистане Худжум был направлен на преодоление калыма, многоженства, выдачи замуж малолетних девочек, кайтармы, даклмы, умыкания, понуждения к разводу, на снятие пурендже-ка, борика, яшмака и вовлечение трудящихся туркменок в общественно-политическую жизнь республики, в общественное производство и культурное строительство.

27 июля 1929 г. Средазбюро приняло развернутое постановление по докладу ЦК КП(б) Туркменистана о ходе раскрепощения женщины. Средазбюро указало как на положительные стороны работы партийной организации, так и на серьезные недостатки в ней и на задачи в деле раскрепощения женщин (см. [304, ф. 17, оп. 16, д. 9, л. 77—79; д. 5, л. 199]).

О серьезных недостатках говорилось и в постановлении третьего Всетуркменского съезда Советов «О раскрепощении женщины», принятом 5 мая 1929 г.

8 февраля 1927 г. коллегия отдела работниц и дехканок Средазбюро ЦК ВКП(б) рассмотрела вопрос о работе среди женщин Киргизии по наступлению на старый быт и указала на необходимость проведения широкой разъяснительной работы в партийно-комсомольской среде [304, ф. 62, оп. 1, д. 1316, л. 26, 27, 28]. В марте 1927 г. третья Киргизская областная партийная конференция вынесла решение начать Худжум.

4 мая 1927 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) направило письмо Киргизскому обкому партии, в котором указало на недостаточную работу по раскрепощению женщин в Киргизии. В республике были случаи неправильных толкований директив партии. Эти извращения использовались враждебными элементами и духовенством, провоцировавшими выступления небольших групп населения против ликвидации затворничества. Так, в г. Оше, где проживали в основном узбеки, комиссия по раскрепощению действовала административными мерами. Воспользовавшись этим, местное духовенство спровоцировало выступление части женского населения. Группа женщин явилась в партийный комитет с противоречивыми требованиями: одни требовали снять паранджу поголовно со всех женщин, другие — надеть ее вновь на женщин, а 30 женщин, снявших паранджу, просили разрешения вновь надеть ее. Киргизскому обкому было указано на опасность создавшегося положения.

Киргизки-дехканки принимали активное и непосредственное участие в сельскохозяйственном производстве. Это облегчало борьбу за раскрепощение женщин Киргизии. Но вместе с тем в республике сохранялись родовые и племенные связи, и отсюда вытекали большие затруднения для высвобождения женщины-киргизки из-под влияния байства и манапства. Было и различие в уровне экономических и политических условий отдельных районов. Средазбюро рекомендовало начать активное наступление по раскрепощению женщин в первую очередь в среде партийного и комсомольского актива, постепенно втягивая в активную борьбу за раскрепощение женщин организованные слои города и кишлака [298, ф. 10, оп. 5, д. 59, л. 35—51].

Вслед за этим 16 апреля 1927 г. Средазбюро рассмотрело вопрос о состоянии работы среди женщин в Киргизии по кооперированию и вовлечению их в производство, КУБТ и частично в клубную работу. Объединению «Туркшелк» и другим хозяйствен-

ным ведомствам было поручено оказать помощь Киргизии [304, ф. 17, оп. 16, д. 69, л. 143].

Выполняя эти директивные указания, партийная организация Киргизии значительно усилила работу по раскрепощению женщин республики и по преодолению допущенных в этой области ошибок. 9 августа 1927 г. на секретариате Киргизского обкома партии был заслушан доклад о ходе раскрепощения женщин и была создана комиссия по выработке мероприятий по проведению наступления на старый быт. Коллегия женотдела обкома только за май — август 1927 г. шесть раз обсудила вопросы раскрепощения женщин республики. Проводилась проверка партийного, советского и комсомольского актива (участие жен в общественной работе, ликвидация неграмотности семей). Кроме того, проводилась проверка состояния работы по раскрепощению женщин на местах [298, ф. 10, оп. 5, д. 59, л. 51, 196—197, 220—223; д. 64, л. 1—52].

Худжум в Киргизии начался 8 марта 1927 г. с многолюдных торжественных митингов, собраний, конференций. Такие собрания прошли в Токмаке, Ново-Павловском и других населенных пунктах Ошской волости (см. [304, ф. 62, оп. 1, д. 1307, л. 36, 37; 298, ф. 8, оп. 8, д. 79, л. 45, 47]).

30 марта 1927 г. газета «Советская Киргизия» сообщила:

«Для Оша день 22 марта поистине является историческим днем. Это произошло на общегородском партийном собрании в Старом городе... Простыми рывками рук паранджи сбрасывались и черной массой летели в президиум. Пересчитывать эти темные покрывала не представлялось возможным. Они летели по пять, по десять сразу...

Воодушевленные примером жен коммунистов, и другие ошские узбечки тоже начали сбрасывать с себя паранджи. Особенно в этом отношении дали хороший пример милиционеры, освободившие своих жен от покрывал».

В последующие годы повсеместно по Киргизии отмечали Международный день 8 Марта дальнейшим повышением активности и улучшением быта женщин (см. [298, ф. 10, оп. 6, д. 181, л. 137]).

Но большая работа по наступлению на старый быт носила все же кампанейский характер. Так, в Ошском кантоне Киргизии к 8 марта 1929 г. сняли паранджу около 9 тыс. женщин, но уже на другой день, 9 марта, многие снова надели ее. Об этом столь характерном факте говорилось на V Киргизской областной партийной конференции [298, ф. 10, оп. 5, д. 93, л. 3]. А осенью 1930 г. в г. Оше первых актрис, возвращавшихся из женского клуба, сопровождала вооруженная комсомольская охрана, а некоторых увозили тайным средневековым способом (замаскированными, на арбах и фаэтонах).

О том, насколько сложной и длительной была борьба за раскрепощение женщины, можно судить по следующим фактам из жизни Киргизской республики, характерным и для других рес-

публик Средней Азии. В 1929 г. в Киргизии только в одной Тонской волости было среди коммунистов 24 двоеженца и пять в Джеты-Огузской волости [298, ф. 10, оп. 5, д. 93, л. 3]. Но, преодолевая все эти немалые трудности, Худжум продолжал свое победное шествие по Киргизии.

В Таджикистане мероприятия по наступлению на старый быт активно осуществлялись в 1928—1930 гг. в первую очередь в среде актива, коммунистов и комсомольцев. В соответствии с резолюциями Таджикской партийной конференции и съезда Советов вопрос о Худжуме обсуждался на окружных партийных конференциях. Борьба против затворничества, за снятие паранджи и чиммата занимала важное место в осуществлении Худжума.

День 8 Марта в 1930 г. проводился под лозунгом фактического раскрепощения женщин, активной борьбы против наглой агитации классовых врагов (ишанов, мулл и баев), под лозунгом широкого вовлечения дехканок в шелководческую кооперацию, в школы ликбеза, в колхозы на равных правах с мужчинами, под лозунгом вовлечения лучших активисток в ленинскую партию и комсомол. И несмотря на почти поголовную неграмотность среди женщин, экономическую, политическую и культурно-бытовую отсталость, отсутствие женского актива из представительниц коренного населения (в Гарме, Кулябе и Гиссаре не было заведующих женотделами), кампания Худжума и здесь привела к реальным сдвигам в сторону активизации женщин.

В 1930 г. лозунги Худжума впервые были опубликованы на таджикском и узбекском языках. Кроме того, Худжум широко освещался на страницах республиканских газет. Большие мероприятия по Худжуму проводились в столице Таджикистана Душанбе, в близлежащих к нему кишлаках и сельских районах, а затем они распространялись на другие округа, города, районы и кишлаки республики.

Кампанией 8 Марта 1930 г. были охвачены женщины не только волостных центров и джамагатов, но и кишлаков Ура-Тюбинского округа. Агитационная кампания проводилась с 20 февраля по 5 марта.

В Гиссарском, Кулябском, Курган-Тюбинском округах в годы Худжума 8 Марта отмечалось значительными событиями: финансированием женских мероприятий, улучшением работы женских клубов, постановкой пьес, посвященных женской проблеме, организацией торжественных собраний, митингов, снятием таджичками паранджи и чиммата, организацией женских производственных артелей, учреждением охраны материнства и младенчества. Особенно широкое распространение в Таджикистане получили женские лавки, через которые организовывали вступление таджичек в кооперацию. Например, через женскую лавку в Кулябе 8 марта 1930 г. 92 таджички вступили в кооперацию. Оригинальным явлением в этой республике были также карнавалы женщин с выездом в ближайшие кишлаки, а также премирование на торже-

ственных собраниях матерей, отдававших своих детей в ясли и воспитывавших их в соответствии с рекомендациями женских медицинских консультаций. Передовые работницы, дехканки вступали в партию, комсомол, профсоюзы, союз «Қошчи».

Успехи Худжума вызывали озлобление баев, реакционных ишанов и прочих духовных лиц, которые 22 апреля 1929 г. организовали злодейское нападение басмаческой банды Максума в Хаите и Гарме, где на улицах повесили несколько таджичек, снявших паранджу и чиммат.

Но злодеяния классовых врагов не запугали трудящихся. Через год после этих покушений повсеместно в округе, в том числе в Хаите, женщины торжественно отметили 8 Марта, организовали женские клубы, школы ликбеза, учреждения охраны материнства и младенчества. Красная чайхана пользовалась на Памире огромным успехом. В ней проводились разнообразные мероприятия, демонстрировались фильмы. Кинопередвижки с фильмами на женскую тему направлялись в кишлаки.

В последующие годы в Таджикистане Худжум осуществлялся на фоне бурного роста народного хозяйства, социалистической реконструкции кишлака, на базе коллективизации сельского хозяйства, индустриализации республики и вовлечения трудящихся женщин города и деревни в общенародное строительство.

К 8 марта 1932 г. были приурочены шелководческие конференции, в которых участвовало 7799 женщин и 1800 мужчин. 55 таджичек были приняты в партию, 51 — в комсомол. Было организовано 5 пионерских отрядов, открыты женский клуб, 7 женских красных уголков, 6 уголков охраны детства, проведены 2 карнавала в кишлаках, 4 показательных судебных процесса, организовано 5 детских яслей, комнат и площадок, 12 женских лавок и ларьков, 2 красные чайханы, 5 пошивочных, молочных, птицеводческих артелей, школы ликбеза, проводились конференции девушек, выдвигались таджички на руководящую работу, обследовались условия труда и быта работниц, дехканок и т. д. (см. [111]).

Так в республиках Средней Азии проводились колоссальные мероприятия, применялись уже оправдавшие себя и вырабатывались в соответствии с местными условиями новые формы и методы работы по раскрепощению трудящихся женщин города и деревни. Так проходил Худжум.

Важными формами и методами эмансипации женщины советского Востока были финансирование женских мероприятий, общественная и юридическая защита женщин, сбросивших затворнические одежды, выделение ударных пунктов и даже целых ударных районов по проведению Худжума с соответствующей подготовкой их, организация женских лавок, чайхан и карнавалов в Таджикистане, проведение «дня отмены калыма» в Казахстане, собраний мужчин в Киргизии, махаллинских комиссий и семейных вечеров в Узбекистане, активное выступление печати, кино, со-

вершенствование деятельности Советов, делегатских собраний, женских клубов и организация новых многочисленных курсов по подготовке женских кадров, школ ликбеза, учреждений охраны материнства и младенчества, выдвижение женщин на руководящую партийную, советскую, комсомольскую работу, активное участие в выборах в Советы и т. д.

В годы Худжума возникла и такая замечательная форма работы, как создание Комиссий по улучшению быта тружениц (КУБТ) при ЦИК республик и исполкомах местных Советов.

Исключительно действенным методом осуществления Худжума было усиление требований к активу партийных, советских, комсомольских работников, к коммунистам и комсомольцам.

Важным методом работы явилась и активизация законодательных функций молодых республик Средней Азии, укрепление законов и правопорядка в защиту прав женщин, расставшихся с затворнической одеждой, и контроль за выполнением этих законов. Усиление воспитательной функции государственных органов, разъяснение классового смысла принятых законов, своевременное рассмотрение дел и организация показательных судебных процессов по делам, связанным с раскрепощением женщин, явились действенными мерами, обеспечившими успех большого политического дела эмансипации женщин-мусульманок.

Деловое и торжественное празднование Международного женского дня 8 Марта с первых дней организации работы среди женщин Средней Азии было чрезвычайно важной формой раскрепощения женщин. Оно приобрело особо важное значение в годы Худжума. 8 марта 1927 г. в городах Узбекистана тысячи узбечек вышли на площади и сожгли на кострах свои паранджи и чачваны (см. [642, 10.V.1927; 345]). В этот день всюду в городах, кишлаках, аулах Средней Азии прошли собрания женщин, которые поддержали лозунг Худжума [304, ф. 62, оп. 1, д. 1307, л. 36—37, 40; 298, ф. 8, оп. 8, д. 79, л. 45, 47; 650, 30.III.1927]. И в последующие годы в Киргизии (например, в 1931 г.) в день 8 Марта проводились торжественные собрания, выдвижение женщин на руководящую работу, прием в партию, комсомол, профсоюзы, организовывались детские учреждения, Красные юрты, женские ликбезы и т. д. [298, ф. 10, оп. 6, д. 181, л. 137].

Такие мероприятия осуществлялись и в Туркменистане, а несколько позже, но и более масштабно — в Таджикистане (после ликвидации басмаческих банд Ибрагим-бека). День 8 Марта проводился здесь под лозунгом фактического раскрепощения женщин.

В кампании Худжума использовалось и празднование 1 Мая — для вовлечения широких трудящихся масс города, кишлака и аула в проводимую работу по закреплению итогов фактического раскрепощения и в дело дальнейшей ликвидации затворничества и бесправия женщины. Так, 21 апреля 1927 г. Средазбюро рекомендовало следующие основные первомайские лозунги: «в партии и комсомоле нет места противодействующим раскрепощению жен-

щины», «без активного участия самой женщины замедляется борьба за ее раскрепощение», «в Стране Советов нет места угнетению, рабству и насилию над женщинами», «мужчина, не борющийся за новый быт, препятствует росту своей страны», «мужчина, имеющий малолетнюю жену, калечит женщину и ведет к вырождению своей нации», «кто покупает жену за калым, тот нарушает закон Советской власти» и др. [642, 23.IV.1927].

Основное содержание Худжума заключалось в массовом вовлечении трудящихся женщин в общественное производство, в общественно-политическую и культурную жизнь общества. Главным методом осуществления Худжума был испытанный советский метод убеждения, метод политико-массовой разъяснительной работы, на что были нацелены все директивы и решения партии.

Такое большое дело, как раскрепощение женщин-мусульманок, составляющих половину населения края, было беспрецедентным в истории Востока. Естественно, оно не обошлось без ошибок.

В поисках форм и методов работы по эмансипации женщин-мусульманок были попытки в свое время в Туркменистане (1923 г.), а в период Худжума и в Узбекистане организовать общества борьбы за новый быт или общества содействия раскрепощению женщин, которые в виде опыта создавались в Ташкенте, Самарканде и Коканде. Общества эти оказались нежизненными, и, как уже говорилось, организация их как расплывчатых, обособленных и нежизнедеятельных была осуждена ЦК ВКП(б) [304, ф. 62, оп. 1, д. 1317, л. 73—76; ф. 17, оп. 16, д. 5, л. 138, 180—182].

Вместо терпеливой, планомерной работы в массах путем убеждения и широкого разъяснения кое-где допускались и администрирование, принуждение, наскоки. Так, некоторые партийные ячейки и Советы принимали решение снять паранджу по приказу Советской власти. Посылали и милиционеров отобрать паранджу. А кое-где девушкам запрещали в парандже посещать школу, женский клуб [300, ф. 58, оп. 2, д. 1372, л. 86—92].

Были допущены и другие ошибки. Уходя с митинга и простясь с подругами, женщина оставалась одна на улице. Враждебны были темные узкие переулки. И в семье ее встречали враждебно. На женской половине поднимался страшный переполох. Если даже муж был на стороне жены, сбросившей ярмо, это не всегда избавляло ее от злословия свекрови, матери, жены брата. Открывшиеся женщины подвергались нападкам соседок, близких и дальних родственников, всех посторонних на улице. Открывшаяся женщина в глазах восточного фанатика — «джеляб» (испорченная, погибшая, предавшая веру своих отцов). Поэтому многие, сбросив перед лицом общественности свое покрывало, не смели свободно появляться на улице. Снятие паранджи обрекло многих женщин на безвыходное заточение дома — новое затворничество. Представленная сама себе, окруженная фанатиками, не в силах противостоять этому в одиночку, женщина снова надевала на себя символ затворничества.

Партия, как об этом уже говорилось, поспешила исправить создавшееся положение. Средазбюро ЦК ВКП(б) не раз указывало, что Худжум нельзя сводить только к снятию затворнической одежды. Надо было окружить атмосферой сочувствия и внимания каждую женщину, снявшую паранджу, помочь ей твердо встать на ноги.

В старых городах по кварталам создавались комиссии содействия раскрепощению женщин во главе с женскими организаторами. В их состав входили активистки, делегатки, члены Советов, учительницы, члены клубов, комсомолки. Махаллинские комиссии брали на учет каждую женщину, порвавшую с затворничеством. К группе открывшихся женщин прикреплялись коммунистка, комсомолка, активистка — делегатка или член Совета.

Нуждающимся в заработке женщинам помогали найти работу в производственной артели, на фабрике. Женщины вовлекались в общие делегатские собрания, в школы грамоты, в кружки рукоделия. Их втягивали в общественную работу, вводя в актив местного Совета, в лавочную комиссию потребкооперации. Грамотных направляли на курсы. В кишлаках и аулах усиливалось внимание и помощь женским самостоятельным хозяйствам, организовывались первичные формы кооперирования по обработке молочных продуктов, по шелководству, ковроткачеству, добивались выхода женщин на хлопковые поля. Усилилось выдвижение наиболее активных женщин на руководящую советскую, хозяйственную и профсоюзную работу, вовлечение их в партию.

Женщины, расставшиеся с паранджой, нуждались во внимании, заботе. С этой целью при женских клубах стали организовываться семейные вечера. Приглашались семьи женщин, сбросивших паранджу. Семейные вечера проводились не только в женских клубах, но и в рабочих коллективах, в кварталах городов, в кишлаках. Использовались помещения школ, сельсоветов, детских учреждений, клубов и красных уголков. Вечера проводились под руководством партийных ячеек, женорганизаторов. Непосредственное участие в них принимали комсомольские организации.

Классовые враги в лице байства и реакционной части мусульманского духовенства ревностно следили за малейшими промахами, ошибками и использовали их в своих стремлениях хоть как-то помешать эмансипации женщин-мусульманок, чтобы восстановить свое прежнее влияние на них.

Буквально с первых шагов Советской власти по раскрепощению женщин Востока против всех мероприятий партии и государства выступило мусульманское духовенство.

Духовенство приспосабливалось к меняющейся обстановке в области работы среди женщин. Например, в 1923 г. съезд мусульманского духовенства принял постановление по женскому вопросу. Духовенство, которое много веков проповедовало затворничество, изоляцию женщины от общества, бесправие ее, теперь на своем съезде обсуждало «женский вопрос»! Естественно, не ради

эмансипации мусульманок, а для сохранения прежнего влияния на них, используя фанатичность и неграмотность населения, особенно женщин.

Именно тогда-то, 26 февраля 1924 г., Исполбюро ЦК Бухарской компартии в постановлении, принятом по докладу С. Т. Любимовой «По обследованию работы среди женщин Бухары», поручило агитпропу «в ближайшее время в партийной среде и в профсоюзах провести кампанию разъяснения постановления съезда мусульманского духовенства по женскому вопросу».

Искусным ходом духовенства было и увеличение в Старой Бухаре количества старометодных женских школ. К началу 1925 г. там были организованы 52 таких школы (против двух советских женских школ).

Средазбюро ЦК ВКП(б) в постановлении «О женском образовании в Средней Азии» в марте 1925 г. предупредило органы просвещения от возможных ошибок и предложило не допускать усиления позиций старометодных школ [304, ф. 62, оп. 1, д. 174, л. 94—95].

Как известно, частная собственность на средства производства была ликвидирована с победой Великой Октябрьской социалистической революции. В первые годы Советской власти и в Средней Азии шел процесс дальнейшего притеснения частного капитала социалистическим сектором. Шла ожесточенная классовая борьба в городе и в деревне.

К тому же распадались отдельные старые феодальные семьи, основанные на купле и продаже женщины, на унижениях и оскорблениях ее, на лишении ее всяких прав, на бесчеловечной эксплуатации ее труда, на насилии над нею. После прихода новой власти, впервые за многовековую историю предоставившей женщине равные с мужчиной права в обществе и семье, не могло не пробудиться от вековой спячки сознание восточницы, не могла не взбунтоваться в ней личность. Натерпевшись так много в первую очередь от мужа-деспота, феодала и многоженца, она требовала развода. Распадалась полигамная семья. А многоженцами были баи, духовные лица и другие представители имущих слоев населения. Они и взбунтовались против эмансипации женщин.

Реакционная часть мусульманского духовенства, не стеснявшаяся в средствах антисоветской пропаганды, спекулируя на фанатичности и религиозных чувствах мусульманского населения, провоцировала разводы и в отдельных семьях бедняков. Классовые враги зорко и ревностно следили за процессом эмансипации и не упускали возможности воспользоваться даже малейшими, допускаемыми по неопытности кадров ошибками и отклонениями для своих антисоветских выступлений и клеветы.

Партийные, советские и общественные организации, стоящие на страже интересов трудящихся мусульман, не могли согласиться с разводами как массовым явлением. Поэтому пятое краевое совещание заведующих женотделами обкомов партии, состоявшееся

31 декабря 1923 — 7 января 1924 г., признало необходимым изучить причины наблюдающегося явления распада семьи.

Явление это не могло не беспокоить партийных и государственных деятелей Средней Азии. Например, выступая на совещании работников женотделов в Ашхабаде 24 ноября 1924 г., председатель ЦИК Туркменской ССР Недирбай Айтаков с озабоченностью говорил, что разведенных жен тотчас посылают в город (в Ташкент или даже в Москву) на учебу. Возвращаются же они очень слабо обученными и, что еще хуже, совершенно не пользующимися авторитетом и уважением среди дехкан. Отношение к разведенным в ауле очень плохое: ни один дехканин не допустит, чтобы его жена пошла на собрание, созываемое разведенной. Председатель ЦИК предупреждал: «Нам торопиться не следует, нам надо начать обучение молодежи» [667, 25.XI.1924].

Лишенные излишних земельно-водных наделов (в результате земельно-водной реформы), возможности безнаказанно эксплуатировать простых людей, роли регулятора в семейных, бытовых, имущественных вопросах и ряда других привилегий, баи и духовенство спекулировали религиозными чувствами простых трудящихся мусульман. В своем стремлении сохранить влияние на население они не брезговали ничем. В частности, они сеяли раздоры в семьях верующих: натравливали мужа на жену, посетившую женское собрание, клуб, школу ликбеза, консультацию и т. п., а жену на мужа — за обиды, избиения, оскорбления, истязания. Такая целенаправленная работа немало способствовала увеличению числа разводов в простых семьях жителей городов, кишлаков и аулов. Например, в Старом городе Ташкент в январе 1926 г. из 250 женских дел 92% составляли дела о разводе. В Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР только за первый квартал 1926 г. было возбуждено 242 дела о разводе женщинами и лишь одно — мужчиной [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 177—178; 30, ф. 58, оп. 1, д. 1036, л. 7].

«Развод принимает эпидемический характер,— писал женотдел Хорезмского обкома партии.— Наблюдались повсеместные, даже в самых глухих уголках, стихийные бегства от мужей вторых, третьих жен, бегство девушек, проданных за калым, все это принимает порой самые уродливые формы...» [623, 1526, № 3, с. 43].

Аналогичные явления наблюдались в Таджикистане, Киргизии, Казахстане, где женщины подавали в суд многочисленные просьбы о разводе [303, ф. 3316, оп. 21, д. 899, л. 12—19; 302, ф. 626, оп. 1, д. 19, л. 25].

Затратив на калым большие средства, добытые тяжелым трудом, бедняк, естественно, был недоволен порядком, благодаря которому он терял жену. Кроме того, при своеобразном понятии о чести бедняк, от которого ушла жена, становился посмешищем аула и терял уважение своих сородичей; ему оставалось только мстить родственникам жены или ей самой (судебная практика говорит о многочисленных случаях убийства, связанных с разво-

дом). Но, что самое главное, с уходом жены часто распадалось крестьянское хозяйство, а это влекло за собой массовое недовольство трудящихся дехкан.

В подавляющем большинстве случаев в требованиях жен о разводе отсутствует их собственное желание. Жены уходили от мужей-бедняков под влиянием духовенства, байства или родителей, рассчитывавших вторично выдать дочь замуж и снова получить за нее калым, пользуясь легкостью развода.

Таким образом, закон о свободном разводе часто вступал в противоречие с интересами самой женщины или становился слепым орудием в руках корыстно настроенных лиц, так что «устройство разводов» сделалось для некоторых весьма доходным делом.

В судебном разбирательстве установить, возбуждает ли жена дело о разводе по собственному желанию или под влиянием других лиц, очень трудно, так как под угрозой расправы она говорит неправду или молчит. И суд часто, вынося постановление о разводе, совершал большую ошибку.

ЦК ВКП(б) в решении от 5 июля 1927 г. с глубокой озабоченностью подчеркнул необходимость изучения причин негативных явлений, связанных с распадом старых семейных отношений (разводов, разделов имущества и т. д.).

Перед правительством Туркменистана встала задача — оградить интересы беднейшего дехканства путем специальных мер, регулирующих разводы среди местного населения [302, ф. 1, оп. 3, д. 163, л. 88—103]. Третья сессия ЦИК Туркменской ССР первого созыва 6 октября 1926 г. приняла постановление по докладу о бытовых вопросах, которое содержало пункты о запрещении многоженства, о брачном возрасте, калыме и о разводе среди коренного населения.

В пункте «О разводе среди коренного населения» отмечалось участившееся в последнее время стремление к разводу со стороны женщин коренного населения, главным образом жен бедняков, что при наличии родового быта и укоренившегося среди населения своеобразного понятия о чести в отношении женщины нередко приводит к кровопролитию, подвергает аул жестоким потрясениям.

Ввиду того что требование разводов в иных случаях не имело серьезных оснований и объяснялось отчасти тем, что некоторые туркменки оказывались под влиянием духовенства, а в условиях Туркмении развод сопряжен с немедленным разрушением хозяйства, и учитывая, что задача ограждения интересов беднейшего дехканства в целом требовала применения специальных мер урегулирования вопроса о разводе среди коренного населения, сессия постановила:

1. Ввести в Кодекс законов об актах гражданского состояния к ст. 91 примечание в следующей редакции: «Дела о разводе среди местного коренного населения рассматриваются исключительно в судебном порядке».

2. Ввести в Уголовный кодекс статью следующего содержания: «Понуждение к разводу замужней женщины коренного населения из личных видов со стороны ее родителей, родственников или посторонних лиц влечет за собой лишение свободы до трех лет».

3. Ввести в Кодекс законов об актах гражданского состояния к ст. 87 примечание в следующей редакции:

«При установлении судом наличности понуждения к разводу женщины коренного населения из каких-либо личных видов со стороны родителей, родственников ее и даже посторонних лиц, развод не допускается».

Таким образом, закон о разводе внес в практику развода порядок, соответствующий интересам и женщин и мужчин — дехкан-бедняков. Он не устранил развод как свободное волеизъявление жены и не ограничил его, но установил для развода в качестве основания твердое и искреннее желание мужа или жены развестись без всяких посторонних влияний.

Постановлением третьей сессии ЦИК предусмотрен порядок рассмотрения дел о разводе только в народных судах, а не в административных органах и не в органах загса.

Закон о разводе стоит в тесной связи с законом о калыме, так как при наличии понуждения к разводу мужу, уплатившему калым, предоставляется право обратного его истребования.

Понуждение к разводу замужней женщины коренного населения каралось лишением свободы до трех лет. Об этом говорит ст. 152, дополнившая Уголовный кодекс Туркменской ССР.

Соответствующие изменения в порядке в разводах были внесены в законодательные акты всех республик Средней Азии и Казахстана.

Таким образом, были разгаданы и потерпели крах коварные замыслы врагов раскрепощения женщины, пытавшихся путем интриг разрушать семьи трудящихся, внести в них разброд, неразбериху, вызвать массовое недовольство. Правильно же принятые меры по предупреждению массовых разводов еще раз убедили простых людей, бедняков, батраков и батрачек, рабочих и работниц, что партия и государство твердо стоят на защите их интересов.

Байство и духовенство продолжали, однако, яростно бороться за сохранение и восстановление своего пошатнувшегося положения среди мусульманского населения. Женотдел Средазбюро ЦК ВКП(б) 7 апреля 1926 г. получил достоверную информацию о том, что в марте 1926 г. мусульманским духовенством выпущены и распространены листовки среди населения на арабском и узбекском языках.

Все мусульманское духовенство выступало против раскрепощения женщины Востока, яростно защищало ее затворничество, не брезгуя даже клеветой. В мае — июне 1926 г., например, в мечетях читалось письмо главаря басмачей Ибрагим-бека с клеветой на Красную Армию, якобы отбиравшую жен и детей [300, ф. 58,

оп. 2, д. 996, л. 27]. Антисоветская же деятельность наиболее реакционной части мусульманского духовенства выходила далеко за рамки призывов и распространения листовок. Духовные лица вели активную подрывную работу, травили и провоцировали отсталых и неустойчивых людей из числа низового кишлачного актива [300, ф. 58, оп. 2, д. 996, 1926 г., л. 28].

Духовенство пользовалось отдельными ошибками, фактами администрирования и неопытностью бесстрашных борцов за раскрепощение женщин. Известен случай, когда на основе заявлений духовных лиц в кишлаке Ханабад Андижанской области в 1928 г. были арестованы 11 коммунистов. Не всегда принимались решительные меры к пресечению белого террора против женщин-общественниц. При судебном разбирательстве убийства активисток квалифицировались как бытовые («по семейным обстоятельствам», «из ревности») — словом, старались найти смягчающие обстоятельства для виновных [300, ф. 58, оп. 4, д. 6, л. 87—88].

Духовные судьи (казии) чинили серьезные препятствия осуществлению советских законов о запрещении калыма, многоженства, выдачи замуж малолетних девочек и других институтов родового быта. Поэтому молодые республики Средней Азии запретили государственным органам суда и прокуратуры передавать казиям дела, связанные с раскрепощением женщины, с разводами и т. д. А позже были упразднены судейские функции духовенства и по вопросам гражданского состояния, по имущественным и семейным отношениям и т. д.

Лишившись роли регулятора общественных, семейных, бытовых и имущественных отношений, духовенство не брезговало в выборе средств борьбы против эмансипации женщины-мусульманки.

Духовное управление мусульман в Уфе создало свой «женотдел» для поддержания веры в ислам, падение которой оно отмечало в своих воззваниях. Женщина-казий Мурсали Биби, возглавлявшая «женотдел», обратилась с призывом к ишанам, казиям и муллам уделять больше внимание религиозному воспитанию женщин в целях укрепления устоев семьи и воспитания детей. Рекомендовалось учить их чтению религиозных книг, беседовать с ними о том, как сохранить в лоне религии детей и т. д. Она же выпустила обращение к мусульманкам.

Воззвание «женотдела» бухарское духовенство распространило по Средней Азии. Служители культа Ферганы, Намангана, Бухары, Хорезма и других округов читали его среди населения в мечетях, «святых» местах, на кладбищах, собирая не только верующих мужчин, но и женщин. Они угрожали мужчинам, если те откроют жен, не хоронить их по принятому религиозному обряду, отлучать их от мечети [304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 28—29].

На севере Хивы находилось кладбище святых, куда 14 июля 1927 г. собрались ишаны, муллы и привлеченные ими 200 женщин и 500 мужчин. Духовенство призвало собравшихся выступить про-

тив снятия женщинами паранджи [304, ф. 62, оп. 1, д. 1312, л. 67,73].

В селении Келянчи Кассансайского района Ауллиахан Тилля Ходжаев, сын ишана, ранее ишанством не занимавшийся, после землетрясения 1927 г. начал вербовку мюридов, в большинстве из женщин. Ежедневно он устраивал «худой», куда собирались женщины, и Тилля Ходжаев вел среди них агитацию против снятия паранджи. Под влиянием агитации ишана в обществе Ахсы все открывшиеся 25 женщин снова надели паранджу и чачван [304, ф. 62, оп. 1, д. 1312, л. 80].

10 мая 1927 г. газета «Правда Востока» писала, что выяснились чрезвычайно интересные методы баев и ишанов, стремящихся парализовать кампанию по раскрепощению. Их попытки к сопротивлению приняли самые разнообразные формы. В Старом Самарканде, например, были случаи, когда муллы и ишаны посылали своих жен в ЦИК с жалобами, что их будто бы насильно раскрывают. Одновременно муллы и ишаны распространяли слухи, что Советская власть насильно снимает паранджу со всех женщин.

Перед лицом массового стремления женщин сбросить паранджу попытки баев и ишанов потерпели крах. Наиболее дальновидные ишаны это поняли и потому пустились на другие хитрости. Не имея возможности сопротивляться движению, они в некоторых местностях пытались захватить инициативу в свои руки. Некоторые ишаны сами раскрывали своих жен, пытаясь подчинить своему влиянию открывающихся женщин [642, 1.V.1927].

Комиссия при Средазбюро ЦК ВКП(б) по наступлению на своем заседании 14 марта 1927 г. отметила, что работа по наступлению встречает ряд затруднений, таких, как противодействие стариков, активные выступления мусульманского духовенства, которое иногда старается прикинуться союзником. В Ферганской области духовенство выступило с «Ривойятом» (который оно очень хотело опубликовать, просило на это разрешение), где говорится, что в Коране нет никаких указаний на немедленное закрытие женщин и что работа по раскрепощению женщин не противоречит Корану. В Туркмении духовенство заявило, что школы для девочек открывать можно [304, ф. 62 , оп. 1, д. 1309, л. 17—18].

Эта тактика мусульманского духовенства была рассчитана на недостаточную опытность и подготовленность некоторых местных партийных и советских работников. В некоторых волостях Узбекистана были случаи выступления комячеек в мечети, а духовенства — на митингах и собраниях. 27 апреля 1927 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) осудило эти факты и предупредило о недопустимости подобных явлений.

На расширенном заседании коллегии отдела агитации и пропаганды Средазбюро ЦК ВКП(б) в мае 1927 г. отмечалось, что духовенство, байство и другие враждебные элементы в последний период усилили работу по сохранению своего влияния на массы трудящихся, провоцируя отдельные группы населения на выступ-

ления против директив партии по раскрепощению женщин и борьбе за новый быт.

В 1927 г. население Намангана пострадало от 8-балльного землетрясения. Воспользовавшись стихийным бедствием, духовенство развернуло гнусную антисоветскую пропаганду, утверждая, будто землетрясение вызвано раскрепощением женщин, сбрасыванием ими паранджи, активным участием женщин в советских органах, за что бог покарал население. На другой день на базарной площади собралась несметная толпа женщин, пострадавших от землетрясения, потерявших детей, близких, родных. Крича и плача, они требовали, чтобы женотдел вернул им сброшенные паранджи, каялись и молились Аллаху [300, ф. 58, оп. 3, д. 1518, л. 55].

В 1927 г. в Аулие-Ате Сырдарьинского округа состоялся многолюдный митинг на самой большой площади перед мечетью. После горячих революционных речей стали сбрасывать с себя чачван и паранджу узбечки — жены коммунистов, за которыми последовали другие женщины. Символы своего векового рабства они сжигали на костре. Узбечки пели и танцевали у костра. Злобно и мрачно смотрели на это муллы и ишаны.

Ночью произошло обычное для этих мест небольшое землетрясение, которое не принесло городу никакого ущерба. Но муллы не пропустили этого случая, чтобы распространить слух, будто это кара Аллаха за нечестивость женщин [376, с. 376].

Духовные лица и баи вели активную подрывную работу против женских съездов, конференций, митингов, ухитрялись настраивать некоторых суеверных женщин даже против яслей, детских садов, школ, женских клубов и артелей, а когда это им оказывалось не по плечу, они провоцировали избиение, изнасилование, оскорбления и, наконец, убийства женщин, снимавших паранджу, активисток и активистов, боровшихся за раскрепощение женщин. Лишь с 1926 по 1928 г. они убили в Самаркандской области более 300, а по всей республике — около 2,5 тыс. женщин-активисток — членов сельских, районных Советов, заведующих женскими клубами и библиотеками, участниц художественной самодеятельности. В Шафрикане были убиты уполномоченная по раскрепощению женщин Хадича Гаипова и ее муж, в Каунчи вместе с двумя открывшимися женщинами — секретарь партячейки Газыханов, вставший на их защиту. В Избаскентском районе жертвой фанатиков стала делегатка, депутат Совета Тахта-Биби Балтаева. В Самарканде в Ургутской волости была убита комсомолка Садыкова. А в Таджикистане в 1929 г. были убиты восемнадцатилетняя Зульфия Бабакалонова, член президиума волисполкома, первой в районе снявшая паранджу, и другая таджичка — за то, что не захотела выдать свою малолетнюю дочь замуж за байского отпрыска; и еще две женщины были убиты за предъявление своих прав на раздел имущества. Такие факты имели место и в других районах Таджикистана.

Подобных злодейских убийств было совершено множество. Руки баев и «святых» отцов были обагрены кровью [579, с. 305; 304, ф. 62, оп. 1, д. 353, л. 1—3; 300, ф. 58, оп. 4, д. 6, л. 68—72].

Баи и реакционное духовенство провоцировали на убийство женщин, отказавшихся от паранджи, и активисток их же близких и родных людей.

В Туркменистане женорганизатора Геок-Тепинской волости Аннаджемал Хидыр-кызы была убита на глазах ее детей родным братом, нанесшим ей 34 ножевые раны. В Безмеине активистку Дурсун убил ее муж [304, ф. 62, оп. 2, д. 429, л. 86]. В 1927 г. в Чимкенте была убита мужем активистка женского клуба Алтмышбаева (см. [579, с. 376]), а в Мирзачульском уезде Узбекистана — муж делегатки съезда за то, что поддержал жену-активистку. В Алты-Арыке учительница Сатылганова была убита своим братом.

К убийцам и организаторам убийств женщин, снявших паранджу, активисток и других борцов за эмансипацию женщин Востока заслуженно и справедливо применялась высшая мера наказания. По этим делам проводились показательные многолюдные судебные процессы, приговоры широко освещались в печати, на собраниях трудящихся, что являлось серьезным предупреждением и предостережением злодейских убийств.

В проведении своей карательной политики в защиту прав женщин Советское государство строго разграничивало преступную деятельность байства, реакционной части духовенства и связанных с ними всяких преступных элементов и отщепенцев от действий заблуждающихся верующих мусульман и мусульманок — тружеников, которые в силу своей фанатичности и доверчивости оказались под влиянием классовых врагов.

Отказ основной массы женщин-мусульманок Средней Азии от ношения затворнической одежды враги преподносили как отказ от национальной традиции. А между тем затворническая одежда символизировала вековое рабство женщины, ее покорность и безропотное подчинение сильному полу, сильным мира сего, калечила здоровье, зрение женщины, приводила к преждевременной старости и вырождению поколений. Что же касается женской национальной одежды, то и узбечки, и таджички, и казашки, и киргизки, и каракалпачки, и туркменки по сей день, как и мужчины их стран, продолжают носить эту одежду, равно как хранить другие национальные традиции, а верующие отправляют религиозные обряды. Это не мешает им получать образование, добросовестно трудиться, быть передовиками производства, интернационалистами, счастливо жить в дружной семье народов СССР.

В годы Худжума продолжалась необъявленная война, невероятных масштабов достиг белый террор, державший в напряжении и страхе целые кишлаки, аулы, кочевья, кварталы старых городов. Отовсюду поступали тревожные сигналы. И во всех городах, кишлаках, аулах, кочевьях ширилась и росла волна возмущения

зверствами и подрывными действиями байства и духовенства. Трудящиеся требовали от правительств своих республик усиления карательных мер к врагам Советской власти.

В создавшейся ситуации коммунистические партии и правительства республик Средней Азии выступили в защиту прав женщин и в этих целях приняли ряд законов, усилив наказания, вплоть до применения высшей меры, к тем, кто посягает на права и личность женщины.

На охрану и защиту женщин, снявших паранджу, активисток и активистов были мобилизованы все общественные организации, трудящиеся массы, государственные органы.

19 ноября 1928 г. ЦИК Узбекской ССР принял обращение ко всем трудящимся республики «Об усилении борьбы против врагов раскрепощения женщин».

10 мая 1929 г. III съезд Советов Узбекистана по докладу председателя ЦИК республики Ю. Ахунбабаева принял постановление по раскрепощению женщин. «III Всеузбекский съезд Советов,— записано в нем,— поручает ЦИК Узбекской ССР ни в коей мере не ослаблять карательной политики по отношению к классовым врагам раскрепощения. Борьба вокруг вопросов раскрепощения является одним из важнейших участков классовой борьбы, и всякий террористический акт, направленный против раскрепощающихся женщин и активных работников по раскрепощению, подлежит рассмотрению как контрреволюционное выступление против мероприятий Советской власти» [283, т. VII, с. 196—199].

Аналогичные документы были приняты во всех республиках Средней Азии.

Партийные, советские, государственные и общественные организации республик Средней Азии развернули широкую разъяснительную работу среди трудящихся мужчин и женщин, молодежи. Обращения съездов коммунистических партий, Советов, ЦИК республик Средней Азии читались на многолюдных митингах, собраниях, на которых выступали руководители Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК КП(б) и правительств республик Средней Азии, выдающиеся поборницы женского равноправия. Эти документы широко освещались на страницах газет, по радио. Трудящиеся выражали решимость твердо отстоять права женщин, защитить их от коварных козней врагов.

Рабочие, батраки, беднячки, бедняки, все трудящиеся слои населения горячо откликнулись на призывы коммунистических партий и правительств республик Средней Азии, давали организованный отпор вылазкам байства, главарей басмачества и реакционного духовенства, активно участвовали во всех мероприятиях партии и государства по раскрепощению женщин, поднялись на их защиту от подлых убийц. На призыв партии горячо откликнулась революционная молодежь. Женщин, отказавшихся от ношения затворнической одежды, активисток охраняли вооруженные

комсомольцы. Коммунисты, члены Советов, комсомольцы, профсоюзные и кошчинские активисты брали шефство над женщинами и девушками, снявшими паранджу, помогали партии и государству в раскрытии и предупреждении коварных замыслов классовых врагов.

Да и сами трудящиеся женщины советского Востока (не только активистки) были уже не такими беспомощными, как до недавнего прошлого. Они возмужали, закалились в огне борьбы, особенно в годы Худжума, на горьком опыте убедились в коварстве баев, мулл, ишанов, что сыграло не последнюю роль в преодолении простыми людьми фанатичной веры в Аллаха.

Газета «Правда Востока» 8 марта 1932 г. сообщала, что в Узбекистане в Худасызляре (Союз воинствующих безбожников) состояло в 1925 г. 3500 женщин, а в 1931 г.— уже 27 тыс. В городах по артелям кустпромсоюза развернулась антирелигиозная кружковая работа. В этих кружках занималось до 80% женщин коренных национальностей. По предприятиям Ташкента работало 17 антирелигиозных кружков при женских уголках. При женском клубе Октябрьского района г. Ташкента на антирелигиозных курсах 60 узбечек готовились стать организаторами антирелигиозной пропаганды. Рост безбожных женских масс — яркий показатель освобождения женщин из-под реакционного религиозного влияния.

О повышении политической активности женщин края свидетельствовал рост женской прослойки в рядах Коммунистической партии, комсомола, профсоюзов, союза «Кошчи» и других общественных организаций. Если в 1927 г. (первый год Худжума) в парторганизации Средней Азии было 928 женщин местных национальностей, то в 1932 г. их число составило 11 701 (из них свыше 6 тыс. в Узбекистане). В Туркменистане на 1 января 1933 г. насчитывалось 2254 женщины-коммунистки (против 845 в 1928 г.). В 1926 г. в Таджикистане была всего одна коммунистка, в 1928 г. их было уже 40, в 1929 г.—250, а в конце 1933 г.—1211. В Киргизии в 1927 г. было 348 коммунисток (7,5%), а в 1928 г. — уже 549 (9,2% общего числа коммунистов республики) [303, ф. 3316, оп. 51, д. 8, л. 62; 298, ф. 10, оп. 5, д. 93, л. 8].

Эти женщины составляли авангардную часть работниц, батрачек, беднячек, деятельниц культуры, просвещения. Опираясь на них, партия и государство успешно продолжали наступление на отсталый патриархально-родовой быт, активную борьбу за массовое вовлечение женщин советского Востока в ряды строителей социализма, за воспитание нового человека, свободного от тяжелого груза прошлого.

Коммунистки, комсомолки, члены профсоюзов, члены союза «Кошчи» и других общественных организаций, работавшие на предприятиях, в артелях, на колхозном поле, в женских клубах, юртах, ликбезах, студентки и учащиеся, прошедшие суровую школу классовой борьбы за женское равноправие, выдвигались на руководящую работу в партийных, советских, государственных

органах, хозяйственных, культурных учреждениях, общественных организациях.

Итак, под руководством партийных организаций, при помощи русских сестер женщины узбечки, таджички, туркменки, казашки, киргизки, каракалпачки, закаленные в огне борьбы, сами поднялись на Худжум, в защиту своих прав и заняли достойное место в обществе и в семье, внесли свой весомый вклад в обеспечение успеха Худжума. Теперь они, бывшие невольницы, вызволенные партией и государством из застенков ичкари, выступили на общественную арену борьбы за социализм в новом качестве — как передовые работницы, колхозницы, бойцы культурного фронта.

ШИРОКОЕ ВНЕДРЕНИЕ ЖЕНСКОГО ТРУДА В ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Эмансипация женщины советского Востока гарантировалась надежным обеспечением полного ее равноправия в обществе и семье, заключавшемся, с одной стороны, в проведении в жизнь гуманных советских законов о женском равноправии и, с другой — в массовом вовлечении трудящихся женщин в общественное производство (в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве) и культурное строительство с целью обеспечения ее экономической независимости.

Советские женщины пользуются наравне с мужчинами всеми великими правами и льготами, предоставляемыми Конституцией и другими законами Страны Советов. Женщины и дети в СССР, в том числе и на советском Востоке, поставлены в особо привилегированные условия. В далекие же 20-е годы эти гуманные и благородные советские принципы в Средней Азии утверждались в ожесточенной классовой борьбе. Тогда задача эмансипации трудящихся женщин-мусульманок решалась путем вовлечения их в Советы, в партию и профсоюзы, в комсомол, делегатские собрания, женские клубы, школы ликбеза, производственные артели, учреждения охраны материнства и младенчества, путем активного наступления на отсталый, патриархально-родовой, феодальный быт. Почву для активного массового вовлечения тружениц-мусульманок в социалистическую реконструкцию народного хозяйства, в строительство социализма подготовил Худжум.

Достижения Худжума позволили поставить задачу осуществления экономического равноправия женщин путем массового вовлечения их в промышленное производство. Юридическое равноправие женщин в обществе и в семье должно было быть закреплено экономически. Провозглашение свободы обеспечивалось экономическим раскрепощением. Одним словом, речь шла уже о фактической эмансипации тружениц края.

Необходимым условием полного равенства женщин, разъяснял В. И. Ленин, является, с одной стороны, общественное производство, а с другой — активное участие самих женщин в общем производственном труде. Лишь при осуществлении этих условий женщина займет такое же положение, как и мужчина, и в обществе,

и в семье. В выполнении этой задачи решающими факторами явились социалистическая реконструкция народного хозяйства и массовое вовлечение женщин в строительство социализма.

Исторические XIV, XV, XVI съезды ВКП(б), принявшие твердый курс на индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства, наступление социализма по всему фронту, еще раз подтвердили принципиальную позицию партии по массовому вовлечению трудящихся женщин в строительство социализма, по осуществлению надлежащих мер по охране женского труда, материнства и младенчества.

ЦК ВКП(б) принял ряд важнейших постановлений по женскому вопросу. Это постановление от 1 марта 1926 г. и 15 июня 1929 г. («Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок»); от 31 мая 1926 г. («О работе профсоюзов и отделов работниц парткомов среди работниц»); от 18 июня 1926 г. («О работе среди работниц и дехканок в парторганизациях Средней Азии»); от 7 июля 1926 г. («О перевыборах и работе делегатских собраний работниц и крестьянок»); от 18 июля 1927 г. («О перевыборах делегатских собраний»); от 2 сентября 1927 г. («О работе среди сельскохозяйственных и лесных работниц»); от 1 февраля 1927 г. («О проведении международного женского Коммунистического дня»); от 5 июля 1927 г. («О работе по раскрепощению женщин в Средней Азии»); от 26 сентября 1930 г. («О перевыборах делегатских женских собраний в городе и деревне под углом перестройки их работы „Лицом к производству“») и др. (см. [274, вып. 6, ч. II, с. 58—72]).

«В нынешний период социалистической реконструкции народного хозяйства,— говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г., — привлечение широких трудящихся масс к активному участию в социалистическом строительстве приобретает первостепенное значение» [623, 1929, № 14, с. 43].

1 августа 1928 г. по докладу ЦК ВЛКСМ оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О положении девушек в производстве, в школе и о работе комсомола среди девушек».

ЦК ВКП(б) не ограничился принятием перечисленных важных решений, но контролировал внедрение в производство женского труда. Информационный отдел ЦК ВКП(б) рассылал в местные партийные организации информацию о состоянии женского труда. По результатам анализа «О состоянии женского труда в восточных национальных республиках» за 1927 и 1928 гг. информационный отдел ЦК ВКП(б) сообщал, что в Узбекистане в 1927 г. число работниц составило 1272 (9,2% к общему числу рабочих), а в 1928 г.— 2199 (14,2%); в Туркменистане — соответственно 183 (7,5%) и 251 (9,2%), в Киргизии — 18 (1,2%) и 59 (2,3%) [303, ф. 5515, оп. 13, д. 9, л. 441—442].

Приведенные цифры свидетельствуют, что общий рост числа женщин в производстве в указанные годы происходил чрезвычайно медленно. В некоторых республиках наблюдалось даже

уменьшение работниц. Женский труд в национальных республиках использовался главным образом в промышленности по обработке хлопка, шерсти, шелка, льна и пищевой. Удельный вес женского труда в основных отраслях промышленности восточных республик в общей сложности составлял около 10%. Слабое вовлечение женщин в производство объяснялось, как уже говорилось, отсутствием у них должной квалификации, а также невнимательным отношением хозяйственных, профессиональных и советских организаций к делу вовлечения женщин в производство.

Некоторые крупные отрасли промышлености в Казахстане, Узбекистане не только не вовлекали женщин в производство, но даже старались вытеснить женский труд. Так, в шелкомотальной промышленности Узбекистана, где женский труд наиболее применим, наблюдалось систематическое уменьшение числа работниц. При общем росте рабочей силы на фабриках объединения «Туркшелк» с января 1927 по 1928 г. процент женщин снизился с 88 до 55, а на ферганской фабрике за то же время — с 86,5 до 68,7. При этом снижение шло главным образом за счет женщин местных национальностей. На ошской фабрике директива о наборе женской силы не выполнена: вместо намеченных к принятию 43 мужчин и 43 женщин было принято мужчин 89, а женщин только 13. При открытии Самаркандской шелкомотальной фабрики также выявилась тенденция к ограничению женского труда. Если во время пуска фабрики в августе 1927 г. там работало 52,1% женщин, то на 1 марта 1928 г. их осталось только 47,8%, причем 106 работниц были уволены, сами ушли только 45 [303, ф. 5515, оп. 13, д. 9, л. 443].

ЦК КП(б) Узбекистана и Казахстана направили директивы хозорганам и профсоюзам, требуя от них серьезного внимания к вовлечению женщин в производство, и особенно женщин местных национальностей.

Подготовка женской рабочей силы для предприятий осуществлялась в этих двух республиках главным образом через школы ФЗУ, индустриально-технические школы и бригадное ученичество. А в Туркменистане применялся метод подготовки националок через практическое обучение на фабрике. Так, для прядильно-ткацкой фабрики в г. Ашхабаде работницы-туркменки обучались на подмосковных Реутовской и Егорьевской фабриках. Для обеспечения Ашхабадской шелкомотальной фабрики работницы-туркменки были направлены на обучение на Ферганскую шелкомотальную фабрику. Однако все эти мероприятия не обеспечивали достаточного вовлечения женщин в производство; к тому же число школ ФЗУ в национальных республиках и само по себе было крайне незначительным, а девушек в них обучалось и совсем мало (их удельный вес в школах ФЗУ в 1927 г. составил: в Казахстане — 11,6%, Узбекистане — 5,9, Туркменистане — 8,3%; в Киргизии же совсем не было школ ФЗУ) [303, ф. 5515, оп. 13, д. 9, л. 444—445].

На местах не уделяли необходимого внимания изучению производительности труда женщин, вследствие этого возникали неправильные суждения по данному вопросу. Руководители «Туркшелка», например, утверждали, что одной из причин недостаточного приема женщин на производство является низкая производительность женского труда, хотя первые же обследования женского труда показали, что производительность труда работниц не ниже производительности труда рабочих той же квалификации. В шелкомотальной промышленности Узбекистана производительность труда работницы-узбечки оказалась не ниже производительности труда рабочего той же профессии и с той же нормой выработки, а местами даже выше (на 0,3%). Это подтверждается и данными зарплаты: средняя зарплата шелкомотальщицы за 3 месяца — 50 руб. 56 коп., а мотальщика — 49 руб. 82 коп. Особенно показательны данные о зарплате 3-й смены. Средняя зарплата мотальщика в декабре 1927 г. составляла 39 руб. 33 коп., а мотальщицы — 40 руб. 14 коп.; в феврале 1928 г. мотальщика — 40 руб. 88 коп. и мотальщицы — 40 руб. 88 коп. Кроме того, среди женщин наблюдался гораздо меньший процент прогулов по неуважительным причинам, чем среди мужчин.

На повышение квалификации работниц, находящихся на производстве (особенно местных национальностей), везде обращалось крайне недостаточное внимание. В г. Фергане, например, на курсах по переквалификации обучалось 88 мужчин и 2 женщины. Почти везде работнице самой приходилось постигать сущность своей работы и приобретать квалификацию путем длительной тренировки. Вследствие недостаточной квалификации работниц практически совершенно отсутствовало их передвижение на более квалифицированную работу [303, ф. 5515, оп. 13, д. 9, л. 447].

К тому же во многих республиках (в частности, в Узбекистане и Казахстане) наблюдались систематические нарушения законодательства об охране труда женщин, в особенности на шелкомотальных фабриках.

Имелись и факты нарушения трудового законодательства, а также несоблюдения на производстве санитарной гигиены, культурно-бытового обслуживания работниц и т. д. Работницы недостаточно вовлекались в общественные мероприятия и управление производством, в школы ликбеза; неудовлетворительно велась работа по интернациональному воспитанию работниц [303, ф. 5515, оп. 13, д. 9, л. 441—453].

Итак, основными причинами медленного роста на производстве числа работниц восточных национальностей были: отсутствие производственной квалификации; невнимательное отношение советских, хозяйственных и профсоюзных органов к вовлечению националок в производство; тенденция вытеснения работниц с производства; неудовлетворительное изучение ВСНХ, Госпланом, ЦСУ, НКТ, ВЦСПС и хозорганами состояния женского труда на производстве в национальных республиках; недостаточная подготовка

женских кадров для производства через школы ФЗУ, техникумы, ученичество и т. д.; неудовлетворительная организация охраны женского труда, санитарно-гигиенического режима, условий работы для работницы-матери (в частности, недостаток детских учреждений).

ЦК ВКП(б) и Советское правительство руководили и направляли всю работу по вовлечению трудящихся женщин в общественное производство, обращали внимание партийных и советских организаций национальных республик на основные моменты и недостатки работы по внедрению женского труда в общественное производство. Например, 21 ноября 1929 г. Совет народных комиссаров Союза ССР заслушал вопрос, внесенный Госпланом СССР, о включении в пятилетний план народного хозяйства вопросов женского труда и быта.

СНК СССР заслушивал доклады соответствующих наркомов отраслей промышленности и народного хозяйства, требовал проведения обстоятельного анализа вовлечения женского труда в народное хозяйство, контролировал выполнение важнейших постановлений партии и правительства по этому важному социальному вопросу [303, ф. 5515, оп. 13, д. 12, л. 15—20].

Наряду с широким вовлечением женщин в производство Советское правительство усилило мероприятия по охране женского труда. Был издан ряд законов по охране труда, ассигнованы средства для этой цели и развернута серьезная научно-исследовательская работа по изучению условий женского труда, особенно в новых отраслях промышленности, где женский труд применялся впервые. В осуществлении этих мероприятий, директив партии и правительства по экономической эмансипации трудящихся женщин советского Востока важную роль сыграла Комиссия по улучшению быта и труда женщин (КУБТ) при ЦИК СССР.

Вопросы вовлечения в производство тружениц советского Востока рассматривались в Президиуме ЦИК СССР: 29 августа 1927 г. (об участии женщин Востока в перевыборах Советов), 8 февраля 1928 г. (об итогах Всесоюзного совещания комиссий по улучшению быта женщин Востока) и т. д. 18 июня 1928 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление о создании Комиссии по улучшению труда и быта женщин при Среднеазиатском экономическом совете [303, ф. 5316, оп. 12, д. 309, л. 12].

27 декабря 1932 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление об итогах совещания ведомств по вопросам женского труда.

Третья сессия ЦИК СССР 10 января 1931 г. приняла решение по докладу НКТ СССР о необходимости вовлечь в производство 1600 тыс. женщин с одновременным усилением внимания к их систематической подготовке и переквалификации, подчеркнула исключительную важность разрешения проблемы вовлечения женщин в социалистическое строительство и коренной реконструкции социально-бытовых условий женщин в связи с этой задачей [303, ф. 3316, оп. 51, д. 9, л. 85].

В 1932 г. во время работы третьей сессии ЦИК СССР пятого созыва было проведено совещание женщин — членов ЦИК СССР. На этом совещании был заслушан доклад народного комиссара труда СССР «Об итогах и перспективах женского труда в народном хозяйстве СССР». На совещании отмечались некоторые достижения республик Средней Азии по вовлечению женщин местных национальностей в промышленное производство.

10—13 января 1931 г. прошло совещание членов ЦИК СССР и ВЦИК совместно с представителями КУБТ. В 1933 г. на заседании Оргкомиссии ЦИК СССР рассматривался вопрос о массовой работе Советов среди женщин в республиках Средней Азии и Закавказья [303, ф. 6983, оп. 1, д. 147, л. 6—7; ф. 3316, оп. 50, д. 23, л. 20; оп. 51, д. 8, л. 58—60; д. 9, л. 72—77, 80—85, 139—142, 170—173].

В постановлении от 27 декабря 1932 г. «Об итогах совещания ведомств по вопросам женского труда» Президиум ЦИК СССР обязал Госплан СССР, Наркомат труда СССР установить ежегодно контрольные цифры женского труда не только по отраслям, но и в разрезе национальных республик и областей. Центральной задачей работы ведомств и организаций в этой области определялось закрепление женских кадров в производстве, повышение удельного веса женщин на квалифицированной работе, развертывание подготовки и переподготовки женских кадров, улучшение условий труда женщин, а также их производственной учебы. Одной из важных задач признавалось строительство культурно-бытовых учреждений.

Президиум ЦИК СССР поручил контролирующим органам и ЦИК национальных республик систематически проверять выполнение директив партии и правительства по вопросам вовлечения женщин в социалистическое строительство, сосредоточив на этой работе внимание местных исполкомов Советов и их массовых органов (секций, депутатских групп и всего советского актива) [303, ф. 3316, оп. 51, д. 8, л. 58—60].

Президиум ЦИК СССР сам осуществлял систематический контроль за выполнением Наркоматами, ведомствами и республиками постановлений, принятых им по внедрению женского труда в производство, повышению общественно-политической активности женщин, улучшению культурно-бытового обслуживания работниц, охране материнства и младенчества, улучшению работы детских учреждений. Аналогичные проверки проводились систематически все годы первой пятилетки и в 1934—1935 гг. [303, ф. 3316, оп. 51, д. 9, л. 139—142].

Как было сказано, в 1926 г. при ЦИК СССР была организована Комиссия по улучшению труда и быта женщин культурно отсталых народностей Востока. Всесоюзное совещание Комиссий по улучшению труда и быта женщин Востока, состоявшееся в январе 1928 г., приняло резолюцию с просьбой к Президиуму ЦИК Союза ССР об организации при нем Всесоюзной комиссии по

улучшению труда и быта женщин [303, ф. 3316, оп. 50, д. 23, л 19; ф. 5515, оп. 13, д. 10, л. 49—53].

1 февраля 1928 г., заслушав доклад С. Т. Любимовой «Об итогах Всесоюзного совещания Комиссий по улучшению труда и быта женщин Востока», Президиум ЦИК СССР постановил: «В целях усиления работы по улучшению труда и быта женщин культурно отсталых народностей Союза ССР... и для руководства деятельностью местных комиссий создать при Президиуме ЦИК Союза ССР Всесоюзную комиссию по улучшению труда и быта женщин» (КУБТ) [303, ф. 3316, оп. 50, д. 23, л. 20]. КУБТ ЦИК СССР возглавила видная деятельница женского движения К. А. Ишкова.

В мае 1930 г. КУБТ при Президиуме ЦИК СССР, ЦИК республик и местных исполкомах были преобразованы в Комитеты при президиумах ЦИК СССР и республик и при местных исполкомах по улучшению труда и быта работниц и крестьянок. 23 мая 1930 г. Президиум ЦИК утвердил Положение о Комитете при Президиуме ЦИК СССР по улучшению труда и быта работниц и крестьянок. Аналогичные постановления приняли президиумы ЦИК республик и местные исполкомы в 1930 г. [303, ф. 5515, оп. 13, д. 12, л. 54—56]. КУБТ ЦИК СССР была ликвидирована 17 июня 1932 г. решением Президиума ЦИК СССР как исчерпавшая свои основные задачи [303, ф. 3316, оп. 51, д. 5]. В республиках Средней Азии Комиссии по улучшению быта тружениц при ЦИК республик, исполкомах областных, окружных, городских и районных Советов возникли в 1925 г., а в Казахстане и Киргизии — еще в 1924 г. и существовали до 1934 г. [304, ф. 62, оп. 2, д. 409, ч. II, л. 242; 303, ф. 5515, оп. 13, д. 4, л. 147—150; 301, ф. 21, оп. 9, д. 109, л. 111—112].

ЦИК республик утвердили положение о КУБТ. Все решения этих комиссий утверждались Президиумами ЦИК республик, что делало обязательным их выполнение исполкомами и отраслями народного хозяйства. В состав КУБТ входили представители Президиумов ЦИК, женотделов ЦК, отраслей народного хозяйства, профсоюзных, комсомольских организаций. КУБТ проводили пленарные заседания не реже одного раза в каждые 3 месяца, а для текущей работы были образованы Президиумы в составе члена Президиума ЦИК, ответственного секретаря и представителя женотдела ЦК республик, а в областях, городах, районах — члена Президиума исполкома (председатель), ответственного секретаря и представителя женотдела комитета партии. Функции и задачи КУБТ изменялись в связи с переменами в положении трудящихся женщин на определенных этапах их эмансипации.

25 октября 1930 г. состоялось I краевое Среднеазиатское совещание работников КУБТ с числом участников 35 человек. На совещании были обсуждены вопросы об очередных задачах партии в социалистическом переустройстве быта, об общественном питании, о женском труде в промышленности и сельском хозяй-

стве. Вскоре после этого состоялись республиканские совещания работников КУБТ Узбекистана и других республик [304, ф. 17, оп. 16, д. 42, л. 111, 136—137; д. 7, л. 137].

В январе 1928 г. было проведено Всесоюзное совещание КУБТ женщин Востока, на котором с докладом «Об очередных задачах Комиссий по улучшению труда и быта женщин» выступила А. В. Артюхина. В резолюции, принятой по этому вопросу, были определены очередные задачи КУБТ.

На этом совещании также приняты резолюции о внесении некоторых изменений и дополнений в проект гл. X Уголовного кодекса РСФСР о преступлениях, составляющих пережитки родового быта, в основу которого легли законы, принятые национальными республиками советского Востока, направленные на осуществление женского равноправия (см. раздел «Новые законы») [303, ф. 3316, оп. 50, д. 23, л. 2—6, 19].

В конце 1928 г. состоялось II Всесоюзное совещание ответственных секретарей Комиссий по улучшению труда и быта женщин. В нем участвовал 61 секретарь КУБТ. На совещании были заслушаны доклады с мест, а также представителя Госплана СССР об отражении женского труда в пятилетних планах развития народного хозяйства в национальных республиках (областях) и содоклады по этому вопросу Комиссий по улучшению труда и быта женщин при Закавказском ЦИК, Среднеазиатском ЭКОСО и ВЦИК.

Были заслушаны также доклады Союза сельхозкооперации и колхозцентра об участии женщин в строительстве коллективных форм сельского хозяйства и о положении женского труда в колхозах и крупных зерновых хозяйствах; ЦК Союза сельхозрабочих (о положении труда батрачек в культурно отсталых национальных районах и о работе среди них), Наркомпросов о положении и перспективах женского образования в национальных республиках (областях) в связи с пятилетним планом развития народного хозяйства; Наркомфина СССР о порядке финансирования мероприятий по улучшению труда и быта женщин и о бюджетах комиссий.

Совещание отметило рост женского труда в восточных республиках [303, ф. 5515, оп. 13, д. 10, л. 3—4; см. также 623, 1929, № 1, с. 25]. После совещания были организованы краткосрочные курсы по переподготовке ответственных секретарей комиссий [303, ф. 5515, оп. 13, д. 10, л. 3].

Комиссия по улучшению труда и быта женщин при Президиуме ЦИК Союза ССР только в 1928—1929 гг. рассматривала на своих заседаниях доклады Академии наук и Научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР о работе по изучению быта женщин восточных народностей; Оргкомиссии ЦИК Союза ССР об участии трудящихся женщин культурно отсталых народностей в перевыборах Советов; Всекомпромсоюза о выполнении решений Президиума ЦИК Союза ССР и об итогах Всесоюзного совещания

по ковровому делу в Тифлисе; ЦК Союза сельхозрабочих о положении труда батрачек в культурно отсталых национальных районах и о работе среди них; ЦИК РСФСР, Закавказской СФСР, Узбекской ССР и Туркменской ССР о практике проведения в жизнь законодательства по бытовым преступлениям, о фактическом правовом положении женщин культурно отсталых народностей в национальных республиках (областях).

КУБТ ЦИК СССР заслушала также доклады Наркомпросов РСФСР, УзССР, ТуркССР, АзССР, доклады Главполитпросветов этих же республик о работе женских клубов, красных уголков и передвижных юрт и о ликвидации неграмотности среди женщин, доклад Госплана Союза ССР об отражении женского труда в пятилетних планах развития народного хозяйства в национальных республиках, областях. На обсуждение этого вопроса были приглашены руководители Комиссий по УБТ женщин при ЦИК России, Закавказья и Среднеазиатском экономическом совете, которые информировали об отражении на местах женского труда в пятилетних планах развития народного хозяйства.

Кроме того, КУБТ при ЦИК СССР изучала деятельность бытовых секций при Советах, обследовала медицинские учреждения (в части обслуживания ими женщин культурно отсталых народностей), изучала постановку санитарной пропаганды среди населения (с точки зрения борьбы с вредными обычаями), условия труда в ковровом промысле, шелкоткацком, суконном и других производствах, изучала удельный вес женского труда в сельском хозяйстве культурно отсталых народностей, культурно-бытовую работу с кочевниками, подготовку квалифицированной женской рабочей силы в связи с проработкой вопроса об отражении женского труда в пятилетних планах развития народного хозяйства в национальных республиках и областях, о положении женского труда в колхозах и крупных зерновых хозяйствах, выдвижении на руководящую работу женщин коренного населения в национальных республиках и областях (в советский, кооперативный и профсоюзный аппараты) и многое другое [303, ф. 5515, оп. 13, д. 10, л. 3, 17, 49—53; ф. 3316, оп. 50, д. 23, л. 19, 88—90, 102—104, 128—129; д. 11а, л. 34, 37—38; оп. 51, д. 9, л. 49—55, 139—142, 170—173; оп. 50, д. 19, л. 18—21].

Поистине огромную работу по вовлечению женщин Советского Востока проводил Наркомат труда Союза ССР и его местные органы.

За годы плодотворной борьбы за эмансипацию мусульманок НК Труда СССР были изданы и разосланы в республики свыше 30 постановлений, циркуляров, инструкций о вовлечении женщин в общественное производство, о внедрении женского труда в промышленное и сельскохозяйственное производство, промысловую кооперацию, культурное строительство, об оплате труда женщины наравне с мужчиной, о создании работнице, крестьянке, батрачке, а затем колхознице (и работающим матерям) необходимых усло-

вий труда и быта, культурного досуга, об охране женского труда, запрещении женского труда на особо тяжелых и вредных работах, о предоставлении оплачиваемых отпусков беременным женщинам-работницам (56 дней до и 56 дней после родов и др.) [303, ф. 5515, оп. 13, д. 12, л. 54—56].

Контроль за проведением в жизнь трудового законодательства о женском труде осуществлялся профсоюзными организациями, Комиссиями по улучшению быта и труда работниц и другими общественными организациями.

Кроме того, НКТ СССР направлял многочисленные письма, циркуляры по вопросам привлечения на производство тружениц Востока в республики Средней Азии. Таковы письма НКТ СССР в НКТ Узбекской ССР № 2527 от 7 июля 1925 г., в НКТ Туркменской ССР № 656/Д от 7 мая 1929 г., Наркоматам труда союзных республик (по изучению и улучшению женского труда в производстве, о работе инспекции по женскому труду и др.), направленные в 1928—1930 гг. [303, ф. 5515, оп. 13, д. 3, л. 107—111; д. 1, л. 49—50; д. 15б, л. 2—3, 46, 47—49, 93].

Все эти меры возымели реальные положительные последствия.

В августе 1924 г. при НКТ СССР и его местных органах были созданы комиссии по улучшению и изучению женского труда в производстве, а в июне 1928 г. они были реорганизованы в инспекции по женскому труду. В НКТ СССР была учреждена должность главного инспектора, в НКТ республик — старшего инспектора, в местных исполкомах — инспектора по женскому труду [303, ф. 5515, оп. 13, д. 1, л. 49—50, 57—58; д. 15б, л. 46].

На крупных предприятиях с большим процентом работниц в целях лучшего изучения и обслуживания запросов женского труда в производстве, а также при Комиссиях охраны труда создавались подкомиссии по изучению женского труда.

В состав Комиссии по женскому труду при НКТ СССР входили: заведующая отделом работниц ЦК РКП(б) (председатель Комиссии), ответственный секретарь и представители ВСНХ СССР, ВЦСПС, ЦК РЛКСМ; в НКТ республик и местных органов труда эти комиссии создавались по тому же принципу — из представителей соответствующих организаций [303, ф. 5515, оп. 13, д. 1, л. 57—58].

Комиссии по женскому труду НКТ СССР и его местных органов занимались изучением женского труда в производстве и спросом на него, охраной женского труда, сохранением и вовлечением женщин в производство, повышением квалификации работниц, преодолением женской безработицы, изучением страховой теории и практики в применении к условиям труда и быта женщин-работниц, обследованием состояния женского труда на производстве, на отдельных предприятиях и территориях и др.

Они разрабатывали проекты постановлений об охране женского труда в отраслях народного хозяйства, пятилетний план по женскому труду, директивы союзным республикам о бронирова-

нии определенного количества мест для женщин при заключении договоров между биржами труда и хозорганами и т. д. Свои распоряжения и директивы они проводили через НКТ и его органы. На заседания комиссий приглашались представители отраслей народного хозяйства, профсоюзных органов.

Обращает на себя внимание тот факт, что даже в трудные годы реконструкции народного хозяйства как в Москве, так и на местах для научных обоснований и прогнозов внедрения женского труда в производство привлекались научные учреждения. Комиссия по женскому труду НКТ СССР опиралась в своей деятельности, в том числе и в Средней Азии, на научно обоснованные разработки Института охраны труда [303, ф. 5515, оп. 13, д. 1, л. 57—58; д. 11а, л. 87—88].

В республиках Средней Азии к этой работе привлекались соответствующие периферийные научные учреждения. Там, где не было таких научных учреждений и лабораторий, научная разработка указанных вопросов производилась путем обследований, по результатам которых принимались соответствующие решения.

На необходимость проведения таких обследований указывалось, в частности, в письмах НКТ СССР в НКТ Узбекской ССР от 28 февраля 1929 г. Эти обследования производились Комиссиями по женскому труду на гренажных, хлопкоочистительных, шерстомойных, мукомольных, кожевенных, полиграфических, горных и металлообрабатывающих предприятиях Узбекистана [303, ф. 5515, оп. 13, д. 1, л. 57—58; д. 11а, л. 87—88; д. 15б, л. 48, 64—69, 124, 127—128; д. 4, л. 212—216; д. 9, л. 124—125, 129—137, 165—166, 339—341, 387—389, 406—408, 434—435].

На заседаниях Комиссии по женскому труду НКТ Узбекской ССР в 1925 г. рассматривались вопросы о мерах по трудоустройству безработных женщин, о результатах обследования шелкомотальных фабрик, о перспективах вовлечения женщин в производство в ближайшие 8 лет и др. Ежегодно НКТ Узбекской ССР проводил 6—10 заседаний комиссии. Аналогичную работу проводили Комиссии по изучению женского труда и в других республиках Средней Азии [303, ф. 5515, оп. 13, д. 3, л. 55—58; д. 15б, л. 124; д. 9, л. 128; д. 4, л. 38—44].

Промышленное строительство в огромных масштабах развернулось в Средней Азии в годы первых пятилеток. За предвоенные пятилетки в Узбекистане было построено 515 новых промышленных предприятий. В Туркменской ССР в 1938 г. насчитывалось уже 294, а в Таджикистане за первую и вторую пятилетки было построено 125 промышленных предприятий. Еще бóльших успехов добились Казахстан и Киргизия [286, с. 20]. В этих республиках заново была создана металлургическая, нефтяная и химическая промышленность, построены крупные электростанции, заводы по производству сельскохозяйственных машин, тракторов и автомобилей, цементные заводы, крупные текстильные и пищевые комбинаты и многие другие промышленные предприятия.

Шла великая переделка людей. Вчерашние забитые, темные и отсталые дехкане, кочевники, чарвадары, пастухи и батраки, перековываясь, как тогда говорили, в горниле производства, становились ударниками заводов и фабрик, пролетарским авангардом своего народа.

Женские рабочие руки, освобожденные от пут затворничества, нашли широкое применение на новых заводах и фабриках. Вовлечение женщин в производство оказалось самым верным, самым надежным путем их раскрепощения. Каждая вновь построенная фабрика являлась опорным пунктом высвобождения труженицы из затворничества, из байской кабалы и плена духовного мракобесия. Каждая вновь построенная фабрика была новой крепостью Коммунистической партии и Советской власти в их борьбе за социализм, за экономическую эмансипацию мусульманок края.

Потребовалось много усилий, чтобы подготовить труженицу Востока к производственному труду. Подготовительной школой были, конечно, первые производственные объединения восточниц — кустарные артели шитья, вышивки, ковроткачества и шелководства. В этих артелях они приобретали некоторые производственные навыки, а главное, привыкали к организованному, коллективному труду.

Но артели были лишь началом большого дела. На родине хлопка, в Средней Азии, проектировалось строительство крупных текстильных комбинатов. Нужны были прядильщицы, ткачи, инструкторы. Надо было учить будущих рабочих и работниц из местных национальностей. На помощь пришли русские рабочие и работницы.

Оригинальным методом обучения женщин фабричным специальностям было направление их вместе с семьями на фабрики и заводы Центральной России — в Реутово, Иваново, Тверь, Рязань и другие промышленные города. Однако нелегко было оторвать их от насиженных мест, обучить грамоте и крайне необходимому (так как почти не было еще специалистов из людей местных национальностей) для обучения специальностям русскому языку. От решения этих нелегких задач зависели тогда массовое вовлечение женщин в промышленное производство и (шире) судьба начинающейся текстильной промышленности молодых республик.

Рабочие и работницы Реутовской прядильной и Егорьевской ткацкой фабрик вызвались принять у себя туркменок, а Зарайская фабрика — узбечек, чтобы те могли приобрести производственные квалификации. Московские коммунисты прислали многочисленные плакаты, красочно рассказывающие о Москве, о Реутовской и Егорьевской фабриках. Женотделы понесли эти плакаты в аул, разъясняли дехканкам значение поездки на фабрики, подчеркивая, что это явится решающим шагом в их судьбе. Члены сельских партийных ячеек, председатели аульных Советов пошли в кибитки бедняков и батраков и не спеша, деликатно, за

пиалой зеленого чая вели беседы. Говорили о невозможности создать текстильные и шелкомотальные фабрики без помощи местных женщин.

Большая разъяснительная работа партийных и советских организаций, местного актива дала свои плоды. Бедняки, батраки отозвались на зов партии — согласились поехать на подмосковные фабрики со своими семьями. Мужчины обучались там мужским профессиям (слесарному делу, токарному, электротехническому и другим чрезвычайно нужным для Средней Азии), женщины приобретали специальности ткачих, мотальщиц и т. п. Из Туркмении, например, отправилось в Москву около 100 семей.

Им устроили торжественные проводы. В их честь были организованы торжественные митинги. И как во время митингов, так и в поездке женщин и их семьи охраняла милиция — необходимая в то время мера (см. [488]).

Огромное воспитательное значение имели революционные традиции русского рабочего класса, его трудовой героизм, отзывчивость и верность в дружбе, готовность всегда прийти на помощь. Обучение в центре страны стало для женщин Востока школой не только производственного мастерства, но и богатого революционного и жизненного опыта и интернационализма. Многие из них вступили в России в ряды КПСС, ВЛКСМ, стали членами профсоюза.

Женщины из Средней Азии, обучавшиеся на текстильных фабриках России, стали ядром квалифицированных работниц, пропагандистами интернационализма, внесли большой вклад в укрепление дружбы народов. Получив специальность, они сами стали обучать своих сестер текстильному делу, передовым методам и приемам производства, учить дехканок культуре производства. Узы тесной дружбы и поныне связывают коллективы текстильщиков Средней Азии и России. Стали доброй традицией взаимные поездки друзей друг к другу для обмена опытом, впечатлениями, планами на будущее.

На пути вовлечения женщин в общественное производство партийные, советские, хозяйственные органы и общественные организации преодолевали большие трудности и препятствия, главным из которых было затворничество и неуверенность женщин в своих способностях. Абсолютное большинство женщин к началу первой пятилетки все еще было неграмотным, что также являлось серьезной преградой на пути к обучению производственным навыкам и квалификации. Девочек же, обучавшихся в начальной школе, родители не отпускали в школы фабрично-заводского ученичества, в технические учебные заведения. Надо было преодолеть этот психологический барьер. Вот почему и создавались специальные женские технические учебные заведения, такие, как Ташкентский женский текстильный техникум.

В городах чрезвычайно малочисленным было население местных национальностей, дехканам же не так просто было сняться

с родных мест и переселиться в город, представлявшийся им местом зла и разврата. Немало было случаев, когда семьи соглашались переехать в город, получали благоустроенные по тем временам квартиры и приличную зарплату, к их услугам были школы, детские учреждения, магазины, столовые и пр., но через некоторое время все же возвращались в свой аул, в свою юрту. Так что трудностей на пути создания местного пролетариата было в Средней Азии великое множество, и на все требовались время, разумный подход, терпеливое разъяснение и т. д.

Кроме названных объективных трудностей было немало и субъективных, искусственно возводившихся байством, реакционной частью духовенства, их сынками и холуями. В этом отношении показательны уже упоминавшиеся факты уклонений от внедрения женского труда в шелкомотальную промышленность руководителями Среднеазиатского объединения «Туркшелк» под предлогом невыгодности женского труда. А между тем именно шелкомотальные фабрики были предприятиями, больше всего использовавшими женский труд. Дело это не было новым для восточницы — каждая в домашних условиях умела получать шелк из коконов и на фабрике довольно быстро осваивала необходимые производственные навыки.

Партийные и советские органы поручали специалистам проводить опыты, изучать, обследовать интенсивность женского и мужского труда, принимались самые решительные меры по вовлечению женщин восточных национальностей в общественное производство и по созданию для них необходимых условий труда и быта (см. [303, ф. 5515, оп. 13, д. 9, л. 165—166, 387—389, 406—407]).

Итоги проверки и обследования Самаркандской и Ферганской шелкомотальных фабрик, обсужденные на заседаниях Исполнительной комиссии Средазбюро ЦК ВКП(б), Средазбюро ВЦСПС и на коллегии Наркомата труда Узбекской ССР в 1929 г., показали, что нормы выработки женского труда не только равняются мужскому, но и превышают его, что окончательно положило конец всяким сомнениям относительно выгодности и эффективности применения женского труда в шелкомотальной промышленности. Были приняты конкретные меры, направленные на коренное улучшение условий труда и быта работниц, на закрепление женского труда и повышение его удельного веса, на повышение квалификации работниц, и ряд организационных мер в отношении лиц, виновных в допущенных серьезных нарушениях [303, ф. 5515, оп. 13, д. 9, л. 434—435; д. 15б, л. 124—125, 128—129].

Средазбюро ЦК ВКП(б) специально обсудило вопрос о положении женского труда на шелкомотальных предприятиях, в решении по этому вопросу решительно осудило линию «Туркшелка» на оттеснение женского труда в шелкомотальной промышленности и наметило ряд мероприятий по закреплению женского

труда и устранению ряда существенных упущений в работе предприятий, а также поручило ЦК КП(б) республик проверить и обсудить состояние женского труда на шелкомотальных фабриках, поставить этот вопрос на собраниях ячеек, обсудить с женским активом шелкомотальных фабрик, провести на этих предприятиях специальные совещания при отделах работниц.

Для практической помощи предприятиям в деле закрепления женского труда и постановки массовой работы наряду с прикреплением профработников к ячейкам прикреплялись на длительный срок руководящие работники среди женщин — для осуществления каждодневной практической помощи ячейкам.

Заведующая женотделом Средазбюро ЦК ВКП(б) М. Ф. Муратова направила письмо и докладную записку об итогах проверки состояния женского труда на Самаркандской и Ферганской шелкомотальных фабриках отделам работниц ЦК КП(б) республик, Киргизскому обкому, Ферганскому, Самаркандскому, Бухарскому окружкомам, Ошскому канткому и Ашхабадскому горкому партии с указанием о необходимости проведения мероприятий в соответствии с решением Средазбюро ЦК ВКП(б) по этому вопросу.

Выполнению решений Средазбюро ЦК ВКП(б) о внедрении женского труда в производство было посвящено и состоявшееся 26 декабря 1929 — 3 января 1930 г. VII Краевое совещание работников среди работниц и дехканок Средней Азии. Совещание обсудило вопрос о путях вовлечения женщин местных национальностей в промышленное производство и приняло развернутую резолюцию. Было решено довести применение женского труда в шелкообрабатывающей промышленности не менее чем до 90%, в текстильной, табачной и швейной — до 80, в хлопкоочистительной и полиграфической — до 25, в мясной, металлической и кожевенно-обувной — до 15, в пищевкусовой — до 65%.

Совещание выдвинуло лозунг Худжума — активного вовлечения женщин в промышленное производство (см. [251]).

В штатах среднеазиатской и республиканских профсоюзных организаций появился сектор по работе среди женщин (в отделе массовой работы), а на крупных промышленных предприятиях, где преобладал женский труд, введена должность женорганизатора (освобожденного работника). 20 октября 1930 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) и ВЦСПС провели совещание женорганизаторов крупных промышленных предприятий, где преобладал женский труд, по вопросам организации женского труда (с участием работников среди женщин партийных, профсоюзных и хозяйственных органов) [304, ф. 17, оп. 16, д. 43, л. 138—139; д. 42, л. 108]. В конце октября 1930 г. на первом Среднеазиатском, а также на республиканских совещаниях работников КУБТ были обсуждены вопросы женского труда.

Партийным и советским органам постоянно приходилось сталкиваться с явно выраженной тенденцией противодействия внед-

рению в производство женского труда. Поэтому Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК КП(б) республик организовали проверку состояния внедрения и охраны женского труда как на шелкомотальных фабриках, так и на текстильных, хлопковых, винодельческих и полиграфических предприятиях Узбекистана, Туркменистана, Киргизии и Таджикистана [303, ф. 5515, оп. 13, д. 9, л. 339—341].

Только в 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) трижды обсудило и приняло развернутые постановления, направленные на быстрое развитие шелкомотальных фабрик и вовлечение восточниц в промышленное производство. На это же направлены решения Средазбюро ЦК ВКП(б) от 10 апреля («Об укомплектовании рабсилой шелкомотальных фабрик»), от 25 июня («О работе шелкомотальных фабрик») и от 13 ноября 1931 г. («О работе шелкомотальной промышленности»).

17 июня 1933 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) по информации заведующего женсектора Средазбюро А. А. Аксентович приняло постановление «О работе среди работниц-транспортниц». В постановлении отмечался некоторый рост удельного веса женского труда (с 9,8 до 11,2%) и улучшение в работе делегатских собраний, но вместе с тем Средазбюро указало на недостаточный процент числа работниц, в особенности из числа женщин местных национальностей. Постановлением были предусмотрены меры по вовлечению женщин местных национальностей на предприятия транспорта [304, ф. 17, оп. 16, д. 43, л. 47—49; д. 17, л. 50—54; д. 21, л. 111—113].

Обсуждения состояния женского труда в промышленности и на транспорте в высших партийных инстанциях Средней Азии имели огромное политическое и практическое значение и способствовали решению проблемы вовлечения женщин Средней Азии в общественное производство, к массовому вовлечению в производство женщин местных национальностей, к повышению их производственной квалификации, обучению женской молодежи. Предусматривался рост удельного веса работниц до 90%, а работниц коренных национальностей — до 75%.

Средазбюро ЦК ВКП(б) указывало на конкретные формы и методы массово-разъяснительной работы среди населения, на необходимость командирования партийных работников для организованного набора рабочей силы и посылки для этого самих работниц в аулы к дехканам [304, ф. 17, оп. 16, д. 43, л. 49, 51; д. 21, л. 112].

Как показали проверка и обсуждение состояния женского труда на отдельных предприятиях, именно отсутствие квалификации или низкая подготовка работниц явились предлогом для вытеснения женского труда. Поэтому в первые годы для подготовки квалифицированных рабочих интенсивно организовывались школы ФЗУ. Так, в Казахстане еще в 1927 г. были открыты 3 средних технических учебных заведения, 5 школ ФЗУ в городах и 15 школ ФЗУ при крупных промышленных предприятиях рес-

публики, 2 учебно-показательные мастерские — школы текстильной и шелкопрядильной промышленности. Причем Казахский крайком ВКП(б) дал директиву принимать в них казашек не менее 75% к общему числу принимаемых девушек [301, ф. 248, оп. 1, д. 12, л. 25; ф. 30, оп. 2, д. 819, л. 73—74].

На 1 января 1932 г. в школах ФЗУ Узбекистана обучалось 14 757 девушек, в Киргизии — 5045, Туркмении — 662, Таджикистане — 912. Существовали школы ФЗУ при текстильной и шелкомотальной фабриках Ферганы, при Самаркандской шелкомотальной фабрике. Всего в школах ФЗУ Средней Азии девушки составили среди учащихся: в 1930 г.—14, в 1931 г.—14,3 и 1932 г.—16,9%.

Из года в год росло применение женского труда в промышленности республик Средней Азии. Женщины в промышленности составляли по удельному весу: в 1926 г.—7,6, в 1930 г.—27 и в 1932 г.—32%. К 1932 г. количество работниц Средней Азии составило 51 437 человек. За пять лет в производство пришли 15 447 работниц [303, ф. 3316, оп. 51, д. 7, л. 29—30].

Только в шелкомотальной промышленности в 1932 г. работало 2350 женщин коренного населения, тогда как, по переписи 1926 г., промышленных работниц было: узбечек — 212, таджичек — 4, туркменок — 1 и киргизок — 1 [303, ф. 3316, оп. 51, д. 9, л. 88]. К концу 1932 г. на четырех шелкомотальных фабриках Узбекистана, построенных в первой пятилетке, работало 5246 человек, из них 2930 работниц (55,8%); среди 1405 рабочих из коренного населения женщины составляли 26,8%. На крупнейшем предприятии Узбекистана — Ташкентской текстильной фабрике — в 1932 г. было занято 2026 рабочих, в том числе 1151 женщина (166 узбечек).

Число женщин — рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве Киргизской ССР, также неуклонно увеличивалось. В 1933 г. работницы составили здесь 19,5 тыс. человек. 24 марта 1931 г. газета «Советская Киргизия» сообщала о деятельности и почине (ударного труда) работниц Ошской шелкомотальной фабрики, о развернувшейся среди женщин работе по раскрепощению, особенно за снятие паранджи (их девиз — «Ни одной работницы не должно быть неграмотной. Все вступаем в школу ликбеза и обязуемся в трехмесячный срок ликвидировать свою неграмотность»).

В Таджикистане в 1932 г. было вовлечено в производство до 6 тыс. женщин, в совхозы — до 3 тыс., в колхозную систему — 92 089 женщин. В этом году крупная промышленность была развернута в Ходжентском районе (на шелкокомбинате, ныне Ленинабадском, работало до 3 тыс. женщин-таджичек, из них 500 стали ударницами) [303, ф. 3316, оп. 51, д. 1, л. 3].

Для вербовки на комбинат новых работниц много делали сами работницы. Газета «Правда Востока» сообщила 28 января 1933 г. о передовой работнице шелкомбината Мирзоевой. С помощью

местных партийных организаций ей удалось уйти от многоженца-мужа и поступить на комбинат. После этого она захотела помочь и другим женщинам. По зову Мирзоевой и других передовых работниц на комбинат поступило много таджичек. К концу 1933 г. здесь начала работать вторая смена, и число работниц выросло еще на 2 тыс. Комбинат стал кузницей первых пролетарских кадров из коренного населения, центром вовлечения таджичек в промышленное производство, в новую жизнь. Мирзоева стала помощником директора комбината. Условия труда, техника, требующая ловкости, точности и свободы движений, заставляли работниц сбросить черный чачван и серую паранджу [624, 5.II.1933].

На Канибадамском фруктоочистительном комбинате к концу первой пятилетки работало 1233 человека, из них 851 представитель местных национальностей, в том числе 45% таджичек (см. [624, 1.I.1933]).

В первой пятилетке кроме шелкокомбината в Таджикистане были построены сталинабадская шелкомотальная фабрика «Коммуна», гренажный завод, консервные и другие предприятия, 14 мелких электростанций и Сталинабадская электростанция, несколько хлопкоочистительных заводов. Во второй пятилетке была построена швейная фабрика (с поточной системой производства) и начато строительство текстильного комбината в Сталинабаде, введена в строй 21 цензовая мельница, доведена до Душанбе железная дорога. Число промышленных предприятий во второй пятилетке достигло здесь 125 единиц [286, с. 20—22].

II съезд КП(б) Таджикистана, состоявшийся 7—14 января 1934 г., отметил сдвиг в вовлечении женщин-таджичек в строительство социализма, в повышении их образовательного уровня. Вместе с тем были указаны серьезные упущения в повышении роли женщин в производстве, в подготовке женских кадров, преодолении пережитков старины по отношению к женщинам местных национальностей. Съезд признал необходимым «развернуть работу по вовлечению трудящейся женщины в производство... добиться действительного вовлечения дехканок в строительство промышленности, колхозов и Советов, что является основным путем к действительному раскрепощению женщин и ликвидации затворничества, бытового порабощения» [106, с. 25].

Росту активности и повышению сознательности трудящихся женщин республик Средней Азии способствовало социалистическое соревнование между Узбекской и Туркменской ССР (с 1 сентября 1931 по 1 сентября 1933 г.). Договор об этом соревновании был назван «Договором миллионов».

Систематическая взаимная проверка выполнения социалистических обязательств двух республик по дальнейшему развертыванию массовой работы среди работниц, дехканок и домохозяек сыграла большую роль в вовлечении женщин в социалистическое строительство. По упомянутому договору Народные комиссариаты и другие республиканские учреждения взяли на себя конкрет-

ные обязательства по вовлечению женщин в производство, по охране женского труда, по культурно-бытовому обслуживанию тружениц и т. д.

Взаимная проверка, возглавляемая партийными организациями обеих республик, которая была проведена в феврале 1933 г., установила, что в Туркменской ССР удельный вес женщин к общему числу работающих на предприятиях шелковой промышленности составил 68,3% (из них туркменок 20%), в текстильной промышленности в общем числе работающих было 18% туркменок; в пищевкусовой промышленности работало 2% женщин, в хлопковой — 18,4% (из них 4% туркменок). На Маргеланской шелкомотальной фабрике работало 1733 женщины, в том числе 20% узбечек; на старобухарской фабрике насчитывалось 382 работницы (64% узбечек); каждая фабрика выдвинула по 32 работницы на руководящую работу [642, 8.III.1933].

Итоги проверки «Договора миллионов» публиковались на страницах республиканских газет, обсуждались в трудовых коллективах. Договор и взаимопроверка его значительно подняли производственную и политическую активность женщин, хотя, как указали ЦК республик, договор по вовлечению женщин в промышленное производство полностью не был выполнен [671, 8.III.1933].

К концу первой пятилетки, на 1 января 1934 г., удельный вес женского труда составил в Узбекской ССР 34,1%, в Туркменской ССР — 28,8, в Таджикской ССР — 45,4% [303, ф. 3316, оп. 51, д. 9, л. 128—129].

Важным итогом первой пятилетки был огромный подъем в СССР экономики и культуры, окончательная победа социалистической системы хозяйства, освобождение от эксплуатации труда рабочего и крестьянина, исчезновение безработицы в городе и нищеты в деревне. Все это коренным образом изменило и положение трудящихся женщин.

Уже факт ликвидации безработицы, главной своей тяжестью падавшей на работающих женщин, имел для них громадное значение. К началу 1934 г. количество женщин во всех отраслях народного хозяйства СССР составило около 7100 тыс., или $^1/_3$ всех работающих, в то время как в 1930 г. их было только 3600 тыс., или $^1/_4$ всех занятых в народном хозяйстве [303, ф. 3316, оп. 51, д. 9, л. 128].

2 января 1933 г. I Среднеазиатский слет ударниц принял «Обращение ко всем трудящимся республик Средней Азии», где предлагал организовать конкурс на лучшее предприятие. Ударницы взяли на себя обязательство провести массовое обсуждение в цехах, сменах и бригадах конкретных мероприятий, связанных с созданием собственной продовольственной базы и расширением производства предметов ширпотреба [642, 2.I.1933].

Могучее движение современности, социалистическое соревнование помогало отсталой восточнице становиться настоящей ра-

ботницей и по сознательности и по квалификации труда не отставать от своих русских подруг.

Работницы Ашхабадской шелкомотальной фабрики шли в первых рядах ударников. Начиная с 1930 г. фабрика ежегодно перевыполняла производственную программу. По качеству продукции и по повышению производительности труда она неизменно занимала первое место среди аналогичных предприятий Средней Азии. В 1934 г. по инициативе работниц Ашхабадской шелкомотальной фабрики был проведен конкурс на лучшую мотальщицу.

Работницы шли в первых рядах борцов за искоренение феодально-байских пережитков. 14 работниц-туркменок текстильной, шелкомотальной и швейной фабрик г. Ашхабада 12 октября 1935 г. обратились ко всем туркменкам с призывом вести решительную борьбу с феодально-байскими пережитками, тормозящими завершение фактического раскрепощения женщины-туркменки (см. [667, 16 и 18.X.1935]). Это обращение нашло широкий отклик среди дехканок и в особенности среди женской молодежи. Многие перестали носить яшмак и борик.

Год за годом неудержимо росла индустриальная мощь Советского Союза, высокими темпами развивалась промышленность республик Средней Азии, росли кадры пролетариата, в том числе работниц. Если на 1 января 1927 г. всеми отраслями труда в Казахстане было охвачено 215 972 человека (из них 50 432, или 23,4% женщин, в том числе 5300 женщин-казашек), то на 1 октября 1933 г. их было соответственно 595 240, 118 899 (или 20%) и 25 600 человек, а на 1 января 1935 г. 598 649, 145 709 (или 24,3%) и 36 500. Эти данные наглядно свидетельствуют об огромном сдвиге, происшедшем в судьбе казашек, и о массовом вовлечении их в строительство промышленности и сельского хозяйства, в культурное строительство.

Рабочий класс Узбекской ССР в 1930 г. составляли 16 430 рабочих, в том числе 4,5 тыс. работниц, а в 1940 г. число работниц в промышленности достигло 40 тыс. [642, 20.I.1930].

С каждым годом росло число женских технических кадров. Если в 1933 г. в Таджикистане было всего десять женщин — инженеров и техников, то к концу второй пятилетки из 262 инженеров 122 были женщины.

Численность рабочих, занятых в промышленности Таджикской ССР, увеличилась с 10,5 тыс. в 1933 г. до 22,1 тыс. в 1937 г., из них 37,5% составляли женщины [454, с. 16].

Огромных успехов в промышленном строительстве и создании национального рабочего класса достигла Туркменская ССР. В 1925 г. здесь было 3 тыс. рабочих, в 1928 г.— 4,2 тыс., в 1932 г.— 18,3 тыс., в 1937 г.—27 тыс., в 1938—33,5 тыс. Росло и число работниц. К началу первой пятилетки в промышленности Туркменской ССР было занято 1500 работниц. К 1934 г. число работниц в народном хозяйстве республики превысило 10 тыс., а в 1939 г. равнялось 27,5 тыс. [197, с. 10,87].

Танец девушек в исполнении хореографического женского ансамбля. Казахская ССР

В Таджикской ССР в 1938 г. было свыше 20 тыс. рабочих, из них 3,7 тыс. работниц-таджичек, тогда как в 1913 г. в кустарных предприятиях здесь насчитывалось немногим более 200 рабочих [640, 9.X.1952].

Работницы выдвигались на руководящую работу. Директором Ферганской шелкомотальной фабрики стала узбечка Ташбаева, Ашхабадской текстильной фабрики — туркменка Полтаева, Самаркандской шелкомотальной фабрики — узбечка Мирджанова, в аппарате треста «Туркшелк» работала узбечка А. Халматова. Первый инженер-строитель таджичка Хамра Заировна Таирова стала министром строительства, а таджичка Миновара Касимова — министром легкой промышленности Таджикской ССР.

Таким образом, задача вовлечения в промышленность женщин советского Востока полностью и успешно была решена в годы предвоенных пятилеток. Широкие массы женщин коренного населения приняли труд на социалистических предприятиях как дело почетное и нужное. Когда грянула Великая Отечественная война, на смену отцам, мужьям, братьям и сыновьям, ушедшим на фронт, на предприятия пришли новые тысячи работниц.

На фабрике и заводе восточница находила настоящую свободу. Она сбрасывала с себя сковывающую движения ритуальную одежду. Окружающая обстановка, дружный интернациональный мощный коллектив рабочих и работниц создавали необходимые условия для свободной и самостоятельной жизни. Фабрично-заводской труд, т. е. участие в общем производительном труде, обеспе-

чил женщине материальную и моральную независимость в семье и обществе.

Строительство социализма в нашей стране было строительством новой, счастливой жизни, свободной от социального и национального гнета. Строительство социализма принесло женщине освобождение от оков рабства и сделало ее экономически независимой. Социалистическое переустройство народного хозяйства вызвало ломку старого феодального и буржуазного быта и семьи, послужило основой для нового, социалистического быта, для новой семьи. Прежние феодальные и буржуазные взаимоотношения, ставившие женщину в унизительное и угнетенное положение, были заменены новыми, социалистическими, равноправными.

На базе построения социализма и вовлечения трудящихся женщин в промышленное производство, в колхозное и культурное строительство осуществлены подлинная независимость женщин советского Востока, фактическое равноправие их с мужчинами.

ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНАЯ РЕФОРМА И КОНЕЦ НИКЯХ-СУ

Экономическую независимость приобрели те мусульманки, которые пришли работать на заводы, фабрики, на транспорт, в производственные, промысловые артели и на другие предприятия. Однако основная масса женщин Средней Азии — узбечки, таджички, туркменки, казашки, каракалпачки, киргизки — были дехканками, батрачками, кочевницами, занимались земледелием, скотоводством, шелководством, домашним хозяйством и ремеслом, жили в кишлаках, аулах, кочевьях и, естественно, не были охвачены общественным производством, тем более что дехканские хозяйства оставались еще единоличными. Коммунистической партии, Советскому государству предстояло решить проблему экономической, фактической эмансипации основной массы женщин-мусульманок Средней Азии.

Частично эта проблема была решена в 1925—1927 гг. при проведении земельно-водной реформы, явившейся огромным событием политического, социально-экономического и морального характера в жизни трудящихся дехкан и дехканок, частично же потому, что земельные наделы распределялись не на душу населения, а по единоличным дехканским хозяйствам, в том числе и по тем, во главе которых были женщины (в основном вдовы или имевшие нетрудоспособных мужей), и потому коснулась лишь небольшого числа женщин, а не массы дехканок.

Ленинский декрет о земле, принятый Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 г., отменил частную собственность и установил всенародную собственность на землю, недра, леса. Затем это положение было закреплено советской Конституцией. Но в условиях Средней Азии национализация земли в ходе социалистической революции не сопровождалась немедленным переделом земли. Здесь еще сохранялись патриархально-феодальные формы

землепользования; значительная часть земли находилась в руках феодально-байской верхушки. Ко времени земельно-водной реформы бедняцкие хозяйства, составлявшие свыше 75% всех крестьянских хозяйств, имели меньше земли, чем байские, составлявшие всего 8,5%.

Бедняки вынуждены были работать на бая в качестве батраков или чайрикеров. Слово «чайрикер» — производное от «чайрек» («четверть»). Дехканин, обрабатывая землю бая своим тяглом и трудом, получал за это четверть урожая, бай же, не пошевелив пальцем,— три четверти. Главными орудиями сельского хозяйства продолжали оставаться деревянная соха (омач) и кетмень. Уровень ведения хозяйства был самым примитивным.

Молодые республики Средней Азии приняли законы о проведении земельно-водной реформы, предусматривавшие ликвидацию старых порядков землепользования. Безземельные и малоземельные дехкане получали землю за счет ликвидации нетрудового и ограничения байского землевладения. Предусматривалось, что каждое трудовое хозяйство получит по 3—4 га земли. Преимущественное право на получение надела предоставлялось чайрикерам, обрабатывавшим землю.

В ведение государства перешло и распределение воды.

На территории Средней Азии до революции существовала система Никях-Су — брачного права на воду, являвшаяся правовой и экономической основой закабаления и угнетения сельских мусульманок. В соответствии с этой системой только женатый имел право на землю и воду, а жена после смерти мужа лишалась его надела земли и воды.

С увеличением числа жен увеличивалась и норма на воду. В погоне за паем воды баи обручали даже своих малолетних сыновей (паатха).

Кстати, бытующий и до сих пор в сельской местности символический обряд Никях-Су своими корнями уходит ко временам введения брачного права на воду. Обряд этот заключается в следующем. Сразу после процедуры религиозного бракосочетания гостям подается подслащенная вода (Никях-Су), как знак того, что жених получил самостоятельное право на воду.

Никях-Су, с одной стороны, материально стимулировал многоженство, порабощая женщин, а с другой стороны — и это главное — служил средством эксплуатации бедноты, батрачившей всю жизнь на баев, чтобы скопить средства на покупку жен, а тем самым и право для орошения своего земельного участка. Но, всю жизнь батрача на бая и так и не заработав денег на уплату непосильного калыма, бедняк часто оставался пожизненным холостяком, бобылем, без наследников, и его так и оставшийся неорошенным земельный участок и скот после его смерти переходили к баю.

Никях-Су не только материально стимулировал многоженство, ранние браки, но порождал и обычай каршылыка (обмена до-

черьми среди неимущих слоев) и выхолащивал основное содержание принципа «санашик» — равенства в водо-землепользовании общин орошаемой зоны дореволюционной Средней Азии (в каждом очередном санашике производился перерасчет надела на воду в пользу женатого и многоженца).

Никях-Су лежал и в основе определения размера калыма. Величина последнего росла с ростом посевов хлопчатника и цен на него, т. е. размер калыма зависел от конъюнктуры рыночных цен на хлопок.

Новые законы республик Средней Азии уравняли право на воду и землю. Отныне дехканские хозяйства, возглавляемые вдовами, имели такие же права на землю и воду, как хозяйства, во главе которых стояли мужчины.

Наделение землей проводилось не на душу, а по крестьянским хозяйствам, и лишь та женщина, которая возглавляла хозяйство (главным образом вдовы), получала земельный надел. Женитьба дехканина перестала, таким образом, определять право на землю и воду. Таким образом, земельно-водная реформа означала конец Никях-Су.

Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК КП(б) республик, местные партийные, советские, общественные организации провели большую подготовительную работу к реформе, как идеологическую, так и организационно-хозяйственную. Тщательно выявлялись наличные земельные фонды (поливные и богарные), подробно изучалось, кому принадлежат эти земли (баям, мечетям или середняцким хозяйствам), дабы не ущемить интересов середняков. Накапливались материальные средства для проведения земельно-водной реформы, для помощи бедняцким хозяйствам, получавшим землю (финансовыми средствами, инвентарем, семенами).

Партия уделяла огромное внимание подготовке бедноты и батрачества к этой важной политико-хозяйственной кампании. Большую роль в этом деле сыграли союзы «Кошчи».

Вопрос о проведении земельно-водной реформы обсуждался на партийных съездах, конференциях, пленумах партийных комитетов, на съездах Советов, сессиях ЦИК республик и местных Советов.

Так, I Учредительный съезд Советов Таджикской АССР 10 декабря 1926 г. принял Декларацию о национализации земли, воды, недр земли и лесов республики. Пункт 5 ее гласил: «Право пользования землями сельскохозяйственного значения и водами предоставляется трудящемуся населению и объединениям, без различия *пола* (курсив мой. — *Б. П.*), возраста, национальности, желающим обрабатывать землю личным трудом членов семьи, а также городскому населению и государственным и кооперативным учреждениям и организациям».

На этом же съезде 11 декабря 1926 г., как уже говорилось, была принята Декларация о раскрепощении женщин, в которой записано: «5. В области земельного права:

Женщине предоставляется право самостоятельного ведения хозяйства, получения надела земли наравне с мужчиной и при разводе или смерти мужа получения имущества по установленным законам» [283, с. 356—359].

Такие же законы о равноправии женщин-дехканок с мужчинами в землепользовании были приняты и другими республиками.

Самое горячее участие в подготовке и проведении земельно-водной реформы принимали женотделы партийных комитетов. Они активно защищали интересы дехканок. Вопрос о земельно-водной реформе обсуждался и на съездах, конференциях, делегатских собраниях женщин, в женских клубах и красных уголках и т. д. Например, в резолюции первого республиканского съезда женщин — членов Советов Киргизской АССР, принятой 3 октября 1927 г., было записано: «2. Вовлекать женщин в практическую работу во всех комиссиях и по отдельным заданиям, как-то: на юге в комиссии по проведению земельной реформы, по обследованию; по всей Киргизии по сбору сельхозналога, по составлению бюджета и т. д.» [301, ф. 21, оп. 2, д. 89, л. 32].

Представители женотделов входили в состав центральной и местных комиссий по проведению реформы. Женорганизаторы и делегатки работали в земельных комиссиях, распределявших землю. Выпускались специальные плакаты, лозунги, призывавшие женщин участвовать в земельно-водной реформе. Все работники женотделов, все грамотные коммунистки были мобилизованы на ее проведение.

Женщины — члены ЦИК республики, члены областных, районных исполкомов и сельских Советов постоянно находились в гуще народа, рассказывали о новом законе своим избирателям, помогали женщинам осуществлять свое право на получение земли. Только по Ферганской области Узбекской ССР 600 членов Советов активно работали в проведении реформы [304, ф. 62, оп. 1, д. 2189, л. 8—9].

Женотделы вели неустанную борьбу за наделение женщин землей и водой, еще и еще раз разъясняли закон о реформе, добивались отмены неправильных решений земельных комиссий.

Наконец, сами рядовые женщины, хорошо поняв дух и смысл закона, активно взялись за дело. Тысячи женщин участвовали в общих собраниях и конференциях дехкан, обсуждавших вопросы земельно-водной реформы. На собрания, посвященные порядку наделения землей женщин, малоземельные дехкане и батраки приходили всей семьей — с женами и детьми. С Красным знаменем в руках активистки ходили из одного кишлака в другой и поднимали женщин на защиту своих прав. Известно немало случаев, когда дехканки сообщали районным комиссиям об утаенных баями землях и скрытом скоте. Тем самым они оказывали местным властям, земельным комиссиям помощь в справедливом проведении земельно-водной реформы, в соблюдении решений партии

и правительства (см., например, [304, ф. 62, оп. 1, д. 1312, л. 20; «Правда Востока», 7.II.1926]).

Активно участвовали в подготовке и проведении земельно-водной реформы узбечки. В период подготовки ее в Ташкентской, Ферганской и Самаркандской областях в женских беспартийных конференциях участвовало 5 тыс. дехканок, а по одной только Зеравшанской — 8 тыс. Для агитации среди женщин использовались общие листовки и плакаты, подготовленные к реформе. В Зеравшанской области были выпущены 2 плаката, 4 листовки и 10 лозунгов специально для женщин.

Для проведения земельной реформы работницы женотдела ЦК КП(б) Узбекистана трижды выезжали в одну только Зеравшанскую область. На проведение подготовительной кампании по земреформе здесь было мобилизовано до 30 узбечек-коммунисток, из них 6 послано женотделом ЦК. К каждой из 14 районных комиссий по этой области было прикреплено по одной женщине-коммунистке, в обязанность которой входило главным образом добиваться наделения землей женщин, вовлекать их в комиссии содействия реформе. Большое число женщин участвовало в комиссиях содействия земреформы и по другим областям [300, ф. 58, оп. 2, д. 994, л. 13—14].

Вокруг земельно-водной реформы завязалась острая классовая борьба. Баи и духовенство шли на любую подлость и хитрость, использовали всяческие средства — клевету, подстрекательство, запугивание бедноты, чтобы помешать проведению реформы. Они скрывали действительные размеры принадлежащей им земли, фиктивно раздавали ее ближайшим родственникам или зависящим от них должникам.

На заседании Президиума ЦИК СССР 31 мая 1929 г. Джахан Абидова докладывала, что в кишлаках обострилась классовая борьба, особенно в связи с земельно-водной реформой, говорила о массе убийств женщин именно на этой почве (по сведениям окружных судов, в 1928 г. было убито 203 узбечки-дехканки) [303, ф. 3316, оп. 21, д. 680, л. 100].

При осуществлении этого большого социально-экономического мероприятия было преодолено немало трудностей, но было допущено и немало ошибок и искривлений. Некоторые земельные комиссии, пользуясь неграмотностью и забитостью женщин, скрывали от них их право на землю. Кое-где по старой традиции земельный надел записывался на малолетних сыновей вдовы. Такие ошибки были допущены в Ташкентской, Ферганской и Самаркандской областях Узбекской ССР и в других республиках.

Женотдел Средазбюро ЦК ВКП(б) направил письмо в ЦК КП(б) республик по этому поводу. Ошибки учитывались и исправлялись в ходе проведения реформы [300, ф. 58, оп. 2, д. 994, л. 13—16].

Большинство женских хозяйств, кроме коллективных, не получали инвентаря, так как согласно инструкции об инвентаризации

право получать инвентарь имели только те хозяйства, которые получили больше полутора десятин земли, а женщины в большинстве случаев получали меньше этой нормы. Поэтому через Центральную комиссию Узбекской ССР по инвентаризации было проведено специальное указание, по которому женские хозяйства должны были снабжаться инвентарем по второй категории (рабскот), даже если они получали меньше 1,5 десятины земли. Но эта директива выполнялась неудовлетворительно.

В целях изучения состояния женских хозяйств и проведения мер по их закреплению женотдел ЦК КП(б) Узбекистана направил директиву об обследовании всех женских хозяйств силами женотделов обкомов партии на средства земельных комиссий. Было обследовано 49 хозяйств в Ташкентской области и 118 хозяйств в Ферганской. По результатам обследования был принят ряд мер в защиту прав дехканок, в том числе было выделено 7500 рублей из бедняцкого фонда на ивентаризацию тех женских хозяйств, которые не получили инвентаря во время реформы и целиком подходили под группу бедняцких.

По результатам этих обследований женотдел ЦК КП(б) Узбекистана направил письмо местным комитетам партии. Это очень помогло им. Например, женотдел Зеравшанского обкома партии добился того, что в инструкции по проведению земельной реформы были учтены ошибки, допущенные в других областях. Было оговорено выделение специальных участков земли в каждом районе для наделения землей женщин. В инструкции по инвентаризации указано на необходимость снабжать инвентарем даже те хозяйства женщин, которые получали земли меньше установленной для инвентаризации нормы. В специальном письме областной земельной комиссии указывалось на недопустимость записи земли на имя малолетних сыновей, когда хозяйство фактически возглавляет женщина, на необходимость особенно тщательной проверки заявлений, поступавших от женщин, чтобы не допустить использования баями своих жен и родственниц для сохранения за собой земли [300, ф. 58, оп. 2, д. 994, л. 13—15].

Практика показала, что женским дехканским хозяйствам экономически выгодно объединяться в коллективные артели по совместной обработке земли. Только в Ферганской области из числа наделенных землей женских хозяйств было образовано 10 артелей (а в Самаркандской одна) по совместной обработке земли [300, ф. 58, оп. 2, д. 994, л. 14]. В 1928 г. в Самаркандской области было наделено землей 13 единоличных женских хозяйств и было организовано 6 женских сельскохозяйственных артелей с охватом 68 дехканок [305, ф. Р-86, оп. 1, д. 5135, л. 19].

Женские артели окрепли экономически несравненно быстрее единоличных хозяйств. Женотделы организовывали им помощь. На условиях взаимопомощи бедняцкие мужские артели обрабатывали им поля. В кишлаках Кассанской волости Ферганской области 6 женских артелей получили трактор, на котором рабо-

тала узбечка-трактористка, а всего по области было подготовлено 8 трактористок. Снабская женская артель Самаркандской области имела в банке 2 тыс. рублей [300, ф. 58, оп. 2, д. 994, л. 15].

Отдельные женские сельскохозяйственные артели организовывались вследствие бытовавшего еще затворничества, в последующем, естественно, они слились с общими сельскохозяйственными артелями.

Трудно было единоличным женским дехканским хозяйствам вести земледелие. Этим были озабочены партийные организации, женотделы. В октябре 1927 г. на расширенном заседании женотдела ЦК КП(б) Узбекистана отмечалось, что необходимо оказать этим хозяйствам особенную помощь, чтобы они не стали жертвами всякого рода хищнической эксплуатации, ибо имеющаяся практика говорит о том, что без мужской рабочей силы эти дехканские хозяйства с работой не справляются, при сдаче этих земель в аренду они нередко становятся предметом такой эксплуатации; поэтому необходимо проверить результаты кредитования этих хозяйств по бедняцкому фонду [304, ф. 62, оп. 1, д. 1317, л. 73—76].

Выступая на III сессии ЦИК Киргизской АССР первого созыва, Турсун Усманова 27 апреля 1928 г. сказала:

«Земельная реформа, как таковая, сделала, безусловно, очень много в вопросе раскрепощения женщин и специального выделения женских хозяйств. Это послужило во многих случаях довольно крупной агитационной мерой за то, что женщина, прежде всего, равноправный член общества, что женщины могут иметь свое хозяйство и обрабатывать свою землю так же, как ее обрабатывали до сего времени их братья, мужья, отцы и т. д.» [301, ф. 21, оп. 3, д. 120, л. 9—10].

Женские хозяйства стали поддерживаться кредитами, семенами, инвентарем. Советское законодательство взяло их под свою защиту. Например, в Киргизии женские хозяйства, как наиболее маломощные, уже инвентаризовались на 50% выше мужских дехканских хозяйств [301, ф. 97, оп. 1, д. 19, л. 100—101].

В ст. 16 земельно-водного кодекса Туркменской ССР указывалось: «Уменьшение доли земли и воды для женщин по сравнению с мужчинами запрещается». В Туркмении 731 женское хозяйство из 3009 наделенных землей получили, как малоимущие, кредит из фонда помощи и бедноты.

8 марта 1927 г. по Ферганскому округу было отпущено 7,5 тыс. рублей для приобретения инвентаря женскими хозяйствами, в артели направлены инструкторы-механики по тракторам из числа женщин [300, ф. 58, оп. 3, д. 15—18, л. 59].

В результате земельно-водной реформы в республиках Средней Азии получили наделы земли (по 3—4 га) в 1926—1927 гг. 1847 женских дехканских хозяйств, в том числе: в Туркменистане — 818, в Узбекистане — 706, в Киргизии — 223; а в 1927/28 г.—

259 женских хозяйств [304, ф. 62, оп. 1, д. 2198, л. 8—9; 301, ф. 97, оп. 1, д. 19, л. 100—101; 300, ф. 58, оп. 2, д. 994, л. 14; 303, ф. 5515, оп. 13, д. 9, л. 441—453].

«Огромное значение в деле раскрепощения женщины Востока,— говорится в отчете отдела работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) к XV съезду ВКП(б), — сыграло уравнение узбечек и туркменок в правах на воду и землю. Количество земельных наделов, полученных женщинами, невелико... так как наделялись не по душам, а по хозяйствам (получили лишь те, кто самостоятельно ведет хозяйство, преимущественно вдовы). Политическое же значение уравнения крестьянки Узбекистана, Туркменистана в земельно-водных правах огромно» [189, с. 312].

В докладе С. Т. Любимовой на Всесоюзном съезде работниц и крестьянок — членов сельских и городских Советов и волостных (районных) исполкомов 12 октября 1927 г. о значении земельно-водной реформы говорилось, что женщины в республиках Средней Азии, где земельная реформа проводилась, были наделены наряду со всеми. Сам факт наделения землей женщин — невиданное дело в истории Востока. И оно имеет не столько экономическое, сколько политическое значение. Каждый аул Туркменистана, каждый кишлак Узбекистана убедился в том, что Советская власть не на словах, а на деле уравнивает женщин с мужчинами [120, с. 211].

Земельно-водная реформа имела огромное экономическое и политическое значение. Она укрепила в женщине веру в силу и справедливость Советской власти и Коммунистической партии, стоявших на страже интересов трудящихся. Женщина, наделенная землей, становилась фактически и юридически главой семьи, получала право голоса в сельском обществе при решении всех вопросов, связанных с поливом, использованием отгонных пастбищ, выгонов и т. п.

Уравнение женщины с мужчиной в правах на землю и воду произвело переворот в психологии трудового дехканства, которое не на словах, а на деле убедилось в реальности советских законов о равноправии женщины в обществе и семье.

С переходом распределения воды в ведение государства баи и их приспешники лишились источника обогащения, важного средства эксплуатации и угнетения бедноты, что в корне подрывало их влияние на сельское население.

Земельно-водная реформа означала конец Никях-Су, тем самым были подрезаны экономические корни эксплуатации аульно-кишлачной бедноты, калыма, ранних браков, многоженства, неравенства и угнетения дехканок — основной массы мусульманок Средней Азии. Наконец-то женитьба дехканина поставлена вне зависимости от его права на землю и воду. Реформа наносила сокрушительный удар по феодальным, патриархально-бытовым отношениям в кишлаках и аулах.

Земельно-водная реформа дала огромный политический результат. Неизмеримо поднялась политическая активность трудящихся женщин, что нашло свое яркое выражение в участии их в выборах в Советы в 1927 г. и в массовом снятии паранджи. Только в Ферганской области Узбекской ССР в выборах приняло участие невиданное до сего времени число женщин — более 32 тыс., а сотни из них были избраны в состав Советов, некоторые выдвинуты председателями сельских Советов. Одиннадцать женщин были избраны членами ЦИК Узбекской ССР.

Земельно-водная реформа осуществлялась как одно из мероприятий экономической эмансипации женщин-мусульманок и способствовала успеху Худжума. Она также создала предпосылки для успешного проведения коллективизации сельского хозяйства, победы колхозного строя, успешно завершившего экономическую эмансипацию дехканок.

ЖЕНЩИНА В КОЛХОЗНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

XV съезд ВКП(б), состоявшийся в конце 1927 г., принял курс на массовую коллективизацию сельского хозяйства, приведший к созданию в нашей стране колхозного строя — на основе ленинского кооперативного плана. Ленинские принципы кооперирования заключались в добровольности вступления в коллективные объединения, в постепенном переходе от низших к более высоким формам кооперации, материальной заинтересованности в совместном производственном сотрудничестве, в сочетании личных и общественных интересов, в установлении прочной экономической смычки между городом и деревней, в укреплении союза рабочего класса и крестьянства.

Во второй половине 1929 г. в развитии колхозного движения наступил великий перелом, отмеченный переходом к сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидацией на ее основе кулачества (байства) как класса (последнего оставшегося эксплуататорского класса). К середине 30-х годов в СССР утвердилась социалистическая система сельского хозяйства на базе общественной собственности в двух ее формах — государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной. Во всем укладе сельской жизни, в социально-экономических отношениях деревни произошел коренной, революционный переворот.

На этом общем, благоприятном для вовлечения женщины в общественное производство фоне в Средней Азии продолжалась борьба за экономическую эмансипацию дехканок — как важнейшее мероприятие Худжума. Вся же предшествовавшая работа по эмансипации мусульманок, особенно земельно-водная реформа, показала, что предстоит чрезвычайно трудная битва в кишлаках, аулах и кочевьях на пути дехканки в колхозы.

Ко времени сплошной коллективизации сельского хозяйства в Средней Азии дехкане составляли преобладающую часть населе-

ния. Так, в Узбекистане на конец 1929 г. из 4584,9 тыс. населения 3526,6 тыс. человек составляло сельское население, в Туркменистане — соответственно 1144,4 тыс. и 964,3 тыс., в Таджикистане — 1281,8 тыс. и 1142,6 тыс., в Киргизии — 1096,1 тыс. и 953,6 тыс. К этому же времени социальный состав сельского населения характеризовался следующим образом. В Узбекистане батрацкие хозяйства составляли 14%, бедняцкие 42 и середняцкие 21% к общему числу дехканских хозяйств, в Туркменистане бедняцкие — 40%, середняцкие — 55 и байские — 4—5% [300, 58, оп. 5, д. 838, л. 10; 197, с. 26]. Количество хозяйств намного увеличилось в результате земельно-водной реформы и помощи Советского государства (см. [197, с. 26]).

Массовым средством вовлечения трудящихся женщин в общественное производство в сельской местности явились колхозы, сельскохозяйственные артели и совхозы.

Труд в колхозе выводил женщину из круга домашних забот, создавались все условия для полной экономической и правовой независимости дехканки-мусульманки. Кончалось и нищенское прозябание женских карликовых хозяйств.

Колхозное строительство в кишлаке и ауле вызвало не только коренную перестройку мелких крестьянских хозяйств. Оно вместе с тем подвергало ломке быт и психологию тружеников полей, разрушало темноту и невежество дехканских масс. Массовое вовлечение женщин, составлявших половину сельского населения, в общественное сельскохозяйственное производство явилось одним из решающих факторов, обеспечивших победу колхозного строя.

Все это, однако, достигалось в чрезвычайно сложной борьбе с косностью и консерватизмом во взглядах на женщину, с вековыми реакционными традициями. Путь дехканок и кочевниц в колхозы прокладывался Советским государством в ожесточенных схватках с байством и реакционным духовенством.

Партия приложила много сил, чтобы подготовить женские крестьянские массы к широкой коллективизации как путем развертывания политико-воспитательной работы, так и путем вовлечения их в простейшие кооперативные объединения (шелководческие, птицеводческие, в товарищества по совместной обработке земли и т. д.). С самого начала колхозного движения партия уделяла большое внимание вовлечению женщин в сельскохозяйственные артели, организации и использованию их труда, выдвижению женщины на руководящие посты в колхозах.

Вопросы вовлечения крестьянок в колхозное строительство, кооперирования крестьянок не сходили с повестки дня Отдела работниц и крестьянок ЦК ВКП(б).

15 мая 1928 г. отдел отмечал, например, что слабо вовлекались в колхозы хозяйства, возглавляемые крестьянками, которые являлись в большинстве своем бедняцкими и маломощно-середняцкими, что до сих пор крестьянка вовлекалась в колхозы главным образом в качестве члена семьи, что в органах управления това-

риществ по общественной обработке земли женщины составляют незначительное число, что недостаточно используется женский труд в колхозах и т. д. А 19 июня 1928 г. отдел указал, что директивы XV партсъезда по производственному кооперированию и коллективизации сельского хозяйства могут быть выполнены лишь при усилении кооперирования крестьянок, которые являются основными товаропроизводителями в ряде отраслей сельского хозяйства [274, вып. 7, с. 445—447].

2 июля 1928 г. ЦК ВКП(б) направил письмо всем ЦК национальных компартий, областным бюро ЦК, крайкомам, обкомам, губкомам и окружкомам ВКП(б) — «К перевыборам делегатских собраний работниц, крестьянок и тружениц Востока», где обратил внимание местных партийных организаций на необходимость увеличения женской пролетарской прослойки в партии, развертывания работы по кооперированию, коллективизации и подъему сельского хозяйства, по организации бедноты и батрачества и объединению их с середняком для отпора кулаку и т. д. [274, вып. 7, с. 441—442].

В упоминавшемся уже постановлении ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. («Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок») говорилось, что в период социалистической реконструкции народного хозяйства привлечение широких трудящихся женских масс к активному участию в социалистическом строительстве приобретает первостепенное значение [621, 1929, № 14, с. 48].

Принятое 26 сентября 1930 г. ЦК ВКП(б) постановление «О перевыборах делегатских женских собраний в городе и деревне под углом перестройки их работы „Лицом к производству“» предполагало перевыборную кампанию делегаток провести как массовую политическую кампанию под лозунгом мобилизации активности трудящихся женских масс города и деревни для выполнения важнейших очередных политических и хозяйственных задач партии, в том числе для развития новой волны колхозного движения, мобилизации сил для борьбы с кулачеством и ликвидации кулака как класса на основе сплошной коллективизации и решительной борьбы с мелкобуржуазными настроениями [303, ф. 3316, оп. 51, д. 8, л. 55—57].

В постановлениях от 1 апреля 1931 г. («О работе среди колхозниц») и 11 октября 1930 г. («О практических мероприятиях по подготовке колхозниц к выдвижению») ЦК ВКП(б) требовал развертывания массовой работы среди колхозниц, развития их производственно-хозяйственной активности и инициативы путем широкого применения женского труда на всех видах сельскохозяйственных работ, в том числе и квалифицированных (на тракторах, сложных машинах), правильной организации труда, развертывания соревнования, ударничества, агротехнической учебы, сосредоточения особого внимания на наиболее широком привлечении женщин в работу по увеличению производства технических

культур, в молочное животноводство, птицеводство, требовал решительно выдвигать колхозниц на руководящую работу.

В годы колхозного строительства Советское правительство принимает ряд важнейших постановлений по женскому вопросу.

8 июля 1929 г., а затем 13 октября 1929 г. СНК СССР принял постановление «О мерах вовлечения женщин в сельскохозяйственную кооперацию», предложив правительствам союзных республик принять решительные меры к расширению участия крестьянок в работе специальных сельскохозяйственных товариществ и артелей, в особенности в тех отраслях, где преимущественное значение имеет женский труд (маслобойные, птицеяичные, молочные, животноводческие и др.), к более широкому вовлечению в сельскохозяйственную кооперацию крестьянок-одиночек, в первую очередь беднячек и батрачек (путем использования фонда кооперирования бедноты, установления льгот по внесению паев и т. п.).

Советское правительство обратило внимание республик на необходимость быстрейшей ликвидации неграмотности крестьянок — членов коллективных хозяйств и производственно-сбытовых кооперативных артелей, поднятия производственной подготовки крестьянок.

Совнарком СССР предложил центрам сельскохозяйственной кооперации усилить организационно-инструкторское и хозяйственное обслуживание артелей и коллективов, в составе которых преобладают женщины, в особенности в Средней Азии, Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республике, а также в автономных республиках и областях, усилить организацию при коллективных хозяйствах детских яслей, площадок, медицинских пунктов и столовых. Правительствам союзных республик, Центральному сельскохозяйственному банку и Всесоюзному совету сельскохозяйственной кооперации предлагалось дать указания соответствующим организациям, чтобы женские бедняцкие и середняцкие объединения — артели или же те коллективы, где преобладают крестьянки, ставились в особо благоприятные условия [262, 1929, № 6, с. 619].

В эти годы Президиум ЦИК СССР принимает и направляет ряд постановлений и циркулярных указаний в ЦИК республик советского Востока о необходимости осуществления конкретных мероприятий по оказанию материальной и финансовой помощи крестьянкам и по проведению организационных мер для массового вовлечения беднячек и батрачек в колхозы [303, ф. 5515, оп. 13, д. 10, л. 16].

27 мая 1930 г. Председатель Президиума ЦИК СССР М. И. Калинин направил письмо Центральным исполнительным комитетам союзных республик о необходимости в ближайшее время провести широкие совещания женского советского колхозно-кооперативного актива при райисполкомах с обсуждением вопросов социалистического переустройства сельского хозяйства и ближайших практических задач колхозно-кооперативного строительства.

Районные совещания предлагалось созвать в течение июня и первых чисел июля, с тем чтобы мобилизовать широкие батрацко-бедняцкие и середняцкие массы вокруг выполнения основных хозяйственно-политических задач, решительно пресекая всякие попытки кулацких и антисоветских элементов помешать где бы то ни было организованному и дружному их осуществлению [303, ф. 5515, оп. 13, д. 10, л. 16]

11—17 января 1928 г. в Москве состоялось Всесоюзное совещание комиссии по улучшению труда и быта женщин Востока, обсудившее вопросы о кооперировании трудящихся женщин Востока, вовлечении их в колхозное строительство и пр. 11 января на совещании выступила К. Цеткин, а 15 января Н. К. Крупская.

В резолюции о кооперировании трудящихся женщин Востока отмечалась исключительная важность работы по кооперированию восточных тружениц как для дела фактического раскрепощения восточницы, так и для хозяйственного подъема национальных областей и республик.

По линии сельскохозяйственной кооперации совещание рекомендовало КУБТ добиваться кооперирования самостоятельных женских хозяйств, оказывать им всяческую помощь.

Совещание поставило перед кооперативными организациями Казахстана, Киргизии, национальных областей Северного Кавказа и др. задачу создания кооперативов женщин-националок по производству новых технических культур (кенафа, кендыря, клещевины, дикой конопли и др.) и признало необходимым в целях создания прочной материальной базы для кооперирования националок образование специального фонда из правительственных ассигнований и из средств самих кооперативных организаций.

В целях организованного вовлечения националок в производственную кооперацию совещание признало также необходимым расширение производства и переработки продукции сельского хозяйства в национальных республиках и областях, усиление работы кооперативных организаций по вовлечению националок в колхозные объединения, уделив при этом особое внимание бедняцко-середняцким группам [303, ф. 3316, оп. 50, д. 19, л. 49—55].

ЦИК СССР внимательно изучал состояние экономической эмансипации женщин Средней Азии. В докладной записке члена оргкомиссии ЦИК СССР М. Ф. Икрянистовой-Труба[1] говорилось: «Возьмите вовлечение женщин в сельскохозяйственную работу по Средней Азии. По девяти районам Узбекистана участвовали в весенней посевной кампании по хлопку 48,5 тыс. женщин, или 66%

[1] Мария Федоровна Икрянистова-Труба — старейший член КПСС. Свой революционный путь начала в Иваново-Вознесенске. 17-летней ткачихой вступила в партию большевиков. В 1920—1930 гг. неоднократно избиралась членом ВЦИК и СНК СССР. В 1933 г. за большую организационно-массовую работу среди женщин была награждена орденом Ленина, а в связи с 50-летием первой русской революции, за заслуги перед партией и государством — вторым орденом Ленина. Умерла в 1966 г.

всего работающего населения. Это огромное достижение. Впервые женщина была втянута в работу по окучке хлопка, а ранее здесь работали исключительно мужчины. Если ранее грамотность женщин составляла около 1%, то сейчас по Средней Азии женщин в качестве председателей сельсоветов 256 человек... в Киргизии 24% всех председельсоветов — женщины. В огромной мере растет активность женщин» [303, ф. 3316, оп. 51, д. 7, л. 71].

Партийные организации национальных республик Средней Азии приложили немало сил, чтобы подготовить женские дехканские массы к широкой коллективизации.

Руководствуясь решениями ЦК ВКП(б), указаниями ЦИК СССР и Советского правительства, Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло ряд чрезвычайно важных постановлений, направленных на экономическую эмансипацию дехканок и кочевниц.

9 февраля 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) обсудило вопрос «О вовлечении батрачек, беднячек, середнячек в колхозное строительство».

Справедливо отметив, что женщины недостаточно еще вовлечены в колхозы, что повсеместно колхозницы юридически не оформлены членами сельхозартелей, отсутствует работа по организации женского труда в колхозах, колхозницы недостаточно выдвигаются на руководящую работу колхозов и кооперации, а уровень систематической массовой воспитательной работы отстает от возросшей активности колхозниц, Средазбюро предложило партийным организациям в текущую весенне-посевную кампанию добиться решительного перелома в деле вовлечения батрачек, беднячек, середнячек в колхозы. Средазколхозцентру поручено было провести в феврале 1931 г. специальную декаду по вовлечению дехканок в колхозы и принятию их юридически членами сельскохозяйственной артели, а колхозно-кооперативным организациям республик — обеспечить активное участие женщин в отчетно-перевыборной кампании колхозов, организовать отчеты правлений колхозов на делегатских женских собраниях, слетах колхозниц, добиваться максимального участия женщин в общих собраниях [304, ф. 17, оп. 16, д. 43, л. 127].

Средазколхозцентру предлагалось выдвигать на руководящую работу не менее $^1/_3$ всего состава женщин, сделать правилом выдвижение женщин на должность заместителей председателей колхозов, возложив на них руководство подсобными отраслями сельского хозяйства, а колхозно-кооперативным системам — предусмотреть в производственных планах колхозов полное использование женского труда в течение всего года.

Средазбюро обязало партийные организации развернуть массово-воспитательную работу среди колхозниц и дехканок, регулярно проводить совещания женского актива, слеты по обсуждению производственных планов, организации труда, социалистического соревнования, культурно-бытового обслуживания, организовывать женские производственные совещания по подсобным отраслям

сельского хозяйства, курсы по подготовке женских кадров, школы ликбеза, женские уголки, экскурсии единоличников в колхозы, совхозы, МТС, в колхозы РСФСР и т. д.

Колхозцентру поручалось организовать трехмесячные курсы по подготовке женских колхозных кадров на 500 человек, одновременно обеспечив вовлечение дехканок, колхозниц во все другие агрономические курсы, обеспечить максимальное отчисление средств на развертывание бытовых учреждений: яслей, детсадов и т. п., ввести должность женорганизатора в штабы всех крупных хлопковых колхозов и в 11 совхозах Средней Азии.

Средазбюро ЦК учредило штатные единицы женорганизаторов в 11 райкомах и 4 парткомитетах совхозов и МТС Каракалпакии [304, ф. 17, оп. 16, д. 43, л. 97—98, 128—129].

Как видно из сказанного, выдвижение, подготовка и переподготовка женских кадров занимали большое место в деятельности Средазбюро ЦК ВКП(б) и местных партийных организаций. Насколько важное значение придавалось этому вопросу, видно из того, что должности женорганизаторов — помощников начальников политотделов машинно-тракторных станций Средазбюро ЦК ВКП(б) числило в своей номенклатуре и женские кадры, рекомендованные на эти должности, утверждались ЦК [304, ф. 17, оп. 16, д. 33, л. 105—106; д. 56, л. 27—94; д. 59, л. 39—53; д. 41, л. 44—53; д. 40, л. 31—179]. Об этом же говорит и факт назначения 11 ноября 1933 г. заведующей женсектором агитационно-массового отдела (АМО) Средазбюро ЦК А. А. Аксентович помощником начальника политсектором уполномоченного Наркомата земледелия СССР по Средней Азии [304, ф. 17, оп. 16, д. 58, л. 70].

В годы сплошной коллективизации сельского хозяйства Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло ряд решений о проведении выборов и перевыборов делегатских собраний (26 июня 1928 г., 26 августа 1930 г., 19 октября 1930 г., 19 декабря 1930 г.— совместно с ЦК КП(б) Узбекистана, 9 декабря 1930 г., 13 июня, 3 ноября и 28 ноября 1931 г., 20 апреля 1933 г.). В этих решениях Средазбюро ЦК ВКП(б) обращало особое внимание ЦК КП(б) республик, обкомов, окружкомов, уездкомов партии на необходимость добиваться значительного повышения трудовой активности колхозниц, выдвижения их на руководящую работу в колхозах, поднятия их на борьбу и преодоление трудностей и т. д. [304, ф. 17, оп. 16, д. 13, л. 183—185; д. 42, л. 113—115; д. 21, л. 62—133; д. 47, л. 175—179; д. 33, л. 200]. В них особо подчеркивалось, что делегатские собрания колхозниц должны помочь организационно-хозяйственному укреплению колхозов, юридическому оформлению женщин членами сельскохозяйственных артелей, овладению колхозницами техникой колхозного производства [304, ф. 17, оп. 16, д. 47, л. 175].

В 1932 г. состоялось Среднеазиатское совещание женсекторов партийных комитетов, которое отметило возросшую активность

женских колхозных масс в борьбе за выполнение хлопковой программы и за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, за развертывание социалистического соревнования. Вместе с тем остро обсуждались недостатки в организации и оплате женского труда и вопрос необходимости принятия решительных мер для исправления положения. На этом совещании было принято Положение о выборах делегатских собраний.

В повышении активности дехканок немалую роль сыграла кооперация — потребительская, промысловая и сельскохозяйственная.

В организации потребительской кооперации и охвате ею дехканок активную помощь оказывали женские лавки. Им предоставлялись льготы по рассрочке паевого взноса на 2 года, дефицитные товары (например, чай и др.) и т. д. [304, ф. 62, оп. 1, д. 1315, л. 53—58].

С каждым годом увеличивалось количество женщин — членов потребительской кооперации в Средней Азии. Так, в 1927 г. женщин—членов кооперации по Средней Азии было 9202, к 1928 г. их стало 19 741 (см. [251, с. 4]). В 1929 г. число женщин — членов кооперации Таджикистана было 4384, а в 1933 г. — уже 18 тыс. [626, 6.III.1933].

Вовлечение женщин в кооперацию в эти годы обсуждалось во всех партийных, советских инстанциях. Например, 29 ноября 1927 г. оно обсуждалось на II партийной Ташкентской окружной конференции. Делегаты отметили, что усилилась работа по кооперированию женской массы [304, ф. 62, оп. 1, д. 1317, л. 227—228].

Постановлением Президиума ЦИК Казахстана «О состоянии работы по вовлечению женского труда в производство по Казахстану» (от 21 марта 1932 г.) Казкрайсоюзу потребительских обществ поручалось развернуть массовую работу по охвату женщин кооперированием (доведя его до 65%); провести выдвижение и продвижение женщин в состав правлений районных обществ потребкооперации, председателей аулсельпо, а также заведующих магазинами и работников прилавка; развернуть дальнейшую кампанию за активное участие женских масс в деле по улучшению общественного питания, работы кооперации, снабжения детских и школьных учреждений [301, ф. 30, оп. 2, д. 819, л. 75].

В Ленинском районе Алма-Атинского округа во втором полугодии 1928 г. была организована сельскохозяйственная женская артель из 57 женщин, в которую вошли уйгурки, казахские женщины и часть русских (см. [111]).

В докладной записке заведующей Акмолинским губженотделом Дорофеевой от 19 января 1928 г. говорится о результатах обследования сельскохозяйственной женской артели в селе Сенном Петропавловского уезда Ленинской волости [301, ф. 248, оп. 1, д. 13, л. 47].

Можно без преувеличения сказать, что вовлечение дехканок в колхозы началось с шелководства, издавна считавшегося жен-

ским ремеслом. 25 декабря 1930 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о проведении месячника по шелководству. Основная задача месячника заключалась в широком кооперировании женских трудящихся масс шелководок, использовании бедняцких фондов для кооперирования беднячек и батрачек, активизации колхозниц путем проведения конференций, производственных совещаний, кишлачных курсов по повышению агротехнической грамотности с привлечением шелководок, делегаток и всего женского актива, а также выявления активисток-колхозниц, батрачек, беднячек для выдвижения их на кооперативно-колхозную работу.

В 1930 г. II Среднеазиатское партийное совещание обсудило перспективы развития шелководства в Средней Азии и признало, что все партийные и общественные организации должны уделять максимальное и неослабное внимание делу активизации женщин-шелководок и вовлечению их в шелководческую кооперацию. Предлагалось повсеместно организовывать краткосрочные женские курсы по подготовке дехканок-шелководок, а также девочек-подростков, кружки по шелководству при женских клубах, красных уголках, в женских артелях и пр. [667, 15.I.1930]. Как уже убедился читатель, вовлечение девочек-подростков в школы, женские клубы, артели способствовало преодолению ранних браков, вырывало их из цепких клещей родовых отношений.

15 января 1930 г. Президиум ЦИК Туркменской ССР выступил с Обращением к дехканам и дехканкам с призывом увеличить за первую пятилетку в пять раз урожайность коконов шелкопряда. Указывалось на резервы такого роста [667, 15.I.1930].

«Шелковая кооперация — база экономического и бытового раскрепощения дехканок,— говорилось в статье „Рычаг коллективизации“ в газете „Туркменская искра“ от 15 января 1930 г.— Шелковая кооперация будет женской, шелковая кооперация будет одним из рычагов экономического раскрепощения женщины, передачей ей непосредственно в руки результатов ее труда».

Газеты сообщали, что 42 туркменки в Керкинском районе окончили курсы инструкторов по шелководству. Женщины явились решающей силой в коконозаготовке республики [663, 8.III.1934, 8.III.1935; 667, 15.I.1930, 26.I.1936].

В Таджикистане широко известно имя канибадамской колхозницы Джанон Уруновой. В 1932 г. она возглавила шелководческое звено и получала высокие урожаи коконов тутового шелкопряда. Джанон Урунова — Герой Социалистического Труда. У нее много последователей: Сабохат Шербаева, Оломджан Байматова и др. [380, с. 25, 26].

Успешно развивалось шелководство и в Казахстане (см. [111]). В Киргизии, в г. Фрунзе, была организована шелководческая артель, получившая бывший участок Стародубцева с 3 тыс. тутовых шелковиц для организации опытно-показательного шелководства [301, ф. 97, оп. 1, д. 19, л. 101]. А в 1929 г. в Киргизии насчитывалось уже 19 шелководческих артелей [548, с. 68, 82].

В Киргизии первостепенное значение уделялось обучению женщины-колхозницы агрономическим знаниям. В 1927/28 г. сельскохозяйственными курсами здесь были охвачены 4311 колхозниц, в то время как всего по всей Киргизии женщин-колхозниц было 7418, а одиночных женских хозяйств — 124. Наркомат земледелия отпустил 400 рублей на курсы по молочному хозяйству для женщин-националок, организованных на Джайляу Сусамыр [301, ф. 97, оп. 1, д. 19, л. 100—101].

Президиум ЦИК Казахской АССР в постановлении о состоянии работы по вовлечению женщин в производство по Казахстану, принятом 21 марта 1932 г., отметил, что женский труд во всех отраслях народного хозяйства занимает значительное место, одновременно все более возрастает применение женского труда в социалистической реконструкции сельского хозяйства.

ЦИК поручил крайколхозсоюзу развернуть массовую работу среди женщин-колхозниц (мобилизуя их внимание на проведение весеннего сева, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, на создание женских бригад на время полевых работ, на развертывание социалистических методов труда — соцсоревнования и ударничества), обеспечить выполнение намеченного крайколхозсоюзом плана выдвижения женщин на руководящую работу по всей системе крайколхозсоюза, а также подготовки производственных кадров из женщин-колхозниц [301, ф. 30, оп. 2, д. 819, л. 73—75].

Председатель ЦИК Казахской АССР указывал в августе 1935 г. в своем докладе о состоянии работы среди женщин Казахстана: в 1932 г., по неполным данным, было организовано 280 женских бригад, а в 1933 г. только в двух областях (Актюбинской и Восточной) — 229, охватив 2268 женщин. Открыто 22 детяслей и детплощадок. На руководящие должности выдвинута 21 женщина, в том числе одна завфермой и две женщины помощниками мастеров маслозавода.

Ударницей социалистического строительства Казахстана была Жанкунус Акишева — член союзного Совета Национальностей, которая с 1929 г. работала дояркой в совхозе им. Калинина Павлодарской области. Ж. Утебаева, доярка колхоза «Кзыл-Жие» Кокчетавского района Карагандинской области,— делегатка II съезда колхозников-ударников. Члены казахского правительства — Исианова, лучший бригадир, ударница Семипалатинского мясокомбината, Рублева — председатель Петропавловского сельсовета Бельгачевского района, Косымжанова — лучшая доярка и работница по искусственному осеменению овец и др. [301, ф. 5, оп. 16, д. 152, л. 2—8].

Женщины-колхозницы активно участвовали в общественном производстве — в земледелии, животноводстве, шелководстве и других отраслях сельского хозяйства Казахстана.

Выше уже говорилось о договоре Узбекистана и Туркменистана по вовлечению женщин в общественное производство и куль-

турное строительство, заключенном в августе 1931 г. Вот его краткое содержание в области работы среди дехканок:

— Третий год пятилетки является решающим в деле выполнения пятилетки в четыре года, годом завершения постройки фундамента социалистической экономики и разрешения проблемы хлопковой независимости. Исходя из этого, советские и общественные организации Узбекистана и Туркмении заключают договор на социалистическое соревнование по развертыванию массовой работы среди работниц, батрачек, жен рабочих, колхозниц, единоличниц-беднячек, середнячек по вовлечению их в активное участие в социалистическом строительстве и берут на себя обязательства по массовой работе среди колхозниц, беднячек, батрачек и середнячек.

— Все содержание массовой работы необходимо подчинить задаче мобилизации широких женских масс на борьбу за хлопковую независимость, на дальнейшее развертывание сплошной коллективизации и на ее основе ликвидации кулачества как класса. Массовая работа должна быть направлена на развертывание производственной активности и хозяйственной инициативы колхозниц путем вовлечения колхозниц в активное участие в составлении хозяйственных планов колхозов, правильной организации и учета женского труда в колхозах, внедрения сдельщины, установления норм выработки и правильной оплаты труда колхозниц в трудоднях, мобилизации колхозниц на борьбу с кулаком, решительное разоблачение и борьбу с кулацким влиянием в колхозах, развертывание критики и самокритики, полное оформление до 1 октября 1931 г. членами колхозов всех трудоспособных колхозниц, широкое вовлечение в колхозы единоличниц и т. д.

Обе республики брали обязательства организовать широкую проработку планов заготовки хлопка на делегатских, бедняцко-батрацких собраниях, на специальных межрайонных слетах колхозниц, районных конференциях женского актива, обеспечить активное участие каждой колхозницы и единоличницы в проработке и выдвижении встречных планов и в организации соцсоревнования, проверять и укреплять работу делегатских собраний, обеспечить максимальное вовлечение женщин-колхозниц в общие производственные и специальные женские производственные совещания в колхозах, при сельсоветах, широко вовлекая в них единоличниц — беднячек и середнячек, привлечь к уборке хлопка 100% трудоспособных женщин и девушек в колхозах и единоличных бедняцко-середняцких хозяйствах, наряду со смешанными организовать в колхозах специальные женские бригады по сбору хлопка, организовать в районах, особенно сплошной коллективизации, бригады селькоров из колхозниц, делегаток-активисток для широкого освещения в печати достижений и недочетов по организации женского труда в хлопкоуборочную кампанию и др. [303, ф. 3316, оп. 51, д. 5, л. 3—10].

«Договор миллионов» обсуждался на общих районных собра-

ниях, делегатских женских группах на предприятиях, в колхозах и являлся началом в развертывании работы по вовлечению колхозниц, единоличниц — беднячек и середнячек в колхозное строительство [305, ф. Р-86, оп. 1, д. 7996, л. 82—89].

Подводя итоги взаимопроверки «Договора миллионов», 4 марта 1933 г. ЦК КП(б) Туркменистана отмечал, что в 1932 г. в Туркменистане участвовали в посевной кампании 49 591 дехканка-колхозница, а в хлопкоуборочной — 71 570 женщин [667, 9.III.1933], а в 1933 г. в весенне-посевных работах участвовало уже 40 200, на обработке хлопчатника и уборке зерновых культур — 45 230 и на хлопкоуборочной — 111 240 дехканок [663, 8.III.1934].

Большая организационная и политико-массовая работа развернулась в Янги-Юльском районе Узбекистана по вовлечению дехканок в колхозное строительство [674, 31.I.1931].

В плане агитационно-массовой работы этого же района указывалось, что вся массовая работа среди женщин в связи с хлопкоуборочной и заготовительной кампаниями должна быть организована под знаком поголовного привлечения всех женщин к уборке и реализации хлопка, оформления всех женщин-колхозниц членами колхоза, улучшения организации женского труда и его учета, выдвижения лучших ударниц — батрачек, беднячек и середнячек в партию и на руководящую работу, мобилизации женщин-колхозниц на укрепление хозяйственно-политического благосостояния колхоза, на борьбу с чуждым элементом, вовлечения в члены колхоза беднячек и середнячек [674, I.IX.1931].

22 августа 1931 г. состоялась женская конференция Янги-Юльского района с обсуждением вопроса подготовки к хлопкоуборочной и участия в этой работе женщин.

Женщины района объявили себя мобилизованными на время сбора хлопка. Они решили на каждом участке, где работают женщины, организовать детясли, площадки, ликбез, красные уголки и передвижные столовые при каждой бригаде [674, 1.IX.1931].

11 января 1932 г. ударницы-колхозницы Старобухарского района писали труженицам Ферганы, что даже в колхозах в первые годы им пришлось бороться за равноправие, так как по старинке трудом считался только труд мужчин. «Только в колхозе мы стали жить зажиточно», — писали они [642, 11.I.1932].

Включаясь в борьбу за выполнение хлопковой независимости, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, женщины-ударницы отдельных районов показали образцы социалистического труда, были примером в соревновании и ударничестве.

Вся предшествовавшая многогранная работа по эмансипации тружениц села сказалась на невиданном трудовом и политическом подъеме дехканок.

В 1931 г. всю страну облетела радостная весть о трудовом героизме колхозниц Фарабского района Туркменской ССР [см. подробно 488].

В колхозах хлопкосеющих районов республик Средней Азии уже в 1935 г. каждая семья получала годовой доход деньгами по 13—14 тыс. рублей, а в отдельных звеньях, где был хорошо организован труд колхозников,— по 14—18 тыс. рублей. Кроме того, получали в натуре пшеницу и другие товары, положенные на трудодни, согласно решению общего собрания колхозников и колхозниц [667, 17.II.1936].

В апреле 1929 г. состоялся II съезд Советов Таджикской АССР, который принял постановление о проведении колхозного строительства в Таджикистане. В 1929 г. в Таджикистане уже было 209 колхозов, объединявших 2800 крестьянских хозяйств. В 1930 г. Таджикистан перешел к сплошной коллективизации, и к концу года в колхозы влилось 27 999 дехканских хозяйств, что составляло 13,8% всех дехканских хозяйств [380, с. 18].

Невозможно переоценить роль колхозов в проведении всех мероприятий по повышению активности женщин. В 1933 г. в колхозе «Большевик» Ходжентского района Таджикистана было только три грамотные женщины. По выдвижению женщин на руководящую работу, по большему втягиванию их в колхозно-производственную работу фактически ничего не делалось. А 8 марта 1935 г. газета «Рабочий Ходжента» писала: «Прошло два года... Не узнать теперь колхозниц колхоза „Большевик“. За это время проведена большая работа среди колхозниц. В колхозе сейчас 70 грамотных женщин, 140 учатся в ликбезе. Посланы на учебу вне колхоза: на краткосрочные агротехнические и шелководческие курсы — три колхозницы, в дошкольный техникум — три, в педтехникум — две и высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу — одна. 253 женщины вовлечены в постоянную колхозно-производственную работу, из них 153 — ударницы.

Непрерывно идет выдвижение на более квалифицированную и руководящую работу. Почетна в колхозе работа поливальщиков, и раньше никогда к ней не допускались женщины, а теперь в колхозе „Большевик“ 14 поливальщиков — женщины. Пять колхозниц работают помощниками бригадиров, и правление колхоза вполне довольно их работой. Некоторые женщины колхоза „Большевик“ становятся знатными, почетными людьми...

Колхоз „Большевик“ не является исключением, аналогичные цифры и факты также имеются по колхозам „Коминтерн“ и др.».

В Наусском районе Таджикистана в 1932 г. 669 ударниц собрали 43 547 пудов хлопка за короткий период. В Канибадамском районе женщины активно боролись с прогульщиками. В 1932 г. в колхозах и совхозах Таджикистана насчитывалось 2502, а в 1933 г.— 3000 ударниц-колхозниц [454, с. 28].

Многое для женщин — дехканок Средней Азии было новинкой — и равноправное членство в колхозе, и выработка трудодней, и равная оплата за равный труд, и выдвижение звеньевыми, бригадирами, членами правления, заместителем и даже предсе-

дателем колхоза, и детские ясли и сады, и профессия трактористки.

Средазбюро проверяло деятельность Тракторцентра в подготовке женских кадров массовой квалификации. Были установлены ударные участки по подготовке женщин-трактористок и полеводов [304, ф. 17, оп. 16, д. 20, л. 14—15].

Газета «Правда Востока» 8 марта 1932 г. писала о Мугдже Мавляновой, первой трактористке, бывшей батрачке, члене колхоза «Кзыл-Угуч», передовой работнице, по собственному желанию пошедшей учиться на курсы трактористов-рулевиков Фарабского района.

Средазбюро ЦК ВКП(б) проводило специальный двухдекадник по организации женского труда в колхозах, широко используя опыт передовых районов — Фарабского в Туркменистане и Кокандского в Узбекистане. В помощь местным парторганизациям на места посылались студенты высших учебных заведений и опытные партийные работники из центра. Республиканские газеты широко освещали опыт передовых колхозов и ударниц [см. 480; 486; 488].

Повсеместно в кишлаках, аулах и кочевьях Средней Азии и Казахстана организовывались детские учреждения. Культурно-бытовое обслуживание работниц и колхозниц было одной из основных задач по работе среди женщин.

Расширение сети детских учреждений создало возможность массового участия дехканок на колхозных полях.

С каждым днем росла роль женского труда на хлопковых полях Узбекистана. Если в 1931 г. женский труд применялся в основном на сборе хлопка, то уже в 1932 г. труд женщин-колхозниц внедрился во все полевые работы, во все процессы колхозного производства — очистка семян, внесение удобрений, мотыжение, окучка, прополка посевов. В посевной 1932 г. участвовала 48 541 колхозница Узбекистана, а в социалистическом соревновании только по 9 районам 4098 участниц вышли в ударницы [303, ф. 3316, оп. 51, д. 5, л. 7].

В эти годы в зимнее и летнее время во всех сельских районах Средней Азии проходили конференции, собрания колхозниц и делегатские собрания. В 1932 г. в период подготовки к окучке хлопчатника слеты кетменщиц проходили в 10 районах, охватив в Коканде 1200, а в Маргелане — 123 колхозницы. Перед хлопкоуборочной прошли массовые конференции колхозниц в 69 районах Узбекистана. В них приняли участие и работники детских учреждений.

Массовый выход женщин на поле становится общим явлением во многих районах республики (см., например, [303, ф. 3316, оп. 51, д. 5, л. 5—11]). Уже в 1934 г. дехканки Узбекистана принимали участие во всех работах по хлопку (пахота, сев, полив, окучка, сбор хлопка), в колхозном животноводстве (особенно в работе молочнотоварных ферм). Колхозница стала равноправ-

ным членом колхоза, имела свою трудовую книжку и самостоятельно получала свой доход [303, ф. 3316, оп. 51, д. 9, л. 120].

Из года в год неизменно росло число дехканок, вступающих в колхозы и совхозы. Если в 1932 г. в колхозах Таджикистана работало 55 253 женщины, то год спустя их было около 75 тыс. Повышалась общественная и трудовая активность женщин, колхозницы активно включались в социалистическое соревнование и ударничество. В 1932 г. в колхозах и совхозах насчитывалось 2502 ударницы, а к началу 1933 г.— более 3000 (см. [454, с. 28]). Возросшую активность колхозниц особенно ярко показали перевыборы правлений колхозов в начале 1934 г. Не оказалось ни одного колхоза, в правление которого не была бы избрана женщина. В трех колхозах женщины были выдвинуты на должность председателя. Перевыборам предшествовало массовое оформление женщин в члены колхоза. Выросла посещаемость собраний. Интересно отметить и качественно новое в поведении колхозницы на собраниях. Если еще совсем недавно женщины только слушали выступления мужчин, то теперь они и задавали вопросы. Во многих колхозах женщины уже активно участвовали в прениях [626, 8.III.1934].

В 1932 г. в 61 хлопкосеющем районе Средней Азии работала 11 171 женская производственная бригада. Число женщин — членов сельскохозяйственных артелей выросло до 189 117. Было организовано 2214 детских яслей с охватом 114 280 детей (см. [488, с. 219]). А к концу первой пятилетки по Средней Азии уже 70% женщин деревни были членами колхоза [624, 6.III.1933].

Но на пути велики еще были трудности. Дехканкам-колхозницам приходилось преодолевать немало препятствий. Еще цепко держались пережитки, неравное отношение к женщине. И главной из трудностей было упорное нежелание признавать дехканку равным с мужчиной работником.

Как Средазбюро ЦК ВКП(б), так и ЦК КП(б) республик подвергали тщательному анализу состояние женского труда в колхозе, факты ущемления прав колхозниц [304, ф. 17, оп. 16, д. 42, л. 25—29; д. 46, л. 4; д. 17, л. 66—105; д. 19, л. 152—157; д. 20, л. 19, 37, 101].

Средазбюро ЦК ВКП(б) систематически проверяло выполнение своих решений о вовлечении женщин в колхозы, выявляя серьезные недочеты. К 20 июня 1931 г. по всему краю было оформлено членами сельскохозяйственных артелей всего 63 686 (7,9%) женщин. Партийные организации на местах все еще не понимали значения оформления дехканок членами артелей. Отмечались факты механического зачисления в колхозы жен совместно с мужьями. Не заводилось отдельных расчетных книжек у работающих колхозниц, допускались нарушения в оплате их труда.

Средазбюро ЦК потребовало от партийных организаций решительного пресечения этих нарушений, мешающих укреплению

колхозов и активизации дехканок. Незыблемым оставался принцип равной оплаты за равный труд, вводилась сдельщина.

ЦК КП(б) Узбекистана и правительство республики установили срок 1 июля 1932 г. для оформления юридически всех (100%) колхозниц членами сельхозартели во всех 9753 колхозах Узбекистана. Однако, по сведениям 69 районов, на 1 апреля 1932 г. всего трудоспособных женщин было 648 194, из них оформлено членами колхоза 327 797 и участвовала в посеве 48 541 женщина (14%) [303, ф. 3316, оп. 1, д. 5, л. 7].

Даже в 1934 г. в докладе Орготдела ЦИК Узбекской ССР отмечалось, что еще не все колхозницы оформлены членами колхозов, зачастую трудодни записывались в книжки их мужей. Правления колхозов нередко не приглашали женщин на производственные совещания колхозников (Бухара, Зеленск, Кува и др.) [303, ф. 3316, оп. 51, д. 9, л. 121].

В докладе КУБТ ЦИК Таджикистана 1 января 1933 г. указывалось, что из 8,6 тыс. рабочих совхозов лишь 2 тыс. составляли работницы, что и в кишлаках также допускаются консерватизм и нежелание вовлекать женщин в колхозы [303, ф. 3316, оп. 51, д. 1, л. 3].

Газета «Туркменская искра» 24 февраля 1930 г. сообщала: «В Туркменистане против приема в колхоз женщин-беднячек выступил председатель районного животноводческого союза. И исполком его выступление одобрил». В том же Тахта-Базарском районе в 1931 г. из числа женщин не было выдвинуто ни одного бригадира, ни одной трактористки. В районе было открыто только 5 яслей. Результатом такого отношения к женщине и ее участию в колхозном производстве было выполнение плана хлопкозаготовок всего лишь на 61%.

Байские элементы, меняя свою тактику, приспосабливаясь к меняющейся обстановке, причиняли немалый вред колхозному строительству и экономической эмансипации женщин.

В ауле Изгаит Геок-Тепинского района был пущен слух, будто с объединением дехканских хозяйств произойдет и обобществление жен. 23 бедняка поверили байской клеветнической пропаганде и с семьями покинули колхоз «Туркменистан» (в их числе были и родители автора) [663, 2.VII.1931].

Бай Авлиякулов протащил свою дочь Назу ответственным секретарем Комиссии по улучшению быта тружениц Керкинского райисполкома и через нее стал причинять вред делу раскрепощения женщин. Им не были выписаны трудовые книжки, и тем самым они лишались права участвовать в управлении производством колхозов «Коминтерн» аула Астана-баба, «Социализм» аула Ташлык, «Комсомол» аула Сурхы этого района [см. 480].

В ауле Геокча-I Марыйского района бай Кул Комек долгие годы нагонял страх на трудящихся дехкан. К руководству в ауле пробрались родственники бая. В 1931 г. сбежала от бая его третья жена — Аманбиби Кулова. Она стала одной из видных ак-

тивисток — борцов за раскрепощение женщин в Марыйском районе. Аманбиби вступила в ряды Коммунистической партии, была избрана председателем колхоза «14 лет РККА», а затем председателем аулсовета Геокча-I, являлась участницей республиканских съездов Советов, VII съезда Советов СССР и избиралась членом ЦИК Туркменской ССР.

Дела у председателя аулсовета Геокча-I пошли хорошо. Колхозы аула ежегодно перевыполняли государственный план заготовок хлопка-сырца. Дехкане становились зажиточными. Женщины-колхозницы аула стали получать за трудодни по своим трудовым книжкам, о чем заботилась Аманбиби, как и о том, чтобы дети их были устроены в детские учреждения и школы [см. 480; 486; 488]. Но, убегая от Комек-бая, Аманбиби не успела освободить из заточения Огулджамал — вдову его сына. Четыре года сидела молодая женщина на железной цепи в конюшне за то, что осмелилась потребовать у него своей доли имущества после смерти мужа.

1 мая 1932 г. Аманбиби приехала на собрание правления колхоза «14 лет РККА», проходившее во дворе Комек-бая. Байский приспешник Анна Курбан Мамед — секретарь комсомольской ячейки выступал с докладом о раскрепощении женщины.

Аманбиби прервала доклад:

— Где Огулджамал?

— Не срывай торжественное собрание,— ответил кулацкий сынок.

Вот что рассказала Аманбиби:

«Я украдкой от людей обошла весь байский двор. В глубине двора, в конюшне, дверь которой была заложена балками и досками, обнаружила Огулджамал. Обе ноги плотно охвачены конной железной цепью. Огулджамал крепко была привязана к балке здания.

В помещении не было ни воздуха, ни света. В луже мочи и грязи сидела Огулджамал в грязной одежде. В помещении был тяжелый, вонючий воздух. Возле нее стоял сломанный чайник. Я села рядом с ней, и обе заплакали. Спохватившись, за мной прибежал председатель колхоза — родственник бая Кулам Мамед и приказал немедленно уходить. Я отказалась.

Потом прибежал сам Комек-бай и пригрозил:

— Ты встань, уходи. Если не уйдешь — потом пожалеешь!

Меня вывели из конюшни. Я во весь голос крикнула людям о том, где заточена и как страдала Огулджамал. Но никто не откликнулся. Меня заверили, что завтра ее освободят, проводили домой.

Прошло 5 дней, но никто ее не освободил.

Потом с помощью учителей колхоза тайком мы освободили Огулджамал, утаили от людей до августа месяца, пока не были арестованы байские главари аула» [см. там же].

Вскоре после этого Аманбиби стала председателем колхоза

«14 лет РККА», а лучшей его колхозницей и звеньевой — Огулджамал.

В Узбекистане в 1934 г. в 29 районах председателями колхозов работали 34 женщины, заместителями — 59, бригадирами — 257, табельщицами — 103, мирабами (поливальщиками) — 11, секретарями правления колхозов — 18, завхозами — 3, конюхами — 19 женщин [303, ф. 3316, оп. 51, д. 9, л. 120].

В Таджикистане было 10 женщин бригадиров, 2 — мирабов, 67 — инструкторов по выкормке червей и агентов по контрактации коконов. Были табельщицы, заведующие колхозными ларьками. На курсах колхозных бригадиров обучалось 12 колхозниц, на трехмесячных и шестимесячных курсах женактива — 95 человек, на курсах политехнизации — 35 колхозниц [624, 8.III.1934].

В связи с тем что в органах управления колхозами и в районной колхозной работе женщины принимали небольшое участие, совещание колхозниц Киргизской АССР в 1931 г. приняло резолюцию, где указывалось: «В течение сентября и октября 1931 г. выделить 20 женщин-колхозниц на районную колхозную работу, а также принять решительные меры по вовлечению женщин-колхозниц в управление колхозным хозяйством» [298, ф. 10, оп. 7, д. 176, л. 26—28].

В Туркменской ССР в 1934 г. 20 туркменок работало председателями колхозов, 73 — бригадирами, насчитывалось 155 женщин — членов правлений колхозов [см. 480].

Важной вехой в колхозном строительстве и экономической эмансипации крестьянок явилось принятие в 1934 г. II Всесоюзным съездом колхозников-ударников Примерного устава сельскохозяйственной артели. В нем нашло отражение равноправие полов в обществе и в семье. В члены артели, говорилось в нем, могут вступать все трудящиеся, как женщины, так и мужчины, достигшие 16-летнего возраста.

На правление сельхозартели возлагалась задача вовлекать женщин в колхозное производство и общественную жизнь артели, выдвигая способных и опытных колхозниц на руководящую работу, разгружая их по возможности от домашних работ путем создания яслей, детских площадок и т. д. Был предусмотрен отпуск по беременности с сохранением средней выработки трудодней в половинном размере.

Чрезвычайно важным было положение Устава об оценке каждой выработки в трудоднях и особенно о «распределении доходов артели между членами... исключительно по количеству выработанных каждым членом артели трудодней» [235, с. 22, 27].

Разумеется, и после принятия Примерного устава в некоторых колхозах делались попытки ущемления прав колхозниц. Но партийные, советские и комсомольские организации, государство и советская печать зорко стояли на страже интересов женщины.

С принятием Примерного устава сельскохозяйственной артели неизмеримо поднялась активность колхозниц. С вступлением в

колхоз дехканка становилась и экономически равноправной с мужчиной. Она сама активно стала помогать партийным и советским органам в вовлечении женщины в строительство социализма, в борьбе с нарушителями советских законов о равноправии женщин.

В истории раскрепощения дехканок заметные следы оставили совещания передовых колхозников и колхозниц по хлопководству Туркменской, Таджикской и Узбекской ССР с руководителями Коммунистической партии и Советского правительства, а также передовиков зерноводства Казахской и Киргизской ССР в Москве в 1935 г. ЦИК СССР наградил тогда 208 колхозников (из них 37 колхозниц Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Таджикистана и Каракалпакии) орденами Советского Союза [148, с. 143].

В Таджикистане Хамра Биби Абилова и сотни ее учениц и последовательниц, такие, как Файзили Абдуллаева, Хол Биби Кадырова, Гульсай Салиева (Шаартуз), Худайбердыева (Шахринау), Рустамова (Исфари), Шадион Хаитова (Бауманабад) и др., героически боролись за хлопок, за хлопковую независимость Советского Союза [см. 111].

Далеко за пределами Киргизии были известны имена передовиков колхозного труда Кулбюбю Солтомбековой — звеньевой колхоза «Каирма», Шаирбюбю Тезекбаевой — звеньевой колхоза «III Интернационал», Суракан Кайназаровой — дважды Героя Социалистического Труда. В декабре 1935 г. ЦИК СССР наградил орденами Союза ССР 15 лучших мастериц социалистического земледелия Киргизии. В феврале 1936 г. такой же награды были удостоены 22 лучших мастера социалистического животноводства [548, с. 110—111].

Женщины-казашки также заняли свое достойное место в колхозах. Стахановской работой, беззаветной борьбой за укрепление колхозного строя они заслужили всеобщее уважение и авторитет. Казашка стала большой силой в ауле, в колхозе. Она завоевала полное равенство с мужчиной. 24 стахановки республики награждены орденами Советского Союза за выдающиеся достижения в сельском хозяйстве. Женщина-казашка сыграла исключительную роль в подъеме животноводства. Свыше 6 тыс. женщин были избраны в члены аульных, сельских, городских Советов, районных исполкомов, правлений колхозов. Более 5 тыс. женщин возглавили колхозные бригады. Немало женщин-казашек на посту председателей райисполкомов, колхозов, немало прокуроров, народных судей. Депутат Верховного Совета Казахской ССР казашка Ермагамбетова избрана на высокий пост заместителя председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР. За годы Советской власти десятки тысяч казашек научились читать и писать. Девушки-казашки учатся в школах, техникумах и вузах. Многие казашки стали учительницами, врачами, агрономами, инженерами [160, с. 115].

Яркой демонстрацией духовного роста колхозной женской молодежи явились конные пробеги, совершенные в 1936 г. в честь VII съезда комсомола Туркменистана.

Первый конный пробег Чарджоу — Ашхабад был организован комсомолками Чарджоуского и Фарабского районов. Его инициатором выступила Геджек Бекиева — колхозница колхоза «Тезеоба» Чарджоуского района. Она участвовала в пробеге комсоргом конного отряда. В пробеге вместе с ней участвовали 12 девушек. Мама Мирзоева, секретарь Фарабского райкома ЛКСМТ, была помощником политрука. Участниками конного пробега были передовые колхозницы, выработавшие от 370 до 490 трудодней в год; это были искусные сборщицы хлопка-сырца.

За 13 дней, со 2 по 15 февраля 1936 г., отважные комсомолки прошли 587 километров, из них 220 км через почти непроходимые барханные каракумские пески [667, 15.II.1936].

Одновременно был организован конный пробег девушек Карры-Калинского района по маршруту Карры-Кала — Ашхабад. Он также был посвящен VII съезду комсомола Туркменистана.

Вслед за этим 19 отважных комсомолок Керкинского района, 10—30 апреля 1936 г. совершили конный пробег Керки — Ашхабад, мужественно преодолев расстояние в 1000 км. Незабываемый смелый переход керкинских девушек-туркменок был посвящен X съезду ВЛКСМ.

Эти невиданные в истории женской молодежи Туркменистана смелые конные пробеги явились замечательной демонстрацией политического, духовного и физического роста туркменок. Они имели чрезвычайно важное политическое значение. Старая туркменская пословица гласит: «Когда жаворонок сядет на куст, а женщина — на коня, настанет конец мира». Поступок туркменских девушек показал, что действительно наступил конец старому, феодальному миру и победил новый мир, свободный от социального и национального гнета, мир, в котором все трудящиеся — мужчины и женщины — являются равноправными. Он также свидетельствует о том, что у туркменских колхозниц доблестный труд выявил новые черты характера — самостоятельность, силу воли.

Преодолев огромные трудности — политические и материально-технические,— трудящиеся во главе с партией добились победы колхозного строя.

В 1938 г. в Узбекской ССР было объединено в колхозы 98,8% крестьянских дворов. Из 1 765 700 человек, работавших в колхозе, 45% составляли женщины [291, с. 100].

В Туркменской ССР в 1938 г. объединилось в колхозы 96,9% крестьянских дворов. Из 150 тыс. женщин, составлявших 44% трудоспособного крестьянского населения, уже в 1933 г. на уборке хлопка работали 111 240 колхозниц. А в 1938 г. 31,8% всех трудодней были выработаны колхозницами [197, с. 25].

Женщина начинала принимать активное участие в управлении многоотраслевым, сложным хозяйством колхозов. В 1938 г. до-

стигнут решительный перелом в выдвижении женщин. В Узбекистане работало председателями колхозов 267 женщин, заместителями — 487, председателями ревизионных комиссий — 171, бригадирами-полеводами — 1002, агрономами, зоотехниками, ветеринарами — 19, заведующими колхозными фермами — 31. В Таджикской ССР в 1943 г. 70% трудодней заработали колхозницы, 45 женщин стали Героями Социалистического Труда, 4 тыс. были награждены орденами и медалями [286, с. 18, 165].

Благодаря социалистическому колхозному строю раскрепощенная женщина Востока стала великой созидательной силой.

Широкое применение передовой отечественной техники облегчило труд колхозника и колхозницы, неизмеримо повысило производительность в колхозе и в огромной степени подняло культурный уровень и благосостояние колхозников. Денежный доход колхозов в Узбекской ССР составлял в 1933 г. 343,7 млн. рублей, в 1937 г. — 2190 млн. [227, с. 16].

В долгой и упорной борьбе за раскрепощение женщин советского Востока Коммунистическая партия и Советская власть одержали полную победу. С вовлечением женщины в социалистическое строительство было осуществлено фактическое равноправие женщины. В выполнении великой задачи раскрепощения женщины важнейшую роль сыграли колхозы.

В очерке «Нуриниса Гулям едет на осле» Юлиус Фучик писал:

«...Многое изменилось в судьбе женщины Советского Востока, упала перегородка между женской и мужской половиной дома, свободно выглянуло лицо женщины из темниц чадры и паранджи. Женщина появилась на фабриках, на заводах, в учреждениях. Женщины стали свободными, самостоятельными, равноправными, и труд дал им уважение, которое отнимал у них когда-то ислам.

Но один старый обычай удержался. На базар муж ездит на осле, на коне, на верблюде, а жена идет рядом с ним пешком.

Нуриниса была лучшей работницей в колхозе, муж уважал ее... но все же он ездил на базар на осле, а она шла пешком.

Но вот Нуринису вызвали в Москву и в Кремле наградили орденом. Сегодня она возвращается домой, а муж встречает ее на вокзале.

...Когда Нуриниса вышла из вагона, муж взял ее за руку... и на площади перед вокзалом посадил на разукрашенного осла. Сам он пошел рядом, серьезный и гордый. Так он прошел весь кишлак, а потом взял жену под руку и ввел ее в дом. Так Гулям победил свой последний предрассудок, последний, старый обычай, который напоминает старое прошлое восточной женщины-рабыни...

Веселая история с Нуринисой и ее мужем — это мажорный аккорд в измененной женской судьбе, это уже только отстранение маленького камешка с дороги восточной женщины, с дороги, на которой в течение целых веков стояли непроходимые препятствия» [561, с. 96—97].

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИНЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Вовлечение женщин Средней Азии в общественную жизнь началось с первых же декретов Туркестана и республик Средней Азии о женском равноправии, с мероприятий партии и государства по их осуществлению, с первых женских клубов, Домов дехканок, Красных юрт и уголков, женских школ ликбеза, учреждений охраны материнства и младенчества, школ и классов девочек, с учреждением комсомольских организаций для девушек, пионерских отрядов для девочек, женских курсов и учебных заведений и завершилось массовым вовлечением женщин в строительство социализма в области культуры, просвещения, здравоохранения, науки, в управление государством, отраслями народного хозяйства. Оно явилось составной частью всех мероприятий Коммунистической партии и Советского государства по эмансипации женщин Востока и осуществлялось в острой классовой борьбе путем преодоления цепких пережитков рабского прошлого женщины.

Охране материнства и детства Советское государство буквально с первых же дней своего существования придавало первостепенное значение. Декрет об охране материнства и младенчества, подписанный В. И. Лениным, — один из первых документов первого в мире социалистического государства.

Охрана здоровья детей и их воспитание в СССР обеспечиваются развернутой сетью детских лечебно-профилактических учреждений, детских больниц и консультаций, поликлиник, детских садов и яслей, летних оздоровительных площадок, пионерских лагерей и других учреждений.

Основатель и вождь Советского государства В. И. Ленин назвал детские сады и ясли ростками коммунизма, говорил, что они призваны по-коммунистически воспитывать новые поколения, освободить женщину от домашней кабалы, помочь ей стать активным строителем коммунизма.

Детские дошкольные учреждения сыграли огромную роль в приобщении женщин Средней Азии к социалистической культуре: они высвобождали время женщины для участия в общественно полезном труде и для культурного досуга; способствовали развитию санитарной гигиены и культуры; помогали, и это главное,

коренному улучшению здоровья детей; содействовали воспитанию нового поколения молодежи в коллективе с детских лет и, наконец, способствовали активному приобщению женщины-матери к общественно полезному труду и повышению ее роли в культурном строительстве.

Организацией учреждений по охране материнства и младенчества руководили партийные, советские и профсоюзные органы. Как это происходило?

Почти всюду в Средней Азии первые детские ясли и сады были закрытого типа, ибо бывали отдельные дикие случаи хищения и умерщвления детей, организуемые классовым врагом. Только преодолев звериную ярость классовых врагов, эти учреждения стали переводиться в открытую сеть — начиная лишь с 1925—1926 гг. Так, учреждений охраны материнства и младенчества (ясли, консультации) открытого типа в 1928 г. в Казахстане было 39 против 3 в 1922 г., а закрытого типа — соответственно 3 и 33. Постепенно росла сеть летних яслей в сельской местности. Если в 1924 г. в КазССР было 8 летних яслей, то в 1928 г. их было организовано 109. К 1930 г. по десяти округам Казахстана работало 554 сезонных яслей и 392 детские площадки, а на 1 июля 1931 г., по данным только 67 районов г. Алма-Аты и Турксиба, было развернуто 1826 детских яслей и 967 детских площадок. Из этого количества 1160 детских яслей и 572 детские площадки работали во время посевной кампании в колхозах [300, ф. 5, оп. 11, д. 377, л. 82—83].

Красные юрты, как уже говорилось, были и передвижными акушерскими пунктами. Всего в Казахстане в 1930 г. было 392 родильные койки. Распределялись они следующим образом: в столице — 0,41 на тысячу населения, в сельских местностях — 0,017 на тысячу. Не хватало акушерок для организации и разъяснительной акушерской работы среди оседлого сельского населения, не говоря о кочевьях, не хватало постоянных медицинских участков — как базы для развертывания акушерской помощи.

В организации охраны материнства и младенчества после фанатизма населения главной трудностью был острый дефицит не только во врачах, но и в медсестрах и акушерках, низкая оплата труда акушерок, неимоверно тяжелые условия жизни в степи, где могла вести работу только привыкшая к этим условиям местная жительница. Поэтому открытие в Казахстане двух акушерских техникумов для казашек имело огромное значение.

Для осуществления правильного руководства, создания научной базы охраны материнства и младенчества, для подготовки специалистов из коренного казахского населения казахское правительство к десятилетию женотделов положило основание Казахскому институту охраны материнства и младенчества [303, ф. 3316, оп. 21, д. 685, л. 76—79, 81—83, 84 об., 85 об.].

Воспрос вовлечения женщин в общественное производство мог быть решен только с правильной организацией детского быта.

Мать — колхозница, работница, общественница — должна была быть обеспечена возможностью заниматься производственным трудом и культурно-просветительным образованием. Но даже и в 1928—1929 гг. во многих районах Киргизии матери еще остерегались пускать своих детей в дошкольные учреждения — сказывалось влияние баев, распространявших ложные слухи о детских учреждениях (например, в Нарынском районе).

Большой сдвиг и в этом отношении произошел в 1930—1931 гг. Несмотря на продолжавшуюся агитацию манапства, женщины не только охотно вели детей в дошкольные учреждения, но во Фрунзенском, Беловодском и многих других районах они потребовали немедленного открытия таковых, в особенности в районах коллективизации, где труд женщины играл первостепенную роль.

Для пропаганды идей дошкольного воспитания среди трудящихся и организации детских садов и яслей Наркомат просвещения Киргизии, например, в 1931 г. командировал 10 сотрудников в районы. В некоторых районах ими были организованы курсы для подготовки дошкольных работников, в других — велась подготовка кадров путем практической работы в детских учреждениях. Сеть детских площадок значительно увеличилась, и даже в отсталом Узгенском районе было открыто 8 детских площадок, а в хлопководческом Араван-Буринском районе — 22 площадки.

В июне 1931 г. во время месячника-культпохода были посланы по районам бригады для обследования и налаживания культурной работы, в том числе разъяснительной и обследовательской по дошкольному воспитанию и развитию сети дошкольных учреждений. Количество охвата детей сетью дошкольных учреждений в 1931 г. превысило намеченное планом, особенно в связи с ростом коллективизации и внедрением женского труда в сельское хозяйство. Увеличилось количество курсов по дошкольному воспитанию: проведено десять выпусков с количеством учащихся 364 человека, из них женщин коренного населения — 52%.

Всего в Киргизии в 1931 г. функционировали 354 детские площадки (с охватом 11 944 детей), 44 детских сада (2760 детей), 25 детских комнат (500 детей) [298, ф. 10, оп. 7, д. 176, л. 18—21; д. 180, л. 148—157].

В Туркменистане организация охраны материнства и младенчества началась с расширенного Туркменского областного экономического совещания 14 июля 1923 г., на котором было принято решение об открытии Дома матери и младенца [см. 111].

В Таджикистане Совнарком республики 16 января 1929 г. принял постановление об усилении обслуживания яслями детей работниц и дехканок. В целях наиболее полного охвата яслями детей работниц и дехканок СНК Таджикистана предложил вилаятским исполнительным комитетам при утверждении смет местных органов здравоохранения предусматривать систематическое увеличение средств, ассигнуемых на организацию, содержание и строительство яслей, как в городских, так и в кишлачных мест-

ностях, обязал исполнительные комитеты, государственные учреждения и предприятия, а также кооперативные организации предусматривать при строительстве рабочих поселков постройку зданий для яслей начиная с 1928/29 г., установил для всех хозрасчетных, в том числе коммунальных, предприятий, а также кооперативных организаций, находящихся на территории республики, участие в расходах по содержанию яслей, обслуживающих работниц данного предприятия или организации, вне зависимости от того, находятся ли ясли на территории предприятия.

Правительством Таджикистана был предусмотрен ряд важных мер по организации охраны материнства и младенчества. Здесь, как и в ряде других республик, были организованы акушерские пункты и отдельные женские амбулатории, так как женщины-таджички в общие амбулатории не шли и предпочитали пользоваться услугами невежественных табибов (знахарей). И здесь основными трудностями были отсутствие работников охраны матмлада из таджичек, острый недостаток помещений, консервативные взгляды местных организаций. Нередки были случаи, когда учреждения матмлада выселялись из их помещений (Арал, Ура-Тюбе, Нау, Кзыл-Мазар и др.). А между тем учреждения эти имели политическое значение и являлись одним из главных рычагов раскрепощения женщин и воспитания здорового поколения.

Байство распускало различные слухи, будто детей берут, чтобы увезти их в Москву и сделать русскими, будто в яслях детей кормят свининой и т. п. В некоторых местах отсталые женщины под давлением байства и духовенства отказывались носить детей в ясли, так что в Кзыл-Мазаре и Локай-Таджике, например, их пришлось временно закрыть. Байским вылазкам районные организации не давали порой должного отпора, не организовали своевременной разъяснительной работы.

Но все же наперекор всем трудностям во время хлопкоуборочной 1931 г. были организованы и работали 285 сезонных яслей, в них приводили до 3000 тыс. детей и как опыт здесь впервые было проведено обслуживание яслей силами колхозниц, и опыт этот дал хорошие результаты. Сезонные ясли были организованы преимущественно в колхозах, совхозах и МТС хлопковых районов. Работники женских и детских консультаций, амбулаторий, яслей шли в кибитки дехканок, где встречали нередко недостаточно дружелюбный прием. Но в результате многократных посещений удавалось убедить матерей.

В 1931 г. были организованы краткосрочные двух-трехмесячные курсы подготовки работников яслей преимущественно из таджичек. Всего по республике пропущено через эти курсы 70 человек, по окончании направленные на работу в постоянные и сезонные ясли, а в 1932 г. до четырехсот колхозниц прошли курсы работниц детяслей.

12 января 1929 г. Президиум ЦК УБТ при ЦИК Советов Узбекской ССР принял решение об отпуске средств на организа-

цию детских очагов на фабриках и сезонных детских яслей для детей дехканок [305, ф. Р-86, оп. 1, д. 5877, л. 196]. 23 ноября 1929 г. СНК Узбекистана издал постановление о мерах по усилению обслуживания яслями детей работниц и дехканок, и в развитие этого постановления 24 февраля 1930 г. СНК Узбекской ССР постановил увеличить фонды для детских яслей. Это, безусловно, было серьезным началом в организации и развитии охраны материнства и младенчества республики.

В результате осуществления комплекса мероприятий по матмладу уже в 1934 г. постоянными и сезонными яслями в Узбекистане были охвачены 121,6 тыс., в Туркменистане — 39,9 тыс., в Таджикистане — 27,6 тыс. детей. А детскими садами были охвачены в 1934/35 учебном году в Узбекской ССР (759 детсадов) 33 550 детей (из них в сельской местности в 478 детсадах — 16 478 детей), в Туркменской ССР — соответственно 12 525 (280 детсадов) и 5699 (180 садов), в Таджикской ССР — 1780 (46) и 850 (25) [138, с. 127].

Сеть консультаций охраны материнства и младенчества характеризовалась в 1935 г. следующими данными: в Узбекской ССР в городах — 53 и в сельской местности — 73, в Туркменской ССР — соответственно 22 и 17, в Таджикской ССР — 13 и 36 медицинских консультаций [138, с. 126]. А количество врачебных родильных коек в 1935 г. составило: в Узбекской ССР — 817 против 50 в 1914 г., в Туркменской ССР — соответственно 191 против 13, в Таджикской ССР — 161 против 0 [138, с. 124].

Если в 1914 г. на здравоохранение на территории современного Узбекистана расходовалось в среднем на человека 14 копеек, то в 30-е годы — 182 рубля, а в целом ежегодные ассигнования на здравоохранение превышали 1 млрд. 470 млн. рублей.

В уже упоминавшемся постановлении ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» отмечалась почти поголовная неграмостность женских масс советского Востока и предлагалось Наркомпросам союзных республик принять все меры к расширению женских ликпунктов (в первую очередь для членов Советов), женских техникумов и школ, а также развернуть работу по подготовке националок для поступления на рабфаки и в вузы.

Информационный отдел ЦК ВКП(б) в 1927—1928 гг. в материалах «О состоянии женского труда в восточных национальных республиках» отмечал, что работа по ликвидации неграмотности работниц недостаточно развернута, что многие работницы, главным образом из местных национальностей, остаются неграмотными, что вообще культурно-просветительная работа обыкновенно ведется на русском языке и это отрицательно влияет на вовлечение националок в массовую работу, что в клубную работу, к участию в стенгазетах, в кружки и добровольные общества (МОПР, Осоавиахим и пр.) националки вовлекаются слабо, что очень плохо распространяются среди работниц национальные газеты, которые,

кстати сказать, весьма недостаточно освещают работу среди женщин, а стенгазеты обыкновенно не издаются на местном языке [303, ф. 5515, оп. 13, д. 9, л. 441—453].

6 августа 1929 г. на заседании КУБТ при Президиуме ЦИК СССР были заслушаны доклады Наркомпросов РСФСР, Узбекской ССР, Туркменской ССР и Азербайджанской ССР о женском образовании, о ликвидации неграмотности среди женщин и о работе женских клубов, красных уголков и передвижных юрт.

Отмечалось, что в Узбекистане в 1927/28 учебном году были охвачены обучением в школах 4,7% узбечек, 16,5% таджичек, 2,2% казашек, 0,9% киргизок — всего 11 471 девочка этих национальностей, что составляет лишь 5% общего числа девочек республики. В Туркменистане обучением в аульных школах охвачено 1350 девочек, или 9% общего числа девочек. Отмечался некоторый сдвиг в организации совместного обучения девочек и мальчиков и большая положительная роль в этом дошкольных учреждений, где закладывалась основа этому.

Было отмечено, что грамотность женщин в Узбекистане и Туркменистане в целом чрезвычайно низка и не охватывает даже 1% женского населения [303, ф. 5515, оп. 13, д. 11а, л. 10, 16—27].

В связи с развертыванием массового обучения девочек в школах совместного обучения возникла серьезная проблема с обучением девочек подросткового возраста. Еще живы были традиции ранних браков и затворничества девочек 9—12 лет, в силу чего еще невозможно было для них совместное обучение. Поэтому начавшийся прогресс в женском образовании, осуществление задачи охвата девочек обучением выдвинули в повестку дня необходимость организации специальных женских школ для подростков.

В резолюции I Всеузбекского съезда работниц и дехканок — членов Советов, состоявшегося в феврале 1927 г., в частности, говорилось о необходимости расширения сети школ для девочек школьного возраста и школ ликбеза для взрослого населения.

Отмечая особое значение школ дехканской молодежи в деле развития сельского хозяйства, этот съезд рекомендовал Наркомпросу обратить самое серьезное внимание на их укрепление и дальнейшее развитие, широко развертывать сеть советской трудовой школы, чтобы удовлетворить запросы трудящихся и этим избавить их от необходимости обращаться к услугам старометодных школ, которые воспитывают детей в антипедагогических условиях [305, ф. Р-86, оп. 1, д. 5133, л. 1—3].

2 сентября 1928 г. Президиум ЦИК Туркменской ССР заслушал доклад Наркомпроса республики о женском образовании и поручил Наркомпросу принять решительный курс на усиление мероприятий по вовлечению женщин из коренного населения в дело народного образования (увеличение процентного соотношения женской части населения в учебных заведениях смешанного типа, создание сети женских просветительных учреждений, как школьных, так и внешкольных) [303, ф. 3316, оп. 21, д. 674, л. 21].

В Казахстане на краевом совещании работников среди женщин, состоявшемся в г. Алма-Ате 15—21 мая 1929 г., был заслушан доклад Наркомпроса Казахской АССР о женском образовании и его перспективах. В 1926—1927 гг. Наркомпрос впервые поставил вопрос о вовлечени девочек казашек и других восточных национальностей в школы и вообще приобщении женщин к образованию и воспитанию. На места были даны указания о проведении широкой кампании по максимальному вовлечению девушек в массовые учебные заведения (все школы-коммуны и интернатного типа комплектовать возможно больше девочками, открыть ряд женских школ и других культурно-просветительных учреждений для нацменьшинств — узбечек, уйгурок и дунганок). Число казашек в школах I ступени в 1926/27 г. увеличилось на 1,5%, достигнув 11,7%, уйгурки и таранчинки составляли там 13,8%, узбечки — от 7 до 9%. В учебных заведениях профобразования казашек было от 2 до 5%.

В 1927/28 учебном году существовали школа для девочек в Кустанае с интернатом при ней на 50 детей, школа для узбечек и казашек в г. Туркестане на 75 детей, в г. Чимкенте для узбечек на 120 детей, в г. Алма-Ате на 30 девочек уйгурок и дунганок. Школа на 25 девочек-подростков функционировала в г. Уральске и на 75 девочек — в г. Урге. Кроме того, классы для девочек функционировали в женском клубе для таранчинок в г. Алма-Ате и в 63 Красных юртах.

В соответствии с постановлением третьей сессии КЦИК 1928 г. в 1928/29 учебном году в большинстве казахских районов были организованы по одной однокомплектной школе I ступени с двухгодичным курсом обучения специально для девочек школьного возраста на 30 детей; в городах Чимбае, Аулие-Ате, Джарканте, Семипалатинске и Гурьеве — по одной женской школе-коммуне I ступени с четырехгодичным обучением не менее чем на 50 детей в возрасте от 8 до 16 лет. Укреплялись существующие женские школы подростков в г. Чимкенте, Акмолинске, Алма-Ате и Уральске.

Организованы двухгодичные курсы по подготовке учительниц при Семипалатинской казахской семилетке (с набором контингента девушек из Семипалатинского, Павлодарского и Каракалпакского округов), при Актюбинском педтехникуме (на 30 девушек), при Казахском институте в г. Кзыл-Орде (на 30 девушек). На эти курсы принимались девушки с образованием в объеме программы четырехлетки.

Во всех краевых учреждениях соцвоса и профобра число учащихся девочек-казашек в 1928/29 учебном году достигало 30% [301, ф. 248, оп. 1, д. 50, л. 30—31].

Президиум ЦИК Киргизской АССР 9 апреля 1928 г. принял постановление о женском образовании и предложил Наркомату просвещения в дальнейшем мероприятия, связанные с женским образованием, при составлении сметы и плана выделять особо,

предусматривая отдельно расходы по ним, в северных кантонах проводить в школах совместное обучением девочек и мальчиков коренного населения и национальных меньшинств, а в южных кантонах, как временную меру, развертывать для девочек отдельные школы I ступени, взяв вместе с тем курс на расширение работы по вовлечению девочек в школы совместного обучения; во всех интернатах и детдомах социального воспитания забронировать не менее 25% мест для девочек коренного населения и восточных национальных меньшинств, принять все меры к увеличению процента учащихся девочек в уже существующих медицинских учебных заведениях, предоставляя им льготы при приеме, а на подготовительные группы акушерских курсов девушек принимать исключительно из коренных и восточных национальных меньшинств; развертывать строительство детских садов, площадок в первую очередь в рабочих районах, аулах, кишлаках и деревнях.

ЦИК Киргизии предложил Наркоматам просвещения и финансов изыскать средства на организацию трехмесячных курсов по подготовке девушек коренного населения и восточных национальных меньшинств для поступления в подготовительную группу средних учебных заведений и Среднеазиатский коммунистический университет. Имеющиеся курсы в г. Фрунзе решено было реорганизовать в двухгодичные курсы по подготовке женских работниц и организовать республиканские курсы дошкольных работниц из коренного населения [301, ф. 97, оп. 1, д. 5, л. 29].

В 1928/29 учебном году в республике обучалось в 15 школах для девочек I ступени 470 человек. Кроме того, совместно с мальчиками обучалось 7800 девочек (23,2%). А в школах-семилетках из 3454 учащихся 1336 человек составляли девочки всех национальностей, в школах же II ступени 450 из 990 учащихся были девушки, в интернатах и детских домах — 79 из 800.

Для вовлечения девушек-киргизок кочевых районов в школы были организованы интернаты при волостных школах I ступени — для девочек и мальчиков, общежитие же для девочек строилось отдельно.

В Киргизии осуществлялось совместное обучение во всех учебных заведениях социального воспитания и профессионального обучения, кроме южных кантонов, где, как временная мера, проводилось раздельное обучение. В республике работали четыре женские профессионально-технические школы, акушерские курсы, женские курсы. В этих женских учебных заведениях обучалось 313 девушек. А уже летом 1929 г. только в женском педагогическом техникуме, Киргизском педтехникуме, акушерском техникуме и на женских курсах в г. Фрунзе училось 140 женщин (в 1928/29 учебном году в Киргизии было всего 5 учительниц-киргизок) [228, ф. 10, оп. 5, д. 93, л. 11; ф. 688, оп. 1, д. 219, л. 77—78].

В Киргизии проводилась большая работа по направлению киргизок в центральные вузы. Уже в 1928/29 учебном году в вузах

Москвы, Ленинграда и других городов обучалось 190 девушек из республики, в том числе 149 киргизок. А в вузах г. Фрунзе учились 274 студентки-киргизки и 48 узбечек [334, с. 69—70]. Но и срывов и трудностей было еще много. Так, Ошский, Джалал-Абадский кантоны, Талас и Нарын осенью 1928 г. категорически отказались использовать бронь в эти женские учебные заведения, а девушек-дунганок не посылали даже в школу I степени [301, ф. 97, оп. 1, д. 19].

Партийные и советские органы упорно вели разъяснительную работу по подготовке женских кадров для культурного строительства. Республикам предоставлялось определенное количество мест (бронь) для направления национальной молодежи (в том числе отдельная бронь на девушек восточных национальностей) во все среднеазиатские и центральные учебные заведения. Средазбюро ЦК ВКП(б) строго контролировало выполнение республиками этого плана, особенно направление девушек-восточниц на учебу.

В свою очередь, каждая республика обеспечивала выполнение плана набора девушек (каждым округом, городом, кантоном, районом, вилаятом) как в среднеазиатские, так и в центральные вузы и республиканские высшие и средние специальные учебные заведения, профтехшколы. Ход и итоги выполнения плана набора девушек в учебные заведения обсуждались во всех партийных инстанциях, вплоть до Средазбюро ЦК ВКП(б) [304, ф. 17, оп. 16, д. 47, л. 45].

В годы Худжума женское образование рассматривалось и решалось как одна из основных задач. В области женского образования выдвигались три основных момента: работа по организации школ для девочек, организация школ ликбеза для взрослых и подготовка культурных сил из женщин коренного населения.

Проделанная работа дала положительные результаты. В 1933/34 учебном году удельный вес девушек в составе учащихся данной национальности вузов составил: туркменки — 14,3%, киргизки — 6,2, казашки — 12,2, узбечки — 23,0, таджички — 14,1; техникумов: туркменки — 16,6, киргизки — 10,5, казашки — 13,7, узбечки — 37,3, таджички — 18,8% [138, с. 113—114].

Эти данные неопровержимо свидетельствуют о коренном переломе в настроении местного населения в пользу обучения девушек в учебных заведениях и о зарождавшейся тяге самих девушек местных национальностей Средней Азии к учебе.

В решении и этой проблемы (обучения женской молодежи в учебных заведениях, подготовки кадров женской интеллигенции) в трудные годы реконструкции народного хозяйства в силу сложившейся традиции Узбекская ССР шла в авангарде.

В числе выпускниц Ташкентского женского инпроса были Халима Насырова, ныне народная артистка СССР, и Сабира Халдарова, которая в 1924 г. была утверждена первым редактором первой еженедельной женской газеты «Янги-Юль» («Новый путь»), впоследствии преобразованной в женский журнал «Янги-Юль».

Уже в 1934/35 учебном году удельный вес девушек к общему числу студентов и учащихся педагогических вузов, техникумов и курсов Узбекистана составил: в Узгосуниверситете — 44,4%, педагогических вузах — 35,9, педтехникумах — 41,5, двухгодичных педкурсах — 46,5, одногодичных педкурсах — 18,0, на рабфаках — 33,9, в рабочих университетах — 28,1, совпартшколах — 18,9, двухгодичных дошкольных курсах — 20,0, на 4—6-месячных педкурсах — 33,8%, на курсах работниц детских площадок — 100% [303, ф. 3316, оп. 51, д. 9, л. 115—122].

Результаты такого активного вовлечения девушек в учебные заведения сказались на росте, в частности, педагогических кадров в Узбекистане. Здесь удельный вес женщин в составе преподавателей начальных, неполных средних и средних школ по классам в 1935 г. составил: в городах в 1—4-х классах — 58,6%, 5—10-х классах — 49,2%, в сельской местности — соответственно 29,9 и 26,6% [138, с. 96].

В решении проблемы женского образования велика была роль школ-интернатов. В Туркменистане их было 6 (с охватом 178 девочек), в Узбекистане — 18 детдомов (520 девочек) и 2 дошкольных детдома (160 детей) [303, ф. 5515, оп. 13, д. 11а, л. 22—27].

Численность девочек — учащихся начальных, неполных средних и средних школ по городам и сельским местностям в 1935/36 учебном году характеризовалась следующими данными. В Узбекской ССР в школах обучалось 253,1 тыс. девочек (40,2% числа учащихся обоего пола), из них соответственно: в городах — 75,7 тыс. (46,0%), в сельской местности — 177,4 тыс. (38,2%); в Туркменской ССР — 61,7 тыс. (42,5%), из них в городах — 15,5 тыс. (47,5%), в сельской местности — 46,2 тыс. (41,1%); в Таджикской ССР — 51,0 тыс. (35,7%) [138, с. 107].

Это уже был успех в деле обучения девочек восточных национальностей в советских общеобразовательных школах. Он означал коренной сдвиг в вовлечении женской молодежи в культурное строительство.

Параллельно с организацией охраны материнства и младенчества, с охватом обучением девочек школами, а девушек высшими и средними специальными учебными заведениями и с подготовкой женских кадров шел процесс ликвидации неграмотности взрослого женского и мужского населения.

Охватить школами ликбеза мужчин было несравненно легче, чем женщин, хотя и здесь трудностей было множество. Поэтому 21 июля 1925 г. СНК Туркменской ССР принял постановление «О предоставлении льгот дехканам, окончившим курс обучения в школе ликбеза» и предложил всем хозяйственным и кредитным организациям и учреждениям по соглашению с Наркомпросом установить ряд льгот по своей линии для дехкан, окончивших школы ликбеза [302, ф. 377, оп. 1, д. 39, л. 90].

Выполняя это постановление, отделение Сельхозснаба установило для дехканства как поощрительный стимул к обучению сле-

дующую льготу: каждый дехканин — член сельскохозяйственного товарищества, представивший от соответствующего политпросвета удостоверение об окончании им или его женой или дочерью полного шестимесячного курса грамоты, имеет право на получение ссуды в первую очередь, если только он не принадлежит к числу баев или торговцев [302, ф. 377, оп. 2, д. 27, л. 49].

Комиссариат земледелия Туркменской ССР 28 марта 1925 г. направил местным органам земледелия циркуляр № 2571 о предоставлении значительных льгот (в наделении землей, в получении ссуд, сельскохозяйственного инвентаря, в ветеринарном обслуживании и т. д.) беднейшим дехканам, ликвидирующим свою неграмотность в школах ликбеза, а также и тем дехканам из бедняцких масс, дочери которых обучаются в аульных детских школах [302, ф. 377, оп. 2, д. 27, л. 29].

Экономическая заинтересованность дехканина, его жены и дочерей в ликвидации неграмотности была использована и в других республиках Средней Азии и Казахстане.

Во всех республиках, округах, кантонах, районах и вилоятах в 1922—1925 гг. были созданы чрезвычайные комиссии (ЧК) по ликвидации неграмотности. Например, в Киргизии (Казахстане) они были организованы в 1922 г. В состав ЧК ликбеза входили представители Наркомпроса и его отделов на местах, исполкомов, женотделов, военкоматов, союза «Кошчи», профсоюзов, основных отраслей народного хозяйства. Эти чрезвычайные комиссии заслушивали доклады руководителей отраслей народного хозяйства, учреждений, предприятий, организаций о состоянии ликвидации неграмотности взрослого населения, особенно женщин, рассматривали положение о пунктах ликвидации неграмотности, о самих чрезвычайных комиссиях и т. д. [301, ф. 61, оп. 1, д. 323, л. 66; 302, ф. 377, оп. 2, д. 56, л. 42, 44, 45, 107 и др.].

Кроме того, организовывались общества «Долой неграмотность» (ОДН), которые состояли из представителей партийных и советских и широкого круга общественных организаций, учительства, работников просвещения. Проводились республиканские, окружные, кантонные, городские, районные, вилоятские съезды по ликвидации неграмотности взрослого населения, особенно среди женщин. На этих съездах выступали руководители партийных, советских организаций, органов просвещения. Например, на республиканском съезде ликвидаторов неграмотности Туркменской ССР, состоявшемся в августе 1925 г., выступили секретарь ЦК КП(б) Туркменистана, нарком просвещения и др. [302, ф. 377, оп. 1, д. 106, л. 166; ф. 42, оп. 1, д. 28, л. 63, 71—74, 84—85, 102—103, 139—140, 143].

Организация ЧК по ликвидации неграмотности и общества «Долой неграмотность» была связана с острой необходимостью ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Они прекратили существование с решением проблемы, ради которой и были созданы.

Чрезвычайно важным делом явился перевод письменности народов Средней Азии и Казахстана в 1928—1929 гг. с арабского на латинский алфавит, а спустя 10 лет, в 1939 г.,— принятие за основу русского алфавита. Эта мера облегчила освоение трудящимися грамоты, способствовала развитию и укреплению связей между народами СССР, а в последующем облегчила и изучение русского языка — языка общения между людьми различных национальностей (последнее способствовало расширению общего кругозора, политического и культурного уровня трудящихся).

В школах ликбеза, общеобразовательных школах, вузах и техникумах учителя не только обучали грамоте, но и разъясняли трудящимся и их детям содержание внутренней и внешней политики партии и государства, экономических мероприятий, проводимых ими в пользу рабочих, батраков, бедняков, середняков, трудящихся женщин, разъясняли суть земельно-водной реформы, колхозов, совхозов, раскрепощения женщины-мусульманки.

Как и в России в годы ликвидации неграмотности, в республиках Средней Азии дети-школьники, сами только еще постигающие азы грамоты, невольно становились помощниками учителя — помогали своим родителям, особенно матери, овладевать алфавитом, чтением, письмом. Они же несли домой все, что говорил им учитель, рассказывали о раскрепощении женщины, об уважительном отношении к ней. Автор этой книги, будучи ученицей начальной школы, помогала освоить алфавит своим родителям и родственницам, которые в силу своей отсталости и фанатичности сначала неохотно согласились на учебу дочерей, а возможно, и воспрепятствовали бы ей, если бы не экономические преимущества, которые государство предоставило дехканам за ликвидацию их собственной неграмотности и за обучение дочерей.

И особенно велика была в те годы роль учителя. В кишлаках, аулах, кочевьях учитель был единственно грамотным человеком — проводником политики партии, ее активным помощником. В Средней Азии не счесть случаев, когда классовые враги покушались на жизнь учителя. С первых же дней Советской власти Коммунистическая партия и Советское государство уделяли постоянное внимание учительству, самому многочисленному отряду интеллигенции.

В те трудные для Советского государства годы партийные, советские и общественные организации поддерживали учителя, помогали ему в организации просвещения в ауле и кишлаке. В заключительной речи на I съезде учителей ликбеза (ликвидаторов) Туркменистана в августе 1925 г. выдающийся партийный деятель, секретарь ЦК КП(б) Туркменистана И. И. Межлаук сказал: «Партия выражает уверенность в том, что учитель — единственная культурная сила аула — протянет руку бедняку и поможет ему в борьбе с баем и поэтому со стороны Советской власти и партии будет дана надлежащая оценка тому учителю, общественнику, который принимает активное участие в борьбе за

лучшую жизнь аула, а не тому, который только умеет ликвидировать неграмотность и стоит вне борьбы, вне общественной и политической жизни аула...

Учителя есть проводники, которые поведут за собой бедняцкие и середняцкие массы к свету» [302, ф. 42, оп. 1, д. 28, л. 139—140].

Женотделы ЦК КП республик выступили с обращением к женщинам ликвидировать свою неграмотность. Работницы промышленных предприятий организовывали культпоходы в аулы, кишлаки, кочевья. Республики, округа, города, районы, советские и общественные организации брали конкретные обязательства по ликвидации неграмотности среди мужского и женского населения, по охвату школами детей, особенно девочек, по подготовке женских кадров учителей, медсестер и т. д.

Несомненным достижением было выполнение одного из важнейших пунктов «Договора миллионов» — пункта о 100%-ном охвате обучением девочек в возрасте 8—16 лет. В городах и районах сплошной коллективизации произошел значительный сдвиг в охвате женщин школами ликбеза для малограмотных. Например, в Туркменистане среди 151 тыс. человек, охваченных в 1932 г. школами ликбеза, 59 667 были женщины (42,4%) против 21 тыс. женщин (24%) в 1931 г. Улучшилось качество работы в школах ликбеза и для малограмотных, особенно в передовых районах республик Средней Азии [302, ф. 377, оп. 1, д. 379, л. 46—48].

Массовое вовлечение трудящихся женщин в промышленное производство, в колхозы и совхозы обеспечило успех ликвидации неграмотности, так как намного облегчился охват женщин школами ликбеза в коллективах рабочих и работниц, колхозников и колхозниц. Теперь за это взялись уже организованные коллективы, отвечали за ликвидацию неграмотности трудящихся сами руководители предприятий, колхозов, совхозов и учреждений, а также партийные и общественные организации.

Итак, преимущества социалистического строя сказались и в ликвидации сплошной неграмотности населения. В Средней Азии к 15-летию республик в 1939 г. количество грамотных среди взрослых мужчин и женщин достигло 70—80%, что означало ликвидацию сплошной неграмотности населения. Оставались неграмотными лишь престарелые люди, которые по возрасту уже не могли учиться. Была ликвидирована неграмотность женщин края, как и по всей стране. Под благотворным влиянием социализма за короткий исторический срок исчезли навсегда неграмотность, бескультурье, вековое рабство женщины. Среди женщин Средней Азии и Казахстана появились академики, доктора, кандидаты различных отраслей наук, учителя, врачи, агрономы, инженеры и пр.

Из числа женщин советского Востока выросли яркие таланты, имена которых стоят в одном ряду с выдающимися представителями русской советской культуры, сценического искусства, литерату-

ры, просвещения, здравоохранения, науки и техники, Герои Социалистического Труда, организаторы промышленного и сельскохозяйственного производства, партийные и государственные деятели, которые вносят весомый вклад в развитие экономики и культуры республик Средней Азии. Многие из них начали свою трудовую и творческую деятельность в женских клубах, женских школах, интернатах и ликбезах, женских артелях, пионерских отрядах девочек, комсомольских организациях девушек, а затем, преодолевая невероятные трудности, влились в общую всенародную борьбу за строительство социализма.

Невозможно переоценить огромный вклад в эмансипацию женщин советского Востока, который внесла советская пресса. Центральные газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», журналы «Коммунистка», «Работница» и др., орган Средазбюро ЦК ВКП(б) газета «Правда Востока», республиканские и местные газеты и журналы, радио, театры, кино непримиримо боролись за раскрепощение женщин советского Востока, освещали все передовое, что помогало утверждению нового, советского быта, женского равноправия.

Против пережитков выдачи замуж малолетних девочек, многоженства и др. решительно выступили молодежные организации. Комсомольцы выступали с лекциями и докладами перед населением, рассказывали о советских законах, добивались гуманного отношения к женам, сестрам и дочерям в семьях молодежи, помогали старым людям, своим родителям освободиться от вредных пережитков.

В октябре — ноябре 1935 г. состоялись республиканские съезды женской молодежи Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Таджикистана и Каракалпакии. Съезд женской молодежи Таджикистана 4 ноября 1935 г. отмечал, что женщина в Таджикистане является огромной силой на всех участках социалистического строительства. В начальных и средних школах Таджикистана обучается 46 868 девочек и девушек (35% общего состава учащихся), с каждым годом увеличивается число женщин в техникумах и вузах. В состав сельских Советов избрано 1814 женщин, в горсоветы — 182, в райисполкомы — 167 и в состав ЦИК Таджикской ССР — 52 женщины.

Женская молодежь Таджикистана высказалась за массовое выдвижение работниц и колхозниц на руководящую работу.

Съезд казахской женской молодежи, проходивший в г. Алма-Ате с 9 по 14 ноября 1935 г., призвал молодежь решительно бороться с пережитками старого, буржуазного отношения к женщине, не допускать отвратительных, средневековых пережитков в быту казахской женщины и выразил уверенность, что ленинский комсомол с честью выполнит эту задачу [618, 7.XI.1935].

Съезд трудящейся женской молодежи Киргизии, состоявшийся в октябре 1935 г., показал огромные успехи в деле поднятия по-

литической активности и культурного уровня трудящейся женской молодежи, тягу трудящихся девушек — киргизок, узбечек, уйгурок, дунганок к учебе и активному участию в производственной и общественно-политической жизни республики [301, ф. 21, оп. 11, д. 85, л. 17—19].

Съезды женской молодежи Узбекистана и Туркменистана решительно высказались за внедрение в семью нового, советского быта, за активное преодоление пережитков старины в отношении к женщине, за массовый охват девушек обучением в общеобразовательных школах и недопущение отсева девушек из старших классов, за еще более активное вовлечение девушек в высшие и средние специальные учебные заведения [304, ф. 1, оп. 17, д. 6, л. 36].

Вырастала новая молодежь, новое молодое поколение женщин советского Востока, воспитанное уже при Советской власти Коммунистической партией и комсомолом, свободное от затворнической одежды, равноправное. Для этого поколения чужды родовые устои семейно-брачных отношений, из цепей которых в жестокой классовой борьбе, при поддержке партии и государства вырвались их матери.

Но ему, молодому поколению женщин советского Востока, предстояло бороться за преодоление остатков прошлого, неравного отношения к женщине в виде феодально-байских пережитков в сознании людей. Поэтому на своих первых республиканских съездах представительницы женской молодежи республик Средней Азии и Казахстана твердо заявляли о непреклонной решимости непримиримо бороться за искоренение этих еще цепких пережитков, за прочное утверждение нового, советского быта и культуры. Эстафету строительства развитого социализма, борьбы за новый советский быт и семью, построенную на основе взаимного уважения и любви, приняло молодое поколение женщин советского Востока, родившееся в огне Октябрьской революции и воспитанное в годы Советской власти.

Партийными, советскими и общественными организациями проводились колоссальные организационные и воспитательные мероприятия по вовлечению женщин в культурное строительство. А успешное их осуществление зависело в значительной степени от подготовки женских кадров — начиная с работниц партийного и государственного аппарата и кончая воспитательницами детских яслей.

ЦК ВКП(б) принял ряд решений по этому важнейшему вопросу. 24 декабря 1926 г. было принято постановление «Об организации курсов по подготовке работников среди женщин из коренного населения».

В целях устранения имеющихся недочетов в подготовке работников среди женщин восточных народностей ЦК ВКП(б) предложил организовать специальные курсы исключительно для представительниц коренного населения. Была установлена продолжи-

тельность курсов — от шести месяцев до года, в зависимости от уровня общеполитической подготовки учащихся и степени их азбучной грамотности. Непосредственное руководство курсами было возложено на Агитпропотдел парткомов [274, вып. 6, с. 37].

23 июля 1928 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О выдвижении женщин-коммунисток», указав на необходимость выдвижения не менее 20 коммунисток в качестве секретарей губкомов партии, председателей губернских исполкомов, профсоюзов, в коллегии Наркоматов и т. д. [274, вып. 7, с. 392—393]. Тогда же ЦК ВКП(б) направил на руководящую работу первую группу видных деятельниц партии.

Во всех постановлениях, принятых ЦК ВКП(б) в 20—30-е годы по женскому вопросу (речь о них шла выше), подчеркивались важное значение и необходимость подготовки и выдвижения женских кадров для партийных, государственных, профсоюзных и комсомольских органов, для отраслей народного хозяйства. Партийные комитеты на местах обеспечивали их выполнение, постоянно контролировали подготовку и выдвижение женских кадров.

Постоянную работу о вовлечении женщин Востока в управление государством проявлял Председатель Президиума ЦИК СССР М. И. Калинин. В частности, III Всероссийский съезд Советов (1925 г.) потребовал от местных советских органов широкого вовлечения женщин в состав Советов и их работу.

О Всесоюзном съезде женщин — членов Советов, состоявшемся в Москве в октябре 1927 г., мы уже говорили. На нем были широко представлены национальные республики Советского Союза, в том числе Средняя Азия (свыше 200 человек). Делегацию Узбекистана возглавляла Таджихон Шадиева, которая произнесла на съезде яркую речь [376, с. 39].

Президиум ЦИК СССР, обсудив итоги Всесоюзного съезда женщин — членов Советов, наметил ряд мероприятий по улучшению работы среди женщин. В частности, было решено усилить выдвижение женщин на руководящие посты, увеличить отпуск средств по бюджету на строительство учреждений, раскрепощающих женщину, разработать положение о бытовых секциях местных Советов, для привлечения в их работу актива женщин. Президиум ЦИК СССР решил также развернуть сеть курсов для подготовки женщин — членов Советов.

За 1932 г. в Узбекистане были проведены межрайонные полуторамесячные курсы председателей сельсоветов, где обучалось 778 человек, из них 32 женщины. На двухмесячных курсах секретарей сельсоветов учились 22 женщины. На центральных шестимесячных курсах для заместителей председателей районных исполкомов в числе 27 курсантов была всего одна женщина, на таких же курсах для инструкторов райисполкомов обучалось 23 женщины. Кроме того, 54 человека в течение полугода обучались на центральных курсах для женщин — членов сельсоветов, а 32 — на курсах работников областных КУБТ и на курсах для работ-

ников загсов (9 женщин). Всего же за 1932 г. прошли подготовку 189 женщин-общественниц. Кроме того, в конце 1932 г. в Узбекистане открылся Институт советского строительства и права, где начали обучение 230 человек, в том числе 46 женщин (29 узбечек) [303, ф. 3316, оп. 51, д. 5].

23 августа 1929 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление о вовлечении членов Советов — трудящихся женщин в практическую работу Советов и обеспечении их выдвижения на руководящую работу и направил Центральным исполнительным комитетам союзных республик циркуляр, подписанный М. И. Калининым [262, 1929, № 54, с. 500].

19 мая 1930 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление о кадрах женщин — членов Советов и направил циркуляр ЦИК республик, где говорилось об особо важном значении подготовки и переподготовки кадров женского актива из числа членов Советов.

Тогда наблюдался еще значительный отсев курсанток до окончания курсов подготовки женского актива (в 1929 г. по Азербайджану, например, до 30%, по Таджикистану — до 40%). В отдельных местах курсы созывались без учета условий крестьянского труда и быта. Курсы созывались в страдную пору, не обеспечивались обслуживанием курсанток на родном для них языке (например, в Туркменистане), не обеспечивались хорошо проработанными программами, надлежащим подбором лекторского состава и т. д. Плохо был организован учет использования и закрепления курсанток на практической работе Советов.

Для обеспечения широкой подготовки и переподготовки женщин — председателей сельских Советов Президиумом ЦИК Союза ССР были ассигнованы в распоряжение ЦИК союзных республик дополнительно к ассигнованиям из местных бюджетов этих республик специальные средства. Президиум ЦИК Союза ССР предложил организовать в 1930 г. двухмесячные курсы для женщин — председателей сельских Советов из расчета охвата не менее 50% общего количества женщин — председателей сельских Советов по каждой союзной республике.

Для надлежащей постановки курсов и достижения наилучших результатов их работы Президиум ЦИК Союза ССР предложил расширить контингент этих курсов: кроме председателей сельских Советов допускать прием на курсы женщин — заместителей председателей, секретарей сельских Советов и активисток-колхозниц — членов Советов; обеспечить вовлечение на курсы соответствующего числа советских работниц из национальных меньшинств.

Для крупных национальных меньшинств предполагалось организовать отдельные курсы и обеспечить преподавание на родном языке, причем тщательно проверять социальный состав командируемых на курсы и с учетом использования их на руководящей работе в Советах провести предварительную работу по ликвидации неграмотности всех подлежащих приему на курсы, обеспе-

чить курсы квалифицированным лекторским составом, дать указание местным органам об обеспечении бытового обслуживания семей курсанток на время отъезда на курсы [262, 1930, № 29, с. 236].

Состояние подготовки и выдвижения женских кадров неослабно контролировалось Средазбюро ЦК ВКП(б) все годы деятельности последнего (1924—1934), которые совпадают с периодом активной борьбы партии за эмансипацию мусульманок советского Востока. Особенно строго Средазбюро контролировало выполнение решений партии и правительства по женским кадрам в 1929—1932 гг., в период реорганизации женотделов в женсекторы, осуществленный в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от марта 1931 г. о перестройке работы партийных органов.

28 мая 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о реорганизации аппарата Средазбюро в соответствии с названным постановлением ЦК ВКП(б). Теперь при отделе агитмассовой работы создавался сектор массовой работы среди работниц и трудящихся женщин [304, ф. 17, оп. 16, д. 17, л. 156—157].

22 августа 1930 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об укреплении женсекторов и КУБТ в связи с ликвидацией округов. Средазбюро еще раз подтвердило свое постановление от 10 мая 1930 г. об укреплении женсекторов партийных комитетов и предложило ЦК КП республик и обкомам провести проверку состояния подбора кадров женсекторов и КУБТ и не позже 10 сентября 1930 г. провести республиканские совещания женсекторов с докладами секретарей ЦК КП(б) республик о задачах женсекторов на основе решения XVI съезда ВКП(б) о перевыборах делегатских собраний [304, ф. 17, оп. 16, д. 12, л. 26].

Среднеазиатское совещание работников женсекторов партийных комитетов было проведено в сентябре 1930 г.

5 октября 1930 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о том, чтобы заведующие женсекторами одновременно являлись и заместителями заведующих агитмассовыми отделами партийных комитетов [304, ф. 17, оп. 16, д. 42, л. 111].

Штаб работников среди женщин Средазбюро ЦК ВКП(б) составляли (в 1931 г.): заместитель заведующего агитмассовым отделом (он же завсектором массовой работы среди женщин), замзавженсектора, два инструктора и секретарь [304, ф. 17, оп. 16, д. 45, л. 207].

А 30 марта 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о сохранении штата работников среди женщин во всех горкомах и райкомах партии. Средазбюро ЦК отметило, что реорганизация женотделов партийных комитетов в женсектора при отделах агитации и пропаганды партийных комитетов в ряде мест привела к ослаблению работы среди женщин, что могло привести к серьезным провалам на фронте классовой борьбы, особенно в кишлаке. Работа среди женщин должна быть усилена и проводиться всеми отделами парткомов, Советами, хозяйственными, профсоюзными и

кооперативными организациями. Центральным Комитетам республик предлагалось укомплектовать женсекторы лучшими кадрами, провести с ними республиканские совещания, обеспечить дальнейший рост женских пролетарских кадров, усилить мероприятия по женскому образованию, строже следить за осуществлением советских законов о раскрепощении женщин [304, ф. 17, оп. 16, д. 11, л. 21].

Указав на слабый состав женсекторов, Средазбюро ЦК ВКП(б) предложило партийным органам республик выявить и отозвать бывших работников женотделов окружкомов партии (после ликвидации округов), закончив к 10 апреля 1931 г. подбор кадров, а в июне — августе провести трехмесячные курсы для них. Было решено также принять 30 коммунисток на краевые курсы партийного актива и мобилизовать 25 курсанток Среднеазиатского коммунистического университета на год для работы среди женщин [304, ф. 17, оп. 16, д. 43, л. 93].

30 июля 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло развернутое решение об укреплении руководящими партийными кадрами Туркмении и Таджикистана. В решении отмечалось, что наряду с некоторым усилением и укреплением аппаратов райкомов партии после ликвидации округов все же продолжает оставаться незначительной рабочая прослойка в составе аппарата райкомов партии, культпропотдела и особенно женсектора; вакантными были должности заведующих женсекторами в 15 райкомах Таджикистана.

Средазбюро ЦК ВКП(б) поручило крайкому ВЛКСМ направить 100 человек руководящих комсомольских работников в опорные пункты кишлаков и аулов, обязало ЦК и обкомы партии пересмотреть еще раз кадры бывших окружных работников для направления их на работу в районы и мобилизовать коммунистов из Ашхабадской и Сталинабадской организаций (представителей коренного населения, в том числе не менее 15% женщин). Была создана комиссия по отбору и мобилизации работников [304, ф. 17, оп. 16, д. 45, л. 105—111].

10 октября 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) обсудило итоги проверки выполнения решения об укреплении работниками женсекторов в горкомах и райкомах партии, отметило, что партийные комитеты несерьезно отнеслись к укреплению женсекторов, в результате чего они оказались укомплектованными неподготовленными работниками. Из-за того что партийные комитеты безответственно отнеслись к подбору кадров на курсы женсекторов, 50% окончивших эти курсы не могли быть использованы на женской работе.

Средазбюро предложило ЦК и обкомам партии укомплектовать женсекторы партийных комитетов лучшими кадрами. В первую очередь это касалось районов сплошной коллективизации сельского хозяйства. Было решено организовать постоянные шестимесячные курсы по подготовке и переподготовке женского партак-

тива при совпартшколах в Бухаре, Фергане, Самарканде, Ашхабаде, Фрунзе, Сталинабаде, Турткуле и возвратить на курсы учащихся женских курсов при САКУ, оставленных на постоянной работе [304, ф. 17, оп. 16, д. 46, л. 100].

Постановлением Средазбюро ЦК ВКП(б) «Об организации Среднеазиатских краевых курсов марксизма-ленинизма» от 25 декабря 1930 г. был установлен прием на курсы не менее 20% женщин [304, ф. 17, оп. 16, д. 42, л. 14].

20 июля 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) в постановлении «Об итогах набора на курсы партийных работников» указало на невыполнение решения о наборе женщин (на курсы резерва принято 10% вместо 15%, на постоянно действующие курсы — 10,7% вместо 20% установленной нормы приема) [304, ф. 17, оп. 16, д. 45, л. 120], и снова состоялось специальное совещание женсекторов партийных комитетов, где был обсужден вопрос «О подготовке и выдвижении женских кадров». Совещание приняло решение о выдвижении на руководящую работу 2300 женщин (по линии промышленности — 300, транспорта — 60, строительства — 40, в советском аппарате — 500, кооперации — 200, профсоюзных организациях — 200, в колхозах, совхозах, МТС и животноводческих фермах — 1000 женщин). Средазбюро ЦК ВКП(б) энергично поддержало это решение и обязало в месячный срок составить номенклатуру должностей — разверстку по областям, районам и кишлакам [304, ф. 17, оп. 16, д. 17, л. 109].

Особое внимание уделялось Таджикистану. В августе 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) направило туда пять опытных партийных работников, обучавшихся в САКУ, которые в 1932 г. добились значительных успехов. Были проведены слеты колхозниц, совещания членов Советов, работников детских учреждений. 60 женщин были выдвинуты в Советы. На различных курсах прошли обучение до 3 тыс. женщин. Много девочек училось здесь уже в школах для совместного обучения (более 3 тыс.). Правда, в школах II ступени девочек пока было мало.

Укрепились женсекторы при орготделах ЦИК республик и КУБТ, которые также были сохранены в Средней Азии. Женсекторы ЦИК развернули большую работу среди членов Советов. Инструкторы женсекторов выезжали на длительное время в сельские Советы, чтобы делом помочь женщине-председателю, созывали совещания женского советского актива по районам и в республике, держали на учете и привлекали к работе женщин — членов ЦИК республик и районных исполкомов, содействовали выдвижению женщин на советские руководящие посты, организовывали обучение женских советских кадров.

К этому времени в Узбекистане было уже 25 тыс. женщин — членов Советов и 9 тыс. народных заседательниц. В центральных государственных учреждениях работало на руководящей работе 36 женщин, в окружных и районных — 55, в кишлаках — 858 женщин местных национальностей.

Выдвижение женщин на руководящую работу, вовлечение их в культурное строительство, особенно в период активного развертывания Худжума, как и вовлечение женщин в промышленное производство и в колхозы, сопровождались обострением классовой борьбы, осуществлялись в трудных условиях борьбы с цепкими пережитками рабского прошлого в отношении к женщине. Было зверски замучено и убито немало активисток — членов Советов во всех республиках Средней Азии [304, ф. 62, оп. 1, д. 1846, л. 75; ф. 196, оп. 4, д. 57, л. 192; д. 139, л. 55—59 и др.]. Но террористические акты не могли остановить поступательное движение эмансипации женщин и вовлечение их в культурное строительство. Наоборот, они вызывали негодование трудящихся масс, активизировали их участие в раскрепощении женщин.

В апреле, ноябре и декабре 1929 г. ЦК КП(б) Узбекистана провел три совещания по вопросу о выдвижении женщин на руководящую работу. На совещании, состоявшемся 28 ноября — 1 декабря 1929 г., обсуждались результаты обследования женотделом ряда центральных учреждений (о выдвижении женщин на руководящую работу) [300, ф. 58, оп. 5, д. 834, 835, 838].

К этому времени в центральных учреждениях Узбекистана работало 18 выдвиженок (из них 11 узбечек), а на местах (в городах и районах) — 936 выдвиженок (923 узбечки), в том числе: председателями сельсоветов — 357, председателями кооперации — 22, освобожденными членами правлений кооперации — 20. Кроме того, 8836 женщин являлись членами сельских Советов, 1343 женщины — членами горсоветов и 8830 женщин — народными заседателями [300, ф. 58, оп. 5, д. 835, л. 3—6].

С 12 по 17 декабря 1929 г. прошло I республиканское совещание женщин — выдвиженок Узбекистана. На совещании среди прочих обсуждался вопрос о подготовке кадров руководящих работников из батрачек, беднячек, середнячек, а также о работе с выдвиженками. Совещание проходило в духе критического отношения к достигнутому. Выступавшие дали, например, заслуженный отпор демагогическому утверждению председателя рабземлеса Мусаева, будто узбечек невозможно привлекать к работе и учебе, что они отказываются ехать на учебу в Москву и т. д., справедливо указали, что хотя Наркомат юстиции на IV партийном курултае подвергался серьезной критике, он все еще плохо занимался выдвижением женщин на руководящую работу.

В республике имелась база для выдвижения женщин. Из общего числа 16 480 рабочих в промышленности работало 4534 работницы, а в колхозах — уже 27 610 колхозниц. По Узбекистану насчитывалось 24 913 активисток — членов Советов, нарзаседательниц, профсоюзный, кооперативный актив. Среди председателей сельсоветов было 343 женщины, председателей райисполкомов — 3. В центральных учреждениях республики насчитывалось 36 выдвиженок, в окружных районных организациях — 55 и в кишлаках — 858 [300, ф. 58, оп. 5, д. 838, л. 1—43].

Самодеятельный оркестр народных инструментов

В порядке подготовки к совещанию была организована проверка состояния работы с выдвиженками. Во все центральные учреждения были направлены активистки, которые затем и выступили на совещании. Такой метод работы оправдал себя. Он способствовал преодолению консерватизма руководителей некоторых отраслей народного хозяйства, а также повышению общественно-политической активности самих узбечек [303, ф. 3316, оп. 21, д. 688, л. 23, 24].

Комплекс мероприятий по Худжуму, в том числе и по выдвижению женщин, дал свои положительные результаты. К концу 1933 г. женщины — члены Советов в секциях сельских Советов Узбекской ССР составили 10,2%, в депутатских группах — 15,5%; на курсах советских работников обучалось 87 женщин, а окончила эти курсы в 1933 г. 21 женщина [303, ф. 3316, оп. 51, д. 9, л. 116—117].

Неоднократно упоминавшийся «Договор миллионов» предусматривал и выдвижение женщин на руководящую работу. Ход выполнения обязательств неоднократно обсуждался как в партийных инстанциях, так и в Президиумах ЦИК республик, горисполкомах и райисполкомах [303, ф. 3316, оп. 51, д. 5, л. 9].

Признавая достижения недостаточными, Президиум ЦИК Узбекской ССР принял в 1933 г. решение охватить курсами переподготовки не менее 30% женщин — членов Советов и советских практических работников из числа узбечек и предусмотрел целый ряд мероприятий по улучшению качества обучения на курсах. Помимо курсов по подготовке советских работников в конце 1932 г.

был организован Институт советского строительства и права, где обучалось 230 человек, из них 46 женщин, в том числе 29 узбечек [303, ф. 3316, оп. 51, д. 5, л. 10].

На уже упомянутом республиканском совещании выдвиженок Узбекистана отмечалось, что в аппаратах республиканских Наркоматов и других организаций работало всего 36 выдвиженок, которые к тому же не встречали доброжелательного отношения. Но уже в 1933 г. в этих учреждениях работало 196 женщин, а во всех учреждениях Узбексовпрофа — 241 женщина, в системе просвещения — 62 женщины, из них 31 узбечка. Во всех Наркоматах заместителями наркомов были женщины-узбечки, а Наркомат социального обеспечения возглавляла узбечка Шейхова. Председателем Узбекского управления общепита была Шамсикамар Гаибджанова, помощником прокурора республики — Аскар-Ходжаева и т. д. [303, ф. 3316, оп. 51, д. 5, л. 1—9].

В результатах проверки выполнения «Договора миллионов» по Узбекистану отмечалось, что узбечки, выдвинутые на руководящую работу, работали добросовестно и справлялись с возложенными на них обязанностями. Так, женщины — председатели кишлачных Советов по-большевистски боролись за выполнение хлопкового плана, широко развернули массовую работу секций и депутатских групп, опираясь на советско-колхозный актив. Они возглавили работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, сумели правильно организовать труд в колхозах, вовлечь всех трудоспособных женщин в выполнение хлопковых планов [303, ф. 3316, оп. 51, д. 5, л. 1—9].

В Казахстане подготовка женских кадров началась с организации в г. Верном (Алма-Ата) в октябре 1920 г. по инициативе отдела работниц шестимесячных курсов для взрослых мусульманок с охватом 50 казашек. На этих курсах изучались русский и родной языки, арифметика, элементарные сведения из географии и гигиены, читались лекции на политические темы [641, 1.X.1920].

В соответствии с циркуляром Киргизского (Казахского) обкома РКП(б) от 10 апреля 1924 г., с целью создания кадров подготовленных работников по работе среди женщин из коренного женского населения Киргизии (Казахстана), в г. Оренбурге в сентябре 1924 г. были организованы специальные женские годичные краевые курсы, которые были укомплектованы исключительно беднячками и батрачками (50 человек в возрасте от 18 до 35 лет).

На курсах обучались женщины-казашки из Актюбинска, Уральска, Гурьева, Букеевска, Семипалатинска, Акмолинска и Кустанайска, которые получали продуктовое, промтоварное довольствие и стипендию [301, ф. 81, оп. 1, д. 917, л. 153, 203—204].

Увеличилось число женщин на курсах советского строительства Президиума КазЦИК. Так, в осеннем наборе 1930 г. курсанты-женщины составляли 13,5%, в весеннем наборе 1931 г.— 20,5% и осеннем наборе 1931 г.— до 33% [301, ф. 5, оп. 12, д. 205, л. 112].

Повысилось участие женщин в перевыборной кампании Сове-

тов в Казахстане в 1931 г. Явка избирательниц на перевыборы поднялась по городам до 61,1% (по сравнению с 44,9% в 1929 г.), по селам, аулам и кишлакам — с 43,7 до 52,3%. Увеличилось число женщин в сельских и аульных Советах (с 21,3% в 1929 г. до 22,7% в 1931 г.), почти в 2 раза увеличилось число женщин в ревизионных комиссиях при сельских и аульных Советах (с 7% в 1929 г. до 13,7% в 1931 г.) и увеличилось число женщин в Президиумах горсоветов и в составе КазЦИК (в составе 1929 г. женщин было 13,7%, а в 1931 г.— 18,5%, в исполкомах сельских Советов — 17 и 18,5%.)

В борьбе за выполнение плана хлопкозаготовок, за коллективизацию воспитывались, росли и крепли кадры женского актива. В ряде сел и аулов женщины показали подлинно большевистские темпы в выполнении хозяйственно-политических мероприятий, были застрельщиками социалистического соревнования и ударничества, давая решительный отпор кулацко-байским влияниям [301, ф. 5, оп. 11, д. 377, л. 82—83].

Однако активность женщин не всегда закреплялась выдвижением на руководящую работу. Например, удельный вес женщин — председателей сельских и аульных Советов с 8,3% в 1929 г. снизился до 5,4% в 1931 г., среди членов райисполкомов количество женщин уменьшилось на 3,3% (в 1929 г.—19,8%, в 1931г.— 16,5%) и среди членов Президиума — на 3% (в 1929 г.— 11,4%, в 1931 г.— 8,4%).

Хуже того, женщин — председателей Советов в Петропавловском округе и некоторых других районах снимали с работы под предлогом, что они якобы не справляются с хлопкозаготовкой [301, ф. 5, оп. 12, д. 205, л. 112].

На курсах волостных женских организаторов и членов Советов Киргизской АССР в 1929 г. обучалось 17 киргизок и узбечек со всех кантонов республики [301, ф. 97, оп. 1, д. 6, л. 8—14].

II Всекиргизский съезд Советов 30 апреля 1929 г. поручил ЦИК усилить работу по вовлечению работниц — батрачек и дехканок основной национальности и восточных национальных меньшинств на руководящую работу в советских учреждениях и хозяйственных организациях как в центре, так и на местах, обратив особое внимание на усиление женского образования [301, ф. 21, оп. 4, д. 79, л. 124—125].

В 1929 г. женщины были включены во все волостные и сельские избирательные комиссии, большинство из них были батрачки и беднячки, а также середнячки.

Директивы Средазбюро ЦК ВКП(б) о проведении отдельных женских перевыборных и выборных собраний вполне себя оправдали и в Киргизии. В Джалал-Абадском кантоне была проведена женская конференция с докладами о подготовительной и перевыборной кампании в Советы, а в городе была проведена конференция девушек-националок, посвященная перевыборам в Советы.

Всего на территории Киргизии, по неполным данным, было

проведено 531 отчетно-выборное и перевыборное собрание среди женщин, на которых присутствовало 54 835 избирателей, в том числе 48 294 женщины (90%).

В 1929 г. в республиканском и волостных съездах участвовало 548 женщин — членов Советов. В сельсоветы была избрана 441 женщина, председателями — 48 женщин-киргизок [301, ф. 97, оп. 1, д. 16, л. 6—15].

19 сентября 1931 г. на объединенном заседании Президиума ЦИК и СНК Киргизской АССР отмечалась возросшая политическая активность трудящихся женщин во время перевыборной кампании: явка женщин на перевыборные собрания в деревне достигла 70% против 53% в 1929 г. Количество женщин — членов сельсоветов достигло 34%, число женщин — членов Президиумов районных исполкомов повысилось с 4% в 1929 г. до 9% в 1931 г., а женщин — членов групп бедноты — до 16%. На хозяйственно-административной работе в республиканских учреждениях было 39 выдвиженок (22% общего числа выдвиженцев), а в районных звеньях — 127 выдвиженок (из них 72 киргизки и 32 другие восточницы). Выдвинуты председателями колхозов 8, заместителями председателей колхозов — 7, членами правления колхозов — 266, в райколхозсоюз — 8 колхозниц [301, ф. 21, оп. 6, д. 60, л. 9].

Киргизка М. Тугамбаева была заместителем председателя Президиума ЦИК Киргизии, Аильчикова — помощником прокурора республики и т. д. [301, ф. 21, оп. 15, д. 24, л. 242; ф. 97, оп. 1, д. 16, л. 10].

Базой для выдвижения киргизок явился рост числа коммунисток (с 46 в 1925 г. до 3266 в 1933 г.). За 1931—1933 гг. были выдвинуты на руководящую работу 83 женщины — лучшие ударницы, работницы и колхозницы.

В Киргизии был применен оригинальный метод работы: были организованы курсы выдвиженцев при совпартшколе, а в учреждениях организованы кружки для работы с выдвиженцами [301, ф. 21, оп. 9, д. 109, л. 111—112].

В 1929 г. было подготовлено на различных курсах в г. Фрунзе 99 женщин, из них 53 киргизки, в Ташкент и другие города страны направлено на учебу 69 женщин, из них 27 киргизок, а на советских курсах в кантонах подготовлено 160 киргизок (против единственных курсов в Пишпеке с охватом 20 работниц женотделов в 1926 г.) [298, ф. 10, оп. 5, д. 93, л. 11; ф. 10, оп. 5, д. 51, л. 1—18; д. 52, л. 1—72; 301, ф. 97, оп. 1, д. 16, л. 6—15].

29 октября 1935 г. Президиум ЦИК Киргизии принял решение о проведении двухмесячных курсов по переподготовке женщин — председателей и заместителей председателей сельсоветов (с 1 декабря 1935 по 1 февраля 1936 г.) в целях повышения их общеобразовательной и практической подготовки. За курсантами сохранялись занимаемая ими должность и зарплата [301, ф. 21, оп. 15, д. 24, л. 241—242].

В Таджикистане в 1925—1926 гг. в джамагатские (сельские)

Советы были избраны 43 женщины, а в 1928 г.— уже 957 женщин, из них 16 — на руководящую работу [285, с. 5].

В 1928 г. 28 таджичек из Душанбе, Куляба, Каратага, Оби-Гарма, Сарай-Камара, Кокташа закончили курсы для женщин — членов Советов. Это был первый выпуск женщин, получивших теоретическую и практическую подготовку для работы в области советского строительства. Курсы способствовали повышению общественно-политического уровня женщин — членов Советов, прививали им навыки практической советской работы (см. [111]). Курсанты ликвидировали свою неграмотность и малограмотность, получили общее представление о политике партии и Советской власти в отношении кишлака и аула, ознакомились с работой в области раскрепощения женщин. Им разъясняли построение, задачи и содержание работы советского аппарата, дали навыки несложной канцелярской работы (составление протокола, отчета, заявления). Они посетили хлопковый завод, промкомбинат, колхоз, сельсовет, женские пошивочную артель, лавку.

Как и во всяком новом деле, при организации этих курсов были допущены недостатки, типичные для всех республик (несвоевременность сбора курсантов, различный уровень азбучной грамотности и социальный состав — пока еще были среди них и домохозяйки).

В декабре 1930 г. ЦИК Советов Таджикской ССР выступил с обращением к работницам и дехканкам с призывом принять активное участие в выборах Советов. ЦИК Таджикистана призвал женщин поставить перед вновь избранными Советами вопросы более решительного и массового выдвижения женщин на работу во всех советских и хозяйственных органах, сплотиться тесным фронтом вокруг Коммунистической партии и Советской власти в деле фактического раскрепощения женщины [302, ф. 11, оп. 1, д. 173, л. 1—2].

Если в 1929 г. в джамагатские Советы Таджикистана было избрано 1070 женщин, из них 20 председателями, то в 1934 г. 425 женщин работали в Президиумах джамагатских Советов, 166 были членами районных исполнительных комитетов, 39 женщин избраны в члены Президиумов РИК, а 6 — председателями районных исполкомов Таджикистана [380, с. 41—42]. Если в 1930 г. было 28 женщин — членов ЦИК, то в 1931 г. в состав ЦИК Таджикской ССР были избраны 33 женщины [642, 5.III.1931].

В Туркменистане в 1928 г. были организованы курсы для 28 женщин — членов Советов. Из 325 учебных часов 189 отводилось на ликвидацию неграмотности, 136 — на политграмоту, 100— на клубную и внешкольную работу. Перед курсантами выступили ответственные партийные, советские работники, представители Наркомпроса, Наркомзема и др. [303, ф. 3316, оп. 21, д. 898, л. 18—22].

Непросто было организовать и начинать работу этих женских курсов. Первая — и главная — трудность была с набором кур-

санток. Конечно, это были не первые годы Худжума. Колхозы набирали силу, был выдвинут лозунг ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации сельского хозяйства. Но менялась и тактика саботажа. Например, на упомянутые женские курсы из районов было направлено 9 женщин в возрасте 50—60 лет. Для тех времен это были довольно старые люди с потерянным здоровьем и зрением. Но самое главное, это, как правило, были бесперспективные для начала общественной деятельности люди, не говоря уже о том, что они были совершенно неграмотными. Пришлось их возвратить домой. И план набора не был выполнен. А в 1932 г. на курсах подготовки сельских советских кадров, на которых обучалось 40 человек, не было ни одной женщины [667, 8.III.1933].

В 1932 г., выступая на республиканском совещании по работе среди выдвиженок, заместитель председателя Президиума ЦИК Туркменской ССР Оразсолтан Темриева сказала, что отдельные Наркоматы игнорируют решения партии и правительства и недооценивают важнейшего значения выдвижения женщин на руководящую работу. Даже в Наркомтруде выдвиженки не учатся еще на курсах, к ним не прикреплены более сильные товарищи и нет соответствующего внимания со стороны руководства Наркомата. А Наркомхоз на запросы выдвиженок отвечает: «Пока **нет инструкции».** А между тем большинство выдвиженок оправдывает свое назначение, растет, хотя и они жалуются на недостаток внимания [302, ф. 626, оп. 1, д. 43, л. 14—16].

Скоро, однако, названные трудности были преодолены, ибо сами выдвиженки становились активной силой и помогали партийным организациям в подготовке женских кадров. Одна из этих выдвиженок, туркменка Багтыгуль Алтыбаева, в 1937 г. была назначена народным комиссаром легкой промышленности Туркменской ССР, избиралась депутатом Верховного Совета СССР и Туркменской ССР, членом ЦК КП(б) Туркменистана [667, 17.I.1935]. В 1936 г. комсомолки-туркменки — секретари райкомов комсомола М. Мирзаева, О. Караева, работницы Н. Курбанова, Г. Кулиева, колхозницы Г. Бекиева, Я. Ильясова были избраны делегатами X съезда ВЛКСМ [667, 20.IV.1936].

Женские кадры, особенно молодые, остро ставили вопрос о преодолении цепких пережитков прошлого в сознании людей, раскрепощении женщин от этих пережитков.

Так в острой битве женщины Средней Азии под руководством Коммунистической партии отстояли свои права и заняли достойное место в рядах борцов за социализм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, женский вопрос, вопрос о раскрепощении женщины, в том числе женщины-мусульманки, в СССР был положительно и успешно решен в первое же 20-летие Советской власти. В результате массового вовлечения в строительство социализма веками прикованные к домашнему очагу и лишенные элементарных человеческих прав миллионы женщин советского Востока были вызваны к активной общественной, созидательной деятельности. Все это было результатом огромных, героических усилий всего народа, руководимого Коммунистической партией, и в первую очередь результатом самоотверженной борьбы самих трудящихся женщин-мусульманок.

Вопрос эмансипации женщин советского Востока рассматривался и решался как проблема социальная. Она была особенно сложной и многотрудной, поскольку речь шла о взаимоотношении полов не только в обществе, но и в семье. Подвергались преломлению феодальные патриархально-родовые устои быта, пронесенные через века и ревностно оберегаемые эксплуататорскими классами и служителями культа ислама.

Основополагающими в решении этой проблемы явились победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление диктатуры пролетариата. Октябрьская революция разбила цепи социального и национального угнетения, не оставила камня на камне от сословных, классовых привилегий эксплуататоров.

Социализм — социалистическая система хозяйства, советское общественное и государственное устройство — принес женщине освобождение от оков эксплуатации, свободу личности и социальную справедливость,

Строительство социализма в СССР имело много особенностей. И такой именно очень важной спецификой в условиях советского Востока явилось раскрепощение женщины — один из узловых вопросов социалистической революции на советском Востоке, без решения которого нельзя было продвинуться ни на шаг вперед по пути социального прогресса.

Трудным и неизведанным был путь к эмансипации, который предстояло пройти женщине-мусульманке советского Востока. Ей выпала историческая роль зачинателя, пионера, первопроходца в прокладывании этого пути, что потребовало особых усилий, не-

престанных поисков форм и методов и проверки их в острой борьбе. Именно на этом участке работы партией были выработаны мудрые формы и методы, правильность которых подтверждалась жизнью.

Внедрение женского равноправия в обществе и семье осуществлялось в рассматриваемом регионе на основе создания суверенных национальных государств — Узбекской ССР, Казахской ССР, Туркменской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Каракалпакской АССР. Конституцией СССР и Конституциями этих республик были узаконены гуманные советские принципы равноправия полов в обществе и семье.

В этих республиках были приняты законы об отмене и запрещении калыма, многоженства, принудительной выдачи замуж, умыкания, каршилика, кайтармы, ранних браков и о повышении брачного возраста до 18 лет для обоего пола, о правовой защите женщин, отказавшихся от затворнической одежды.

Нарушение этих декретов признавалось уголовным преступлением и влекло за собой строгое наказание. К судебной ответственности привлекались не только прямые виновники, но также и должностные лица, повинные, например, в регистрации браков мужчин с несколькими женами или с несовершеннолетними девушками.

Декреты нанесли сокрушительный удар по вековечным устоям порабощения женщин. Они явились выдающимися революционными мероприятиями, направленными на массовую эмансипацию женщин, и ознаменовали начало нового этапа — перехода от признания великих прав женщин-мусульманок к активному содействию в их борьбе за ликвидацию отсталого быта, за утверждение в жизни подлинного равноправия.

В противовес варварским человеконенавистническим законам, бытовавшим века, советское законодательство устанавливало новое отношение к женщине, основанное на гуманности, равноправии и высоком уважении. Отныне женщина — гражданка и мать — бралась под защиту государства. За ней признавалось право вести борьбу за утверждение своего равноправия с использованием средств государства, а также право получать в этой борьбе необходимую помощь и поддержку.

Итак, Советская власть навсегда покончила с рабством женщин и узаконила равноправие полов в обществе и семье: равные права избирать и быть избранными в органы управления государством, на труд и оплату труда, на землепользование, образование, отдых, государственную охрану материнства и младенчества. Однако не случайно принятие декретов о равноправии В. И. Ленин считал лишь началом фактического раскрепощения женщины. Он завещал преодолевать гнусные пережитки прошлого в отношении женщин и обеспечить массовую эмансипацию их. И история эмансипации мусульманок советского Востока подтвердила правильность предсказаний Ленина. Им пришлось в огне борьбы

пройти огромную дистанцию от принятия законов до их внедрения в жизнь.

Главную трудность на пути фактического раскрепощения женщины Востока представляли веками закрепленные пережитки в общественном сознании, в том числе и самой мусульманки. Свое рабское положение в семье и изолированность от общества она продолжала рассматривать как предопределение свыше, вечное и нерушимое. Еще труднее оказалось переделать традиционную психологию консервативно настроенных мужчин-мусульман, в которых прочно сидел дух превосходства над женщиной. Все трудящееся население, и мужское и женское, было сплошь неграмотным, суеверным, фанатичным, что осложняло осознание ими даже их собственных классовых интересов. Старые нравы были живучими и цепко держались в сознании.

Осуществление советских законов о женском равноправии осложнялось и прямой враждебной деятельностью свергнутых эксплуататорских классов и реакционной части мусульманского духовенства, которые, пользуясь темнотой и суевериями бесхитростных и доверчивых верующих мусульман, злобно клеветали на Советскую власть и партию, кричали о мнимом попирании ими национальных обычаев и традиций.

Когда же большевики в широких масштабах развернули разъяснительную работу и рабочие, дехкане стали понимать разумный смысл и содержание советских законов о женском равноправии (а осознать бесперспективность старого уклада жизни им помогала вся обстановка), тогда враги прибегли к белому террору и убивали не только борцов за женскую эмансипацию, но и тех мусульманок — многодетных матерей, которые осмеливались сбросить затворническую одежду, посещать женский клуб, женское собрание или просто показать больного ребенка врачу, медсестре и т. д. Совершали эти злодеяния, как правило, чужими руками, спекулируя на религиозных чувствах, натравливая отцов, братьев, мужей на их жен, сестер.

К злостным нарушителям советских законов о женском равноправии применялись карательные меры, вплоть до высшей меры наказания. Но главным методом раскрепощения женщин был советский метод убеждения людей, разъяснения значения советских декретов по преодолению вековой экономической и культурной отсталости народов. Проводилась длительная, неустанная воспитательная работа по преодолению вредных и цепких патриархально-родовых и феодальных пережитков в отношении к женщине.

Советский опыт решения этой проблемы показал, что, как бы сложна ни была сама проблема, она может быть решена, если государство и правящая в стране партия последовательно, принципиально и неотступно проводят политику женского равноправия в обществе и семье, не ограничиваясь только принятием прогрессивных законов, но и проводя их в жизнь, героически преодоле-

вая на этом пути все трудности, цепкие пережитки прошлого, добиваясь равноправного участия тружениц во всех сферах общественно-политической и экономической жизни общества.

Здесь были применены подсказанные и подтвержденные самой жизнью формы и методы работы, которые вошли в золотой фонд исторического опыта перехода ранее отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. К ним относятся помимо упомянутых специальных союзных и республиканских декретов и законов, направленных на утверждение женского равноправия, помимо применения карательных мер к злостным нарушителям этих законов, а также организации показательных судебных процессов к лицам, пытавшимся по-прежнему безнаказанно попирать права и человеческое достоинство женщины, последовательная принципиальная позиция КПСС — правящей в стране партии; организация героических женотделов партийных комитетов всех инстанций и Комиссий по улучшению быта тружениц Востока (КУБТ) при Президиуме ЦИК СССР, ЦИК союзных и автономных республик, при исполкомах местных Советов; создание специальных финансовых фондов женотделов и КУБТ для работы среди женщин.

Сюда же относится и деятельность махаллинских комиссий, семейные вечера, женские клубы, Красные юрты и уголки, Дома и уголки дехканок, ударные и опорные пункты, а также делегатские собрания, женские производственные артели, чайханы, базары, лавки, охрана материнства и младенчества, женские и детские медицинские консультации, женские школы ликбеза для взрослых, школы, классы, интернаты, детские дома для девочек, женские педагогические, медицинские и технические учебные заведения и ПТУ, прием девушек на льготных условиях во все высшие и средние специальные учебные заведения (кстати, это существовало до 1970 г.), комсомольские организации для девушек и пионерские отряды для девочек, льготы для родителей, разрешавших своим дочерям учиться, женские курсы для подготовки кадров для партийного и государственного аппарата, институт практиканток и правозаступниц в государственных учреждениях, культпоходы работниц в деревню. Таков лишь краткий и неполный перечень форм и методов, примененных в работе среди женщин-мусульманок в первые годы Советской власти. Кроме того, систематически проводились женские съезды, конференции, совещания, собрания. Особенно большие мероприятия осуществлялись в связи с Международным женским днем 8 Марта.

Уникальным и действенным методом борьбы за эмансипацию мусульманок явился метод приема на заводы и фабрики семьями: мужа, жены и совершеннолетних детей. Ввиду того что народы Средней Азии начали строить социализм, минуя капиталистическую стадию развития и буржуазную урбанизацию, и основной массой населения вследствие экономической отсталости региона были крестьяне, проводился организованный набор рабочих на

предприятия, и женотделы приложили в деревнях много усилий, чтобы направить на предприятия женщин, которые легче соглашались ехать семьями. На предприятиях же коллектив рабочих и работниц, молодежь оберегали женщин от посягательств злостных носителей феодально-байских пережитков. Работницы промышленных предприятий организовывали культурные походы в деревню, беседовали с крестьянами, рассказывали им о жизни в городе, приглашали их на работу, учили крестьянок грамоте, правилам гигиены и санитарии и т. д.

Помощь государства сырьем, оборудованием и сбытом продукции женским производственным артелям, наделение землей дехканских хозяйств, возглавляемых женщинами, при проведении земельно-водной реформы и оказание им, а также женским сельскохозяйственным кооперативам и бригадам помощи государства (сельскохозяйственным инвентарем, возделыванием земельных участков и орошением на льготных условиях), отмена Никях-Су и лишение байства этого экономического рычага эксплуатации бедноты и многоженства, передача водопользования в распоряжение государства, принятие прогрессивного трудового законодательства о равной оплате за равный труд, об охране женского труда, материнства и младенчества, контроль и научное изучение состояния женского труда и перспектив его внедрения, выдвижение женщин на должности и т. д.— таковы методы и мероприятия, обеспечившие экономическую эмансипацию женщин-мусульманок советского Востока. Кроме того, работницы, колхозницы, да и единоличники-дехканки пользовались не только в равной мере со всеми работающими, но и на значительных льготных условиях общими благами социалистического общества, касалось ли это достижений научно-технического прогресса и на этой основе улучшения условий труда (в первую очередь работающим женщинам), механизации сельского хозяйства (в первую очередь участков женских кооперативов, бригад, хозяйств), улучшения ли жилищных условий трудящихся (в первую очередь многодетным матерям, работницам и колхозницам и т. д.).

Невозможно переоценить роль художественной литературы, печати и радио, учреждений культуры, театров, кино, активно помогавших партии и государству в осуществлении всех мероприятий по осуществлению женского равноправия.

Особое место в решении проблемы эмансипации восточницы занимает Худжум — выдающееся событие в истории женского движения на советском Востоке. Худжум — это курс партии и государства на решительное наступление на женское затворничество, на устаревший феодальный, патриархально-родовой быт. Как известно, не было принято закона о запрещении затворничества, поскольку затворничество женщин было не чем иным, как вековой традицией. Решить задачу ликвидации затворничества был призван Худжум. Для проведения его в республиках, областях, городах и районах были созданы партийно-правительственные ко-

миссии, в состав которых входили руководители партии и правительств республик и местных комитетов партии и исполкомов, представители профсоюзных, молодежных, крестьянских организаций и женотделов, государственных и судебных органов, проводились многочисленные совещания, конференции и съезды женщин, создавались денежные фонды, открывались многочисленные детские учреждения.

В первых рядах борцов за раскрепощение женщин шли коммунисты, комсомольцы, члены профсоюзов и союзов «Кошчи», которые первыми выполняли советские законы о женском равноправии в своих семьях (обеспечивая посещение занятий в школах своими женами и дочерьми, снимая с них паранджу и т. д.). Тем самым коммунисты показывали положительный пример своим родственникам, соседям и всей общественности.

В период Худжума осуществлялась правовая защита женщин, снимавших паранджу, были упразднены судейские функции духовенства по вопросам гражданского состояния, имущественных отношений и т. д. В ответ на эту меру духовенство попыталось спровоцировать выступление фанатичной части населения и запугать женщин-активисток террором.

Парламенты республик Средней Азии выступили с обращением к своим народам с призывом активно бороться за раскрепощение женщин, покончить с отсталым бытом и тем самым способствовать дальнейшему социально-экономическому прогрессу и быстрейшей эмансипации женщин, отвечающей национальным интересам народов.

Решающими факторами эмансипации женщин-мусульманок явились индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, культурное строительство и массовое вовлечение женщин во все отрасли народного хозяйства.

Таким образом, Худжум был осуществлен в комплексе важнейших политических, государственных, организационных, правовых, экономических, финансовых, культурно-просветительных и разъяснительных мероприятий, проводимых под руководством Коммунистической партии. И главным в их осуществлении было массовое вовлечение самих восточных женщин в ряды активных строителей новой жизни на условиях равноправия в обществе и семье, создание более привилегированных условий продвижения по работе при прочих равных условиях, защита государством этих прав, осуществление обязательных мер по облегчению условий труда и быта, охране здоровья работниц, материнства и младенчества, охвату детей обучением и воспитанием, государственной защите женщин от посягательств на их равноправие и т. д.

Именно сочетание всех этих мер и обеспечило успех Худжума. В ходе борьбы закалились и выросли женщины советского Востока, способные постоять не только за себя, но за своих матерей, сестер и дочерей, за своих сестер по классу. Эти женщины сами стали активными созидательницами материальных и культурных

ценностей общества, борцами за его прогрессивное развитие. Успешное завершение Худжума привело к подлинному равноправию полов в обществе и семье.

Таковы важнейшие формы и методы, использованные в борьбе за эмансипацию трудящихся мусульманок советского Востока. Они были выработаны и применены впервые в мировой практике женского движения; как и во всяком новом деле, здесь были допущены отдельные ошибки, но они были своевременно устранены.

Историю раскрепощения женщины советского Востока в соответствии с анализом исторических документов можно было бы разделить на следующие три периода.

Первый период охватывает 1919—1924 гг. Это начальный период индивидуальной работы, организации женотделов, поисков форм и методов работы среди женщин-мусульманок, период издания первых декретов и начала организованной работы среди части мусульманок в старых городах и кварталах.

Второй период (1924—1926) начинается с национально-государственного размежевания и образования союзных и автономных республик Средней Азии и Казахстана. Этот период характеризуется принятием ряда законов о женском равноправии, переходом к более углубленной работе среди женщин, упорядочением политических уступок, предъявлением требований к коммунистам и комсомольцам выполнять декреты о раскрепощении женщин в своих семьях, совершенствованием форм и методов работы среди женщин.

И наконец, третий, завершающий период (1927—1935) характеризуется переходом к новому этапу — Худжуму, активному наступлению на старый, патриархально-родовой быт, курсу на преодоление векового затворничества и массовое вовлечение трудящихся женщин в ряды активных строителей социализма.

Переход к каждому новому этапу раскрепощения восточницы партия и государство обеспечивали, закрепив достигнутое, укрепив позиции, добившись изменения соотношения общественных сил, укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

Контроль не только за выполнением законов, постановлений и циркулярных указаний, но и за их исполнителями явился одним из факторов, обеспечивших успех дела.

В раскрепощении женщин важное место занимало воспитание молодежи в духе непримиримого отношения к фактам проявления феодально-байского отношения к женщине. Женское затворничество породило необходимость создания особых комсомольских ячеек, пионерских отрядов, школ и классов, специальных женских учебных заведений, интернатов, детских домов; девочки вместе со своими матерями, бабушками посещали женские клубы, женские собрания и другие мероприятия только для женщин.

Многие возникавшие после революции изолированные женские организации не оправдали себя в Средней Азии. Такие организации попадали, как правило, под влияние свергнутых эксплуата-

торских классов, носили благотворительный характер и поэтому распались, оказались нежизненными. Но комсомольские организации девушек и пионерские отряды девочек, работавшие по единому уставу комсомола, оправдали себя и по мере преодоления женского затворничества слились с общими молодежными и пионерскими организациями.

Молодежные организации решительно выступили против пережитков выдачи замуж малолетних, против многоженства и других диких обычаев. Юноши и девушки выступали с лекциями и докладами перед населением, рассказывали о советских законах, добивались гуманного отношения к женам, сестрам, дочерям в семьях молодежи, помогали старым людям, своим родителям освободиться от вредных пережитков неравного отношения к женщине. Таким образом, молодежь, воспитанная в условиях суровой борьбы за раскрепощение женщин, приняла эстафету борьбы за решительное преодоление, выкорчевывание всего того вредного, что досталось им от предков, — от цепких, живучих пережитков прошлого. И особую роль в преодолении этих пережитков в сознании населения страны играют сельские учительницы местных национальностей — активный фактор в развитии просвещения и культуры села, охвата сельской женской молодежи обучением.

Советский опыт показал, что даже при постоянной поддержке и защите партией и государством, при возведении принципа равноправия полов на уровень государственной политики процесс эмансипации женщины-мусульманки является наиболее болезненным и трудным, что в суровой борьбе она утверждала свое равноправие и себя как личность. В этой борьбе против отживающих сил общества закалялась ее воля, она становилась активным борцом, творцом своего счастья.

«Опыт социальных преобразований в СССР,— отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев,— оказывает огромное воздействие на все мировое развитие. Большое практическое значение он имеет для освободившихся от колониальной зависимости стран Азии и Африки, стремящихся к экономическому и социальному прогрессу» [98, с. 9].

«Современное развитие этих стран не представляет собой, разумеется, повторения пути, пройденного республиками Средней Азии. Однако общественный строй этих стран к началу периода завоевания ими независимости во многом имеет сходство с социально-экономическим строем Средней Азии накануне Октябрьской революции. После победы Октября на советском Востоке решалось множество проблем общественного развития, схожих по своему содержанию с теми, которые приходится или предстоит решать революционным силам освободившихся афро-азиатских стран» [505а, с. 8]. Все сказанное в полной мере может быть отнесено к вопросу эмансипации женщины.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА*

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Книга I. Процесс производства капитала. — Т. 23.
2. Маркс К. К критике политической экономии. — Т. 13.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Гражданская война во Франции. — Т. 17.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Т. 4.
5. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Т. 2.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Т. 21.
7. Ленин В. И. Аграрный вопрос в России в конце XIX века. — Т. 17.
8. Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса». — Т. 5.
9. Ленин В. И. А. М. Коллонтай. — Т. 49.
10. Ленин В. И. Беспартийной конференции работниц и крестьянок Москвы и Московской губернии. — Т. 45.
11. Ленин В. И. В бюро женского съезда Петроградской губернии. — Т. 40.
12. Ленин В. И. Великий почин. — Т. 39.
13. Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции. — Т. 30.
14. Ленин В. И. Воззвание о войне. — Т. 27.
15. Ленин В. И. Воинствующий милитаризм и антиимпериалистская тактика социал-демократии. — Т. 17.
16. Ленин В. И. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. — Т. 35.
17. Ленин В. И. Государство и революция. — Т. 33.
18. Ленин В. И. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа.— Т. 35.
19. Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. — Т. 39.
20. Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции. — Т. 31.
21. Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов. — Т. 2.
22. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г.). — Т. 41.
23. Ленин В. И. Замечание и добавление к проектам «Положения о рабочей и крестьянской инспекции». — Т. 40.
24. Ленин В. И. И. Ф. Арманд. — Т. 48.
25. Ленин В. И. И. Ф. Арманд. — Т. 49.
26. Ленин В. И. Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова). — Т. 4.
27. Ленин В. И. Капитализм и женский труд. — 23.
28. Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия. — Т. 19.
29. Ленин В. И. Карл Маркс. — Т. 26.
30. Ленин В. И. Каторжные правила и каторжный приговор. — Т. 5.
31. Ленин В. И. К вопросу о национальной политике. — Т. 25.
32. Ленин В. И. К деревенской бедноте. — Т. 7.
33. Ленин В. И. К женщинам-работницам. — Т. 40.

* Работы В. И. Ленина даны по Полному собранию сочинений, работы К. Маркса и Ф. Энгельса — по 2-му изданию Сочинений.

34. Ленин В. И. Классовая война в Дублине.— Т. 23.
35. Ленин В. И. К Международному дню работниц.— Т. 40.
36. Ленин В. И. К пересмотру партийной программы. — Т. 34.
37. Ленин В. И. К проекту декрета о реорганизации государственного контроля. 1. Заметки о реорганизации партийного контроля. — Т. 37.
38. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Т. 24.
39. Ленин В. И. Культурные европейцы и дикие азиаты. — Т. 23.
40. Ленин В. И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности. — Т. 2.
41. Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. — Т. 44.
42. Ленин В. И. Материалы по пересмотру партийной программы. — Т. 32.
43. Ленин В. И. Международный день работниц. — Т. 42.
44. Ленин В. И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте. — Т. 16.
45. Ленин В. И. Мелкое производство в земледелии. — Т. 23.
46. Ленин В. И. Набросок правил об управлении советскими учреждениями. — Т. 37.
47. Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе. — Т. 7.
48. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября. — Т. 44.
49. Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. — Т. 27.
50. Ленин В. И. О борьбе с социал-шовинизмом. — Т. 26.
51. Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах. — Т. 2.
52. Ленин В. И. Одна из великих побед техники. — Т. 23.
53. Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. — Т. 39.
54. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма. — Т. 45.
55. Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Т. 30.
56. Ленин В. И. О лозунге «разоружения». — Т. 30.
57. Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. — Т. 26.
58. Ленин В. И. О национальной программе РСДРП. — Т. 24.
59. Ленин В. И. Оппортунизм и крах II Интернационала. — Т. 27.
60. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Т. 25.
61. Ленин В. И. О пролетарской милиции. — Т. 31.
62. Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? — Т. 2.
63. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. — Т. 36.
64. Ленин В. И. Перлы народнического прожектерства. — Т. 2.
65. Ленин В. И. Письма из далека. — Т. 31.
66. Ленин В. И. План чтения о коммуне. — Т. 9.
67. Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. — Т. 1.
68. Ленин В. И. IV (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. — Т. 21.
69. Ленин В. И. Приветствие Всероссийскому совещанию губженотделов. — Т. 42.
70. Ленин В. И. Приветствие совещанию представительниц женотделов народов Востока советских областей и республик. — Т. 43.
71. Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. — Т. 2.
72. Ленин В. И. Проект программы нашей партии. — Т. 4.
73. Ленин В. И. Проект программы РКП(б). — Т. 38.
74. Ленин В. И. Проект Программы российской Социал-Демократической Рабочей Партии. — Т. 6.
75. Ленин В. И. Пятый международный съезд по борьбе с проституцией. — Т. 23.
76. Ленин В. И. Рабочий класс и неомальтузианство. — Т. 23.
77. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Т. 3.

78. Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. — Т. 27.
79. Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде рабочих текстильной промышленности 19 апреля 1920 г. — Т. 40.
80. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 года. — Т. 37.
81. Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 27 января 1920 года. — Т. 40.
82. Ленин В. И. Речь на заседании памяти Я. М. Свердлова, 16 марта 1920 г. — Т. 40.
83. Ленин В. И. Речь на курсах агитаторов отдела охраны материнства и младенчества Наркомсобеса 8 марта 1919 г. — Т. 37.
84. Ленин В. И. Речь на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918 года. — Т. 37.
85. Ленин В. И. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 года. — Т. 31.
86. Ленин В. И. Советская власть и положение женщины. — Т. 39.
87. Ленин В. И. Социализм и война. — Т. 26.
88. Ленин В. И. Статьи для «Рабочей газеты». — Т. 4.
89. Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Доклад о партийной программе 19 марта. — Т. 38.
90. Ленин В. И. Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением восточного фронта. — Т. 38.
91. Ленин В. И. Товарищам коммунистам Туркестана. — Т. 39.
92. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? — Т. 34.
93. Ленин В. И. Уроки московского восстания. — Т. 13.
94. Ленин В. И. Чрезвычайное заседание пленума Московского совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г. — Т. 38.
95. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Т. 1.
96. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Т. 1.
97. Брежнев Л. И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. Т. 1—2. М., 1978.
98. Брежнев Л. И. Опыт социальных преобразований в СССР и его международное значение. — Международная научная конференция в Ташкенте. Октябрь 1972 г. М., 1974.
99. Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981.
100. Брежнев Л. И. 50 лет великих побед социализма. М., 1967.
101. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
102. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
103. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973.
104. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I—II. М., 1941.
105. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. М., 1970—1972.
106. Коммунистическая партия Таджикистана в документах и цифрах (1924—1963 гг.). Сборник документов. Душ., 1965.
107. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и постановлениях съездов. Таш., 1968.
108. КП Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов обкома и ЦК. Ч. 1. Фрунзе, 1958.
109. Большая Советская Энциклопедия. Т. 3, 7, 25, 53, 55.
110. Бюллетень № 1. М., 1927. Стенографический отчет Всесоюзного съезда работниц и крестьянок — членов Советов.
111. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917—1936 гг.). Сборник документов и материалов. М., 1971.
112. В защиту матери и ребенка и социалистической законности. М., 1936.

113. Вопросы борьбы с женской безработицей. Отдел ЦК ВКП(б) по работе среди женщин. М., 1922.
114. Всероссийское совещание губернских женотделов. М., 1921.
115. Всесоюзное клубное совещание. М., 1930.
116. Всесоюзное совещание Комиссий по улучшению труда и быта женщин Востока. М., 1928.
117. Всесоюзное совещание ответственных секретарей Комиссий по улучшению труда и быта женщин. Октябрь 1929. М., 1930.
118. Всесоюзное совещание работников женских клубов. М., 1927.
119. I Всесоюзный съезд колхозниц. М., 1930.
120. Всесоюзный съезд работниц и крестьянок — членов Советов 10—16/X—27. Стенографический отчет. М., 1927.
121. Второй Съезд женщин Узбекистана. Стенографический отчет. Таш., 1962.
122. Госплан Средней Азии. Средняя Азия в цифрах. Таш., 1931.
123. Два года работы правительства Узбекской ССР. Таш., 1928.
124. Декларация об образовании Туркменской Советской Социалистической Республики (Постановление I съезда Советов Туркменской ССР 20 февраля 1925 г.). Аш., 1925.
125. Декларация об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики (Принятая I съездом Советов Узбекской ССР 17 февраля 1925 г.). Самарканд, 1925.
126. Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1.
127. Дети в СССР. Статистический сборник. М., 1979.
128. Директивы ЦК ВКП(б) и постановления Советского правительства за 1917—1947 гг. М., 1947.
129. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1—4. М., 1957—1958.
130. Договор по соревнованию за фактическое раскрепощение женщин. Бухара — Ташкент, 1930.
131. Документы Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки. М., 1958.
132. Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957.
133. Женские клубы на Востоке. Сборник материалов Всесоюзного совещания работников женских клубов. М., 1927.
134. Жены-общественницы. Таш., 1940.
135. Женщина в борьбе за социализм (Краткая библиография материалов к Международному женскому дню 8 Марта). М., 1935.
136. Женщина в колхозах — большая сила. М., 1934.
137. Женщина в СССР. Краткий статистический справочник. М., 1960.
138. Женщина в СССР. Статистический сборник. М., 1936.
139. Женщина в СССР. Статистические материалы. М., 1972.
140. Женщина в СССР и странах капитала. М., 1938.
141. Женщина в Таджикской ССР. Краткий статистический сборник. Сталинабад, 1960.
142. Женщина в Туркменской ССР. Краткий статистический сборник. Аш., 1960.
143. Женщина и дети в СССР. Статистический сборник. М., 1961, 1963, 1969.
144. Женщина и труд. М., 1963.
145. Женщины в борьбе за хлопок. Материалы совещания. Таш., 1931.
146. Женщины в СССР. Статистические материалы. М., 1971, 1973, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980.
147. Женщины в СССР. Статистический сборник. М., 1975.
148. Женщины Страны Советов. Краткий исторический очерк. М., 1977.
149. Заботы социалистического государства о матерях и детях. Указы Президиума Верховного Совета СССР. М., 1944.
150. За пять лет. Сборник по вопросам работы Коммунистической партии среди женщин Средней Азии. М., 1925.
151. Из истории комсомола Туркменистана. Аш., 1959.
152. Из истории культурного строительства Таджикистана. Сборник документов. Душ., 1966.
153. Исполком Международного женского секретариата. М., 1931.

154. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1980.
155. История Советского Туркменистана. Ч. 2. Аш., 1970.
156. История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства 1917—1936 гг. М., 1936.
157. История Туркменской ССР. Т. 1—2. Аш., 1957.
158. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года по Туркменской ССР. Аш., 1973.
150. Итоги первого республиканского съезда работниц и дехканок — членов Советов. Самарканд, 1928.
160. Казахская Советская Социалистическая Республика. А.-А., 1939.
161. К истории советского строительства в Таджикистане. Сборник документов. Душ., 1940.
162. Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1950.
163. Кодекс законов о браке, семье и опеке (Законы и постановления РСФСР). М., 1932.
164. Кодекс законов о браке, семье и опеке и о записи гражданского состояния. Самарканд, 1928.
165. Кодекс законов о браке, семье, опеке и актах гражданского состояния ТССР. Аш., 1938.
166. Кодекс законов о браке, семье и опеке (Таджикская ССР. Законы, постановления). М., 1939.
167. Кодекс законов о браке, семье и опеке Узбекской Советской Социалистической Республики. Таш., 1946, 1955.
168. Кодекс законов о труде Туркменской ССР. Аш., 1955.
169. Кодекс законов о труде Узбекской Советской Социалистической Республики. Таш., 1955, 1961.
170. Комиссии по улучшению труда и быта женщин Востока. Материалы совещания восточниц — делегатов Всесоюзного съезда работниц и крестьянок 17 октября 1927 г. М., 1927.
171. Коммунистическая партия и организация работниц. Сборник резолюций и инструкций. Таш., 1920.
172. Коммунистическая партия Туркменистана в цифрах (1924—1974). Статистический сборник. Аш., 1975.
173. Коммунистическая партия Туркменистана в цифрах (1925—1966). Статистический сборник. Аш., 1967.
174. Компартия Узбекистана в борьбе за решение женского вопроса в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Сборник документов и материалов. Таш., 1977.
175. Конституция и конституционные акты Союза ССР (1917—1925). Сборник документов. М., 1940.
176. Конституция и резолюция 5-го Краевого съезда Коммунистической партии Туркестана (12—18 сентября 1920 г.). Таш., 1920.
177. Конституция (Основной закон) Казахской Советской Социалистической Республики. А.-А., 1937, 1978.
178. Конституция (Основной закон) Каракалпакской Автономной Советской Социалистической Республики. Нукус, 1937, 1978.
179. Конституция (Основной закон) Киргизской Советской Социалистической Республики. Фрунзе, 1937, 1978.
180. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1936, 1977.
181. Конституция (Основной закон) Таджикской Советской Социалистической Республики. Душ., 1937, 1978.
182. Конституция (Основной закон) Туркменской Советской Социалистической Республики. Аш., 1937, 1978.
183. Конституция (Основной закон) Узбекской Советской Социалистической Республики. Таш., 1937, 1978.
184. Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963.
185. Коран Магомета. М., 1865.
186. КП Туркменистана. Тезисы по докладу т. Перимовой. Аш., 1927.
187. Краткий статистический сборник УзССР. Таш., 1936.

188. К решению женского вопроса. СПб., 1888.
189. К XV съезду ВКП(б). За два года (к организационному отчету ЦК ВКП(б). Ч. II. Отчеты отделов ЦК ВКП(б). М.—Л., 1927.
190. К XIV съезду РКП(б). Отчеты отделов ЦК РКП(б). М.—Л., 1925.
191. К XVI съезду ВКП(б). Материалы к организационному отчету ЦК ВКП(б). М.—Л., 1930.
192. Культурное строительство СССР. Статистический сборник. М., 1956.
193. Культурное строительство Туркменской ССР. Статистический сборник. Аш., 1960, 1971, 1976.
194. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР. М., 1978.
195. 50 лет Коммунистической партии Советского Союза. М., 1953.
196. 20 лет Советской власти. Статистический сборник. М., 1937.
197. 15 лет Туркменской ССР. Статистический сборник. Аш., 1939.
198. XV лет Узбекской ССР. Таш., 1940.
199. Материалы 2-го Всероссийского совещания работников среди женщин восточных народностей. М., 1923.
200. Материалы IV Всесоюзного совещания. М., 1929.
201. Материалы и программа делегатского кишлачного собрания на 1926/27 г. Таш., 1926.
202. Материалы к итогам 3-го Всесоюзного совещания работников среди женщин Советского Востока 2—10 апреля 1925 г. М., 1925.
203. Материалы к работе делегатских собраний в новых городах (созыва 1926—1927 гг.). Бюллетень отдела работниц и дехканок Средазбюро ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Уз. 1926, № 7; 1927, № 9; 1928, № 10.
204. Материалы к 1-му съезду Компартии Узбекистана. Таш., 1925.
205. Материалы по промышленной статистике Туркестанской ССР. Таш., 1924.
206. Материалы по работе женских клубов и уголков. Бюллетень отдела работниц и дехканок Средазбюро ЦК ВКП(б). 1929, № 12.
207. Материалы XVIII съезда Коммунистической партии Туркменистана. Аш., 1964.
208. Материалы X съезда КП(б) Туркменистана. Аш., 1950.
209. Материалы XI съезда КП(б) Туркменистана. Аш., 1953.
210. Материалы XIV съезда КП Туркменистана. Аш., 1958.
211. Материнство, брак и семья. Сталинград, 1946.
212. Международный женский коммунистический день. М., 1925.
213. Международный женский конгресс. Материалы. М., 1946.
214. На пути действительного раскрепощения трудящихся женщин. Таш., 1931.
215. Народное хозяйство Киргизской ССР. Фрунзе, 1957.
216. Народное хозяйство СССР. М., 1956.
217. Народное хозяйство СССР 1922—1972. Юбилейный статистический сборник. М., 1972.
218. Народное хозяйство Туркменской ССР. Аш., 1957.
219. Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет. Сборник статистических материалов. Таш., 1967.
220. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Указ Президиума Верховного Совета СССР. М., 1944.
221. О роли женщин в социалистическом обществе (Материалы симпозиума зарубежных и советских женщин). М., 1967.
222. Освобождение женщины Советского Востока. Материалы конференции 26—27 октября 1970 г. Аш., 1972.
223. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. М., 1969.
224. От ичкари к Октябрю. Таш., 1927.
225. Отчет о Первой Международной конференции коммунисток. М., 1921.

226. Отчет Центрального Комитета КП(б) Уз. Октябрь 1925 — октябрь 1927 г. О раскрепощении женщин. Таш., 1927.
227. Отчетный доклад ЦК КП Узбекистана VIII съезду партии. Таш., 1938.
228. Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Таш., 1957.
229. Первый съезд женщин Узбекистана. Стенографический отчет. Таш., 1955.
230. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сборник документов. Таш., 1947.
231. Письмо счастливого узбекского народа... И. В. Сталину. Таш., 1939.
232. Постановление III Всетуркменского съезда Советов. Аш., 1929.
233. Постановления 2-й сессии ЦИК УзССР. Таш., 1936.
234. Постановления 3-й сессии ЦИК УзССР. Таш., 1933.
235. Примерный устав Сельскохозяйственной артели. Уфа, 1946.
236. Программа для курсов по переподготовке организаторов работниц, крестьянок и тружениц Востока. М., 1927.
237. Программа и материалы для делегатских собраний в кишлаке и ауле. Таш., 1927.
238. Продолжение к собранию кодексов УзССР. Таш., 1944.
239. Профсоюзы Туркменистана за 50 лет. Аш., 1975.
240. Профсоюзы Узбекистана в 1925 году. Таш., 1960.
241. Путь к коммунизму (О женщинах Советского Узбекистана). Таш., 1949.
242. Путь нашего роста. М., 1929.
243. Работа среди женщин. Тезисы к 1-му съезду КП(б)Т. 1925.
244. Работа среди женщин Востока. Материалы 2-го Всесоюзного совещания, состоявшегося в Баку в марте 1930 г. М., 1930.
245. Работа среди женщин в Туркестане. Отчет отдела работниц и дехканок ЦК КП Туркестана к Международной конференции коммунисток, состоявшейся во время работы V конгресса Коминтерна. Таш., 1924.
246. Равноправие женщин в СССР (Материалы международного женского семинара). М., 1957.
247. Развитие потребительской кооперации Туркменской ССР за 50 лет. Аш., 1975.
248. Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана. Таш., 1957.
249. Резолюции 3-го съезда Коммунистической партии (большевиков) Туркменистана. Аш., 1927.
250. Резолюции V краевого совещания работников среди работниц и дехканок Средней Азии 23—26 ноября 1927 г. Таш., 1928.
251. Резолюции VII краевого совещания работников среди работниц и дехканок Средней Азии 26/XII—29 — 3/I—30 г. Таш., 1930.
252. Резолюция V парткурултая по докладу ЦК КП(б) Уз. Таш., 1930.
253. Резолюция Узбекского совещания работников среди работниц и дехканок. Таш., 1929.
254. Сборник законов. Таш., 1952, 1956.
255. Сборник материалов III Всероссийского совещания губженотделов, инструкций и циркуляров отделов ЦК РКП и Кавбюро ЦК РКП по работе среди женщин. Ростов-на-Дону. 1921.
256. Сборник постановлений шариата. Вып. 1. СПб., 1913.
257. Систематический сборник законов. Таш., 1938.
258. Собрание законов и распоряжений правительства СССР. 1925, № 9.
259. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1924, № 19.
260. Собрание кодексов Узбекской ССР. Таш., 1928.
261. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1944.
262. Собрание узаконений. 1927, 1929, 1930.
263. Собрание узаконений УзССР. 1925—1928.
264. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-дехканского правительства УзССР. 1926, 1927, 1928, 1929.
265. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Сборник важнейших декретов 1917—1918 гг. М., 1919.

266. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Систематический сборник важнейших декретов 1917—1920 гг. М., 1920.
267. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1924.
268. Советская власть и раскрепощение женщин. Сборник декретов и постановлений РСФСР. М., 1921.
269. Советский Узбекистан за 40 лет. Статистический сборник. Таш., 1964.
270. Совещание восточниц-делегаток. М., 1927.
271. Социалистический договор между Узбекистаном и Туркменистаном по развертыванию массовой работы среди женщин. Аш., 1932.
272. Социалистическое строительство в Казахстане. А.-А., 1962.
273. Социалистическое строительство в Узбекистане. Решения ЦК ВКП(б) и Правительства Союза ССР об Узбекистане. Таш., 1947.
274. Справочник партийного работника. М., 1923—1930.
275. Среднеазиатское 5-е краевое совещание работников среди женщин. Таш., 1927.
276. Среднеазиатское 6-е краевое совещание работников среди женщин. Таш., 1928.
277. Средняя Азия в цифрах. Сборник. Таш., 1931.
278. СССР в цифрах. Статсборник. М., 1935, 1958.
279. СССР в цифрах в 1970 году. Краткий статистический сборник. М., 1971.
280. СССР. Постановления ЦИК и СНК СССР о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей, детсадов. М., 1936.
281. Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., 1967.
282. V съезд Советов. Стенографический отчет 10—17 января 1935 г. Таш., 1935.
283. Съезды Советов в документах. 1917—1937. М., 1965.
284. Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935.
285. Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика. Отчеты Правительства за период с декабря 1926 года по март 1929 года. Душ., 1929.
286. Таджикская ССР за 20 лет. Сборник. Сталинабад, 1949.
287. Таджикистан за 40 лет. Статистический сборник. Душ., 1964.
288. Труд и быт женщины Востока. Материалы Всесоюзного совещания Комиссий по улучшению быта женщин Востока 11—17 января 1928 г. М., 1928.
289. Туркменистан за 50 лет. Статистический сборник. Аш., 1974.
290. Туркменистан аял-гызларынын. III гурултайы. Аш., 1961.
291. Узбекистан за 15 лет. Статистический сборник. Таш., 1939.
292. Установление Советской власти на местах. 1917—1918 гг. М., 1953.
293. Формы и методы работы среди женщин в Средней Азии (Из материалов 2-го краевого совещания работников среди женщин Средней Азии, проходившего при Ср.-Аз. бюро ЦК РКП(б) 28—29 октября 1925 г.). Таш., 1925.
294. Хидая. Комментарии мусульманского права. Под ред. Гроденова. Т. 1—4. Таш., 1893.
295. Частное совещание женщин — членов ЦИК СССР и ВЦИК. М., 1929.
296. Чачваны горят. М.—Таш., 1931.
297. Шариатные статьи с переводом на русский язык о правовых отношениях мусульманского населения Туркестанского края, извлеченные из коренного, действующего арабского изложения. Таш., 1910.
298. ПА ИПП при ЦК КП Кирг.
299. ПА ИПП при ЦК КПТ.
300. ПА ИПП при ЦК КП Уз.
301. ЦГА КССР.
302. ЦГА ТССР.
303. ЦГАОР СССР.
304. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.
305. ЦГАОР УзССР.

306. Абакумова В. Октябрьская революция и раскрепощение женщин. Л., 1958.
307. Абдуллаев Ш. Ш. Из истории развития культуры народов Узбекистана (1921—1932). — Ученые записки Ташгосединститута им. Низами. Таш., 1960.
308. Абдуллаев Ш. Ш. От неравенства к расцвету. Таш., 1964.
309. Абрамова А. А. Охрана трудовых прав женщин в СССР. М., 1954.
310. Абрамов С. Н. и Граве К. А. Новое законодательство о браке и семье. М., Юриздат, 1947.
311. Абрамович и Щербин Е. Охрана здоровья и права женщин в СССР. М., 1947.
312. Абабакирова Ш. Борьба большевиков Казахстана за вовлечение женщин-казашек в колхозное строительство. М., 1950.
313. Агаев А. Женщины по исламу и в исламе. Тифлис, 1901.
314. Адамис А. Восточный акын. Стихи. М., 1949.
315. Адольф В. Семья и брак в прошлом и настоящем. М., 1927.
316. Айни С. Рабы. Роман. М., 1956.
317. Александров И. В., Погодина Н. П. Права женщин по советским законам. Аш., 1941.
318. Алескеров Ю. Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Таш., 1959.
319. Алиев Г. Успехи развития экономики и культуры Таджикской ССР к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.
320. Алматинская-Зеленина. Из мглы тысячелетий (Исторический очерк быта женщины Востока). Таш., 1927.
321. Алтмышбаев А. Некоторые пережитки прошлого в сознании людей в Средней Азии и роль социалистической культуры в борьбе с ними. Фрунзе, 1958.
322. Аман Мульк Р. Кули. Роман. 1941.
323. Аминова Р. Х. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Таш., 1975.
324. Апышева А. Женщины Киргизии — активные строители коммунизма. Фрунзе. 1961.
325. Арманд И. Очередные задачи по работе среди женщин. Доклад на Всероссийском совещании организаторов отделов по работе среди женщин 28 марта 1920 г. М., 1920.
326. Артыков А. К. Промышленность Туркменской ССР за 25 лет. Аш., 1950.
327. Артюхина А. В. В наступление. М., 1929.
328. Артюхина А. В. Итоги Всесоюзного съезда работниц и крестьянок — членов Советов. М., 1927.
329. Артюхина А. В. Крестьянка за коллективизацию. М., 1930.
330. Артюхина А. В. Очередные задачи партии по работе среди работниц и крестьянок. Доклад на I Всесоюзном съезде колхозниц 28 декабря 1929 г. М., 1930.
331. Артюхина А. В. Очередные задачи партии по работе среди женщин. М., 1928.
332. Арыкова Н. Раскрепощение трудящихся женщин. А.-А., 1930.
333. Базанова Н. У. Дорогами жизни. А.-А., 1960.
334. Байбулатов Б. О преодолении пережитков прошлого в сознании людей. Фрунзе, 1956.
335. Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов.
336. Бартольд В. В. К копросу о полумесяце, как символе ислама. Петроград; 1918.
337. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
338. Барышников В. Правовое положение женщин в СССР и капиталистическом обществе. М., 1940.
339. Бебель Август. Женщина и социализм. М., 1959.
340. Бебель Август. Положение женщины в настоящем и будущем. М., 1918.
341. Безобразов Б. О современном положении женщины. М., 1896.

342. Бейсенова М. Что дала Советская власть женщине-казашке? А.-А., 1957.
343. Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. М., 1960
344. Бикженова М. Семья в колхозах Узбекистана. Таш., 1955.
345. Биккулова З. Н. Борьба партийной организации Каракалпакии за раскрепощение женщин и вовлечение их в социалистическое строительство. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Таш., 1963.
346. Бильшай В. Решение женского вопроса в СССР. М., 1956, 1961.
347. Бильшай В. Раскрепощение женщин советского Востока и переход ранее отсталых народов СССР к социализму. — «Вопросы истории КПСС». 1964. № 10.
348. Богомолова К. А. Из истории борьбы за раскрепощение женщин Таджикистана (по материалам соседних районов Таджикской ССР). — Доклады АН ТаджССР. Вып. 9. Душ., 1953.
349. Бочкарева Е. И. и Любимова С. Светлый путь. М., 1967.
350. Боярская З. Международное женское рабочее движение. М., 1926.
351. Боярская З. Рабыни капитализма. М., 1931.
352. Брайнин М. С., Смирнов Е. Н. Расследование преступлений, связанных с пережитками местных обычаев. М., 1962.
353. Буткевич А. Работница и крестьянка в Советах. М., 1927.
354. Вагабов М. В. Ислам и женщина. М., 1968.
355. Вамбери. Очерки и картины восточных нравов. СПб., 1877.
356. Васильева Г. П., Кисляков Н. А. Вопросы семьи и быта у народов Средней Азии и Казахстана в период строительства социализма и коммунизма. М., 1962.
357. Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. Таш., 1961.
358. В едином строю. Сборник. М., 1960.
359. Веймарн В. В. Искусство Средней Азии. М.—Л., 1940.
360. Волина Е. Бытовое обслуживание колхозниц. Таш., 1932.
361. Воробьева О. Б., Синельникова И. М. Дочери Маркса. М., 1964.
362. Всегда с Вами. Сборник, посвященный 50-летию журнала «Работница». М., 1964.
363. Гагарина З. Н. Женщины в борьбе за мир и демократию. М., 1949.
364. Гагарина З. Н. Политическое и экономическое положение женщин в капиталистических странах. М., 1951.
365. Гафарова М. К. Духовный облик женщины Советского Востока. Душ., 1969.
366. Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1955.
367. Гафуров Б. Г. Освобожденная женщина Таджикистана. — Цифры и факты великих побед. Душ., 1940.
368. Гафуров Б. Г. Речь на XIX съезде ВКП(б). — «Правда», 9.IX.1952.
369. Гиззатулин И. Г. Защищая завоевания Октября. Центральная мусульманская военная коллегия. 1918—1920. М., 1979.
370. Гинзбург В. В. Горные таджики. М., 1935.
371. Гиршбей Н. Снопы молчания. М., 1930.
372. Гойхбарг А. Г. Новое семейное право. М., 1918.
373. Горький А. М. Собрание сочинений. М., т. 24, 27, 29, 30, 36.
374. Джамбул. Избранное. М., 1949.
375. Женщина Узбекистана в социалистическом строительстве. Таш., 1955.
376. Женщины в революции. Сборник. М., 1959.
377. Житов К., Непомнин В. Я. От колониального рабства к социализму. Таш., 1960.
378. Жогин Н. В. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, составляющими пережитки феодально-байского быта. Душ., 1957.
379. За пять лет. Сборник по вопросам работы Коммунистической партии среди женщин Средней Азии. М., 1925.
380. Зарипова Н. Женщины солнечного Таджикистана. Душ., 1957.
381. Зуева Е. Женщина в Советской России. М., 1925.
382. Ибаррури Долорес. К советским женщинам. Свердловск, 1941.

383. Иванов В. Г. Брак и семья. Р-н/Д. 1939.
384. Измайлов А. Э. Просвещение в республиках Советского Востока. М., 1973.
385. Иноятов Т. Т. Суды Советского Узбекистана в борьбе с феодально-байскими пережитками. — Труды САГУ. Новая сер. Вып. 124 (юр. науки). Кн. 4. Таш., 1958.
386. Иноятов Х. Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. М., 1958.
387. Иодковский А. и Роднянский А. Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1931.
388. Иомудская-Бурунова Д. Г. Женщина старой Туркмении. М.—Таш., 1931.
389. Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. Душ., 1963.
391. Иркаев М., Николаев Ю., Шарапов Я. Очерк истории Советского Таджикистана (1917—1957 гг.). Душ., 1957.
392. Исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии. М., 1968.
393. История таджикского народа. Т. 2, кн. 2; т. 3, кн. 1.
394. История Узбекской ССР. Т. III, IV. Таш., 1967, 1968.
395. Калинин М. И. Избранные произведения. Т. I. М., 1959.
396. Калинин М. И. О колхозном строе и колхозницах. Курск, 1945.
397. Калинин М. И. О международном и внутреннем положении — Стенографический отчет I Всесоюзного съезда работниц и крестьянок — членов Советов.
398. Калинин М. И. Речь на I съезде КП(б) Туркменистана. — «Туркменская искра», 15.II.1925.
399. Карасева Л. Женщина в колхозах — большая сила. М., 1949.
400. Карасева Л. Е. Советские женщины в борьбе за построение коммунизма. М., 1954.
401. Каратьян Р. П. За искоренение родовых пережитков. М., 1937.
402. Каррыева Р. Против вредных пережитков прошлого. Аш., 1973.
403. Каспарова В. Р. Женское движение на Востоке. 1932.
404. Каспарова В. Р. Раскрепощение женщины Востока. М., 1925.
405. Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978.
406. Кирсанова К. Полное равноправие женщин в СССР. М., 1936.
407. Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков. М., 1959.
408. Климович Л. Долой паранджу. М., 1940.
409. Климович Л. И. Ислам. Изд. 2-е, доп. М., 1965.
410. Климович Л. И. Ислам и женщина. М., 1958.
411. Ковалевский Е. П. Странствователь по суше и морям. СПб., 1871.
412. Колбановский В. Любовь, брак и семья в социалистическом обществе. М., 1948.
413. Коллонтай А. М. Воспоминания об Ильиче. М., 1959.
414. Коллонтай А. М. Общество и материнство. М., 1921.
415. Коллонтай А. М. Работница и крестьянка в Советской России. М., 1921.
416. Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.
417. Колобова О. Советская женщина — активный строитель коммунистического общества. Л., 1935.
418. Конторович Я. А. Законы о браке и разводе.. СПб., 1899.
419. Копелянская С. Семья и брак по советским законам. М.—Л., 1930.
420. Крупская Н. К. Женщина в стране социализма. М., 1938.
421. Крупская Н. К. Женщина-работница. М., 1926.
422. Крупская Н. К. Женщина Страны Советов — равноправный гражданин. М., 1938.
423. Крупская Н. К. Заветы Ленина о раскрепощении женщины. М., 1938.
424. Крупская Н. К. Общественное воспитание работницы. М., 1925.
425. Крупская Н. К. Педагогические сочинения Т. VI.
426. Кулиев К. М. Борьба компартии за упрочение Советской власти и осуществление национальной политики в Средней Азии (1917—1925 гг.). Аш., 1956.

427. Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М., 1967.
428. Кунакова Л. З. Земельно-водная реформа в Узбекистане (1925—1928 гг.). Фрунзе, 1967.
429. Ланге Елена. Женский вопрос в его современной постановке. СПб., 1909.
430. Леворский З. Женщины и Советы Средней Азии. М.—Таш., 1931.
431. Лидин В. Восхождение (Трудовой путь советской женщины). М., 1951.
432. Ломакин А. Обычное право туркмен (адат). Ашхабад, 1898—1900.
433. Лукьянова А. Личная жизнь. М., 1939.
434. Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Петроград, 1916.
435. Любимова С. Битва со старым. — «Советская женщина». 1957, № 8.
436. Любимова С. В первые годы. М., 1958.
437. Любимова С. Дневник женотделки. Таш., 1926.
438. Любимова С. Как живут и работают женщины Средней Азии. Таш., 1925.
439. Любимова С. 50-летие Международного женского дня. М., 1960.
440. Любимова С. Т. Октябрьская революция и положение женщин в СССР. М., 1967.
441. Любимова С. Т. Работа партии среди трудениц Востока. М.—Л., 1928.
442. Любимова С. Т. Сдвиги. Таш., 1925.
443. Любимова С. Т. Теория и практика работы партии среди женщин. Таш., 1925.
444. Меженина Е. Агитпоезд «Красный Восток». Таш., 1962.
445. Миль Джон Стюирт. О подчинении женщины. СПб., 1896.
446. Мижуев П. Г. Женский вопрос и женское движение. СПб., 1906.
447. Мирзо Турсун-Заде. Стихи и поэмы. М., 1957.
448. Милий Достоевский. Старина и быт Средней Азии. М., 1917.
449. Михайлов М. А. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе. СПб., 1903.
450. Михайлов Ф. Религиозные воззрения туркмен. Асхабад, 1900—1910.
451. Москалев В. И. Узбечка. М., 1928.
452. Мухитдинова Э. Революционная законность и бытовые преступления на Востоке. М., 1929.
453. Набиева Р. Женщины Таджикистана в борьбе за социализм. Душ., 1973.
454. Набиева Р. Роль женщины Таджикистана в борьбе за завершение строительства социализма (1933—1937 гг.). Канд. дис. Душ., 1964.
455. Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
456. Намитков А. Ч. Пережитки родового быта и советский закон. М., 1929.
457. Насриддинова Я. Женщины Узбекистана. Таш., 1964.
458. Национальный аспект решения женского вопроса в СССР. Сборник статей. Таш., 1978.
459. Наши современницы. М., 1960.
460. Низами. Семь красавиц. М., 1959.
461. Ниязи Хамза Хаким-заде. К узбекской женщине. Избранное. М., 1954.
462. Николаева К. И. Женщина в боях за коммунизм. М., 1941.
463. Николаева К. И. Ленин и раскрепощение трудящейся женщины. М., 1925.
464. Николаева К. И. РКП и работа трудящихся женщин. Л., 1925.
465. Николаева, Карасева. Женщины в боях за коммунизм. М., 1940.
466. Никольский В. К. Семья и брак в прошлом и настоящем. М., 1936.
467. Новикова Э. Е. Международный женский день — 8 марта. М., 1974.
468. Нуриева В. С. Коммунисты Самаркандской области в борьбе за раскрепощение женщин (1925—1927 гг.). — Труды СамГу. Вып. 215. Самарканд, 1971.
469. Нуритов А. Н. Политотделы МТС Узбекистана в борьбе за вовлечение женщин в колхозное производство (1933—1934 гг.). Таш., 1962.

470. Нухрат А. Октябрь и женщина Востока. М., 1932.
471. Нухрат А., Артюхина А., Иванова Л. Юрты кочевников. М., 1929.
472. Нюрина Ф. Параджа. М.—Л., 1928.
473. Овсянникова М. Женщины в борьбе за народное счастье. М., 1954.
474. Овсянникова М. Факты и цифры о положении женщин в СССР и зарубежных странах. М., 1954.
475. Орджоникидзе С. Избранные статьи и речи 1918—1937 гг. М., 1945.
476. Остроумова Н. П. Коран и прогресс. Таш., 1901.
477. Остроумова Н. П. Современное правовое положение мусульманской женщины. Казань, 1911.
478. Пальванова Б. П. Аяллар ве Ислам. Аш., 1965.
479. Пальванова Б. П. Борьба КПСС за вовлечение женщин Средней Азии в строительство социализма. Таш., 1961.
480. Пальванова Б. П. Дочери Советского Востока. М., 1961.
481. Пальванова Б. П. Женщина и религия. — Сборник о научном атеизме и атеистическом воспитании. М., 1969.
482. Пальванова Б. П. Изменение положения женщин Средней Азии и Казахстана в условиях социализма. М., 1972.
483. Пальванова Б. П. Изменение положения женщин Средней Азии и Казахстана в условиях социально-экономического прогресса. Женева. ООН. 1963 (на английском, французском, испанском и русском языках).
484. Пальванова Б. П. Коммунистическая партия в борьбе за вовлечение женщин Советского Востока в строительство социализма. М., 1952.
485. Пальванова Б. П. Культура солнечной Туркмении. — Развитие социалистической культуры в союзных республиках. М., 1962.
486. Пальванова Б. П. Коммунизм ишеннир гуружылар. Аш., 1960.
487. Пальванова Б. П. Об атеистической работе среди женщин. — Вопросы научного атеизма. М., 1966.
488. Пальванова Б. П. Октябрь и женщины Туркменистана. Аш., 1967.
489. Пальванова Б. П. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и раскрепощение женщин. Аш., 1957.
490. Пальванова Б. П. Претворение в жизнь заветов Ленина о раскрепощении женщин Советского Востока. — Сборник Ленин и Туркменистан. Аш., 1969.
491. Пальванова Б. П. Раскрепощение женщины. — От средневековья к вершинам современного прогресса. М., 1965.
492. Пальванова Б. П. Роль женщин в развитии сельских районов. Париж. ЮНЕСКО. 1980 (на французском и русском языках).
493. Пальванова Б. П. Туркменистан аялларынын багтлы дурмушы. Аш., 1975.
494. Пальванова Б. П. Эмансипация женщин Средней Азии и ее роль в социальном прогрессе. — Доклад на XXIX Международном конгрессе востоковедов. Париж, 1973.
495. Пахомова Е. Из записной книжки женщины-врача. — Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII, 1902.
496. Перимова Т. Об итогах и перспективах работы по фактическому раскрепощению женщины в Туркмении (Тезисы к докладу на III съезде КП(б)Т). Аш., 1937.
496а. Перимова Т. П., Белова Л. Я. 10 лет на фронте борьбы за раскрепощение женщин. Аш., 1929.
497. Песин Я. Е. Развитие семейно-правовых гарантий прав женщины в Узбекистане. Таш., 1971.
498. Пик Вильгельм. Клара Цеткин. Жизнь и борьба. М., 1957.
499. Попова Н. В. Женщины в борьбе за мир. М., 1951.
500. Попова Н. В. Женщины мира и современность. М., 1966.
501. Попова Н. В. Женщины страны социализма. М., 1948.
502. Пробужденные Великим Октябрем. Сборник очерков и воспоминаний. Таш., 1961.
503. Раевич С. И. Брачное и семейное право. М.—Л., 1927.

504. Рахимбабаева З. Женщины Узбекистана на пути к коммунизму. Таш., 1949.
505. Рачинская Е. Клуб и его место в работе среди женщин. Таш., 1926.
505а. Рашидов Ш. Р. Марксизм — знамя освобождения и прогресса народов. М., 1972.
506. Рескоў Г., Седов Г. Усман Юсупов. М., 1976.
507. Роль женщины в современном обществе. Материалы обмена мнениями, проводившегося в редакции журнала «Проблемы мира и социализма» в 1962 г. Прага, 1963.
508. Ростовский И. А. О браке, семье и опеке. М., 1935.
509. Ростовский И. А. Советский закон о браке и семье. М., 1926.
510. Руднев В. А. Советские обычаи и обряды. Л., 1974.
511. Рудницкая Д. М. Женщины Советского Узбекистана. Таш., 1939.
512. Румянцева М., Пергамент А., Громова Г. Справочник женщины-работницы. Права женщины по советскому законодательству. М., 1963.
513. Русинов З. В. Водоземельные отношения и община у туркмен. — Бюллетень ЦСУ Туркменской ССР, № 15, июль, № 7, 1929.
514. Рясенцев В. А. Семейное право. М., 1948.
515. Садыкова В. Свободная женщина Советского Узбекистана. Таш., 1950.
516. Саидбаев Т. С. Ислам и общество. М., 1978.
517. Самойлова К. Н. Организационные задачи отделов работниц. М., 1920.
518. Самойлова К. Н. Что дала работницам Советская власть? Екатеринбург, 1921.
519. Сарыев Б. Опасные последствия пережитков. Аш., 1967.
520. Сарыев Б. Ответственность за преступления, составляющие пережитки местных обычаев. М., 1970.
521. Свердлов Г. М. Брак и развод. М.—Л., 1949.
522. Свердлов Г. М. Брак и семья в Советском государстве. М., 1946.
523. Свердлов Г. М. Материнство, брак и семья в новом законе. М., 1944.
524. Свердлов Г. М. Советское законодательство о браке и семье. М.—Л., 1949.
525. Светлов В. Брак и семья при капитализме и социализме. М., 1939.
526. Сейфи З. В борьбе за свое раскрепощение. М., 1926.
527. Сейфи З. Женские кустарные промысла на Советском Востоке. М., 1926.
528. Сидоров Д. И. Из ребра ли Адамова? М., 1958.
529. Скворцов-Степанов И. И. Мысли о религии. М., 1954.
530. Славные большевички. М., 1958.
531. Смидович С. ВКП(б) и крестьянка. М., 1927.
532. Смидович С. Для чего нужна смычка работниц и крестьянок? М.—Л., 1927.
533. Смирнова В. Н. Женщины Татарии в борьбе за власть Советов. Казань, 1963.
534. Смирнова Н. А. Чадра. М., 1929.
535. Смирнова Р. М. Положение женщин в странах Африки. М., 1967.
536. Соколов В. Женское право РСФСР. М., 1923.
537. Соловьев Н. Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. СПб., 1870.
538. Соловьев Н. Семья в советском обществе. М., 1962.
539. Сталь Л. Печать и женское коммунистическое движение. М., 1927.
540. Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1960.
541. Суглобов Г. А. Венчается раба божия. М., 1959.
542. Сулейманова Х. С. Узбекистон хотинкизлары — коммунистик курилишнинг актив катнашчилари. Таш., 1955.
543. Сулейманова Х., Мельникова Т., Ершова Е., Таджиева Д. Женщины Узбекистана в социалистическом строительстве. Таш., 1955.
544. Суходеров В. Н. Советский суд на охране прав женщин, детей, семьи. М., 1951.
545. Тагандурдыева О. Аннажемал Хидир гызы. Поэма. Аш., 1975.
546. Татаринова Н. И. Строительство коммунизма и труд женщин. М., 1964.
547. Татыбекова Ж. Женщины Советской Киргизии в борьбе за социализм и коммунизм. Фрунзе, 1967.

548. Татыбекова Ж. Раскрепощение женщины-киргизки Великой Октябрьской социалистической революцией. Фрунзе, 1963.
549. Тилля С. Среди самых первых. Таш., 1963.
550. Тинеева К. Женщина в революционном движении Востока. М., 1929.
551. Тищенко В. В. Правовое положение женщины в Бухарском эмирате. — Ученые записки ТГУ. Т. XI. Труды Юр. факультета. Вып. 4. Душ., 1956.
552. Толкунова В. Н. Право женщин на труд и его гарантии. М., 1967.
553. Толмачева Л. В. Работа партии среди женщин в многонациональном государстве на примере УзССР. — Труды Московского института легкой промышленности. Вып. 37. М., 1971.
554. Томский И. Е. Социально-экономические проблемы женского труда (на материалах Якутской АССР). Новосибирск, 1979.
555. Тюрин К. Д. Формирование семьи в Узбекистане. Таш., 1962.
556. Убайдуллаева Р. Использование женского труда в сельском хозяйстве УзССР. — «Общественные науки в Узбекистане». 1966, № 10.
557. Участницы великого созидания. М., 1962.
558. Фадеев А. Гордость узбекского народа. — «Дружба народов». 1957, № 1.
559. Фонвизин С. Записки свободной женщины. СПб., 1914.
560. Фотеев И. Женский труд в сельском хозяйстве среднеазиатских республик. Таш., 1962.
561. Фучик Юлиус. Избранные очерки и статьи. М., 1950.
562. Фучик Ю. О Средней Азии. Таш., 1960.
563. Хакимова С. Х., Левина Г. Е. Модар ва Кудак. Сталинабад, 1960.
564. Халикова С. А. Женщины Советского Таджикистана. Душ., 1945.
565. Хансуварова М. Участие женщин Таджикистана в борьбе за выполнение первой пятилетки (1928—1933 гг.). — «Ученые записки». Сталинабад, 1955.
566. Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи. СПб., 1905.
567. Цеткин К. Женский вопрос. М., 1925.
568. Цеткин К. Женщина и ее экономическое положение. М., 1925.
569. Цеткин К. Заветы Ленина женщинам всего мира. М., 1958.
570. Цеткин К. Из записной книжки. Воспоминания о Ленине. М., 1955.
571. Цеткин К. Ленин и освобождение женщины. М., 1925.
572. Цеткин К. Международный женский коммунистический день. М., 1925.
573. Цеткин К. Социализм придет к победе только вместе с женщиной-пролетаркой. М., 1960.
574. Чернышева А. Что дала женщине Востока Октябрьская революция? Таш., 1926.
575. Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917—1937 гг.). М., 1978.
576. Шайдуллина Л. И. Арабская женщина и современность. М., 1978.
577. Шарапова М. Борьба Коммунистической партии Узбекистана с феодально-байскими пережитками в процессе вовлечения женщин в социалистическое строительство. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1955.
578. Шермухамедов С. Расцвет и сближение национальных культур народов СССР. М., 1974.
579. Шукурова Х. Женщина советского Узбекистана. Таш., 1963.
580. Шукурова Х. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за раскрепощение женщины (1924—1925 гг.) Таш., 1961.
581. Шукурова Х. С. Социализм и женщина Узбекистана. Таш., 1970.
582. Шургучинова В. Под солнцем Октября (О женщинах Советской Калмыкии). Элиста, 1962.
583. Эсенова Т. Легенда о Ленине и о дочери чабана. Аш., 1959.
584. Ядов В. Тайна лжи. Заметки о теории и методах буржуазной пропаганды. М., 1963.
585. Якубов Г. Положение женщины-таджички до Великой Октябрьской социалистической революции. — Ученые записки Душанбинского госпединститута им. Т. Г. Шевченко. Т. 58. Душ., 1968.
586. Якубова Х. Женщины Советского Узбекистана. Таш., 1947.

587. Ярославский Е. Ленин и раскрепощение работницы. 1924—1925 гг. М., 1925.
588. «Административный вестник».
589. «Аяллар сеси». Аш.
590. «Батрацкая правда». Фрунзе.
591. «Большевик».
592. «Большевик». Аш.
593. «Бюллетень отдела работниц и дехканок Средазбюро ЦК ВКП(б)». Таш.
594. «Бюллетень финансово-хозяйственного законодательства и ведомость».
595. «Бюллетень ЦСУ Туркменской ССР». Аш.
596. «Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР». Таш., 1956.
597. «Вестник Верховного суда СССР».
598. «Дружба народов».
599. «Еженедельник советской юстиции».
600. «Женщины мира».
601. «Жизнь национальностей».
602. «Забони Точикистон». Душ.
603. «Известия».
604. «Известия». Таш.
605. «Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук». А.-А.
606. «Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук». Фрунзе.
607. «Известия АН Таджикской ССР. Серия общественных наук». Душ.
608. «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук». Аш.
609. «Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук». Таш.
610. «Известия НКТ СССР». 1926—1929.
611. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».
612. «Известия ЦК ВКП(б)».
613. «Известия ЦК КПТ и ЦИК Туркестана». Таш.
614. «Ишчи колхозчи аяллар». Аш.
615. «Ишчи дайхан аяллар». Аш.
616. «Кыргызыстан аялдары». Фрунзе.
617. «Казахстан айялдери». А.-А.
618. «Казахстанская правда». А.-А.
619. «Кзыл Узбекистан». Таш.
620. «Колхозчи аяллар». Аш.
621. «Коммунист». М.
622. «Коммунист». Фрунзе.
623. «Коммунистка».
624. «Коммунист Таджикистана». Сталинабад.
625. «Коммунист Туркменистана». Аш.
626. «Комсомолец Таджикистана». Душ.
627. «Комсомолец Туркменистана». Аш.
628. «Комсомолец Узбекистана». Таш.
629. «Крестьянка».
630. «Курьер ЮНЕСКО».
631. «Крестьянский путь». Оренбург.
632. «Медениет Ынклаб». Аш.
633. «Мир труда». СПб.
634. «Молодой большевик».
635. «Народное хозяйство Средней Азии». Таш.
636. «Новое время».
637. «Партработник». Таш.
638. «Пограничник».
639. «Под знаменем марксизма».
640. «Правда».
641. «Правда». Верный.
642. «Правда Востока». Таш.
643. «Правда Южного Казахстана». Верный.
644. «Проблема социалистического права».
645. «Работница».

646. «Рабочий суд».
647. «Советское государство и право».
648. «Советское право».
649. «Советская женщина».
650. «Советская Киргизия». Фрунзе.
651. «Советская степь». Оренбург.
652. «Советская юстиция».
653. «Совет Туркменистаны». Аш.
654. «Совет Туркменистанынын аяллары». Аш.
655. «Совет Эдебияты». Аш.
656. «Советские финансы».
657. «Советский Союз».
658. «Советский Таджикистан». Душ.
659. «Советтик Кыргызыстан». Фрунзе.
660. «Социалистическая законность».
661. «Труд».
662. «Таджикский коммунист».
663. «Туркменистан». Аш.
664. «Туркменистан Коммунисти». Аш.
665. «Туркменистан медениети». Аш.
666. «Туркменистан Шура эдебият». Аш.
667. «Туркменская искра». Аш.
668. «Туркестанская правда».
669. «Узбекистон коммунисти». Таш.
670. «Узбекистон хотин кизлары». Таш.
671. «Шуралар Туркменистаны». Аш.
672. «Яш коммунист». Аш.
673. «Яш Ленинчи». Таш.
674. «Янги-Юль». Таш.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Начало 12
Первые мероприятия по эмансипации мусульманки 25
Первые декреты Туркестана 25
I съезд работниц Туркестана 37
Женотделы 46
Верные интернациональному долгу 46
Первые отважные 61
Героические будни 74
Женские клубы 101
Накануне решающих сражений 122
Последовательная позиция 122
Новые законы 149
Худжум — решительное наступление по всему фронту 163
За экономическую независимость 202
Широкое внедрение женского труда в промышленное производство 202
Земельно-водная реформа и конец Никях-Су . 222
Женщина в колхозном строительстве 231
Участие женщины Средней Азии в общественной жизни и культурном строительстве 252
Заключение 279
Использованные источники и литература . 287

Биби Пальвановна Пальванова

ЭМАНСИПАЦИЯ МУСУЛЬМАНКИ

Опыт раскрепощения женщины
советского Востока

Редактор *Т. К. Гарушянц.* Младший редактор *Н. Н. Комарова.* Художник *А. Г. Кобрин.* Художественный редактор *Э. Л. Эрман.* Технический редактор *М. В. Погоскина.* Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 14377

Сдано в набор 30.12.81. Подписано к печати 05.08.82. А-11273. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 19 Усл.-кр. отт. 19. Уч.-изд. л. 22,48. Тираж 5000 экз. Изд. № 5115. Тип. зак. 222. Цена 2 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1.
1-я типография Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18

Б. П. Пальванова

ЭМАНСИПАЦИЯ МУСУЛЬМАНКИ